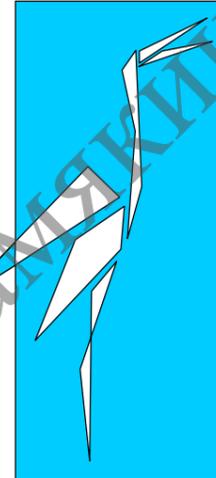

Індэкс: для індывідуальных падпісчыкаў – 00829
для арганізацый – 008292

ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
універсітэта
імя І. П. Шамякіна

ISBN 978-985-477-261-5

9 789854 772615

2009 **2**⁽²³⁾

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В. В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н. І. М. Кралевіч,
адказны сакратар, к. ф.-м. н. Э. Я. Грачаннікаў,
д. пед. н. В. І. Анісімаў, д. экан. н. А. В. Бондар, д. ф.-м. н. В. І. Громак,
д. філал. н. У. І. Коваль, д. т. н. Д. Р. Лін, д. экан. н. С. У. Лукін, д. гіст. н. В. М. Ляўко,
д. ф.-м. н. Ю. У. Малінкоўскі, д. біял. н. В. І. Парфёнаў, д. псіхал. н. Л. А. Пергаменшчык,
д. пед. н. В. Ф. Русецкі, д. псіхал. н. Т. М. Савельева, д. т. н. У. С. Савенка,
д. ф.-м. н. В. Р. Собаль, д. т. н. В. В. Смірноў, д. т. н. В. Я. Старжынскі,
д. гіст. н. В. А. Фядосік, д. біял. н. Л. С. Цвірко, д. ф.-м. н. В. В. Шапялёвіч,
д. ф.-м. н. В. Р. Шапялёвіч, д. філал. н. В. В. Шур, д. ф.-м. н. Г. У. Кулак

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1508 ад 25.05.2007 г.

Адрас рэдакцыі:
247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Падпісана ў друк 19.06.2009. Фармат 60x90 1/8. Папера Хероx.
Гарнітура Times New Roman Суг. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,75.
Тыраж 120 экз. Заказ № 64.

Карэктары: А. У. Сузько, Т. М. Ліпская, М. А. Карлава, Л. М. Бажэнка, В. А. Дубадзел,
Т. М. Панамарэнка, Т. У. Баскава, Н. Г. Навіцкая, Ю. П. Душко
Камп'ютэрная вёрстка А. Л. Шчака
Тэхнічны рэдактар А. В. Ліс

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
Установы адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»
ЛІ № 02330/0549479 ад 14 мая 2009 г.
247760, г. Мазыр, Гомельская вобл., вул. Студэнцкая, 28, к. 114
Тэл.: +375(2351) 2-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца 4 разы на год

№ 2(23)

2009

З М Е С Т

БІЯЛОГІЯ

- Булко Н. И., Шабалева М. А., Козлов А. К.* Особенности поведения ¹³⁷Cs в сосновых насаждениях разных типов леса на территории Западного следа аварии на ЧАЭС 3
- Голубев А. П., Сикорский В. Г., Калинин В. Н., Раздорских А. В.* Современное состояние радиоактивного загрязнения экосистем водоемов белорусского сектора зоны ЧАЭС 15
- Мотузко Н. С., Маковский Е. Г.* Факторы неспецифической защиты и особенности белкового обмена у жеребят первых трех месяцев жизни 20

ГІСТОРЫЯ

- Воробьев А. А.* Выборы в Учредительное собрание на территории Мстиславского и Климовичского уездов Могилевской губернии 25
- Воробьев А. А.* Историография выборов в Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний 30
- Головач Е. И.* Социальные проблемы на территории Беларуси в начале XX века 35
- Корзун М. С., Сычев М. В.* Источники и историография о рабочей силе в хозяйстве архаического полиса 40
- Литвинов П. А.* Польское население Мозыщины в 20-е гг. XX века: этническая характеристика 46
- Мигун Д. А.* Германо-белорусские экономические контакты в межвоенный период 52
- Савченко Н. М.* Политический кризис Итальянской республики в первой половине 1990-х годов: проблемы историографии 58
- Смирнова Е. Д.* Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика 63

ПЕДАГОГІКА І ПСІХАЛОГІЯ

- Болбас В. С.* Педагогическая мысль в средневековой Беларуси о роли учителя в нравственном воспитании личности 71
- Горовой В. А.* Сущностные характеристики физической рекреации 75
- Гуцко И. Н.* Инновации в высшем образовании: возникновение и перспективы развития 81
- Дыгун М. А., Цалко Л. В.* Эмоциональное развитие и самореализация человека 86

<i>Зборовская Т. Ю.</i> Функционально-интегрированная модель преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования	92
<i>Качалко А. В.</i> Научное обоснование модели формирования психологической готовности к профессиональной деятельности	97
<i>Кошман М. Г.</i> Подходы и принципы становления проектной культуры у будущих специалистов в области физического воспитания и спорта	103
<i>Красовская Л. В.</i> Рефлексивная компетенция как ключевая в деятельности учителя трудового обучения	108
<i>Пучынская Т. М.</i> Самастойная праца вучняў над эпічным творам як сродак яго паглыбленага асэнсавання	113
<i>Щур С. Н., Астрейко Е. С.</i> Формирование у студентов педагогического университета готовности к здоровьесбережению	118

ФІЛАЛОГІЯ

<i>Булгакова А. А.</i> Семантические особенности топоса <i>Мир</i> в поэме С. Боброва «Херсониды, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом»	123
<i>Каропа И. Г.</i> Художественное осмысление войны как пограничной ситуации	130
<i>Клімуць Я. І., Часнакоў М. Р.</i> Адухатварэнне генія	136
<i>Лебедевская Т. В.</i> Характеристика языковой личности как способ раскрытия содержания художественного образа (на материале «Повестей Белкина» А. С. Пушкина)	141
<i>Лиденкова О. А.</i> Символическое выражение мотива границы в литературной балладе	147
<i>Мацюшэнка М. В.</i> Утварэнне і семантыка ад’ектыўных наватвораў у мове беларускай публіцыстыкі XXI ст.	153
<i>Сидорец В. С.</i> К проблеме содержания ключевых понятий функциональной грамматики	157
<i>Цеплякова А. Дз.</i> Англамоўныя запазычаны крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання)	162
<i>Яраш І. М.</i> Уласна намінацьўная функцыя індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў у сучаснай беларускай паэзіі	167

ПЕРСАНАЛІІ	171
-------------------------	-----

БІБЛІЯГРАФІЯ	175
---------------------------	-----

РЭЦЭНЗІЯ	176
-----------------------	-----

ХРОНІКА	182
----------------------	-----

АЎТАРЫ НУМАРА	187
----------------------------	-----

БІАЛОГІЯ

УДК 630*237:630*945.4:630*116

*Н. И. Булко, М. А. Шабалева, А. К. Козлов***ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ^{137}Cs
В СОСНОВЫХ НАСАЖДЕНИЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ ЛЕСА
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО СЛЕДА АВАРИИ НА ЧАЭС**

В статье анализируются особенности поведения ^{137}Cs в насаждениях сосновой формации на территории Западного следа чернобыльских выпадений южного Полесья Республики Беларусь.

Введение

За два десятилетия после аварии на ЧАЭС было установлено, что интенсивность включения чернобыльских радионуклидов в процессы, идущие в лесных экосистемах, зависит от огромного числа факторов [1], [2], [3]. В сформировавшихся к настоящему времени циклах биологического круговорота ^{137}Cs и ^{90}Sr в лесных биогеоценозах определяющими оказались изначальные характеристики и типы чернобыльских выпадений и почвенно-экологические характеристики регионов, подвергшихся загрязнению.

Особенности метеоусловий в момент аварии на ЧАЭС с 26.04 по 30.04 и 04–05.05.1986 г. условили максимум радиоактивного загрязнения территории Беларуси по сравнению с территорией Украины и России [4], [5]. Выпадения крупнодисперсных частиц определили границы «ближнего» Северного следа выпадений (нынешняя территория ПГРЭС). Мелкодисперсные частицы были отнесены воздушными течениями значительно дальше и образовали «дальний» Северный след радиоактивных выпадений на расстоянии свыше 30 км от ЧАЭС (север Гомельской, юг Могилевской областей). Западный след сформировался мелкодисперсными частицами в первые дни после аварии. Он характеризуется зонально-убывающим характером выпадений. Этот след вплотную примыкает к центральному пятну загрязнения вокруг ЧАЭС [4], [5], [6], [7].

Среди всех регионов Беларуси, загрязненных в результате аварии на ЧАЭС, особое место занимает южное Полесье, характеризующееся преобладанием дерново-подзолистых, легких по механическому составу песчаных и супесчаных почв (около 60% от общей площади) в сочетании с крупными массивами низинных торфяников [7], аномально высокими коэффициентами перехода радионуклидов в сельскохозяйственные и лесные растения и весьма высоким загрязнением компонентов биомассы растительности даже при низких уровнях поверхностного загрязнения ^{137}Cs [8].

Высокая интенсивность поступления ^{137}Cs в сельскохозяйственные и лесные угодья на территории южно-Полесского региона, находящегося в пределах Западного следа аварии на ЧАЭС, создает существенные проблемы для отраслей, связанных с выращиванием растениеводческой продукции. Возникают также трудности в принятии управленческих решений в области лесного хозяйства в связи с достаточно частым превышением контрольных уровней содержания ^{137}Cs в древесном сырье [9].

Поскольку среди лесных насаждений этого региона Полесья преобладают насаждения сосновой формации, целью данной работы было изучение особенностей поведения ^{137}Cs чернобыльского происхождения в подстильно-почвенном комплексе и особенностей поступления ^{137}Cs в основные компоненты фитомассы сосны в различных лесорастительных условиях на территории Западного следа.

Методы и объекты исследований. Проведение исследований осуществлялось в 2006–2008 гг. на территории Ельского лесхоза Гомельского ГПЛХО в соответствии со специальной методикой, разработанной совместно с ГУ «Беллесрад» Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь. Основные требования к подбору объектов, к проведению почвенного обследования, к отбору почвенных и растительных образцов, к измерениям и обработке результатов измерений соответствуют действующим в Беларуси нормативным документам [10], [11], [12], [13].

Координаты объектов фиксировались с помощью приемника дистанционного позиционирования в системе GPS.

Размеры пробных площадей (ПП) определялись в зависимости от количества деревьев на них, но их площадь была не менее 0,25 га. Методической особенностью выполнения работы был подбор объектов таким образом, чтобы процессы трансформации и накопления ^{137}Cs в древостоях сосновой формации изучались на почвах, различных как по водно-воздушным свойствам, так и по агрохимическим показателям.

Второй особенностью полевых исследований был отбор образцов подстильно-почвенного комплекса пробоотборниками разных конструкций и диаметров в зависимости от вида нижеуказанных определений поверхностного загрязнения почвы ^{137}Cs (плотности загрязнения почвы ^{137}Cs):

– пробоотборником стандартным $d = 40$ мм – на запас радионуклида в 20-сантиметровом слое подстильно-почвенного комплекса;

– пробоотборником стандартным $d = 50$ мм – на вертикальную миграцию ^{137}Cs по 1-сантиметровым слоям почвы до глубины 20 см;

– пробоотборником $d = 140$ мм – для определения содержания форм радионуклида в почве и на вертикальную миграцию по 5-сантиметровым слоям до глубины 50–55 см на торфяно-глеевых и торфяных почвах.

В двух последних случаях на месте отбора почвы предварительно отбиралась подстилка квадратом 20 x 20 см.

Третья особенность – на каждой пробной площади объектов исследований выбиралось по 3 модели I–II классов роста и развития по Крафту. Из них отбирались кора, древесина без коры (напиливанием опилок), древесина с корой деловая (напиливанием опилок), древесина дровяная (напиливанием опилок), хвоя однолетняя, однолетние побеги. Оценка интенсивности поступления ^{137}Cs в биомассу растений производилась по следующим показателям: удельная активность, Бк/кг; коэффициенты значимости поступления радионуклида: коэффициент перехода (КП), представляющий собой соотношение удельной активности ^{137}Cs в растительном образце к плотности загрязнения почвы или коэффициенту накопления (КН) – соотношению удельной активности в растительном образце к удельной активности ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе.

Исследования выполнялись на объектах, таксационная характеристика насаждений на которых приведена в таблице 1.

Таблица 1 – Таксационная характеристика насаждений на объектах исследований

Шифр* объекта	Координаты центра объекта	Состав	Тип леса	Ярус	ТЛУ	Бонитет	Полнота	Запас, м ³ /га	Возраст, лет	Ср. H _{мод.} , м	Ср. D _{мод.} , см
9/54 Сл	N-51 ⁰ 39,583/ E-28 ⁰ 47,554/	10С	мшистый	I	A ₂	II	0,8	220	65	19,0	24,3
9/8 Сл	N-51 ⁰ 40,601/ E-28 ⁰ 58,526/	3С(65) 7С(30)	лишайн.	I	A ₁	IV	0,2	70	60	14,8	22,0
				II		IV	0,1		30		
9/9 Сл	N-51 ⁰ 37,425/ E-28 ⁰ 54,958/	9С1Б едС(90)	черн.	I	B ₃	I	0,8	280	75	21,6	24,0
110/12 Коч	N-51 ⁰ 40,830/ E-28 ⁰ 58,818/	10С	пуш.-сфагн.	I	A ₅	V	0,8	100	60(70)	11,5	13,4
110/17 Коч	N-51 ⁰ 40,824/	10С	багульн.	I	A ₄₋₅	IV	0,8	210	70	15,6	20,3
	E-28 ⁰ 58,775/										

Примечание – * – цифра над дробью – номер квартала, под дробью – номер выдела; Сл – Словеченское лесничество, Коч. – Кочищанское лесничество.

Формула почв в исследуемых сосняках приведена в таблице 2.

Таблица 2 – Характеристика почв в исследуемых сосновых насаждениях

Тип леса	Эдафотоп	Почва
С. лш.	A ₁	Дерново-подзолистая, слабоподзоленная, развивающаяся на песке среднем, подстилаемом песком рыхлым с глубины 0,8 м
С. мш.	A ₂	Дерново-подзолистая, слабоглеевая, развивающаяся на песке среднем, подстилаемом песком рыхлым с глубины 0,8 м
С. чер.	B ₃	Торфянисто-глеевая, верховая, развивающаяся на песке рыхлом с глубины 30 см
С. пуш.-сф.	A ₅	Торфянисто-глеевая, верховая, на среднеразложившихся древесно-сфагновых торфах, подстилаемых песком рыхлым с глубины 15–55 см
С. баг.	A ₄₋₅	Торфянисто-глеевая, верховая, на среднеразложившихся древесно-сфагновых торфах, подстилаемых песком рыхлым с глубины 25–50 см

Из таблиц 1, 2 видно, что исследования выполнялись в сосновых древостоях IV класса возраста, произрастающих в различных условиях почвенного плодородия, имеющих разную влагообеспеченность и, как следствие, разную производительность.

Радиационная характеристика объектов приведена в таблице 3.

Таблица 3 – Радиационная характеристика объектов

Объект, тип леса	Мощность эквивалентной дозы γ -излучения, мкЗв/час			Средняя плотность загрязнения почвы ¹³⁷ Cs	
	на высоте 1 м	на поверхности почвы	различие между экв. дозой на высоте 1 м и на поверхности почвы, %	Ки/км ²	кБк/м ²
9/54 Сл, С. лш.	0,42	0,49	16,7	8,64	320,13
9/8 Сл, С. мш..	0,41	0,54	31,7	9,04	334,51
9/9 Сл, С. чер.	0,35	0,41	17,1	7,43	274,91
110/12 Коч, С. баг.	0,36	0,33	-8,3	6,96	257,07
110/17 Коч, С. пуш.-сф.	0,44	0,41	-6,8	7,90	294,22

Как следует из таблицы 3, мощность эквивалентной дозы излучения на поверхности минеральных по генезису почв на 17–31% (сосняки лишайниковый, мшистый, черничный) выше, чем на высоте 1 м от поверхности почвы. В то же время в насаждениях, произрастающих на верховых торфах, в силу высокой поглощающей способности сильно обводненной почвы эквивалентная доза γ -излучения на поверхности почвы ниже на 7–9%, чем на высоте 1 м от поверхности почвы. Средняя плотность загрязнения (уровень поверхностного загрязнения) почвы ¹³⁷Cs на всех участках 7–9 Ки/км².

Результаты исследования и их обсуждение

Оценка характера и роли отдельных факторов, в том числе и эдафических, в процессах биологического круговорота ¹³⁷Cs в лесных экосистемах неоднозначна. Тем более достаточно сложной выглядит ситуация для территорий Западного следа аварии на ЧАЭС, где исследований проводилось крайне мало. Как правило, интересы исследователей были сосредоточены либо в ближней зоне, либо на территории Северного следа аварии на ЧАЭС, где не составляло труда подобрать объекты с достаточно высоким уровнем поверхностного загрязнения. Лесам южной части Полесья Республики Беларусь, где, в основном, уровень поверхностного загрязнения почвы ¹³⁷Cs не превышал 15 Ки/км², особого внимания не уделялось, поэтому выявившиеся к концу второго десятилетия чернобыльской аварии проблемы интенсивного перехода радиоцезия в растительность, высокие уровни ее загрязнения в этом регионе были в определенной мере неожиданными.

Об особенностях поверхностного загрязнения почвы ^{137}Cs

Существенной проблемой выпадений чернобыльского радиоцезия на территории Западного следа аварии на ЧАЭС является их высокая дискретность, обуславливающая в каждом насаждении, даже на ПП площадью всего 0,25 га, наличие существенных различий в величине поверхностного загрязнения почвы в точках, отстоящих друг от друга порой на 5–10 м. Это хорошо видно из результатов оценки поверхностного загрязнения почв ^{137}Cs при ее отборе различными методами. Как видно из таблицы 4, в сосняках лишайниковых различия в плотности загрязнения почвы на участках площадью 0,25 га достигают 213%, в сосняках пушице-сфагновом и багульниковом – 200–225%.

Таблица 4 – Особенности поверхностного загрязнения почвы ^{137}Cs на объектах

Тип леса	Объект	Плотность загрязнения почвы ^{137}Cs (Ки/км ²) при отборе:		
		из 4 точек по углам ПП пробоотборником $d = 40$ мм на глубину 20 см	из 6 точек на глубину 20 см по 1-см слоям пробоотборником $d = 50$ мм	из каждой из 3 точек отдельно, по 5-см слоям на глубину 40(55) см пробоотборником $d = 140$ мм
С. лш.	9/8 Сл.	19,3	9,04	–
С. мш.	9/54 Сл.	7,8	9,48	–
С. чер.	9/9 Сл.	7,2	7,05	–
С. баг.	109/17 Коч.	7,6	–	8,29; 10,39; 5,31
С. пуш.-сф.	110/12 Коч.	8,0	–	4,12; 9,28; 6,97; 6,36

Столь же существенные различия по содержанию ^{137}Cs в слоях почвы на одном и том же участке выявляются и при изучении интенсивности вертикальной миграции радионуклидов, например, в сосняке пушицево-сфагновом. При этом размещение центра запаса радионуклида в мохово-торфяном почвенном образовании различается также существенно (таблица 5).

Таблица 5 – Интенсивность вертикальной миграции ^{137}Cs в почве в разных точках сосняка пушицево-сфагнового, %

Слой, см	Точки отбора почвы		
	1	2	3
0–5	26,9	32,9	4,6
5–10	24,6	22,6	5,3
10–15	8,5	11,1	6,3
15–20	7,5	11,8	3,1
20–25	9,2	7,3	17,0
25–30	4,6	4,0	16,4
30–35	4,3	3,0	15,5
35–40	3,7	2,0	16,5
40–45	6,1	1,7	9,0
45–50	3,0	1,4	4,1
50–55	1,8	2,3	2,2
Центр запаса в почве	13,23	12,66	14,30

Особенности вертикальной миграции ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе сосняков

Исследования, выполненные нами в насаждениях сосны различных типов леса с плотностью загрязнения почвы ^{137}Cs до 10 Ки/км², показали, что процессы вертикального перемещения ^{137}Cs в почвенном профиле идут достаточно интенсивно, о чем можно судить по характеру распределения ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе.

Особенности распределения запасов ^{137}Cs по вертикальному профилю подстильно-почвенного комплекса в исследуемых лишайниковом, мшистом, черничном, пушице-сфагновом и багульниковом сосняках представлены в таблицах 6 и 7, на рисунках 1 и 2.

Таблица 6 – Загрязнение слоев подстильно-почвенного комплекса ^{137}Cs в сосняках лишайниковом, мшистом и черничном

Объект	Тип леса	Показатели	Подстилка	Слой почвы, см													
				0-1	1-2	2-3	3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	9-10	10-15	15-20	в т. ч.	
				0-5	5-10												
9/8 Сл.	С. лш.	А, кБк/м ²	123,77	76,68	63,92	14,04	10,58	8,65	6,40	4,94	4,67	3,95	3,47	10,82	2,63	173,87	23,42
		% от запаса	37,0	22,9	19,1	4,2	3,2	2,6	1,9	1,5	1,4	1,2	1,0	3,2	0,8	52,0	7,0
9/54 Сл.	С. мш.	А, кБк/м ²	166,51	43,59	28,59	25,39	18,31	13,78	8,46	6,20	5,54	4,33	4,70	17,09	8,37	129,66	29,23
		% от запаса	47,5	12,4	8,1	7,2	5,2	3,9	2,4	1,8	1,6	1,2	1,3	4,9	2,4	37,0	8,3
9/9 Сл.	С. чер.	А, кБк/м ²	192,34	16,89	11,67	7,49	8,16	6,55	4,30	4,78	4,25	3,11	3,38	12,01	8,23	50,76	19,83
		% от запаса	67,9	6,0	4,1	2,6	2,9	2,3	1,5	1,7	1,5	1,1	1,2	4,2	2,9	17,9	7,0

Таблица 7 – Загрязнение слоев подстильно-почвенного комплекса ^{137}Cs в сосняках пушицево-сфагновом и багульниковом

Объект	Тип леса	Показатели	Слой почвы, см										
			0-5	5-10	10-15	15-20	20-25	25-30	30-35	35-40	40-45	45-50	50-55
110/12 Коч.	С. пуш.-сф.	А, кБк/м ²	61,12	47,88	25,35	15,33	19,82	14,47	13,00	12,56	10,52	5,27	3,21
		% от запаса	26,7	21,0	11,1	6,7	8,7	6,3	5,7	5,5	4,6	2,3	1,4
109/17 Коч.	С. баг.	А, кБк/м ²	55,66	63,97	55,82	53,31	29,06	13,67	8,94	6,74	2,95	2,95	2,82
		% от запаса	18,8	21,6	18,9	18,0	9,8	4,6	3,0	2,3	1,0	1,0	1,0

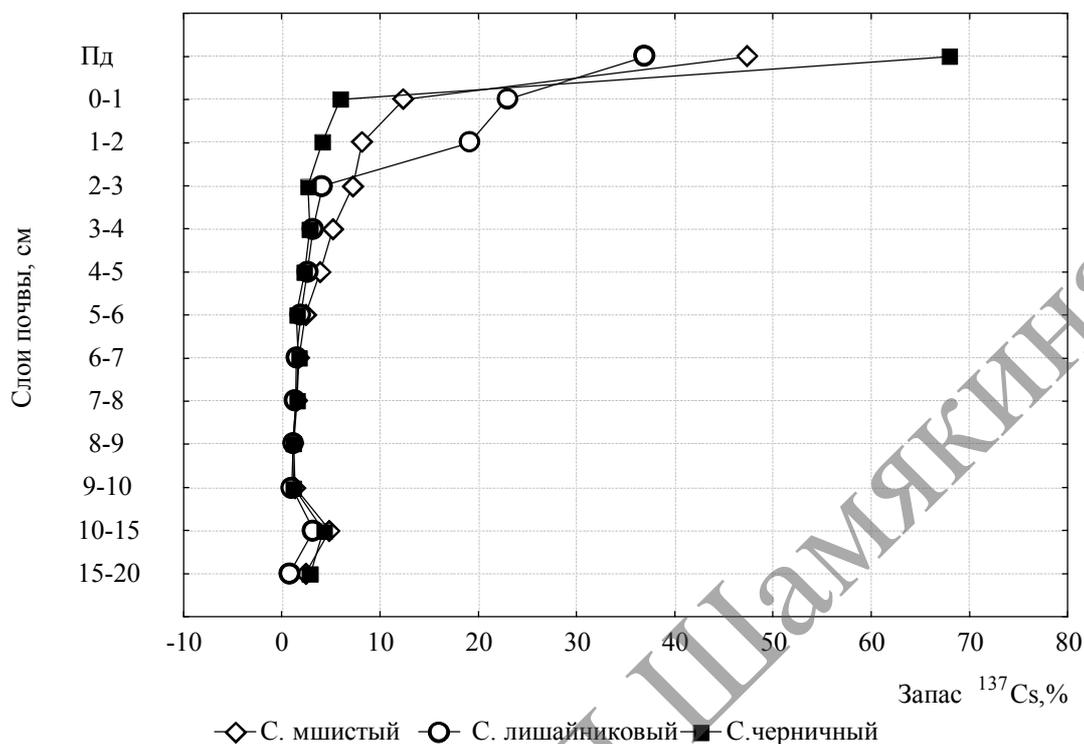

Рисунок 1 – Распределение ¹³⁷Cs по вертикальному профилю почвы в сосняках мшистом, лишайниковом, черничном

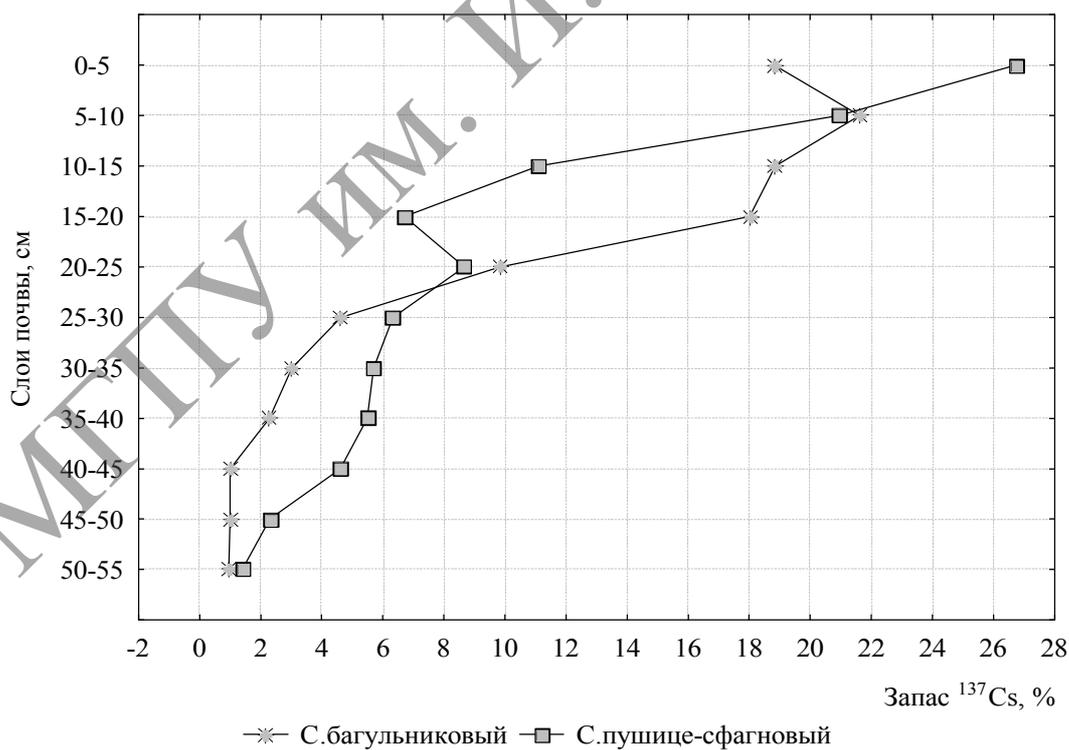

Рисунок 2 – Распределение ¹³⁷Cs по вертикальному профилю почвы в сосняках багульниковом и пушицево-сфагновом

Доля запаса ^{137}Cs в подстилке в исследуемых сосняках возрастает в последовательности типов леса: лишайниковый < мшистый < черничный – в соотношении 1:1,2:1,8 (соответственно в процентах – 37,0; 47,5; 67,9). В почве оставшаяся часть нуклидов в сосняке лишайниковом сосредоточена, в основном, в слое 0–5 см. Глубже 5 см проникло 11% запаса ^{137}Cs . В сосняке мшистом доля запаса радионуклида глубже 5 см составляет 15,6%, а в сосняке черничном – 14,1%.

Существенно отличаются процессы миграции ^{137}Cs в сосняках пушицево-сфагновом и багульниковом, где практически весь ежегодный опад равномерно распределяется в толще ежегодно нарастающего мха, толщина слоя которого колеблется от 1–2 см на кочках до 10–15 см – (между кочек). Как отдельное образование подстильно-почвенного комплекса подстилка в этих типах леса не образуется, и выделить ее не представляется возможным. Нижние, за живым мхом, слои почвенного комплекса представляют собой очес – неразложившийся отмерший мох сфагновый толщиной 10–20 см.

В слое 0–5 см мха сфагнового в сосняке багульниковом содержится 18,8% запаса ^{137}Cs , а в пушицево-сфагновом – 20,7%. В то же время в толще очеса в сосняке пушицево-сфагновом среднее содержание ^{137}Cs в слое 5–10 см в обоих сосняках одинаково, но, в отличие от сосняка сфагнового, в сосняке багульниковом с глубины 10 см содержание нуклида начинает возрастать до глубины 20 см. Такие особенности поведения ^{137}Cs в болотных типах соснового леса обуславливаются скорее всего возрастной приуроченностью слоев 10–25 см почвенных образований на верховике к периоду возникновения загрязнения территории радионуклидом. С глубины же 25 см и более интенсивная миграция радионуклида отмечается до глубины 55 см в сосняке пушицево-сфагновом. При большей увлажненности верховика (ТЛУ – А₅) в сосняке пушицево-сфагновом глубже 20 см проникло ^{137}Cs в 1,7 раза больше, чем в сосняке багульниковом (ТЛУ – А₄). Таким образом, по миграционной активности ^{137}Cs в глыбь почвы сосновые насаждения распределяются следующим образом: С. лш. < С. чер. < С. мш. < С. баг. < С. пуш.-сф.

Учитывая характеристику почв в насаждениях сосны (таблица 2), наиболее активно миграция ^{137}Cs происходит в почвах, в основе генезиса которых лежит маломощный торф, имеющий очень высокую степень обводненности (индекс «5» показателя эдафотоп). В то же время в сухих условиях произрастания на дерново-подзолистых почвах в сосняке лишайниковом (индекс «1» показателя эдафотоп) интенсивность вертикальной миграции низка. Полученные результаты хорошо иллюстрируются расчетами размещения центра запаса ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе и в почве (таблица 8) спустя 23 года после его поступления на поверхность почвы.

Таблица 8 – Размещение центра запаса ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе и в почве насаждений сосновой формации

Тип леса	Глубина расположения центра запаса ^{137}Cs , см	
	в подстильно-почвенном комплексе	в почве
С. лш.	2,91	2,60
С. мш.	3,14	3,65
С. чер.	3,32	3,39
С. баг.	12,07	–
С. п.-сф.	14,3	–

Поступление ^{137}Cs в компоненты фитомассы насаждений сосновой формации

Аномально высокая подвижность ^{137}Cs в лесных экосистемах на территории Западного следа Чернобыльских загрязнений обуславливает достаточно высокий уровень загрязнения компонентов фитомассы древостоев во всех древесных формациях на этой территории (таблица 9). Определяющим интегральным фактором, обеспечивающим аномально высокое загрязнение биомассы насаждений, по нашему мнению, является комплексное воздействие эдафических факторов, действующих в конкретных лесорастительных условиях насаждений, и специфических особенностей трансформации выпадений с течением времени.

Таблица 9 – Удельная активность ^{137}Cs в компонентах фитомассы деревьев сосны в насаждениях сосновой формации (Бк/кг)

Тип леса	Средняя плотность загрязнения, Ки/км ²	Модель	Компоненты фитомассы					
			кора	древесина без коры	древесина в коре	древесина дровяная	хвоя однолетняя	побеги однолетние
С. лш.	9,04	1	7 267	2 883	3 566	3 320	22 860	17 820
		2	6 285	2 991	3 611	4 627	26 110	19 030
		3	9 237	3 702	3 979	4 656	22 550	14 150
		сред.	7 596,3	3 192,0	3 636,7	4 201,0	23 840,0	17 000,0
С. мш.	8,64	1	9 066	4 362	5 032	5 622	28 010	23 010
		2	7 861	3 952	5 280	4 728	21 270	15 460
		3	9 630	4 918	5 885	6 167	39 240	25 230
		сред.	8 852,3	4 410,7	5 399,0	5 505,7	29 506,7	21 233,3
С. чер.	7,43	1	5 877	3 071	3 611	3 604	14 890	13 230
		2	6 648	3 114	3 700	3 589	25 560	11 990
		3	6 490	2 892	3 499	3 304	14 800	11 070
		сред.	6 338,3	3 025,7	3 603,3	3 499,0	18 416,7	12 096,7
С. баг.	8,07	1	4 616	2 808	2 962	3 432	16 430	14 200
		2	2 289	2 092	2 586	1 959	12 920	11 150
		3	5 667	3 011	4 157	3 959	17 410	13 170
		сред.	4 190,7	2 637,0	3 235,0	3 116,7	15 586,7	12 840,0
С. пуш.-сф.	6,95	1	4 551	2 306	2 804	3 192	17 160	10 080
		2	5 525	2 769	3 406	3 849	24 110	17 570
		3	6 104	2 480	3 110	3 667	13 470	11 810
		сред.	5 393,3	2 518,3	3 106,7	3 569,3	18 246,7	13 153,3

Как видно из таблицы 9, при примерно одинаковой средней загрязненности почвы ^{137}Cs менее всего содержится его в древесине сосны без коры. При этом минимальная удельная активность ^{137}Cs в ней отмечается в сосняках, произрастающих в условиях высокой обводненности почв (пушицево-сфагновый и багульниковый типы леса) в ксероморфных условиях (лишайниковый тип леса) и в полугидроморфных условиях сосняка черничного. В последнем случае вследствие высокой производительности насаждения (I бонитет) определенную роль в более низком, по сравнению с сосняком мшистым, загрязнении древесины играет эффект разбавления радионуклида в большей биомассе. По степени загрязненности древесины без коры древостой по типам леса выстраиваются в такую последовательность: С. пуш.-сф. < С. баг. < С. чер. < С. мш. < С. лш.

Наиболее загрязнены во всех типах соснового леса хвоя и побеги однолетние.

В целом же наибольшее содержание ^{137}Cs во всех компонентах фитомассы сосны отмечается в сосняке мшистом, произрастающем в условиях, практически соответствующих экологическому оптимуму для сосны. Важно отметить также, что в сравнении с Северным следом [5] удельная активность биомассы и отдельных ее компонентов на территории Западного следа очень высока. Высока и вариабельность в накоплении радионуклида отдельными деревьями в насаждении.

Таким образом, хотя в каждом типе леса прослеживаются свои соотношения в содержании ^{137}Cs между компонентами фитомассы деревьев сосны (таблица 10), однако соотношения между содержанием радионуклида в древесине без коры и в коре, в древесине с корой, в дровяной древесине примерно одинаковы.

Таблица 10 – Загрязненность ^{137}Cs компонентов фитомассы сосны, нормированная относительно древесины без коры

Тип леса	Компоненты фитомассы					
	кора	древесина без коры	древесина в коре	древесина дровяная	хвоя однолетняя	побеги однолетние
С. лш.	2,4	1	1,2	1,3	7,4	5,3
С. мш.	2,0	1	1,2	1,2	6,7	4,8
С. чер.	2,1	1	1,2	1,2	6,1	4,0
С. баг.	1,6	1	1,2	1,2	5,9	4,9
С. пуш.-сф.	2,1	1	1,2	1,4	7,2	5,2

Для хвои и побегов однолетних различия в соотношениях с древесиной без коры по типам леса более существенны.

Для получения сопоставимых результатов исследований накопления ^{137}Cs компонентами биомассы растительности при разной плотности загрязнения почвы ^{137}Cs принято использовать различия в коэффициентах значимости поступления радионуклида. В настоящей работе интенсивность поступления радионуклида оценивалась по коэффициентам перехода и накопления.

Как видно из таблицы 11, при почти одинаковой плотности загрязнения почвы ^{137}Cs во всех исследуемых типах леса самые низкие КП ^{137}Cs в сосняках багульниковом и пушицево-сфагновом и, напротив, наиболее высокие КН ^{137}Cs в этих же типах леса.

Таблица 11 – Средние коэффициенты значимости поступления ^{137}Cs в компоненты биомассы деревьев сосны

Тип леса		С. лш.	С. мш.	С. чер.	С. баг.	С. пуш.-сф.
Кора	КН	1,04	1	0,67	5,62	9,65
	КП*	22,7	25,23	22,38	16,61	15,1
Древесина без коры	КН	0,44	0,5	0,32	3,71	4,81
	КП*	9,54	12,57	10,69	9,97	7,2
Древесина в коре	КН	0,51	0,61	0,38	4,27	5,88
	КП*	11,12	15,39	12,73	12,51	8,85
Древесина дровяная	КН	0,52	0,62	0,37	4,27	6,69
	КП*	11,35	15,69	12,36	12,14	10,14
Хвоя однолетняя	КН	3,08	3,26	2,07	15,51	36,77
	КП*	67,36	8,6	69,66	39,19	53,23
Побеги однолетние	КН	2,42	2,59	1,27	22,29	23,46
	КП*	52,99	65,7	43,72	58,05	37,04

Примечание – * – $\text{м}^2/\text{кг}, \text{е}^{-3}$.

Статистический анализ коэффициентов перехода и накопления ^{137}Cs в компонентах биомассы древостоев сосны в различных типах соснового леса показывает, что имеются достоверные различия (Р – 95–99%) в процессах поступления радиоцезия в отдельные компоненты фитомассы (древесина, кора, побеги) между сосняками лишайниковым и черничным, сосняками черничным и пушицево-сфагновым, мшистым и пушицево-сфагновым, черничным и мшистым (таблица 12).

Таблица 12 – Статистические показатели различий в накоплении ^{137}Cs компонентами фитомассы различных типов леса

Сравниваемые типы леса		С. лш. С. чер		С. чер. С. пуш.-сф.		С. мш. С. пуш.-сф.		С. мш. С. чер.	
		<i>t</i>	<i>p, %</i>	<i>t</i>	<i>p, %</i>	<i>t</i>	<i>p, %</i>	<i>t</i>	<i>p, %</i>
Кора	КН	3,1	96,3	-1,7	83,1	-1,6	81,8	5,18	99,3
	КП	0,1	8,9	4,4	98,9	4,9	99,2	5,52	99,5
Древесина без коры	КН	3,3	97	-1,6	82	-1,6	80,6	7,85	99,9
	КП	-1,4	77,1	3,1	96,4	4	98,3	5,21	99,4
Древесина в коре	КН	6,9	99,8	-1,6	82,3	-1,6	80,9	1,5	79,3
	КП	-3,6	97,8	3	96	4,5	98,9	2,97	95,9
Древесина дров.	КН	1,3	73,7	-1,7	82,7	-1,6	81,3	1,67	83
	КП	-0,4	28,7	1,6	80,8	3,1	96,2	2,26	91,4
Хвоя 1-лет.	КН	1,7	83,9	-1,7	83,1	-1,6	81,9	3,55	97,6
	КП	-0,1	9,4	0,8	51,6	1,5	78,9	2,68	94,5
Побеги 1-лет.	КН	4,5	98,9	-1,9	86,9	-1,8	85,1	0,56	39,6
	КП	1,8	84,6	0,8	53,7	2,2	90,8	2,02	88,7

Выводы

В лесных насаждениях на территории Западного следа аварии на ЧАЭС (южное Полесье) отмечается высокая неоднородность поверхностного загрязнения почв ^{137}Cs .

По интенсивности проникновения чернобыльского ^{137}Cs в глубь почвы автоморфные почвы существенно отличаются от гидроморфных. Интенсивность вертикальной миграции ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе насаждений сосновой формации наиболее высока в сосняке пушицево-сфагновом в условиях очень высокой обводненности почв; наиболее низка в сосняке лишайниковом в ксероморфных условиях.

Глубина размещения центра запаса ^{137}Cs в подстильно-почвенном комплексе и в почве насаждений сосновой формации наименьшая в сосняке лишайниковом, произрастающем на ксероморфной песчаной почве, наибольшая – в сосняке пушицево-сфагновом, растущем на гидроморфной торфянистой почве. Различия в глубине расположения центра запаса ^{137}Cs в почвах этих сосняков составляют 490%.

Уровень загрязнения ^{137}Cs компонентов биомассы деревьев сосны во всех изучаемых типах соснового леса очень высок при сравнительно невысокой средней плотности загрязнения почвы ^{137}Cs (7–9 Ки/км²). Наименьшее содержание ^{137}Cs отмечается в древесине без коры (2,1–5,9 тыс. Бк/кг), наибольшее – в хвое (12,9–39,2 тыс. Бк/кг). При этом содержание ^{137}Cs в древесине существенно превышает предельно допустимые уровни загрязнения лесной продукции радиоцезием (1 480 Бк/кг) во всех типах леса.

По степени загрязненности древесины ^{137}Cs древостои составляют такую последовательность: С. пушицево-сфагновый < С. багульниковый < С. черничный < С. мшистый < С. лишайниковый. Соотношение содержания ^{137}Cs в древесине этой последовательности 1:1:1,2:1,3:1,75.

Статистический анализ коэффициентов значимости поступления ^{137}Cs в отдельные компоненты биомассы деревьев сосны показал наличие достоверных ($p = 95 - 99\%$) различий в интенсивности поступления ^{137}Cs между типами леса, относящимися к разным гигротопам: лишайниковым и черничным, черничным и пушицево-сфагновым, мшистым и пушицево-сфагновым, черничным и мшистым.

Перечень принятых обозначений и сокращений

- ПП – пробная площадь
КП – коэффициент перехода
КН – коэффициент накопления
ТЛУ – тип лесорастительных условий
ПГРЭЗ – Полесский государственный радиационно-экологический заповедник
ГПЛХО – Государственное производственное лесохозяйственное объединение
t – критерий Стьюдента
p – уровень значимости

Литература

1. Основы лісової радіоекології / Мин-во України по вопр. чрезвычайных ситуаций и в делах защиты населения от последствий Чернобыльской катастрофы, Гос. ком. лесного хоз-ва Украины, Украинский ордена «Знак почета» науч.-исслед. ин-т лесного хоз-ва и агролесомелиорации им. Г. М. Высоцкого; редкол.: М. М. Калетник [и др.]. – Киев: Ярмарок, 1999. – 252 с.
2. Переволоцкий, А. Н. Распределение ^{137}Cs и ^{90}Sr в лесных биогеоценозах / А. Н. Переволоцкий. – Гомель: РНИУП «Ин-т радиологии», 2006. – 255 с.
3. Щеглов, А. И. Биогеохимия техногенных радионуклидов в лесных экосистемах: По материалам 10-летних исследований в зоне влияния аварии на ЧАЭС / А. И. Щеглов. – М.: Наука, 1999. – 268 с.
4. Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия. Информация, подготовленная для совещания экспертов МАГАТЭ, 25–29 авг. 1986 г., Вена / Гос. ком. по использованию атомной энергии СССР. – М.: Атомная энергетика, 1986. – Т. 61. – Вып. 5. – С. 301–320.
5. Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия. Информация, подготовленная для совещания экспертов МАГАТЭ, 25–29 авг. 1986 г., Вена / Гос. ком. по использованию атомной энергии СССР. – М.: Атомная энергетика, 1986. – Часть II: Приложения. – Приложение 5. – С. 350–360.
6. Метеорологические условия дальнейшего переноса радионуклидов, поступивших в атмосферу в результате аварии на ЧАЭС / В. А. Борзилов [и др.] // Радиационные аспекты Чернобыльской аварии: тр. 1-ой всесоюзной конф., Обнинск, 22–25 июля 1988 г. – СПб., 1993. – Т. 1. – С. 68–75.
7. Чернобыль: Радиоактивное загрязнение природных сред / Ю. А. Израэль [и др.]; под ред. Ю. А. Израэля. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 294 с.
8. Булко, Н. И. К вопросу о различиях в накоплении ^{137}Cs древесными растениями на территории Западного и Северного следов аварии на ЧАЭС / Н. И. Булко, Н. В. Веремеенко / Сб. науч. тр. / Ин-т леса НАН Беларуси. – Гомель, 2007. – Вып. 67: Проблемы лесоведения и лесоводства. – С. 350–360.
9. Республиканские допустимые уровни содержания цезия-137 в древесине, продукции из древесины и древесных материалов и прочей пищевой продукции лесного хозяйства (РДУ/ЛХ-2001): ГН 2.6.1.10-1-01-2001, 11 нояб. 2001 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 20. – 8/4739.
10. Инструкция по проведению обследования участков заготовки продукции лесного сырья, отбору и подготовке проб для контроля радиоактивного загрязнения: утв. МЛХ Респ. Беларусь 21.07.1998. – Минск, 1998. – 21 с.
11. Инструкция по проведению радиационного обследования земель государственного лесного фонда: утв. КЛХ при СМ РБ 21.01.2003. – Минск, 2003. – 10 с.
12. Методика организации и ведения радиационного мониторинга в лесах: утв. МЛХ РБ 24.05.2006. – Минск, 2006. – 56 с.
13. Полевые исследования и картографирование почв БССР: методические указания / Западное региональное отд-ние ВАСХНИЛ, НИИ почвоведения и агрохимии, Респ. проектный ин-т по землеустройству «Белгипрозем»; под ред. Н. И. Смеяна, Т. Н. Пучковой, Г. А. Ржеутской. – Минск: Ураджай, 1990. – 222 с.

Summary

The author of the article analyses the features of ^{137}Cs behavior in a pine formation plantings on the territory of the Western trace of Chernobyl failure in southern Polesye in Belarus.

Поступила в редакцию 10.03.09.

УДК 574.41.5:539.163

*А. П. Голубев, В. Г. Сикорский, В. Н. Калинин, А. В. Раздорских***СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАДИОАКТИВНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ЭКОСИСТЕМ ВОДОЕМОВ БЕЛОРУССКОГО СЕКТОРА ЗОНЫ ЧАЭС**

В статье проанализированы данные по радиоактивному загрязнению Белорусского сектора зоны ЧАЭС за последние годы.

Приведено объяснение межгодовых колебаний радиоактивности экосистем исследованных водоемов.

Введение

Авария на ЧАЭС привела к радиоактивному загрязнению обширных регионов восточной части Полесской низменности. В 30-километровой зоне отчуждения ЧАЭС оказались значительные площади бассейнов рек Припяти и Днепра с их притоками, пойменные озера, болота, водохранилища и мелиоративные каналы. Поступившие в водоемы техногенные радионуклиды сконцентрировались преимущественно в донных отложениях и макрофитах и в значительно меньшей степени – в водной толще, зоопланктоне и зообентосе [1], [2], [3].

За послеварийный период уровни радиоактивного загрязнения наземных и водных экосистем зоны ЧАЭС, преимущественно вследствие естественного распада радионуклидов, значительно снизились, однако в отдельных водоемах они остаются еще очень высокими. Наряду с этим в последние годы в поверхностных слоях почвы на фоне снижения активности основных дозообразующих радионуклидов ^{90}Sr и ^{137}Cs отмечается рост активности трансурановых элементов, в первую очередь ^{241}Am – дочернего продукта распада ^{241}Pu [4]. Это дает основание прогнозировать наступление третьего, после «йодного» и «цезиевого», «америциевого» этапа эволюции радиоактивного загрязнения зоны ЧАЭС. Однако определение активности трансурановых элементов в водоемах белорусского сектора зоны ЧАЭС до последних лет вообще не проводилось.

В 2005–2008 гг. нами проведены исследования уровней активности наиболее массовых радионуклидов (^{90}Sr , ^{137}Cs , ^{241}Am и др.) в экосистемах водоемов ближней зоны ЧАЭС – в затоке Припяти, в озере Персток и в Борщевском затоплении. Все водоемы находятся на расстоянии 15–20 км от ЧАЭС. Для первых двух водоемов настоящая работа явилась продолжением радиоэкологических исследований, выполняемых нами начиная с 1986 г. [3].

Характеристика модельных водоемов. *Затока Припяти* расположена на левом берегу реки, у бывшей паромной переправы, между деревнями Красноселье и Довляды. Затока находится в неглубокой котловине, ее левый берег выше и круче правого. Дно у левого берега, круто уходящее вниз, на большом протяжении сопряжено с береговым склоном. Берега покрыты древесно-кустарниковой растительностью, в которой доминируют разные виды ивы и ольха черная.

Припять в низовьях характеризуется значительными (до 5–7 м) сезонными и многолетними колебаниями уровня воды. Обычно преобладающая часть годового стока (до 60%) формируется в марте–мае. Это обусловлено таянием снегов, что приводит к весеннему половодью и затоплению обширных участков низменной заболоченной поймы. Поэтому максимальный годовой уровень воды обычно наблюдается в период весеннего половодья, а минимальный – в конце лета – начале осени.

Озеро Персток находится в пойме Припяти, в 2 км от ее русла, вблизи деревни Масаны. Ложе озера вытянуто в меридиональном направлении. Северо-восточный берег высокий, песчаный, поросший сосной; юго-западный берег низкий, заболоченный, порос лиственными деревьями и кустарниками. Озеро непроточное, лишь иногда в периоды очень высоких паводков в него с юго-запада проникают воды Припяти.

Питание озера осуществляется преимущественно за счет паводковых и грунтовых вод, а также атмосферных осадков. Поэтому после малоснежной зимы и (или) в жаркое засушливое лето урез воды может отступать на 6–9 м от среднего многолетнего уровня, обнажая широкую литоральную зону. В засушливом 2002 г. батиметрические характеристики озера были следующими: длина – 1 450 м, максимальная ширина – 98 м, средняя ширина – 62 м; площадь водного зеркала – 0,9 км², максимальная глубина – 1,6 м.

Борщевское затопление представляет водоем, вытянутый с северо-запада на юго-восток на 16,7 км. На северо-западе оно начинается западнее плотины, на Погонянском канале между деревнями Масаны и Борщевка, а на юго-востоке достигает окрестностей деревни Чемков. Сток из затопления находится в его юго-восточной оконечности, вода по понижениям рельефа поступает в мелиоративную систему Украины вблизи деревни Машево. Затопление начало

формироваться в 1990-х годах в результате снижения пропускной способности находящейся в этом районе сети мелиоративных каналов. В первую очередь в зону затопления попали мелиоративные каналы, заболоченные участки и тальвеги ложбин стока.

Затопление оконтурено изогипсой с абсолютной высотой около 110 м. По данным 2000 г., его средняя площадь составляет около 1100 га. Максимальные глубины, достигающие в межень 1,5–2,1 м, приурочены к руслам мелиоративных каналов; в затопленных понижениях рельефа глубины, как правило, не превышают 0,5–1,1 м. В половодье уровень воды повышается незначительно – от 0,2 до 0,8 м. Прозрачность воды – не более 1,1 м. Берега не сформированы, местами заторфованы, поросли ивой, ольхой черной, березой, а на возвышенностях – сосной. Водоем зарастает преимущественно тростником южным, рогозом и ежеголовником; зарастание идет от берегов каналов и дамб. Водное зеркало на мелководьях на 30–35% покрыто ряской трехдольной, водокрасом обыкновенным, рдестами блестящим и плавающим, в восточной части появились сальвиния плавающая и кувшинка белая. В 2006 г. в затоплении началось массовое развитие телореза алоэвидного, который образует «острова» в открытой части по всей акватории. Погруженные макрофиты представлены урутью колосистой, элодеей канадской, рдестом узколистым, блестящим и сердцевидным. Проективное покрытие растений на разных участках доходит до 50–75%.

Материал и методы. Во всех водоемах исследования проведены в конце июня – начале июля. Пробы донных грунтов отбирали на расстоянии 30–50 см от уреза воды на глубине 20–30 см с помощью стандартного пробоотборника поршневого типа диаметром 43 мм. Отбирали колонки грунта на глубине первых 5 см от поверхности, поскольку в этом слое концентрируется до 90–95% радионуклидов, находящихся в донных отложениях [5]. На каждую пробу отбирали 4–5 колонок, чтобы общий объем грунта составлял приблизительно 500 см³. В затоке Припяти и в озере Персток пробы отбирали в двух биотопах: 1) с песчаными грунтами и слабым развитием макрофитов; 2) с илистыми грунтами и значительным развитием макрофитов. В Борщевском затоплении пробы отбирали вблизи затопленного русла мелиоративного канала, в биотопе, близком по характеристикам к биотопу 1 в вышеуказанных водоемах. В местах отбора проб грунта на расстоянии 3–4 м от берега брали пробы воды (вместе с сестоном).

В водоемах отбирали доминирующие формы биоты – моллюсков большого прудовика *Lymnaea stagnalis* и живородки *Viviparus viviparus*, доминирующих видов макрофитов и рыб. Активность радионуклидов в биоте измеряли в день отбора. Пробы биоты гомогенизировали посредством механического раздавливания (моллюски) и разрезания на мелкие фрагменты (растения и рыбы). Пробы донных отложений доводили до воздушно-сухой массы посредством просушивания их на солнце в течение 2–3 суток.

Активность ⁹⁰Sr и ¹³⁷Cs определяли на гамма-бета-спектрометре МКС-АТ1315. Детектором γ -излучения в нем является сцинтилляционный блок с кристаллом NaI(Tl) $\varnothing 63 \times 63$ мм, детектором β -излучения – сцинтилляционный блок с пластмассовым сцинтиллятором $\varnothing 128 \times 8$ мм. Спектрометр обеспечивает регистрацию спектра γ - и β -излучения в диапазоне энергий соответственно 50–3000 и 150–3500 кэВ. Относительное энергетическое разрешение детектора γ -излучения для линии с энергией 661,6 кэВ составляет $8 \pm 0,2\%$. Предел допустимой основной относительной погрешности измерения активности радионуклидов в диапазоне энергий γ -излучения 50–3000 кэВ (спектрометрический метод) и удельной активности радионуклидов ¹³⁷Cs и ⁹⁰Sr (радиометрический метод) при доверительной вероятности 0,95 не превышает $\pm 20\%$.

Активность остальных радионуклидов (¹³⁴Cs, ¹⁵⁴Eu, ¹⁵⁵Eu, ²⁴¹Am) изменяли на гамма-спектрометре Canberra, имеющем многоканальный анализатор DSA-1000 и коаксиальный детектор из особо чистого германия с композитным углеродным окном. Детектор с относительной эффективностью 50% позволяет измерять спектр рентгеновского и γ -излучения в диапазоне от 20 КэВ до 2 МэВ. Для снижения помех от фонового излучения детектор помещен в свинцовый защитный блок модели 747E массой около 1 т. Внутреннюю защиту измерительной камеры обеспечивает кадмиево-медный экран.

Результаты исследования и их обсуждение

В послеаварийный период уровни активности донных грунтов и воды в затоке реки Припяти и в озере Персток показали четкую тенденцию к снижению на фоне значительных, но незакономерных межгодовых колебаний [3]. В целом уровни активности донных отложений в обоих водоемах значительно ниже, чем в первые годы после аварии. Так, в 1992 г. активность ¹³⁷Cs в грунтах затоки Припяти и Перстка была вполне сопоставимой – соответственно до 1770 и 3 700 КБк·м⁻². В 2007–2008 гг. этот показатель в затоке снизился практически до естественного (доаварийного) уровня, тогда как в озере в 2005–2008 г. он оставался весьма высоким – в пределах 173–2 162 КБк·м⁻² (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика радиоактивного загрязнения модельных водоемов зоны ЧАЭС в 2004–2008 гг. (числитель – биотоп 1; знаменатель – биотоп 2)

Радионуклид	2004	2005	2006	2007	2008
Донные отложения, кБк м⁻²					
<i>Озеро Персток</i>					
⁹⁰ Sr	–* / –*	–* / 198	<1,9 / <6,9	–** / 338	–** / 1 017
¹³⁷ Cs	678 / 1 975	308 / 942	136 / 1 099	–** / 173	–** / 2 162
<i>Затока Припяти</i>					
⁹⁰ Sr	–** / –**	–** / 4,5	17,3 / 10,7	–**	–* / 5,8
¹³⁷ Cs	48,5 / 46,8	314 / 111	24,9 / 63,2	–**	–**
Вода вместе с сестоном, Бк л⁻¹					
<i>Озеро Персток</i>					
⁹⁰ Sr	3,1 / 13,4	–* / –*	9,2 / 10,9	–* / –*	–* / 7,0
¹³⁷ Cs	19,3 / 13,9	9,5 / 11,9	–* / –*	–* / 5,8	–* / 6,0
<i>Затока Припяти</i>					
⁹⁰ Sr	21,2 / 24,3	–* / –*	–* / 18,6	–**	–* / –*
¹³⁷ Cs	5,0 / 4,8	–* / –*	–* / 0,9	–* / –*	–* / –*

Примечание – * – ниже минимально детектируемой активности; ** – не определяли.

При этом в донных отложениях всех исследованных водоемов активность ¹³⁷Cs значительно выше, чем ⁹⁰Sr (таблица 2).

Таблица 2 – Активность отдельных радионуклидов (кБк·м⁻²) в донных отложениях модельных водоемов зоны ЧАЭС в 2008 г.

Радионуклид	Борщевское затопление	Озеро Персток
K-40*	110,0 ± 26,6	76,0 ± 40,8
K-40**	–***	26,4 ± 4,25
Cs-134**	0,30 ± 0,05	1,07 ± 0,24
Cs-137*	707,2 ± 7,37	2 174,8 ± 10,1
Cs-137**	780,9 ± 45,2	2 149,0 ± 12,0
Sr-90*	22,3 ± 12,7	1 016,6 ± 20,8
Eu-154**	2,20 ± 0,75	8,59 ± 0,64
Eu-155**	0,83 ± 0,29	2,56 ± 0,79
Am-241**	12,8 ± 1,50	40,0 ± 4,55

Примечание – * – определение на гамма-бета-спектрометре МКС-АТ1315; ** – определение на анализаторе Canberra; *** – ниже минимально детектируемой активности.

Это обусловлено разной подвижностью обоих радионуклидов в среде, а также наличием в ближней зоне ЧАЭС так называемых «цезиевых пятен».

Основными факторами снижения радиоактивности донных грунтов в обоих водоемах является естественный распад радионуклидов, а в затоке Припяти – также их вынос течением воды в главное русло. Более медленное снижение активности донных отложений в непроточном озере Персток обусловлено тем, что распад радионуклидов здесь в определенной степени компенсируется их постоянным поступлением с прибрежных территорий.

Для водоемов зоны ЧАЭС установлена положительная корреляция между активностью ¹³⁷Cs в моллюсках и в донных отложениях [3]. Поэтому нынешний уровень радиоактивного загрязнения биоты озера Персток хотя и уменьшился на 1–2 порядка по сравнению с 1986–1990 гг., но остается еще достаточно высоким (таблица 3). Напротив, радиоактивное загрязнение биоты в затоке Припяти γ -излучателями (¹³⁷Cs и др.) снизилось практически до естественного уровня, который для пресноводного зообентоса не превышает 4–8 Бк·кг⁻¹ [6]. Межгодовые колебания радиоактивности экосистем исследованных водоемов обусловлены многими причинами. В почвенном покрове прибрежных террас водоемов сохраняются значительные запасы радионуклидов, распределение которых отличается мозаичностью. Поэтому одной из основных причин многолетних колебаний активности донных грунтов в прибрежной зоне водоемов и их биоты являются изменения положения береговой линии, вызванные многолетними и сезонными колебаниями уровня воды [3].

Таблица 3 – Динамика активности биоты модельных водоемов зоны ЧАЭС (Бк·кг⁻¹ сырой массы) в 2004–2008 гг.

Водоем	Радионуклид	Большой прудовик	Живородка	Макрофиты	Рыба
2004					
Припять	⁹⁰ Sr	123,4	85,7	—**	—**
	¹³⁷ Cs	39,2	25,2	—**	—**
Персток	⁹⁰ Sr	22 195	7 055	—**	—**
	¹³⁷ Cs	567,8	541,7	—**	—**
Борщевское затопление	⁹⁰ Sr	—**	—**	—**	—**
	¹³⁷ Cs	—**	—**	—**	—**
2005					
Припять	⁹⁰ Sr	168,2	125,3	62,8	56,6–89,3
	¹³⁷ Cs	—*	15,5	54,1	257–318
Персток	⁹⁰ Sr	17 665	13 844	2 191	862
	¹³⁷ Cs	979,0	1 638	2 634	6 681
Борщевское затопление	⁹⁰ Sr	—**	—**	—**	—**
	¹³⁷ Cs	—**	—**	—**	392–2 772
2006					
Припять	⁹⁰ Sr	5,5	125–140,0	19,2	—**
	¹³⁷ Cs	16,0	22,0–33,0	89,1	—**
Персток	⁹⁰ Sr	16 272	295,6	687	—**
	¹³⁷ Cs	518	22,5	456–8 592	—*
Борщевское затопление	⁹⁰ Sr	—**	—**	—**	2 497–2 960
	¹³⁷ Cs	—**	—**	—**	976–3 387
2007					
Припять	⁹⁰ Sr	—**	—**	—**	—**
	¹³⁷ Cs	—**	—**	—**	23–1 855
Персток	⁹⁰ Sr	18 938	—**	9 200–11 148	—**
	¹³⁷ Cs	625	—**	1 224–4 055	365–20 013
Борщевское затопление	⁹⁰ Sr	—**	—**	—**	—**
	¹³⁷ Cs	—**	—**	—**	835–6 550
2008					
Припять	⁹⁰ Sr	—*	169,7	52,4	—**
	¹³⁷ Cs	—*	17,3	6,3	—**
Персток	⁹⁰ Sr	—**	—**	2 841–3 900	—**
	¹³⁷ Cs	—**	—**	493–812	—**
Борщевское затопление	⁹⁰ Sr	—**	—**	—**	—**
	¹³⁷ Cs	—**	—**	—**	1 068–2 974

Примечание – * – ниже минимально детектируемой активности; ** – не определяли.

Значительное воздействие на уровни активности радионуклидов в разных компонентах непроточных водных экосистем оказывает также их миграция в направлениях «донные отложения ↔ вода ↔ биота». Так, с 2007 г. отмечается увеличение уровня активности донных отложений озера Персток. В этот период отмечено массовое развитие в пелагиали озера телореза алоэвидного, что увеличило буферную емкость сообщества макрофитов для ⁹⁰Sr и ¹³⁷Cs и способствовало увеличению их депонирования. В осенне-зимний период преобладающая часть депонированного пула радионуклидов с отмершей биомассой макрофитов переходит в донные отложения, а остаток – в воду. В следующий сезон вегетации эти радионуклиды вновь вовлекаются в биотический круговорот. Наряду с этим интенсификация фотосинтеза у одноклеточных водорослей и погруженных макрофитов в летний период приводит к увеличению рН водной толщи, что способствует росту перехода ⁹⁰Sr и ¹³⁷Cs в нерастворенное состояние с последующим осаждением их в донные отложения [7].

По мере развития погруженных и плавающих макрофитов и уплотнения зарослей полупогруженной растительности ухудшается кислородный режим прибрежной зоны водоема, в ней накапливаются значительные количества органических веществ и биогенных элементов. Массовое развитие плавающих макрофитов в озере Персток негативно сказалось и на сообществе зообентоса. Так, за последние два года численность популяции большого прудовика здесь снизилась до критического уровня, а в 2008 г. в местах отбора проб встречались лишь единичные особи. Если подобная тенденция сохранится, можно прогнозировать полное исчезновение данного вида, прежде доминировавшего в сообществе зообентоса. Это приведет к снижению значения данного сообщества в процессах биогенной миграции радионуклидов в озере Персток.

В 2008 г. в донных отложениях озера Персток и Борщевского затопления еще отмечалась незначительная активность короткоживущих радионуклидов ^{134}Cs , ^{154}Eu и ^{155}Eu (периоды полураспада соответственно 2,1; 8,6 и 4,8 года). Наряду с этим, в донных отложениях указанных водоемов зарегистрирована достаточно высокая активность долгоживущего ^{241}Am (период полураспада – 458 лет). В донных отложениях затоки Припяти, а также в водной толще и биоте всех водоемов указанные радионуклиды не отмечены (таблица 2). В будущем в экосистемах водоемов ближней зоны ЧАЭС наряду со снижением активности основных дозообразующих (^{137}Cs , ^{90}Sr) и полным исчезновением короткоживущих радионуклидов следует ожидать роста активности долгоживущего ^{241}Am .

Выводы

Таким образом, в настоящее время Персток продолжает оставаться наиболее загрязненным радионуклидами водоемом в белорусском секторе зоны ЧАЭС, тогда как уровень радиоактивного загрязнения в затоке Припяти приближается к доаварийному состоянию. Борщевское затопление имеет промежуточный уровень радиоактивного загрязнения.

В послеварийный период на значительной части территории зоны ЧАЭС наблюдается интенсивный процесс вторичного подтопления и заболачивания. В почвенном покрове окрестностей исследованных водоемов сосредоточены значительные запасы ^{241}Am . Так, в верхнем слое почвы окрестностей деревни Масаны содержание ^{241}Am в настоящее время в среднем составляет 300–400 Бк·кг⁻¹ при максимальных значениях более 600 Бк·кг⁻¹ [8]. По нашим данным, аналогичные показатели для донных грунтов озера близлежащих водоемов – озера Персток и Борщевского затопления – составляют соответственно 324 и 131 Бк·кг⁻¹.

Запасы ^{241}Am в почвенном слое неизбежно перейдут в донные отложения обводняемых территорий. Подвижность радионуклидов в водной среде значительно выше, чем в почве. Это способствует быстрому включению ^{241}Am в трофические сети образовавшихся водоемов и его выносу околводными животными (напр., водоплавающими птицами) в наземные биотопы, в т. ч. находящиеся за пределами зоны ЧАЭС. Наряду с этим ^{241}Am , для которого характерен α -распад, может стать важным дозообразующим фактором для водных организмов при внутреннем облучении.

Поэтому представляют особый интерес Борщевское затопление как полигон для исследований миграции радионуклидов в формирующихся водных экосистемах в ближней зоне ЧАЭС и значения их биоты в этих процессах.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Б07М – 152).

Литература

1. Распределение радионуклидов по основным компонентам озерных экосистем зоны отчуждения Чернобыльской АЭС / Д. И. Гудков [и др.] // Радиационная биология. Радиоэкология. – 2005. – Т. 45, № 3. – С. 271–280.
2. Голубев, А. П. Функциональная роль брюхоногих моллюсков в процессах миграции радионуклидов в водоемах белорусского сектора зоны отчуждения ЧАЭС / А. П. Голубев, В. Ю. Афонин, В. Н. Калинин // Проблемы радиационной медицины та радіобіології (Киев). – 2005. – Вип. 11. – С. 502–508.
3. Динамика радиоактивного загрязнения экосистем разнотипных водоемов белорусского сектора зоны отчуждения Чернобыльской АЭС / А. П. Голубев [и др.] // Радиационная биология. Радиоэкология. – 2007. – Т. 47, № 3. – С. 322–332.
4. Научное решение чернобыльских проблем (основные итоги 2001 года) / Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь, Респ. науч.-исслед. унитарное предприятие «Институт радиологии». – Минск, 2002. – 44 с.
5. Евдокимов, В. Н. Многолетняя динамика радионуклидов в донных отложениях озера Персток (10-км зона ЧАЭС) / В. Н. Евдокимов, К. М. Киреенко, В. С. Пискунов // Экологические проблемы Полесья и сопредельных территорий. – Гомель, 2000. – С. 34–35.
6. Сытник, Ю. М. Накопление стронция-90 и цезия-137 в экосистеме Килийской бухты Дуная : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.00.18 / Ю. М. Сытник ; Ин-т. гидробиологии АН Украины. – Киев, 1992. – 20 с.
7. Чистик, О. В. Радиоэкология : курс лекций / О. В. Чистик. – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2007. – 128 с.
8. Подходы к проведению картирования территории Полесского государственного радиационно-экологического заповедника / О. М. Галочкина [и др.] // Экологический вестник. – 2008. – № 1(4). – С. 31–38.

Summary

The given article analyses the data of Belarusian nuclear pollution in the Chernobyl nuclear accident zone for the last years and explains the radio-activity Interannual fluctuations of ecosystems of the investigated reservoirs.

Поступила в редакцию 30.03.09.

УДК 636.1.053:612.017.1

*Н. С. Мотузко, Е. Г. Маковский***ФАКТОРЫ НЕСПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ОСОБЕННОСТИ
БЕЛКОВОГО ОБМЕНА У ЖЕРЕБЯТ ПЕРВЫХ ТРЕХ МЕСЯЦЕВ ЖИЗНИ**

Как показали проведенные исследования, у жеребят в первые три месяца жизни повышается содержание в крови эритроцитов, гемоглобина, увеличивается количество общего белка, а также креатинина, отмечаются изменения в лейкоцитарной формуле и повышение БАСК и ЛАСК, снижается концентрация мочевой кислоты. В двухмесячном возрасте у жеребят повышается количество лейкоцитов, уровень мочевины и активность АлАТ в сыворотке крови, однако активность АсАТ в этот период снижается. Это свидетельствует о происходящих процессах становления органов и систем организма и протекающих процессах адаптации животных к новым факторам внешней среды.

Введение

Коневодство в современном сельском хозяйстве является дополнительным, но важным, сравнительно легко формируемым и постоянно возобновляемым источником энергосбережения, перспективной базой организации активного досуга населения и проведения конноспортивной работы [1]. Стоящая перед белорусскими сельхозпредприятиями задача ресурсосбережения «призывает» по-новому оценить и потенциал отечественного коневодства [2]. Чтобы успешно развиваться в условиях жесткой рыночной экономики, эта отрасль должна быть максимально эффективной, рентабельной, что возможно при использовании высокоценных лошадей, хорошей организации производства, основанной на последних достижениях коневодческой науки и практики. Более 75% взрослого поголовья лошадей республики – рабочие лошади. В связи с ожидаемым увеличением объема работ, выполняемых лошадьми, сохранит свое лидирующее значение рабочепользовательское направление коневодства. Большинство хозяйств используют имеющихся лошадей на работах не более чем на 50–60% их потенциальных возможностей. Поэтому в зависимости от конкретных условий необходимо при планировании развития отрасли идти по пути более рационального использования имеющихся лошадей, улучшая их качество, а не экстенсивно наращивать поголовье животных [3].

Интенсификация животноводства и развитие фермерских хозяйств ставят ряд проблем по адаптации животных к новым условиям содержания, кормления и эксплуатации, по изысканию и применению веществ, стимулирующих защитные функции, по изучению патологии, возникающей на иммунной основе, и коррекции нарушений иммунной защиты [4]. Защитные приспособления организма представляют результат, с одной стороны, эволюционного развития вида, с другой – активного приспособления каждого индивида к условиям внешней среды [5]. По мере роста и развития животных происходят специфические перестройки в организме клеточных и гуморальных факторов защиты, что связано с развитием желез внутренней секреции и формированием определенного уровня обмена веществ [6].

По мере распада поступивших коллоидальным путем иммуноглобулинов, лейкоцитов и под воздействием усиливающейся антигенной стимуляции организма молодняка происходит постепенное созревание клеточных и гуморальных факторов защиты. Более древняя клеточная иммунная реакция в онтогенезе молодняка развивается раньше гуморальной [7]. Так, по данным Н. С. Мотузко, у ягнят в первые сутки жизни наблюдается увеличение количества лейкоцитов, бактерицидной и лизоцимной активности сыворотки крови, связанное с поступлением их в кровь с молозивом. На 7–21 сутки отмечают снижение этих показателей, но в 3-месячном возрасте у ягнят начинают формироваться собственные защитные факторы резистентности, вследствие чего количество их в крови повышается [8].

Каждому возрастному и физиологическому периоду развития животных присущи определенные изменения белкового обмена. Так, сыворотка крови молодых животных относительно бедна белком. Установлена закономерность увеличения количества общего белка по мере развития организма животных, в частности овец и крупного рогатого скота [8], [9], [10]. Аналогичные данные получены А. В. Хворовым при изучении жеребят орловской рысистой породы и башкирско-орловских помесей, у которых с возрастом наблюдалась тенденция к увеличению содержания в сыворотке крови общего белка [11]. Однако в литературе существуют ограниченные данные об особенностях становления факторов неспецифической защиты и белкового обмена у жеребят раннего постнатального периода в условиях Республики Беларусь.

Целью работы являлось изучение формирования факторов неспецифической защиты и особенностей белкового обмена у жеребят первых трех месяцев жизни.

Материалы и методы. Для решения поставленной цели в СПК «Золотая подкова» Глубокского района Витебской области была сформирована по принципу условных аналогов группа клинически здоровых жеребят из 7 голов, у которых ежемесячно из яремной вены отбирались пробы крови для гематологических и биохимических исследований. Анализ материала проводили на базе кафедры нормальной и патологической физиологии, а также в научно-исследовательском институте «Прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии» УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины». Количество эритроцитов и гемоглобина определяли фотоэлектроколориметрическим методом, количество лейкоцитов – в счетной камере Горяева, выводили лейкограмму на основе подсчета 100 клеток в каждом мазке крови, окрашенных по Романовскому-Гимза. Исследование бактерицидной активности сыворотки крови (БАСК) проводили методом Мюнселя и Треффенсона в модификации О. В. Смирновой и Т. Н. Кузьминой, а лизоцимную активность сыворотки крови (ЛАСК) – по методу В. Г. Дорофейчука. Количество общего белка в сыворотке крови устанавливали методом Кингслея – Вейксельбаума, количество мочевины по реакции с диацетилмонооксимом, а креатинина – по цветной реакции Яффе (метод Поппера), количество мочевой кислоты по реакции с фосфорновольфрамовым реактивом (метод Мюллера-Зейферта), активность аспаргат- и аланинаминотрансфераз – кинетическим методом [4], [12]. Полученные данные были статистически обработаны в программе SigmaPlot 10,0.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенных исследований было установлено, что количество эритроцитов и гемоглобина в первые месяцы жизни постепенно увеличивалось: так, в одномесячном возрасте количество эритроцитов составляло $8,63 \pm 0,29 \times 10^{12}/л$, а гемоглобина – $141,20 \pm 2,91$ г/л; в два месяца эти показатели были на уровне $9,93 \pm 0,36 \times 10^{12}/л$ и $143,29 \pm 3,88$ г/л соответственно, а к трехмесячному возрасту они достоверно увеличились до $10,29 \pm 0,45 \times 10^{12}/л$ и $150,27 \pm 4,73$ г/л. Такие изменения в раннем постнатальном периоде могут свидетельствовать об адаптации животных к возрастающей потребности кислорода, необходимого для окислительно-восстановительных процессов, активно протекающих в период интенсивного роста молодняка.

Число лейкоцитов в крови жеребят месячного возраста составляло $8,60 \pm 0,62 \times 10^9/л$. Ко второму месяцу жизни количество лейкоцитов увеличилось на 59,88% ($P < 0,01$). Однако в трехмесячном возрасте у жеребят уровень лейкоцитов снизился и составил $10,82 \pm 0,68 \times 10^9/л$ ($P < 0,05$). Увеличение числа лейкоцитов в двухмесячном возрасте скорее всего вызвано тем, что с этого возраста жеребят начали подкармливать концентратами, в результате чего происходит адаптация желудочно-кишечного тракта к другому типу корма, и вследствие этого возникает лейкоцитоз.

Кроме изменения общего количества лейкоцитов, с возрастом у жеребят отмечаются определенные сдвиги в лейкограмме (таблица 1).

Таблица 1 – Изменения в лейкограмме у клинически здоровых жеребят на протяжении первых трех месяцев жизни.

Возраст	Лейкограмма, %					
	Базофилы	Эозинофилы	Нейтрофилы		Лимфоциты	Моноциты
			Палочкоядерные	Сегментоядерные		
1 мес.	$0,50 \pm 0,22$	$2,00 \pm 0,37$	$5,50 \pm 0,43$	$54,17 \pm 2,17$	$33,67 \pm 1,86$	$4,17 \pm 0,48$
2 мес.	$1,00 \pm 0,22$	$2,43 \pm 0,37$	$4,57 \pm 0,29$	$49,86 \pm 1,47$	$37,71 \pm 1,19$	$4,43 \pm 0,37$
3 мес.	$1,00 \pm 0,23$	$3,38 \pm 0,27^*$	$4,62 \pm 0,18$	$50,62 \pm 1,16$	$36,31 \pm 1,11$	$4,08 \pm 0,29$

Примечание – * – $P < 0,05$ по отношению к животным одномесячного возраста.

Из таблицы видно, что число базофилов у жеребят первого месяца жизни составляло $0,50 \pm 0,22\%$, в двухмесячном возрасте отмечалось увеличение их количества до $1,00 \pm 0,22\%$ и оставалось на таком же уровне в три месяца. Число эозинофилов достоверно повышалось у жеребят в течение первых месяцев жизни с $2,00 \pm 0,37\%$ до $3,38 \pm 0,27\%$. Количество палочкоядерных нейтрофилов колебалось от $5,50 \pm 0,43\%$ в первый месяц жизни, до $4,62 \pm 0,18\%$ –

в трехмесячном возрасте. Число сегментоядерных нейтрофилов в месячном возрасте составляло $54,17 \pm 2,17\%$, на втором и третьем месяце жизни жеребят количество сегментоядерных нейтрофилов практически не изменялось и было на уровне $49,86 \pm 1,47\%$ и $50,62 \pm 1,16\%$ соответственно. Наименьшее число лимфоцитов отмечалось у жеребят в возрасте одного месяца ($33,67 \pm 1,86\%$), в дальнейшем количество лимфоцитов увеличилось до $37,71 \pm 1,19\%$, и в трехмесячном возрасте осталось на прежнем уровне. Процентное содержание моноцитов в крови жеребят за период исследований достоверно не изменялось и составляло в первый месяц жизни $4,17 \pm 0,48\%$, во второй – $4,43 \pm 0,37\%$, в третий – $4,08 \pm 0,29\%$.

Проведенные исследования показали, что в результате развития животных уровень бактерицидной и лизоцимной активности сыворотки крови изменялся соответственно возрасту (рисунок 1). Было установлено, что БАСК у жеребят в течение первых трех месяцев жизни повышалась с $23,60 \pm 1,12\%$ до $27,17 \pm 1,05\%$. ЛАСК у животных в этот период имела общую тенденцию к увеличению: с $13,20 \pm 0,73\%$ в первый месяц жизни до $23,44 \pm 0,65\%$ в трехмесячном возрасте ($P < 0,001$).

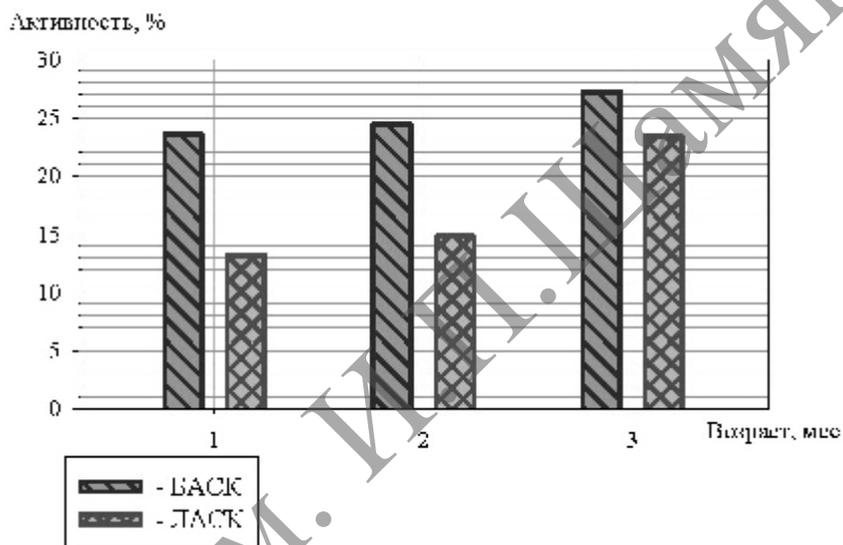

Рисунок 1 – Изменение бактерицидной и лизоцимной активности сыворотки крови жеребят

Изменения в лейкограмме бактерицидной и лизоцимной активности сыворотки крови свидетельствуют о постепенном становлении защитных сил организма, в частности клеточных и гуморальных факторов защиты.

В результате изучения показателей, характеризующих метаболизм белков в организме жеребят первых трех месяцев жизни, было установлено, что количество общего белка сыворотки крови жеребят месячного возраста составило $55,91 \pm 1,76$ г/л и достоверно увеличилось к трем месяцам до $60,33 \pm 1,33$ г/л (таблица 2).

Таблица 2 – Возрастная динамика показателей белкового обмена

Возраст	Общий белок, г/л	Мочевина, ммоль/л	Креатинин, мкмоль/л	Мочевая кислота, мкмоль/л	АлАТ, Ед/л	АсАТ, Ед/л
1 мес.	$55,91 \pm 1,76$	$3,45 \pm 0,16$	$67,73 \pm 5,79$	$109,19 \pm 6,55$	$30,74 \pm 4,39$	$218,38 \pm 39,39$
2 мес.	$57,65 \pm 2,43$	$5,25 \pm 0,23^{***}$	$77,37 \pm 5,83$	$101,82 \pm 8,36$	$66,92 \pm 3,16^{***}$	$159,5 \pm 8,1$
3 мес.	$60,33 \pm 1,33^*$	$5,64 \pm 0,42$	$73,5 \pm 4,48$	$97,33 \pm 10,72$	$52,49 \pm 4,86^*$	$204,33 \pm 10,37^{**}$

Примечание – * – $P < 0,05$, ** – $P < 0,01$, *** – $P < 0,001$ – по отношению к животным предыдущего возраста.

Такое изменение количества общего белка сыворотки крови скорее всего отражает общую динамику интенсивности обменных процессов, протекающих в организме животных.

Как видно из таблицы 2, количество мочевины в сыворотке крови у жеребят месячного возраста составило $3,45 \pm 0,16$ ммоль/л, на втором месяце жизни ее уровень увеличился до $5,25 \pm 0,23$ ммоль/л ($P < 0,001$), а в три месяца содержание мочевины составляло $5,64 \pm 0,42$ ммоль/л. Увеличение количества мочевины в возрасте двух месяцев может свидетельствовать о повышении интенсивности белкового обмена в связи со структурно-функциональным становлением пищеварительной системы и ее адаптацией к новым видам корма.

У жеребят в возрасте одного месяца количество креатинина в сыворотке крови составляло $67,73 \pm 5,79$ мкмоль/л, на втором месяце жизни его количество увеличилось на 14,23% ($77,37 \pm 5,83$ мкмоль/л) и в следующем месяце достоверно не изменялось ($73,50 \pm 4,48$ мкмоль/л). Повышение уровня креатинина у животных двухмесячного возраста скорее всего обусловлено усиленным ростом мышечной ткани в этот период.

Содержание мочевой кислоты в сыворотке крови жеребят месячного возраста составляло $109,19 \pm 6,55$ мкмоль/л, к двум месяцам ее уровень снизился до $101,82 \pm 8,36$ мкмоль/л, а в три месяца составил $97,33 \pm 10,72$ мкмоль/л. Такое снижение концентрации мочевой кислоты на протяжении первых трех месяцев жизни, возможно, связано с работой печени, а точнее – со становлением ее дезинтоксикационной функции.

Активность аланинаминотрансферазы в сыворотке крови месячных жеребят составляла $30,74 \pm 4,39$ Ед./л, ко второму месяцу жизни она увеличилась до $66,92 \pm 3,16$ Ед./л ($P < 0,001$), однако на третьем месяце уровень АЛАТ снизился до $52,49 \pm 4,86$ Ед./л ($P < 0,05$). Аспаратаминотрансфераза у жеребят первого месяца жизни была на уровне $218,38 \pm 39,39$ Ед./л, в двухмесячном возрасте активность АсАТ недостоверно снизилась до $159,5 \pm 8,10$ Ед./л, но к третьему месяцу жизни уровень АсАТ повысился до $204,33 \pm 10,37$ Ед./л. Повышение уровня АЛАТ в двухмесячном возрасте свидетельствует об увеличении интенсивности метаболизма белков и адаптации организма жеребят к новому корму, однако снижение активности АсАТ в этот период может указывать на еще недостаточное функциональное развитие печени.

Выводы

Рост и развитие жеребят в течение первых трех месяцев жизни сопровождается повышением содержания в крови эритроцитов, гемоглобина, увеличением количества общего белка в сыворотке крови, а также креатинина. Изменения в лейкоцитарной формуле и повышение БАСК и ЛАСК на протяжении трех месяцев указывают на становление клеточных и гуморальных факторов неспецифической защиты организма. К особенностям белкового обмена жеребят можно отнести изменения, происходящие в результате адаптации животных к новому корму. Так, в двухмесячном возрасте у жеребят повышается количество лейкоцитов, уровень мочевины и активность АЛАТ в сыворотке крови. Снижение активности АсАТ в двухмесячном возрасте, а также постепенное уменьшение содержания мочевой кислоты могут свидетельствовать о функциональном становлении печени. Как показали проведенные исследования, у жеребят в первые три месяца жизни происходят процессы интенсивного функционирования органов и систем организма, одновременно осуществляются процессы адаптации животных к новым факторам внешней среды.

Литература

1. Горбуков, М. А. Коневодство Беларуси: проблемы развития / М. А. Горбуков // Белорусское сельское хозяйство. – 2004. – № 1. – С. 36–38.
2. Горбуков, М. А. А если не ждать руководящих указаний? / М. А. Горбуков // Белорусская нива. – 2008. – 11 окт. – С. 14.
3. Рациональная организация разведения, воспроизводства и использования лошадей в хозяйствах (рекомендации) / Минсельхозпрод РБ, ААН РБ БелНИИ животноводства; сост.: М. А. Горбуков, В. И. Чавлытко. – Минск: БелНЦИМ АПК, 1999. – 24 с.
4. Карпуть, И. М. Иммунология и иммунопатология болезней молодняка / И. М. Карпуть. – Минск: Ураджай, 1993. – 288 с.

5. Иммунология / П. А. Красочко [и др.]; под общ. ред. П. А. Красочко. – Минск : Аверсэв, 2005. – 128 с.
6. Плотникова, Н. В. Возрастные изменения иммунологической реактивности у лошадей тяжеловозных пород / Н. В. Плотникова // Перспективы коневодства России в XXI веке : тез. докл. науч.-практ. конф. и координац. совещ., посвящ. 70-летию ВНИИ коневодства, Дивово, 2000 г. : в 2 ч. / Всерос. НИИ коневодства. – Дивово, 2000. – Ч. 2. – С. 75–77.
7. Perryman, L. E. Choroby zakazne i inwazyjne. Cz II. – Defekty immunologiczne u koni / Lance E. Perryman, Kita Jerzy // Med. wet. – 1989. – 45, № 9–10. – С. 515–518.
8. Мотузко, Н. С. Возрастные критические периоды резистентности и их коррекция тималином у ягнят / Н. С. Мотузко, Ю. И. Никитин // Физиологические и биохимические основы повышения продуктивности сельскохозяйственных животных, птиц и пушных зверей : сб. науч. тр. / Ленингр. вет. ин-т. редкол.: Б. А. Башкиров [и др.]. – 1990. – № 11. – С. 101–107.
9. Падучева, А. А. Экологические реакции метаболизма при скрещивании грубошерстных и тонкорунных овец / А. А. Падучева // Экологические аспекты функциональной морфологии в животноводстве / А. А. Падучева. – М., 2004. – С. 6–10.
10. Zogan, E. F. Factors influencing the quantity and quality of colostrum in the cow / E. F. Zogan // Vet. Sci. Communs. – 1988. – № 32. – P. 39–46.
11. Хворов, А. В. Гематологические показатели крови жеребчиков различных генотипов / А. В. Хворов, В. В. Хворов // Разведение, селекция, генетика и воспроизводство сельскохозяйственных животных : науч. тр. аспирантов СПбГАУ / С.-Петерб. гос. аграр. ун-т ; отв. ред. Л. С. Жебровский. – СПб., 2003. – С. 98–100.
12. Камышников, В. С. Справочник по клинико-биохимической лабораторной диагностике : в 2 т. / В. С. Камышников. – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 2002. – Т. 2. – 463 с.

Summary

The carried out research has shown, that foals during the first 3 months of their life have the increased level of red cells and haemoglobin in blood, the quantity of the general fiber, as well as creatinine increases. It also observe certain changes in the leukogram, the increasing of the bactericidal and lisozymic activity of blood serum and the decreasing of the uric acid concentration. Two-month-old foals have the increased quantity of leukocytes, urea level and ALAT activity in blood serum, however ASAT activity during this period decreases. It proves that the processes of organ and organism system formation go on as well as proceeding the processes of animals' adaptation to new environmental factors.

Поступила в редакцию 19.03.09

Г І С Т О Р Ы Я

УДК 94(476.4)«1917»

*А. А. Воробьев***ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ МСТИСЛАВСКОГО И КЛИМОВИЧСКОГО УЕЗДОВ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье автор вводит в научный оборот информацию о правонарушениях, имевших место на территории Мстиславского и Климовичского уездов во время выборов во Всероссийское Учредительное собрание. На основании ранее малоизвестных или неизвестных архивных материалов автор сделал аргументированные выводы о том, что правонарушения при проведении выборов на территории Мстиславского и Климовичского уездов допускали обе ведущие политические партии России (большевиков и эсеров), причем больше нарушений было со стороны большевиков и поддерживавших их солдат Западного фронта русской армии. Отмеченные нарушения, по мнению автора, не были масштабными и поэтому не отразились существенно на итогах выборов, на которых победу в обоих уездах одержала партия эсеров.

Введение

Проблема выборов в Учредительное собрание еще долгое время будет оставаться притягательной для историков. Первым комплексным исследованием проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание стала работа советского историка О. Н. Знаменского [1].

За этой работой последовали работы историков советского периода Л. М. Спирина [2], И. М. Игнатенко [3] и Н. С. Сташкевича [4]. В конце XX – начале XXI столетий изучением вышеуказанной проблемы занимались Л. Т. Протасов [5], А. А. Урбанович [6] и ряд других историков. Однако, несмотря на значительные достижения, до сегодняшнего дня многие стороны данной проблемы до сих пор либо вовсе не затронуты, либо мало раскрыты. Нераскрытые вопросы есть и в более узкой проблеме – выборах во Всероссийское Учредительное собрание на территории двух восточных уездов Могилевской губернии (Мстиславского и Климовичского).

Результаты исследования и их обсуждение

В начале XX столетия Мстиславский и Климовичский уезды занимали пограничное положение в тогдашней Могилевской губернии, соседствуя со Смоленской губернией. Вначале следует отметить, что материалы, относящиеся к выборам в Учредительное собрание на территории Мстиславского и Климовичского уездов (как архивных, так и почерпнутых из периодической печати) немного. Нам не удалось установить персональный состав Мстиславской и Климовичской уездных избирательных комиссий. По этой причине нам неизвестны также образовательный и имущественный цензы, национальность и возраст, партийная принадлежность и занимаемые к моменту проведения выборов должности членов обеих уездных избирательных комиссий. Нам удалось выяснить, что в Мстиславском уезде существовало более 70 избирательных участков, а в Климовичском уезде таких участков было 109, в том числе в самом уездном центре (г. Климовичи – 2) [7, л. 55 об.]. В выборах в Могилевской губернии участвовало 11 кандидатских списков, которые были зарегистрированы Могилевской окружной комиссией по выборам в Учредительное собрание. Председателем окружной комиссии был заместитель председателя административного отделения Могилевского окружного суда А. Н. Полянский, членами комиссии были Ю. Ю. Бехли, Г. И. Выковский, К. И. Игнатьев и Н. А. Калецкий.

Для регистрации кандидатских списков за каждый из них, согласно избирательному законодательству, нужно было собрать не менее ста подписей избирателей. Первым в Могилевскую окружную избирательную комиссию поступил список от объединенной Российской социал-демократической рабочей партии и Бунда, который был впоследствии зарегистрирован под № 2. В число двадцати двух кандидатов от данного кандидатского списка входил житель города Климовичи Тарасов Тимофей Харитонович [7, л. 6–6 об.], [8].

Затем в окружную комиссию поступил список от Могилевского губернского Совета крестьянских депутатов и губернской организации партии социалистов-революционеров (эсеров), насчитывавший двадцать два кандидата, и этот список был зарегистрирован под № 1. В его состав входили жители г. Климовичи Василевский Терентий Яковлевич и Максимов Алексей Харитонович [7, л. 14–14 об.], [8].

Следующим в окружную комиссию поступил кандидатский список от еврейского национального избирательного комитета, зарегистрированный под № 9 [7, л. 21–21 об.], [9]. В нем жителей Мстиславского и Климовичского уездов не было.

Одновременно с кандидатским списком еврейского национального избирательного комитета в окружную избирательную комиссию поступил и список от объединенной еврейской социалистической рабочей партии («Е. С.» и «С. С.»), получивший при регистрации № 3 [7, л. 22–22 об.], [10]. И в этом кандидатском списке жителей Мстиславского и Климовичского уездов не было. Следующим в окружную комиссию поступил кандидатский список от еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион», зарегистрированный под № 4 [7, л. 23–23 об.], [10]. И в нем уроженцев Мстиславского и Климовичского уездов не было.

Тогда же в окружную комиссию поступил еще один список – Всероссийского союза земельных собственников, включавших в себя двадцать два кандидата. Среди них был Каменский Карл Карлович, житель имения Тимоново, располагавшегося рядом с г. Климовичи. Этот список был зарегистрирован под № 5 [7, л. 24–24 об.], [10].

Затем в окружную комиссию поступил список от партии народной свободы (кадетской партии), также содержащий двадцать два кандидата. В нем не было жителей Мстиславского и Климовичского уездов. Данный список был зарегистрирован под № 6 [7, л. 27–27 об.], [10].

14 октября 1917 года в Могилевскую окружную избирательную комиссию поступил кандидатский список от Полесской организации РСДРП (большевиков) в г. Гомеле, сначала в нем было 16 кандидатов, потом осталось 12. Список большевиков был зарегистрирован под № 11 [7, л. 28–29 об.], [11]. В большевистском списке жителей Мстиславского и Климовичского уездов не было. В тот же день в окружную комиссию поступил кандидатский список Могилевской губернской польской рады, состоявший из 14 кандидатов. В нем уроженцев Мстиславского и Климовичского уездов не было. Польский список был зарегистрирован под № 10 [7, л. 30–30 об.], [11].

Тогда же (14 октября) в окружную комиссию поступил кандидатский список белорусских организаций (Могилевской губернской организации БСГ), в котором было пятнадцать кандидатов. В его составе жителей Мстиславского и Климовичского уездов также не было. Список БСГ был зарегистрирован под № 8 [7, л. 31–31 об.], [9].

14 октября в окружную избирательную комиссию поступил и кандидатский список Идише фолкспартей и Внепартийного еврейского демократического комитета, содержащий девять кандидатов. Список был зарегистрирован под № 7. И в нем жителей Мстиславского и Климовичского уездов не было [7, л. 34–34 об.], [9].

Следует также отметить, что в Могилевскую окружную комиссию поступил еще и кандидатский список демократических организаций Климовичского уезда. Данный список был подан в соответствии со всеми требованиями избирательного законодательства. Он имел 110 подписей избирателей и 5 кандидатов, но все кандидаты по неизвестной причине приняли решение снять свои кандидатуры [12, л. 347, 351, 388]. Важным фактом явилось обнаружение информации о многочисленных нарушениях процедуры проведения голосования на территории Мстиславского и Климовичского уездов Могилевской губернии.

В Мстиславском уезде на первом избирательном участке избирательные бюллетени не были прошнурованы, такое же нарушение было отмечено и на четвертом избирательном участке, где, кроме того, один член участковой избирательной комиссии был неграмотным, что противоречило избирательному законодательству. На пятом избирательном участке избирательные бюллетени не были прошнурованы и не были опечатаны, а на шестом – избирательные бюллетени не были опечатаны и проголосовало 57 человек, которые не были внесены в избирательные списки. Не были опечатаны избирательные бюллетени на девятом, одиннадцатом и тринадцатом избирательных участках. На шестнадцатом избирательном участке Мстиславского уезда проголосовал один не внесенный в избирательные списки человек, а на восемнадцатом участке два члена участковой избирательной комиссии были неграмотными. На двадцатом избирательном участке незаконно проголосовало три человека, которые в избирательных списках не значились, а на двадцать первом участке таких людей было уже 203. На двадцать втором участке не были

опечатаны избирательные бюллетени, а на двадцать третьем проголосовали 12 человек, которые в избирательных списках не значились. На тридцать пятом участке один из членов комиссии был неграмотным, а на сорок четвертом итоговый протокол был подписан только тремя членами комиссии из четырех. На сорок пятом участке избирательные бюллетени не были прошнурованы и опечатаны, а на сорок седьмом участке в итоговом протоколе не было указано количество избирателей, внесенных в избирательные списки по данному участку. На сорок восьмом избирательном участке проголосовало 57 не внесенных в избирательные списки человек, а на пятидесятом участке таких было уже 25 человек. На пятьдесят первом участке избирательные бюллетени не были прошнурованы и опечатаны, а на пятьдесят четвертом в итоговом протоколе не были заполнены самые важные графы (правда, не было указано какие). На шестидесятом участке проголосовало неизвестное количество солдат, которые в избирательных списках не значились, а на шестьдесят первом участке проголосовало незаконно шесть не внесенных в избирательные списки солдат. На шестьдесят четвертом участке в итоговом протоколе не были заполнены самые важные графы (не было указано какие). На шестьдесят пятом участке избирательные бюллетени не были прошнурованы и опечатаны, а на шестьдесят шестом они не были опечатаны. На шестьдесят седьмом и на семьдесят третьем избирательных участках избирательные бюллетени не были прошнурованы и опечатаны, а итоговые протоколы имели только по две подписи членов избирательных комиссий. На шестьдесят девятом участке избирательные бюллетени не были опечатаны, а в итоговом протоколе не были заполнены важнейшие графы [13, л. 9–9 об.].

Могилевская окружная избирательная комиссия насчитала в Мстиславском уезде 364 человека, которые не были внесены в избирательные списки [7, л. 55 об.]. По нашим подсчетам, эта цифра является верной. Вместе с тем, данным перечнем нарушения, допущенные при производстве выборов в Учредительное собрание на территории Мстиславского уезда Могилевской губернии, не ограничиваются. Так, в Монастырщинской избирательной комиссии местный православный священник Иван Дмитриевич Богданов призывал всех избирателей голосовать за список № 6 (партия кадетов), говоря, что все другие партии никуда не годятся. Учитель М. Кузьмин, являвшийся председателем Мазыкинской участковой избирательной комиссии, сообщил 14 ноября 1917 года в Мстиславскую уездную избирательную комиссию о том, что им доставили только треть избирательных бюллетеней по списку № 1 (партия эсеров), а остальные были неизвестно кем уничтожены. Крестьяне были очень озлоблены данным фактом и говорили, что это сделали буржуи, а также угрожали убить того, кто принимал бюллетени. Учитель, поскольку он принимал бюллетени, боясь самосуда, был вынужден бежать, а о том, как проходили выборы в данной участковой комиссии, больше ничего не говорилось. В Монастырщинскую волостную избирательную комиссию поступил протест от местной организации Бунда в связи с тем, что местная организация сионистов всем евреям раздавала свой список № 9 и призывала их голосовать только за них. Реакция на данный протест нам, к сожалению, неизвестна. Представитель Союза земельных собственников Ф. Цехановецкий сообщал в Мстиславскую уездную избирательную комиссию, что в Даниловском избирательном участке Старосельской волости голосовали только за список № 1 (партия эсеров), ибо бюллетеней других списков вовсе не прислали, и предлагал признать там выборы недействительными. Вновь не было данных о том, прошло или же не прошло данное предложение. В Мстиславскую уездную избирательную комиссию поступила также информация о том, что в избирательных комиссиях Ослянской волости раздавали только бюллетени списка № 1. Если же избиратели голосовали и за другие списки, то эти бюллетени тут же уничтожались и заменялись бюллетенями за список № 1. Заявление о подобных действиях сделал заместитель председателя уездной избирательной комиссии Г. Ф. Хижинский. Судя по всему, никаких мер по данному заявлению принято не было, но не исключено, что это была дезинформация. Член уездной избирательной комиссии Н. Ф. Климчинский на ее заседании сообщил, что на первом Любавичском участке Любавичской волости было замечено, что всем избирателям предлагали только бюллетени за список № 1. Секретарь уездной избирательной комиссии Д. М. Купчин сообщил также, что на его имя поступило заявление от избирателей первого Галеевского участка Соинской волости, в котором говорилось, что вместо бюллетеней списков № 5 и № 6 всем избирателям выдавали бюллетени списка № 1, а когда избиратели потребовали нужные им бюллетени, то выяснилось, что их нет и за ними посылали в Соинскую волостную земскую управу, а избиратели полдня ждали, когда их привезут. Кроме того, на седьмом Шишковском избирательном участке Бохотской волости всем избирателям также выдавали только бюллетени списка № 1, а если кто-то их не брал, то они оставались в комиссии, а та могла их подбросить за список № 1. Председатель шестого

Церковищенского избирательного участка З. Ольшевский сообщал в уездную избирательную комиссию о том, что на первом Замочульском избирательном участке солдаты не допустили к участию в голосовании большое количество местных жителей, мотивируя это тем, что они не знают, какая из политических партий более выгодна, и чуть вовсе не сорвали выборы на данном избирательном участке. По указанным выше фактам Мстиславская уездная избирательная комиссия не приняла никаких решений, направив информацию о них в Могилевскую окружную избирательную комиссию, однако пришедшие к власти в России большевики 20 ноября заняли Могилев и распустили окружную комиссию, которая тоже ничего не сделала по вышеуказанным фактам [13, л. 13–14, 33–35].

Были нарушения и в Климовичском уезде, хотя меньше, чем в Мстиславском. Так, в пятой избирательной комиссии один ее член был неграмотным, в седьмой избирательной комиссии был отмечен ее неполный состав, а в десятой избирательной комиссии Климовичского уезда был незаконно составлен дополнительный список для голосования. В двенадцатой избирательной комиссии незаконно проголосовало неизвестное количество солдат, в тринадцатой избирательной комиссии два ее члена были неграмотными, а в четырнадцатой проголосовало неизвестное количество человек, которые в избирательных списках не значились. В семнадцатой и двадцать девятой избирательных комиссиях были неполные составы, в тридцать третьей избирательной комиссии один член был неграмотным, а в тридцать пятой избирательной комиссии проголосовало неизвестное количество человек, которые в избирательных списках не значились. В сороковой и шестьдесят шестой избирательных комиссиях по одному члену в этих комиссиях были неграмотные. В семьдесят первой и семьдесят второй избирательных комиссиях был неполный состав, а в семьдесят третьей проголосовало неизвестное количество солдат. В семьдесят четвертой избирательной комиссии незаконно голосовали солдаты и лица, не достигшие 20 лет (то есть несовершеннолетние), численность которых не была установлена, а в семьдесят восьмой избирательной комиссии насчитали 20 человек, которые незаконно проголосовали, хотя и не значились в списках избирателей. В восьмидесятой и восемьдесят шестой избирательных комиссиях проголосовало неизвестное количество солдат, а в восемьдесят четвертой избирательной комиссии – 57 человек, не внесенных в избирательные списки. В восемьдесят седьмой избирательной комиссии незаконно проголосовало два человека, которые в избирательных списках не значились, в девяноста третьей избирательной комиссии таких было уже 52 человека, а в девяноста пятой – 61 человек. В сотой избирательной комиссии два ее члена были неграмотными [13, л. 5–5 об.]. Всего в Климовичском уезде было 109 избирательных участков, нарушения были отмечены в 24 из них. Могилевская окружная избирательная комиссия насчитала 170 человек, которых не было в списках избирателей, но которые, тем не менее, сумели проголосовать [7, л. 55 об.]. По нашим подсчетам, таких людей в Климовичском уезде было 192.

Итоговые данные по выборам в Учредительное собрание в Мстиславском уезде таковы: список № 1 получил 35 886 голосов избирателей, список № 2 – 1 342, № 3 – 275, № 4 – 103, № 5 – 834, № 6 – 1 108, № 7 – 149, № 8 – 9, № 9 – 3 226, № 10 – 119, № 11 – 1 305 голосов [7, л. 52–52 об.]. В процентном отношении список № 1 получил 80,9% голосов избирателей, список № 2 – 3%, № 3 – 0,62%, № 4 – 0,2%, № 5 – 1,9%, № 6 – 2,5%, № 7 – 0,34%, № 8 – 0,02%, № 9 – 7,3%, № 10 – 0,3%, № 11 – 2,94% голосов избирателей.

Итоговые данные по выборам в Учредительное собрание в Климовичском уезде таковы: список № 1 получил 45 078 голосов избирателей, список № 2 – 1 695, № 3 – 70, № 4 – 62, № 5 – 1 185, № 6 – 558, № 7 – 85, № 8 – 21, № 9 – 3 593, № 10 – 284, № 11 – 4 225 голосов [7, л. 52–52 об.]. В процентном отношении список № 1 получил 79,3% голосов избирателей, список № 2 – 3%, № 3 – 0,1%, № 4 – 0,1%, № 5 – 2,1%, № 6 – 1%, № 7 – 0,15%, № 8 – 0,04%, № 9 – 6,3%, № 10 – 0,5%, № 11 – 7,43% голосов избирателей.

Выводы

1. На выборах в Учредительное собрание на территории Мстиславского уезда Могилевской губернии победила партия эсеров, получившая 80,9 процента голосов, второе место с 7,3 процента голосов занял список № 9 (еврейский национальный избирательный комитет), а партия большевиков заняла только четвертое место (2,94 процента голосов), уступив немного занявшему третье место списку № 2 (Бунд и объединенная РСДРП), получившему 3 процента голосов избирателей.

2. На выборах в Учредительное собрание на территории Климовичского уезда победу одержала партия эсеров, получившая 79,3 процента голосов избирателей, второе место здесь с 7,43 процента сумели занять большевики, а на третьем месте с 6,3 процента голосов избирателей оказался список № 9.

3. Победа в обоих уездах досталась эсерам потому, что на Могилевском губернском крестьянском съезде крестьяне дали клятву голосовать на выборах в Учредительное собрание только за партию эсеров, и клятву свою сдержали.

4. Нарушения процедуры проведения выборов на территории двух данных уездов Могилевской губернии допускали, как это видно из материалов Могилевской окружной избирательной комиссии, обе партии, претендовавшие на победу (эсеры и большевики), однако партия эсеров нарушала ее не так масштабно, как большевики, на стороне которых было большое количество солдат Западного фронта русской армии.

5. На наш взгляд, отмеченные правонарушения не смогли значительно повлиять на общую картину выборов в Учредительное собрание на территории Мстиславского и Климовичского уездов Могилевской губернии и на волеизъявление населения этой части Беларуси.

Літаратура

1. Знаменский, О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / О. Н. Знаменский. – Л. : Наука, 1976. – 363 с.
2. Спирин, Л. М. Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий / Л. М. Спирин. – М. : Мысль, 1987. – 336 с.
3. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1962. – 640 с.
4. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии / Н. С. Сташкевич. – Минск : Наука и техника, 1978. – 284 с.
5. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и крушения / Л. Г. Протасов. – М. : Мысль, 1997. – 367 с.
6. Урбанович, А. А. Тактика политических партий в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание / А. А. Урбанович. – Минск : Университетское, 1993. – 267 с.
7. Материалы Могилевской окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 863. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–65.
8. Кандидатские списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 13 октября.
9. Кандидатские списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 20 октября.
10. Кандидатские списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 15 октября.
11. Кандидатские списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 22 октября.
12. Материалы Могилевской окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 863. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1–128.
13. Материалы Могилевской окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 863. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1–86.

Summary

The author introduces the information concerning offences committed on the abovementioned territory during the All-Russian Constituent Assembly elections. On the basis of littleknown or unknown archival materials the author drew well-grounded conclusions that the offences during elections on the territory of Mstislav and Klimovichi districts were committed by both leading political parties of Russia (the Bolsheviks and the Socialist revolutionaries). The Bolsheviks and soldiers of the Western front of the Russian Army who supported them committed more offences. But the latter, according to the author's view, were not large-scale and thus did not influence the election results. The Socialist revolutionary party won in both districts.

Поступила в редакцию 16.02.09.

УДК 94(47 + 57)

*А. А. Воробьев***ИСТОРИОГРАФИЯ ВЫБОРОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И СОСЕДНИХ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ**

В статье автор рассматривает историю изучения такой важной проблемы, как выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний осенью 1917 года.

Введение

Проблема выборов во Всероссийское Учредительное собрание является одной из ключевых проблем в истории не только тогдашней России и входивших в ее состав белорусских губерний, но и всей мировой истории, поскольку выборы в Учредительное собрание стали первым опытом демократического развития в истории всей Восточной Европы. Эта проблема долгое время являлась и до сих пор является предметом пристального интереса историков как в советские, так и в постсоветские времена. Рассмотрению изучения проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание на всем протяжении его существования посвящена данная статья.

Результаты исследования и их обсуждение

Первым исследователем проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание, обобщившим данные подавляющего большинства губернских избирательных комиссий всей тогдашней России, является Н. В. Святицкий, который был членом ЦК партии социалистов-революционеров (эсеров). В его статье «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание», опубликованной в сборнике «Год русской революции (1917–1918 гг.)», имелись кандидатские списки почти по всем губерниям России и, что самое главное, результаты выборов по подавляющему большинству избирательных округов тогдашней России [1, 108–111].

Однако по Могилевской губернии Н. В. Святицкий итоговых данных не смог найти и привел в своей работе примерные данные, в чем, кстати, он честно признался [1, 106–107]. Не были указаны в его работе и персоналии, то есть люди, которые входили в каждый из кандидатских избирательных списков. Впрочем, в тогдашней России их фамилии были у всех на слуху, может быть, поэтому Святицкий их и не упомянул. Гораздо более важным моментом в его работе следует признать отсутствие информации о правонарушениях, допущенных во время проведения выборов, однако при этом следует отметить, что у Н. В. Святицкого не было доступа к материалам окружных избирательных комиссий, ибо эти материалы стекались во Всероссийскую избирательную комиссию, которую возглавлял большевик Урицкий. Естественно, предоставлять информацию об итогах выборов и уж, тем более, о нарушениях, допущенных при их проведении, своим политическим оппонентам (эсерам), да и кому бы то ни было еще, Урицкий не имел права.

Вторым исследователем проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание, вслед за Святицким, был лидер партии большевиков Ленин. Он имел немало работ, в которых в той или иной степени касался проблемы выборов. Так, в работе «О задачах женского рабочего движения в Советской республике» Ленин, уже постфактум, упомянул уравнивание в правах мужчин и женщин в Советской России, что и позволило последним принять участие в выборах в Учредительное собрание [2, 200–201]. Однако справедливости ради следует упомянуть, что предоставление женскому населению России равных избирательных прав с мужским вовсе не является заслугой большевиков, как это следовало из слов Ленина. Это право женщинам было дано еще Временным правительством, которое и проводило подготовку к выборам во Всероссийское Учредительное собрание.

В письме «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам», написанном в июне–декабре 1919 года, Ленин еще раз напомнил о том, что большевики не стали бойкотировать выборы в Учредительное собрание, однако почему-то сравнил эту ситуацию с ситуацией выборов в Государственные Думы Российской империи, в которых большевики участвовали ранее [3, 218–219]. Думается, в данном случае параллели явились не совсем подходящими, ибо на выборах в Думы большевики были запрещенной партией, нелегальной, а в 1917 году, после свержения самодержавия, в России было гораздо больше свободы, о чем, кстати, Ленин и сам говорил ранее, но требования политического момента привели к забывчивости вождя мирового пролетариата. В работе «Политические партии в России и задачи пролетариата»

Ленин в апреле 1917 года заявил о признании большевиками прав крестьян захватывать и делить помещичьи земли, не дожидаясь решения на этот счет Учредительного собрания, на чем настаивали эсеры. Кроме того, именно в этой работе Ленин категорически высказался за созыв Учредительного собрания [4, 197, 201]. Еще в одной своей апрельской работе «О задачах пролетариата в данной революции» Ленин назвал «бредовыми» выражениями обвинения его в выступлении против скорейшего созыва Учредительного собрания. Попутно он сказал, что Плеханов напрасно обозвал его выступление после возвращения из эмиграции в Россию, более известное под названием «Апрельские тезисы», «бредовым», ибо едва ли слушатели смогли бы два часа (столько продолжалось выступление Ленина) выдержать «бред» [5, 117].

Немало информации содержалось и в письмах, предписаниях и телеграммах, которые Ленин отправлял деятелям большевистской партии. Так, в предписании Ленина от 27 ноября 1917 года говорилось об освобождении арестованных большевиками членов Всероссийской избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание [6, 13]. В письме, адресованном Стучке, Красикову и Козловскому, Ленин просил их узнать, есть ли в законах о выборах в Учредительное собрание срок для снятия выбранных или же замене их другими в избирательном списке [7, 13]. В письме в окружную избирательную комиссию на Балтийском флоте Ленин просил переслать ему по почте или же передать через представителя флота удостоверение о том, что он избран депутатом Учредительного собрания от Балтийского флота [8, 9].

28 ноября 1917 года Ленин отправил письмо во Всероссийскую избирательную комиссию по выборам в Учредительное собрание, в котором выразил согласие считаться депутатом Учредительного собрания от Балтийского флота. По другим избирательным округам, где тоже была выставлена его кандидатура, он предложил снять ее [9, 14]. 30 ноября 1917 года Ленин отправил телеграмму в Псков, в штаб Северного фронта русской армии, по избирательному округу которого тоже была выставлена его кандидатура по списку большевистской партии. Он просил окружную избирательную комиссию по выборам в Учредительное собрание на Северном фронте заменить его кандидатуру следующей по списку большевиков [10, 16]. Последнее предписание было адресовано солдатам и матросам, которые несли караульную службу у Таврического дворца, где должны были проходить заседания депутатов Учредительного собрания. Им предписывалось не допускать никакого насилия по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов [11, 26].

Непосредственно выборам в Учредительное собрание и итогам их проведения Ленин посвятил работу «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», в которой он ссылаясь на вышеуказанную статью Н. В. Святницкого, иронически называя ее «замечательно интересной» [12, 1]. Он отметил, что Святницкий использовал своеобразное деление тогдашней России по областям. Так, к Северной области он отнес Архангельскую, Вологодскую, Петроградскую, Новгородскую, Псковскую и Лифляндскую губернии; к Западной – Витебскую, Минскую, Могилевскую и Смоленскую [12, 3]. Никаких собственных данных, что принципиально важно, Ленин не привел, ограничившись неуместной критикой «замечательно интересной» статьи Святницкого. У него он списал следующие данные: в Северной области эсеры получили 38% голосов избирателей, а большевики – 40%. В Западной области за эсеров отдали свои голоса, по мнению Святницкого, 43% избирателей, а за большевиков – 44% [12, 3]. Ленин отметил, что в Северной области преобладание большевиков над эсерами кажется ничтожным: 40% против 38%. По его мнению, в этой области были соединены как непромышленные округа, представлявшие Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую и Псковскую губернии, где преобладали эсеры, так и промышленные (Петроградский столичный избирательный округ, Петроградская губерния и Лифляндская губерния). В Петроградском столичном округе большевики получили 45% (по числу голосов), 16% голосов там получили эсеры. В Петроградской губернии большевики получили 50% голосов избирателей, а эсеры – 26%. В Лифляндской губернии 72% избирателей проголосовало за большевиков, эсеры же вовсе не получили ничего [12, 4].

Ничего не сказал Ленин о ситуации в Западной области, где перевес большевиков над эсерами составил всего 1%. Зато он довольно подробно остановился на выборах в военных округах, особенно в округах Северного и Западного фронтов. Опять-таки были приведены данные из работы Святницкого: Северный фронт – за эсеров 240 тысяч голосов, а за большевиков – 480 тысяч, то есть в два раза больше; Западный фронт – 180 тысяч за эсеров и 653,4 тысячи голосов были отданы за большевиков [12, 9]. Далее Ленин сделал очень интересный вывод: «В армии большевики имели уже к ноябрю 1917 года политический “ударный кулак”, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент» [12, 10].

Сказав это, Ленин признал очень важный факт использования армии в целях оказания давления не только на население России, но и на политических оппонентов большевистской партии. Впрочем, о нарушениях подобного рода немало сказано в предыдущих публикациях автора данной статьи, поэтому развивать далее эту тему мы не будем.

После опубликования работ Ленина в течение значительного отрезка времени о Всероссийском Учредительном собрании ничего не писалось, а за ним, с «легкой» руки вождя мирового пролетариата, на долгие времена закрепилось пренебрежительное прозвище «учредилки».

Вспомнили о нем только тогда, когда уже заканчивался период нэпа с его относительной экономической и политической либерализацией. В период начала «большого перелома», в 1930 году, «первым красным профессором» М. Н. Покровским была подготовлена опубликованная в том же году работа «Всероссийское Учредительное собрание» [13].

В ней была предпринята попытка обобщить имеющиеся в наличии архивные материалы по выборам в Учредительное собрание, суммировав все отчеты окружных избирательных комиссий, и привести полный список депутатов Учредительного собрания [13, 116–138]. Несмотря на то, что эта работа была существенно больше статьи Святицкого и всех, в совокупности, работ Ленина, в ней так и не были опубликованы данные по всем без исключения избирательным округам тогдашней России. Не было и данных о нарушениях, допущенных при производстве выборов в Учредительное собрание. Так и не удалось составить полный список всех депутатов Учредительного собрания, избранных в ходе выборов.

Затем на долгий период на изучение проблемы выборов в Учредительное собрание было наложено «вето». Незначительный возврат к данной проблеме наметился только с середины 50-х годов XX столетия, когда уже умер Сталин и в СССР начался период так называемой «хрущевской оттепели». Однако все работы, которые были написаны советскими историками до 1976 года, страдали ограниченностью источниковой базы и подходов к изучению данной проблемы [14]–[19]. Это, в первую очередь, относилось и относится к предвзятому отношению к главным политическим оппонентам большевиков (партия эсеров), которые сумели намного превзойти их на выборах в Учредительное собрание. Во всех без исключения работах выборочно показывались нарушения в период проведения выборов в Учредительное собрание (это касалось только эсеров, а о большевиках не было сказано ни слова). К тому же все вышеуказанные работы в основном были посвящены выборам в Учредительное собрание в военных избирательных округах, где перевес большевиков над ближайшими соперниками (эсерами) был столь велик, что оспаривать его было совершенно невозможно.

Работа О. Н. Знаменского, опубликованная в 1976 году, стала значительным шагом вперед в изучении проблемы выборов в Учредительное собрание [20]. В ней была сделана попытка, правда, с все тех же позиций, рассмотреть подготовку, ход и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание на всей территории России. При всех несомненных достоинствах (публикация всех кандидатских избирательных списков, времени проведения выборов, указания наиболее известных кандидатур в каждом избирательном списке, итоги выборов) в работе О. Н. Знаменского имелся и ряд недостатков.

Так, в ней не было итогов выборов по всем избирательным округам, включая Могилевский, и, самое главное, ничего нового не было сказано о правонарушениях, допущенных в ходе проведения выборов. Все нарушения касались только других политических партий и кандидатских списков, но ничего не говорилось о нарушениях, допущенных при проведении выборов большевиками и сочувствующими их партии солдатами и матросами вооруженных сил России. К сожалению, в советские времена в отношении исправления указанных недостатков ничего и никому не удалось сделать больше, чем О. Н. Знаменскому.

Этого не удалось сделать в своей работе и Н. С. Сташкевичу [21]. Правда, ему удалось найти архивные данные по выборам в Учредительное собрание по Могилевской губернии, долгое время считавшиеся навсегда утерянными. Не смог устранить этих недостатков в своей работе и Л. М. Спиринов [22]. Он отметил, что данные по двум белорусским губерниям (Могилевской и Витебской) ему любезно были предоставлены белорусским историком Г. И. Ильяшук [22, 276, 292].

Ничего принципиально нового не привнесли в исследование проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание такие историки, как С. Н. Базанов, А. С. Смольников, П. А. Голуб, Е. Н. Городецкий и С. С. Хесин [23]–[27]. Среди последних трудов, посвященных проблеме выборов во Всероссийское Учредительное собрание, следует выделить работы А. А. Урбановича и Л. Г. Протасова [28]–[29].

В них с совершенно новых позиций и с учетом допущенных всеми кандидатскими списками нарушений процедуры голосования рассматривались данные по выборам в избирательных округах белорусских и соседних российских губерний [28, 144, 196, 198–200], [29, 363–366].

Однако даже в этих работах, уже лишенных зависимости от господствовавших в советские времена идеологизированных штампов и оценок, имелся ряд недостатков. В них не было полной картины выборов по всем уездам и отдельным избирательным участкам пяти гражданских (Витебский, Минский, Могилевский, Псковский и Смоленский) и трех военных (Западный фронт, Северный фронт и Балтийский флот) избирательных округов. Всем авторам этих работ не удалось установить полного перечня всех правонарушений, совершенных во время проведения выборов во всех указанных избирательных округах. Не удалось установить и влияния военных на гражданское население в ходе голосования. Многие из этих недостатков были устранены в серии основных публикаций, которые были подготовлены автором данной статьи [30]–[38].

В них были не только приведены факты многочисленных нарушений на выборах в Учредительное собрание, но и внесены коррективы в общую картину выборов в указанных выше пяти гражданских и в трех военных избирательных округах.

Кроме того, в публикациях автора данной статьи указаны новые причины получения итоговых результатов рядом избирательных кандидатских списков (в первую очередь, большевистским и эсеровским) на выборах в Учредительное собрание.

Выводы

1. Отличительной чертой советского периода изучения истории выборов во Всероссийское Учредительное собрание являлось изначально негативное отношение к Учредительному собранию, что было вызвано уничижительной оценкой его Лениным как «учредилки», поскольку Ленин не мог забыть поражения, которое потерпели на выборах большевики.

2. Ситуация изменилась в лучшую сторону в постсоветские времена, когда работы историков, посвященные выборам во Всероссийское Учредительное собрание, стали значительно более объективными, однако ряд недостатков в них так и не был устранен.

Литература

1. Святыцкий, Н. В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание / Н. В. Святыцкий // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М., 1918. – 167 с.
2. Ленин, В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике (речь на IV Моск. общегородской беспартийной конф. работниц 23 сент. 1919 года) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 39. – С. 198–205.
3. Ленин, В. И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 39. – С. 212–223.
4. Ленин, В. И. Политические партии в России и задачи пролетариата / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 31. – С. 191–206.
5. Ленин, В. И. О задачах пролетариата в данной революции / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 31. – С. 113–118.
6. Ленин, В. И. Предписание / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 50. – С. 13.
7. Ленин, В. И. П. И. Стучке, П. А. Красикову и М. Ю. Козловскому / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 50. – С. 13.
8. Ленин, В. И. В Балтийско-флотскую по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 50. – С. 9.
9. Ленин, В. И. В Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное собрание / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 50. – С. 14.
10. Ленин, В. И. Телеграмма в комиссию по выборам в Учредительное собрание / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 50. – С. 16.
11. Ленин, В. И. Предписание / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 50. – С. 26.
12. Ленин, В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 40. – С. 1–24.
13. Покровский, М. Н. Всероссийское Учредительное собрание / М. Н. Покровский. – М. : Госполитиздат, 1930. – 156 с.
14. Петров, Н. Г. Большевики на Западном фронте в 1917 году / Н. Г. Петров. – М. : Наука, 1956. – 127 с.

15. Капустин, М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов / М. И. Капустин. – М. : Госполитиздат, 1957. – 187 с.
16. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Наука, 1962. – 123 с.
17. Петраш, В. В. Моряки балтийского флота в борьбе за победу Октября / В. В. Петраш. – М. : Наука, 1966. – 149 с.
18. Спирин, Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России / Л. М. Спирин. – М., 1968. – 325 с.
19. Якупов, Н. М. Борьба за армию в 1917 году / Н. М. Якупов. – М. : Мысль, 1975. – 257 с.
20. Знаменский, О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / О. Н. Знаменский. – Л. : Наука, 1976. – 363 с.
21. Шашкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии / Н. С. Шашкевич. – Минск : Наука, 1978. – 113 с.
22. Спирин, Л. М. Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий / Л. М. Спирин. – М. : Мысль, 1987. – 336 с.
23. Базанов, С. Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте, 5-я армия / С. Н. Базанов. – М. : Наука, 1985. – 136 с.
24. Смольников, А. С. Большевизация XII армии Северного фронта в 1917 году / А. С. Смольников. – М. : Наука, 1979. – 268 с.
25. Голуб, П. А. Большевики и армия в трех революциях / П. А. Голуб. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
26. Городецкий, Е. Н. Рождение Советского государства / Е. Н. Городецкий. – М. : Мысль, 1987. – 296 с.
27. Хесин, С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть / С. С. Хесин. – М. : Наука, 1977. – 108 с.
28. Урбанович, А. А. Тактика политических партий в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание / А. А. Урбанович. – Минск : Университетское, 1993. – 245 с.
29. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и крушения / Л. Г. Протасов. – М. : Наука, 1997. – 367 с.
30. Воробьев, А. А. Революционные события 1917 года на Северном фронте и их влияние на Беларусь / А. А. Воробьев // Вестник Могилев. гос. ун-та. – 2002. – № 1. – С. 10–18.
31. Воробьев, А. А. Балтийский флот в 1917 году и его влияние на Беларусь / А. А. Воробьев // Вестн. Могилев. гос. ун-та. – 2002. – № 2–3. – С. 3–10.
32. Воробьев, А. А. К вопросу о выборах во Всероссийское Учредительное собрание на Западном фронте / А. А. Воробьев // Вестн. Могилев. гос. ун-та. – 2003. – № 2–3. – С. 9–21.
33. Воробьев, А. А. К вопросу о выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Могилевской губернии / А. А. Воробьев // Вестн. Могилев. гос. ун-та. – 2005. – № 1. – С. 3–14.
34. Воробьев, А. А. О некоторых аспектах выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Витебской губернии / А. А. Воробьев // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2006. – № 4. – С. 47–50.
35. Воробьев, А. А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Витебском уезде Витебской губернии / А. А. Воробьев // Вестн. Витебск. гос. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 17–23.
36. Воробьев, А. А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в Псковской губернии / А. А. Воробьев // Вестн. Могилев. гос. ун-та. – 2007. – № 4. – С. 26–31.
37. Вараб'еў, А. А. Выбары ва Устаноўчы сход на тэрыторыі Мінскай губерні / А. А. Вараб'еў // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 23–26.
38. Воробьев, А. А. Выборы в Учредительное собрание на территории Смоленской губернии / А. А. Воробьев // Вестн. Могилев. гос. ун-та. – 2008. – № 2–3. – С. 14–19.

Summary

The article deals with the historiography of such an important problem in the history of the Eastern Slavs as All-Russian Constituent Assembly elections on the territory of Belarus and neighbouring Russian regions in autumn 1917.

Поступила в редакцию 12.03.09.

УДК 316.4(476)«19»

*Е. И. Головач***СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX века**

В статье исследуются социальные проблемы, которые существовали на территории Беларуси в начале XX века. Автор установил, что наибольшего внимания требовали к себе аграрный и рабочий вопросы, проблема народного образования, которые нуждались в незамедлительном решении. Несмотря на некоторые мероприятия, проводившиеся для выхода из той сложной ситуации, которая наблюдалась в рассматриваемый период времени, в полной мере эти проблемы так и не были решены из-за нежелания правительства идти на существенные уступки в их решении, а также из-за многочисленных разногласий в видении выхода из создавшегося положения.

Введение

Долгое время социальные проблемы на территории Российской империи практически не затрагивались. Необходимость проведения широкомасштабных социальных реформ особенно четко обозначилась на рубеже XIX–XX веков, когда общественные потрясения подтолкнули правительство к преобразованиям.

Задачей статьи является рассмотрение и характеристика социальных проблем, существовавших на территории Беларуси в начале XX века.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце XIX – начале XX веков самыми болевыми социальными проблемами, требовавшими незамедлительного решения, являлись аграрный и рабочий вопросы, а также проблема народного образования.

Рассмотрим каждую проблему в отдельности.

В социальной политике любого государства важное место занимает рабочий вопрос. В Российской империи существование этого вопроса долгое время не признавалось ни правительством, ни частью общества. Но уже после 19 февраля 1861 года, когда «на бирже труда появился свободный рабочий, тогда явились договорные отношения между капиталистом и рабочим, возникла так называемая капиталистическая промышленность, возник и рабочий вопрос» [1, 2]. Но правительство по-прежнему продолжало игнорировать эту проблему, считая, что если между рабочими и возникают волнения, то совсем не на экономической почве, связанной с недовольством рабочих своим положением, а исключительно под влиянием тех людей, которые хотят втянуть рабочих в политическую борьбу [1, 2].

Первые законы, касавшиеся решения данной проблемы, появились только на рубеже XIX–XX веков. Так, 1 июня 1882 года был издан закон о труде малолетних на фабриках и заводах, 3 июня 1885 года – закон об отмене ночной работы женщин и подростков, в июне – октябре 1886 года – законы о штрафах, расчетных книжках, 2 июня 1897 года – закон о введении обязательных неоплачиваемых праздничных дней, в июне 1903 года – законы об ответственности предпринимателей за увечья и фабричных старостах и т. д. [2, 60, 66, 95, 113].

Следует отметить, что в рассматриваемый период времени жизненный уровень основной части рабочего класса России оставался низким, а условия их труда и быта – крайне тяжелыми. В начале XX века продолжительность рабочего дня в России по-прежнему была выше, чем во многих других странах. Так, в 1900 году рабочий день в Великобритании равнялся в среднем 9 часам, в США – 9¼, во Франции – 10½, в Германии – 10¾, в Италии – 11 часам. В России в 1899–1902 гг. его продолжительность составляла 11–11,4 часа [3, 25].

Заработная плата русских рабочих по сравнению с заработками рабочих стран Западной Европы и США напротив была значительно ниже (по сравнению с США, например, более чем в 4 раза). При этом очень велика была разница в зарплате рабочих различных профессий и разного уровня квалификации. Особенно низкой была заработная плата в текстильной промышленности, где трудилась половина всех фабрично-заводских рабочих [3, 25].

В конце XIX века, по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года, грамотных рабочих в Европейской России было лишь 40%. Низкая грамотность рабочего населения объяснялась, прежде всего, плохой постановкой в России начального школьного образования и отсутствием закона о всеобщем и обязательном начальном обучении [3, 26].

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков рабочие постоянно ощущали свое бесправие. Они жаловались на тяжелые условия труда: продолжительный рабочий день, низкую заработную плату, «прижимки» администрации и мастеров, а также плохое питание и жилье. Именно эти вопросы находились в центре забастовочной борьбы рабочих, которая представлялась серьезной проблемой для царского правительства дореволюционной России [4, 41].

В связи с этим исследователь жизни заводских рабочих П. Тимофеев отмечал: «Глухое брожение, происходящее в мастерской, все чаще и чаще вырывается наружу в виде беспорядков, забастовок, уличных демонстраций, и, несмотря на все репрессивные меры, которыми подавляются подобные беспорядки, волнения в мастерской не утихают» [5, 25].

На тяжелое материальное положение рабочих обращал внимание в 1909 году известный российский экономист первой половины XX века С. Н. Прокопович: «Заработок русского рабочего недостаточен для воспитания детей; о содержании же потерявших трудоспособность стариков не может быть и речи» [5, 28].

Кроме тяжелого экономического положения, рабочие остро ощущали произвол администрации предприятий и местных властей. На съезде окружных и старших фабричных инспекторов, который прошел в Петербурге весной 1895 года, было отмечено: «...Требования, которые выставляют рабочие, за редкими исключениями, не направлены против основ существующего строя. Главнейшие требования – весьма скромные пожелания и притом узкопрофессионального характера. Так, под свободой собраний они разумеют право обсуждать свои нужды и изыскивать пути к улучшению своего положения; свобода слова представляется им в виде возможности законными способами заявлять о своих нуждах; под неприкосновенностью жилища и личности они разумеют освобождение рабочего от постоянного страха ареста и насильственного вторжения в его жилище за одно только то, что он заявляет о своих нуждах и предъявляет требования об изменении условий найма...» [4, 41].

Поэтому неудивительно, что при таком положении дел рабочие устраивали забастовки. Так, в мае-июне 1907 года в Бобруйском уезде Минской губернии происходила забастовка на лесопильном заводе Шульца. Рабочие оставили работу и предъявили администрации завода следующие требования: 1) сократить рабочий день на 1 час (теперь работать приходится с 7 часов утра до 8 часов вечера и 1½ часа дается на обед); 2) улучшить квартиры, построить баню; 3) для работников сделать свой магазин; 4) заменить управляющего; 5) по-людски обходиться с рабочими; 6) оказывать рабочим помощь деньгами при получении ими травмы на работе; 7) заплатить все деньги за три дня прошлой забастовки и за все время нынешней, пока она не закончится [6, 5].

В 1907 году в местечке Сморгонь Ошмянского уезда Виленской губернии произошла забастовка сапожников. До этой забастовки продолжительность рабочего дня составляла по 15 часов в сутки. В результате забастовщики добились того, что стали работать 9 часов: с 8 часов утра до 6 часов вечера, и 1 час выделялся на обед [7, 4].

В 1907 году в Витебске особенно остро ощущалась проблема безработицы и безработных. Причин безработицы было очень много: общий торговый и промышленный кризис, застой в делах, локауты заводчиков, крупных предпринимателей и т. д. Для того чтобы помочь безработным, в городе собирались пожертвования, устраивались концерты, вечера, лотереи и другое. Но эти мероприятия не могли решить проблемы, так как при существовании коренных причин, вызвавших экономический кризис, избавиться от существования безработицы было невозможно [8, 2].

Еще одной значимой социальной проблемой следует назвать аграрный вопрос. Так же, как и рабочие, крестьяне находились в тяжелом положении. К 1905 году пригодная для земледелия земля в Европейской России распределялась следующим образом: из 280 млн. дес. 101,7 млн. дес. составляли частновладельческие земли, 138,8 млн. дес. – наделные, 39,5 млн. дес. – казенные и учреждений [9, 106].

По сравнению с Россией, в Беларуси процент частновладельческих земель в общей площади земель был выше. Из 18,2 млн. дес. частновладельческая земля составляла 10,4 млн. дес. (57%), наделная – свыше 6 млн. (33,2%), земли казны, церкви и прочее – 1,8 млн. (9,8%) [9, 107]. После отмены крепостного права белорусские крестьяне получили землю в подворное владение. На каждый двор или семью были отведены земельные участки, для отдельных волостей и обществ неодинаковые. Средние размеры участка колебались около «уволоки», то есть 18–20 десятин, чаще снижаясь до 16, 12 и даже 6 десятин и в редких случаях увеличиваясь до 24–30 десятин, где земля была малопродуктивной или неудобной для обработки [10, 2]. В целом по Беларуси почти 43% крестьянских дворов имели надел только до 8 десятин на двор, в то время как для самостоятельного ведения хозяйства в здешних условиях требовалось 15–20 десятин [9, 107].

Крестьяне страдали от малоземелья, они почти не имели леса, необходимых покосов и пастбищ для скота. Отрицательно на крестьянском хозяйстве сказывалась и чересполосица. В западных губерниях крестьянские полосы из-за того, что они были очень узкими, получили название «шнуров». Крестьяне должны были выполнять многочисленные поборы, платить налоги, нести натуральные повинности. К этому всему следует добавить слабую земледельческую технику и низкую урожайность.

Судя по газетным вырезкам, аграрный вопрос на территории Северо-Западного края начал обостряться в начале XX века. Газеты отмечали, что аграрное движение с наибольшей силой проявлялось в Гродненской и отчасти Ковенской губерниях и носило форму сельскохозяйственных забастовок. По сообщениям газет, эти забастовки носили совершенно мирный характер, хотя были случаи недопущения пришлых рабочих к работе. В большинстве экономий были заявлены следующие требования: «1) увеличить поденную плату вдвое; 2) сократить рабочий день до 12 часов в сутки, а не с восхода и до заката солнца, как теперь; 3) улучшить харчи и 4) безусловно, вежливое обращение с рабочими» [11, 4].

В отделе сельскохозяйственной статистики при Главном Управлении Земледелия и Землеустройства в 1906 году имелись следующие данные о количестве безземельных крестьянских дворов: в Могилевской – 8,3%; в Минской – 9,7%; в Витебской – 5,9%; в Виленской – 17,3%; в Ковенской – 75%; в Гродненской – 6,8% [12, 4].

Газета «Минское слово» в 1908 году отмечала, что в Витебской губернии в последнее время наблюдается некоторый подъем земледельческой культуры, благодаря полезной деятельности сельскохозяйственных обществ и земледельческих кружков. Во главе их находилось витебское общество сельских хозяев, которое имело богатые материальные средства, устроило свой земельный банк и вело широкую торговлю сельскохозяйственными продуктами. Но это общество состояло в основном из помещиков-поляков, которые больше всего заботились о своих сословно-национальных интересах. Русских помещиков в губернии было очень мало, но, несмотря на это, они тоже начали проявлять инициативу, участвуя в деятельности земледельческих кружков. Таких кружков в губернии насчитывалось свыше 20; в большинстве под руководством поляков, но некоторые успешно действовали и под руководством русских землевладельцев. Крестьяне принимали активное участие в деятельности этих кружков и даже успели кое-чему научиться, например: начали применять у себя искусственное минеральное удобрение, вводить травосеяние и вслед за пробными посевами трав уже начинали переходить к многополью, что в особенности часто наблюдалось в северных уездах, где жило более предприимчивое население, среди которого было немало латышей [13, 3].

На рубеже XIX–XX веков проблема народного образования и просвещения занимала особое место как в России, так и в Беларуси. Положение начального народного образования наиболее ярко характеризует процент учащихся начальных школ ко всему населению. В 1894 году этот показатель для белорусских губерний был следующим: Виленская – 2%, Витебская – 2,1%, Гродненская – 3,3%, Ковенская – 1%, Минская – 2,5%, Могилевская – 3,8% [14, 521].

А. Цвикиевич отмечает, что, по сравнению с развитием начального образования в 60–70-е гг. и 80–90-е гг. XIX века, в последнее двадцатилетие в Беларуси был достигнут «достаточно высокий уровень народного образования» [15, 244–245].

В начале XX века, несмотря на значительные изменения в области народного образования, Беларусь уступала центральным губерниям России по материально-техническому обеспечению школы и по некоторым другим важным показателям развития образования. Это можно объяснить тем, что в Северо-Западном крае политика царизма была направлена на расширение начальной школы, сдерживание среднего и ограничение высшего образования.

Следует отметить, что в начале XX века в области образования происходят изменения. В среде всех классов и слоев населения усиливается тяга к знаниям. Реформами П. А. Столыпина было предусмотрено введение в России всеобщего начального образования, однако до революции оно так и не было осуществлено.

Система образования как в России, так и в Беларуси сохранила от прошлого очень много пережитков и была построена таким образом, чтобы обеспечить преимущество имущим классам и затруднить продвижение по социальной лестнице представителям низов населения.

Однако сумма расходов на образование с каждым годом увеличивалась. Так, по смете Министерства народного просвещения на 1907 год сумма расходов по народному образованию составляла 52 800 000 рублей. Сравнительно с суммой расходов в 1906 году ассигновка увеличилась на 8 000 000 рублей. На начальное народное образование ассигновка увеличена на 5 500 000 рублей, на среднее – на 1 200 000 рублей, высшее – на 1 300 000 рублей [16, 1].

Но, несмотря на все меры, принимаемые Министерством народного просвещения, ситуация в Северо-Западном крае оставалась достаточно тяжелой. Так, в 1909 году были подведены итоги по вопросу о положении народного образования в Могилевской губернии. В результате оказалось, что во всей губернии процент неграмотных детей школьного возраста составлял 73,4%, а по уездам эта цифра колебалась от 64% (в Гомельском уезде) до 81% (в Могилевском) [17, 3]. Таким образом, Могилевская губерния, по сравнению с другими губерниями, находилась чуть ли не первом месте по числу неграмотных детей школьного возраста и даже в почти совершенно безграмотной России побила рекорд невежества.

Если губернии Северо-Западного края расположить по порядку относительно того, сколько школ в 1906 году приходилось на число жителей, то можно увидеть следующую картину: Гродненская – 1 298,8; Могилевская – 1 509,8; Виленская – 1 683,1; Минская – 1 972,8; Витебская – 3 853,5 [18, 3].

Для того чтобы улучшить ситуацию, правительство выделяло деньги на открытие начальных народных училищ. Так, в 1908 году на нужды начальных училищ Виленского учебного округа предполагалось отпустить до 600 000 руб., в том числе на губернии: Минскую – 140 000 руб., Могилевскую – 170 000 руб., Витебскую – 75 000 руб., Виленскую – 78 000 руб., Гродненскую – 87 000 руб. и Ковенскую 50 000 руб. [19, 2].

Таким образом, в Минской губернии предстояло открыть до 200 новых начальных народных училищ. Новый кредит, предполагаемый к постоянному отпуску для Минской губернии, назначался собственно на жалование учительскому персоналу, все же хозяйственные расходы по содержанию училищ должны были быть приняты на средства местного земства и крестьянских обществ. Какую долю расходов должно было на себя взять местное земское самоуправление и крестьянские общества, оговорено не было [19, 2].

В начале 1908 школьного года в шести губерниях Северо-Западного края (Виленской, Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Ковенской) было всего 2 249 народных школ. Затем открыли еще 512 школ: в Виленской – 42, Витебской – 115, Гродненской – 44, Ковенской – 42, Минской – 105 и Могилевской – 164 [20, 6].

Отмечалось, что в 1908 году в Виленской губернии планировалось открыть 9 городских училищ, а в результате открыли только одно (в Вильно). В местечках нет денег на квартиру для училищ, поэтому в них их и не открывают [20, 6].

Учителя не всегда вовремя получали заработную плату и пенсии. Например, в 1907 году в Слонимском уезде Гродненской губернии два месяца учителя не получали пенсии. Хуже всего приходилось тем учителям, у которых были семьи: «И кидать гэтую службу нима як, дый шмат ужо састарылись, вучачы весковых дзяцей, страцілі сілы і здароўе ў халадных пыльных і душных класах» [21, 7].

Еще одной проблемой называлась нехватка школ в Беларуси: «...дзецц растуць у цемноці, сьвет навукі не прасьветляе іх галавы, а цемнаму чалавеку цяперашнім часам цяжка прыходзіцца жыць» [21, 7]. Например, в 1907 году в городские училища и низшие школы города Вильно всего было подано 820 прошений, а принято же только 410 человек. Таким образом, ровно половина молодых людей вынуждена была вернуться в свои родные места ни с чем [22, 5].

Выводы

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в начале XX века на территории Российской империи существовал ряд социальных проблем, которые необходимо было решать как можно скорее. Среди всех проблем наибольшего внимания требовали аграрный и рабочий вопросы, а также проблема народного образования. Но на эти вопросы правительство долгое время не обращало никакого внимания.

Во-вторых, социальные проблемы как на территории всей Российской империи, так и в Беларуси в частности имели одинаковые черты. Так, в аграрном вопросе можно выделить следующие моменты: малоземелье крестьян, нехватка леса, покосов и пастбищ для скота, многочисленные повинности и налоги, которые также тяжелым бременем ложились на плечи крестьян; в рабочем вопросе – тяжелые условия труда и быта рабочих, низкая заработная плата и низкий уровень грамотности, отсутствие страховых законов; что же касается проблемы народного образования, то здесь главным следует отметить нехватку школ.

Литература

1. Витебск, 29-го января // Витебский голос. – 1906. – 29 янв. – С. 2.
2. Лаверычев, В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.) / В. Я. Лаверычев. – М. : Мысль, 1972. – 340 с.
3. Бойко, Т. В. Рабочие в России и культура (Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века) / Т. В. Бойко ; под ред. С. В. Тютокина. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 158 с.
4. Кирьянов, Ю. И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков / Ю. И. Кирьянов // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 40–53.
5. Рабочие в России: исторический опыт и современное положение : сб. науч. ст. / под ред. Д. О. Чуракова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.
6. Сельчук, С. З. Беларусь и Литвы / С. Сельчук // Наша Нива. – 1907. – 6 (19) липца. – С. 5.
7. С. Д. З. Беларусь і Літвы / С. Д. // Наша Нива. – 1907. – 14 (2) серпня. – С. 4.
8. Борин, С. К вопросу о безработице / С. Борин // Витебский голос. – 1907. – 9 мая. – С. 2.
9. Мартюхова, М. А. На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью Государственной Думы в России (август 1905 – июль 1906) / М. А. Мартюхова ; под ред. Т. Е. Солодкова. – Минск : Наука и техника, 1986. – 141 с.
10. А. В. К аграрному вопросу в Белоруссии / А. В. // Белая Русь. – 1906. – 13 мая. – С. 2.
11. К аграрному движению // Витебский голос. – 1906. – 6 авг. – С. 4.
12. Разные известия. О количестве надельных земель в Европейской России // Витебский голос. – 1906. – 27 авг. – С. 4.
13. Областной отдел // Минское слово. – 1908. – 7 марта. – С. 3.
14. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века / Ш. И. Ганелина [и др.] ; под общ. ред. А. И. Пискунова. – М. : Педагогика, 1976. – 600 с.
15. Цвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX ст. / А. Цвікевіч ; пасляслоўе А. Ліса. – 2-е выд. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
16. Столичные известия // Витебский голос. – 1906. – 17 дек. – С. 1.
17. А. Л. К вопросу народного образования. О школе повышенного типа в Могилевской губернии / А. Л. // Могилевский вестник. – 1909. – 10 (23) июля. – С. 3.
18. Пятницкий, А. По вопросу о всеобщем обучении. Вильно / А. Пятницкий // Белая Русь. – 1906. – 27 мая. – С. 3.
19. N. N. Новые кредиты на народное образование / N. N. // Минское слово. – 1908. – 30 янв. – С. 2.
20. Свой. З. Беларусь і Літвы / Свой // Наша Нива. – 1908. – 20 (3) маябра. – С. 6.
21. Берэбэндзя. З. Беларусь і Літвы / Берэбэндзя // Наша Нива. – 1907. – 20 липца. – С. 7.
22. Халимон с-пад Пушчы. З. Беларусь і Літвы. Г. Вільня / Халимон с-пад Пушчы // Наша Нива. – 1907. – 14 (2) серпня. – С. 5.

Summary

Social problems, which existed on the territory of Belarus at the beginning of the 20th century, are being researched in this article. The author has found out that agricultural and labour questions, the problems of public education are required the most attention and needed to be solve immediately. In spite of the some actions which were hold on, these social problems were not solved fully because the government didn't want to compromise substantially to solute these problems. Also there were numerous disagreements in the finding the way out of that situation.

Поступила в редакцию 16.02.09.

УДК 94(38).02

М. С. Корзун, М. В. Сычев

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ О РАБОЧЕЙ СИЛЕ В ХОЗЯЙСТВЕ АРХАИЧЕСКОГО ПОЛИСА

*Рассматривается состав рабочей силы в сельскохозяйственном хозяйстве «железного века» (периодизация Гесиода), типичном для эпохи архаических преобразований общины рубежа VIII–VII вв. до н. э. Из-за трудности понимания текста, написанного на древнегреческом языке, возникла дискуссия о соотношении эксплуатируемых хозяином свободных и рабов. Одни считают *gynaika* и *tythos dmōos* рабами, а другие – только зависимыми работниками.*

Введение

Целью данной статьи является выяснение роли труда в хозяйстве, типичном для общества архаического времени и непосредственных участников труда, дискуссионность проблемы их социального и правового положения, состава работников. В качестве примера рассматривается хозяйство Гесиода, описанное им в поэме «Труды и дни».

Методика исследования состоит в сравнении данных Гесиода с сообщениями Гомера и послегомеровских авторов с учетом общности и различий их концепций.

Результаты исследования и их обсуждение

Отношения между общинниками и царями подобны положению Соловья в когтях Ястреба (Erga 202–212). Отец Гесиода купил землю и по наследству передал ее сыновьям. Но от вражды не смогли удержаться и братья (Erga 37–41; 635–639). Новый собственник получил урок выживания в условиях, когда чуждыми становились дети и родители. Показательно, что, как сообщил Фукидид со ссылкой на некое предание, Гесиода убили в святилище Зевса Немейского (Thuc. III, 96, 1).

Гесиод употребляет 5 различных слов для обозначения рабочей силы: 1) *gynaika* – В. п., ед. ч. – *gynē*, *gynaikos* (Им. п., ед. ч.); 2) *aizēos* (Им. п.); 3) *dmōos*¹ (Им. п.); 4) *thēta* (В. п.); 5) *erithos* (Им. п.).² М. С. Корзун задумался над проблемой рабочей силы в хозяйстве зажиточного земледельца после анализа состава этой силы, представленного К. М. Колобовой и опубликованного в хрестоматии; исследователь опиралась на данные Гесиода, которые она изучала в оригинале на древнегреческом языке [3, 55–64]. А. И. Доватур в сочинении «Рабство в Аттике VI–V века до н. э.» считает рабами *dmōes*, упомянутых в строках 602–603, в других местах «Труды и дней» Гесиода и в элегии тирана Крития [4, 107, 132].

В качестве отдельной историографической проблемы выделяется проблема о количестве категорий работников в хозяйстве Гесиода. Большинство исследователей выделяет две противопоставляемых категории: к одной относят *dmōos* (сюда же приписывая *gynē* и *aizēos*), в другую зачисляют *thēs* и *erithos*. К. М. Колобова перечисляет 4 категории, никак не трактуя термин *thēs* [3, 59]. Однако мы последовательно настаиваем на том, что число категорий должно совпадать с числом терминов [5], [6], [7], [8]. В. П. Яйленко рассматривает работников Гесиода в целом, употребляя периодически разные греческие слова в едином рассуждении. Получается, что он приписывает единый статус всем работникам, обозначенным названным терминами [9, 47–48].

¹ В издании Wilamowitz-Moellendorff [1] (его использовал М. С. Корзун) вместо *dmōos* напечатано *dmōios*.

² Текстовые формы соответственно: 1) *gynaika* (Erga 80; 405; 695), *gynē* (Erga 94; 373; 698; 779), *gynaikes* (Erga 235; 244; 586), *gynaiki* (Erga 375; 399; 813), *kalligynaika* (Erga 653), *gynaikos* (Erga 702), *gynaikēiō* (Erga 753); 2) *aizēos* (Erga 441); 3) *dmōos* (Erga 430; 470), *dmōes* (Erga 459), *dmōessi* (Erga 502; 766) *dmōas* (Erga 573; 608), *dmōsi* (Erga 597); 4) *thēta* (Erga 602); 5) *erithon* (Erga 602), *erithos* (Erga 603) [2]. Слово *ktētēs* употреблено единожды у Гесиода и вообще во всем эпосе в ст. 406, признаваемой всеми, кто делит текст на подлинные и неподлинные строки, позднейшей вставкой, потому здесь не рассматривается.

Слово *dmōos* встречается в 8 случаях: Erga 430, 459 (*они пахут*); 470 (*малолетний дмой засыпает зерна однозубой мотыгой*); 502, 573 (*жнут*); 597 (*молотят*); 608, 766. Кроме «Трудов и дней», это слово также дважды встречается в «Щите Геракла» (ст. 39, 276), у Гомера же употреблено многократно. Перевод «рабы» дают Гориг (Högrige), В. Л. Уэстерман, Е. Г. Кагаров, И. Х. Дворецкий, Лидделл-Скотт, но они опираются, в основном, на текст Гомера, у которого материала для сравнительного анализа значительно больше. Этимология *dmōos* вызывает споры: словари Фриска и Хофмана возводят это слово к критскому *mnōa*; Е. Буссак – к слову *domos* (жилище, дом). Я. А. Ленцман опровергает именно вариант с *domos* и роднит *dmōos* со встречающимися в эпосе *dmēsis* (укрощение, объездка), значит, с *damazō* (классическая форма *damazō* – приучать к ярму, подчинять и т. п.). У. Кестнерн тоже указывает на связь *dmōos* с *damazō* [10, 126–127], [11, 234, 237–239], [12], [13].

Я. А. Ленцман считает *dmōos* Гомера рабом, сразу же приводя исключение из самой поздней по времени написания части Одиссеи (Od., XI, 431) и считая перевод *dmōos* Гесиода не столь однозначным. Серьезно расширяет значение слова *dmōos* Г. Глотц, приравнивая его у обоих авторов к позднейшим *oikeus* и *famulus*, то есть к домочадцам, к которым относятся не только рабы [11, 239], [14, 61]. К. М. Колобова упоминает мальчика-раба, однако мальчиком в поэме можно признать только *tytthos dmōos* [3, 59]. Рабом считает *tytthos dmōios* М. С. Корзун, не находя различий в значении этого слова у Гомера и Гесиода [7, 213–214].

Гомер начал обозначать понятие «рабыни» соответствующими древнегреческими словами *dmōē* и *doylē*. *Doylē* имеет один корень с *doylon* («порабощение»), которым обобщенно называется несвобода одного человека по отношению к другому, когда эксплуататору принадлежит не только труд, но и тело раба. Взаимосвязь понятий *doylon* и *doylē* стала традицией, которая прослеживается в письменной литературе. Рабы (*dmōes*) не желают работать (*ergazesthai*), если хозяева не побуждают их. В эпосе рабство обосновано с помощью гомеровской «трактовки почитания богов» (*timē theōn*): Зевс «ввергает человека в день рабства» (*kata doylon ēmar elēsīn*) [15, 275]. Платон в трактате «Законы» воспользовался религиозно-социальным выводом Гомера для доказательства потери рабом доблести, свойственной свободному. Тимей (ок. 356–260 гг. до н. э.) в пересказе его Афинеем (II–III вв. н. э.) показал разновидности рабов – мариандинов в полисе гераклиотов, пенестов у фессалийцев. Мессеняне (илоты) Спарты часто восставали. Тимей и Афиней считали верным сообщение Аристотеля о том, что локрийцы и фокидяне запретили своим гражданам приобретать рабов, чтобы не лишать работы бедных граждан.

Таким образом, видны не идеологические (как у Гомера), а практические причины закабаления. На заре превращения зажиточного земледельца в мелкого рабовладельца Гесиод использовал и труд «бабы без сосунка», обрекая на голод женщину с грудным ребенком. В таком направлении происходило социальное разделение общинников железного века. Гесиод раскрыл главные причины и выгоды рабства: железные орудия труда, увеличивающие его производительность, как ни парадоксально, вызвали появление голода в беотийской Аскре, долгов, бездомного фета, безработной бабы с сосунком, безволевого, ставших главными кандидатами на превращение в долговых рабов.

Еще в 1970-е годы мы обратились к проблеме состава рабочей силы в системе взглядов Гесиода, выраженных в обеих поэмах. «Труды и дни» показывают достижения в производстве железных орудий труда. Их постоянная готовность, расчет рабочей и тягловой силы, скорость проведения посева, календарь работ – все в совокупности с трудолюбием обеспечивает достаток. «Теогония» отражает новый взгляд на роль божественной помощи и социальной справедливости поэта, теолога, зачинателя науки о сельскохозяйственном производстве. В противовес социальному заказу Гомера о рождении царей от бракосочетания богов и богинь соответственно с царицами и царями Гесиод назвал и своего брата Перса потомком Зевса, а в переводе С. Я. Лурия, – Зевсовичем. Гесиод приравнивал генеалогию общинников к аристократической, установив генеалогическое равноправие. Цицерон назвал отвергнутое Гесиодом рождение богами царей суеверием.

Э. Д. Фролов дает самый обобщенный перевод слова *dmōos* – работники [16, 3–28], [17, 46]. И. А. Шишова считает этот перевод самым удачным, но *dmōos* все же относит к рабам, так как

с ними слишком тесно связан хозяйственный уклад [10, 89, 127]³. Она же пишет, что многие видят в *dmōos* Гесиода илота, в качестве примера называя Г. Бузольта и А. А. Захарова (здесь под понятием «илоты» имеется в виду покоренное додорийское население) [10, 119]. И. А. Шишова опровергает возможность существования долгового рабства в Беотии, но в своих доказательствах противоречит и сама себе, ссылаясь на сведения Эллина, которого сама обвиняет в необъективности, и источник (*Erga* 38), где речь идет о продаже клера.

В. П. Яйленко пишет об отсутствии рабов у Гесиода. Он обращает внимание на то, что речь идет о выборе и быков, и работника-пахаря. Выбор предполагает наличие рынка, а сведения о рабском рынке в столь ранние времена в источниках отсутствуют. Следовательно, речь идет о лично свободных работниках. После выполнения работ они получают плату (*mīsthos eirēmenos* (*Erga* 370)⁴) и уходят из хозяйства до следующего сезона (в тексте «дают отдых имлым коленам»); именно поэтому в их отсутствие требуются *thēs* и *erithos*.⁵ В. П. Яйленко отмечает, что, судя по сведениям позднейших источников, у греков в древности не было рабов (*Hdt.*, VI, 137; *apud Polyb* XII, 5, 7), понимая под древностью время Гесиода. Здесь целесообразно процитировать источник: «Ведь в те времена у афинян и прочих эллинов еще не было рабов»; здесь Геродот имеет в виду древнейший период, времена изгнания пеласгов (по современной хронологии приблизительно 1200–1600 гг. до н. э.). Таким образом В. П. Яйленко считает работников Гесиода лично свободными и вольнонаемными [9, 47–49]. Н. И. Новосадский считает *dmōos* (без упоминания остальных категорий) вообще гражданами, работающими за плату [10, 89].

На 8 случаев употребления существительного *dmōios* приходится только 2 относящихся к оным прилагательных: имеются в виду *Athēnaios* (афинский) и *tutthos* (малолетний)⁶ соответственно в строках 430 и 469. Относящиеся к рассматриваемым словам глаголы означают непосредственно выполняемые действия. Понятно, что эти люди работают на хозяина.

В строках 597–598 говорится: «Дмоев призывает Деметра могучая зерно // Вертеть» (*dmōsi d' epotrynein Dēmēteros hieron aktēn // dinemen*). [Здесь и далее при цитировании Гесиода использованы издания 1; 2; 18]. Деметра, олицетворяющая силы природы, т. е. вообще обстоятельства, нечто сверхчеловеческое, призывает не хозяина приказывать работникам, а непосредственно работников вертеть (то есть сушить) зерно. Получается, что работники сами, в соответствии с указаниями Деметры и погодными условиями, принимают решение о начале новой операции по окончании предыдущей. По нашему мнению, свидетельство, конечно, косвенное, трактовка спорная. М. С. Корзун дает такое объяснение: бывший общинник, ставший патриархальным рабом, считает и Деметру, и других богов своими покровителями.

В одном случае *dmōos* употребляется в связи с ремеслом: «В то же время как служитель Афины раскохе [плуга] скрепления // Прикрепляет [гвоздями] к скрепленному дышлу» (*eyt' av Athēnaiēs dmōos en elymati pēxas // gomphoisin pelasas prosarēretai histobēi*) (*Erga* 430–431). Я. А. Ленцман называет его явно свободным (вероятно, рамки небольшой статьи не позволили исследователю развернуть аргументацию в поддержку этого утверждения) [14, 64]. Э. Д. Фролов использует термин «*Athēnaiēs dmōos*» для обозначения сословия свободных ремесленников, как раз на рубеже гомеровского и архаического периодов становящегося оседлым и набиравшего силу [19, 98]. Ремесленники вскоре после гесиодовского времени стали во множестве подписывать свои изделия, что вряд ли можно было ждать от рабов, а момент их освобождения не зафиксирован, в то время как переход целой категории населения

³ Здесь уместно возразить: хозяйственный уклад может быть связан и, к примеру, с вольнонаемными, и с теми и другими вперемешку (что лучше всего как раз и переводится словом «работник»).

⁴ Справедливости ради необходимо отметить, что *mīsthos eirēmenos* (оговорено вознаграждение) предназначается не работнику, обозначенному одним из 5 рассматриваемых терминов, а абстрактному *anēr philos* (собственному человеку), а строчка 370 в целом большинством исследователей признается позднейшей вставкой (В. П. Яйленко сам считает ее не гесиодовской, а частью «золотого фонда народной мудрости»).

⁵ В. П. Яйленко обращает особое внимание на то, что исследователи, признающие наличие рабов у Гесиода, не отвечают на вопрос: зачем в дополнение к рабам, которые по определению могут выполнять любую работу, нанимать еще *thēs* и *erithos*, причем уже после окончания самой горячей поры – уборки урожая.

⁶ Здесь необходимо вспомнить не бесспорную трактовку М. С. Корзуна *dmōios* как раба, в связи с этим получается перевод «малолетний рабский».

из рабского состояния в свободное, если бы он действительно имел место, вряд ли бы остался незафиксированным. По нашему мнению, это единственный дмой в поэме, не относящийся к хозяйству Гесиода. И. А. Шишова же, напротив, утверждает что он – часть хозяйства [10, 89].

Прилагательное *Athēnaios* может не отличать этого *dmōs* от других (трактовка А. И. Шишовой), а возможно, этот *dmōs* в такой же зависимости от Афины, в какой остальные – от хозяина, значит, в данной строке речь идет о лично свободном (мнение Э. Д. Фролова). Источник не позволяет разрешить эти сомнения. Впоследствии термин *hierodoylos* (от *doylos* – «раб») мог обозначать и раба, принадлежащего храму, и лично свободного (тогда вольноотпущенника), только формально относящегося к храму [20, 45].

Концепции разложения общины у Гомера и Гесиода имеют сходства и различия. Различие состоит в восприятии мира богов и мира бессмертных. Гомер утверждал, что цари рождаются от бракосочетаний соответственно богов и богинь с царевнами и царями. Гесиод назвал и своего брата Перса потомком Зевса, как и всех смертных, включая царей и аристократов. Цицерон, системно и диалектически рассмотревший с позиций «за и против» древнегреческую религию, рождение царей богом назвал суеверием. Но если общинники – потомки богов, а архаические рабы времен Гомера и Гесиода *dmōes* – бывшие общинники, то они, как и цари, находятся под покровительством богов и Деметры по отношению к гесиодовским *dmōes*, которые «вертят», сушат зерно или в качестве не находящихся непосредственно в хозяйстве Гесиода являются «рабами Афины», что свидетельствует о развитии процесса отделения ремесла от земледелия.

Aizēos (дословно «силач») упоминается лишь единожды (Erga 441). К. М. Колобова пишет, что на пахоте у Гесиода используется наемный работник (а в связи непосредственно с пахотой упомянут лишь *aizēos*) [3, 59]. М. С. Корзуном данный человек относится к числу свободных [7, 213]. И. А. Шишова и А. А. Захаров считают его рабом: первая – на основании приравнивания «силача» к быку (что подчеркивается частицей *de*), второй – исходя из его дневного пайка [10, 90]. И то, и другое сложно признать неоспоримым доказательством. В тексте говорится о работе этого человека – пахоте, о степени его личной свободы ничего не сказано, но ясно, что он пашет чужую землю.

Слово *gynē*, *gynaikos* встречается 16 раз (см. примечание 2). Словарь И. Х. Дворецкого дает широкий спектр переводов этого слова: женщина, существо женского рода вообще, самка. По мнению Я. А. Ленцмана, в гомеровском тексте это обозначение рабыни, но позже такое слово могло обозначать и свободных [11, 242]. К. М. Колобова следом за В. В. Вересаевым называет женщину в хозяйстве Гесиода рабыней, да еще и купленной [3, 59], хотя данное уточнение, выраженное словом *ktētēs*, присутствует в следующей строке (406-й), которая почти единодушно признается позднейшей вставкой.

Относительно Гомера с Я. А. Ленцманом согласны и мы: в тексте Гесиода он видит в *gynē* такую же рабыню, как и у Гомера [7, 90]. На рабское положение *gynaika* в 405-й строке текста Erga указывает ее место в ряду принадлежащих хозяину дома вола, вещей в доме, связь между которыми усиливается постпозитивной частицей *men* и соединительной *te*: «Дом, конечно, в первую очередь, женщина и бык, и пахотный // И вещи⁷ в доме готовые да будут» (*Oikon men prōtista gynaika te boyn t' arotēra, // chrēmata d' ein oikō pant' armena poiēsasthai*) (Erga 405, 407).

Поскольку в 408-й строке утверждается, чтобы «ты не просил у другого» (*mē sy men aitēsallon*), то это «не просил» еще раз подтверждает, что все упомянутое принадлежит хозяину. Объясняющий перевод Вересаева «не жена» обоснован. Женщина – рабыня, как и вол, которого она погоняет, неразрывны. В 451-й строке упомянут просящий вола, не имеющий быков – *abyotes*. Небезосновательно будет предположить, что «малолетний рабский» (*tutthos dmōs*) принадлежит матери, женщине-рабыне, поскольку он сопоставим с сосунком женщины, которую из-за грудного возраста ребенка Гесиод не рекомендует брать на зимние работы (Erga 602–603). Возможно, в прошлом женщине-рабыне и удалось выжить потому, что у нее был не грудной, а способный работать однозубой мотыгой ребенок.

⁷ «Орудия» в переводе Вересаева.

Женщина-рабыня *gynē*, по Гомеру, которая единственная из 12 рабынь (*gynaikes*) не выполнила норму помола зерна, говорит о тяжести труда своего и своих товарок единственно ради обжорства женихов, выражая мысль тем же словом *goynata*, как и Гесиод, *goynat'* (соответственно *Hom. Od. XX, 118; Hes. Erg. 608*) – сокрушить «колена» или дать отдых «коленам». В 122-й строке сочетание *ai d' alloi dmōai* («другие же рабыни») не оставляет сомнений, что здесь под *dmōai* подразумеваются *gynaikes*.

Показательно распространение понятий *gynē* (даже имеющей имя) и *dmōios* в разных полисах Эллады в послегесиодовское время, хотя всеобщим становится *doulē*. Это касается и Аргириды, восприятие которой как жены Феогида оспорил А. И. Доватур: назвав ее женщиной (*gynai*) и находящейся в рабстве (*doylion ēmar*), Феогида заметил: «не тебе, рабыне, говорить о моих родителях». Но эта рабыня общается с поэтом, а не зерно мелет и не волов погоняет. Вот так и *Athēnaiēs dmōos* [*Erga 430*] прибавляет деталь плуга, в отличие от тех, которые живут в доме, в хозяйстве Гесиода – *gynaika* и малолетний рабский. Еврипид употребляет выражение «рабыня и женщина, добытая копьем» (*doylē kai doriktētōs gynē*) (*Eurip. Anrom. 155*). Слово *dmōes* у Еврипида означает рабов («хранители-рабы») (*phylakes dmōes*) (*Eurip. Anrom. 812*). В классическое время появилось понятие рабы рабов. Такие люди также нередко обозначались словом от того же корня (*dmōsin* (*Eurip. Medea 188*), *dmōes* (*Eurip. Medea 1138*)). Значит, это общее понятие.

Только после завершения основных работ Гесиод советует нанять фета (*thēta*) и бабу с пояснением «без ребят» (*erithos*) (*Erga 602–603*). Больше в тексте они не упоминаются. Гесиод советует раздобыть их после того, как уборка урожая уже закончена, припасы сложены. Значит, это никак не могут быть рабы, так как последние, по идее, должны неотлучно находиться в хозяйстве, а не появляться там ежегодно. К тому же слово *thēs*, употребляемое еще Гомером, позже означало низший класс имущественного ценза – малоимущих граждан, но все же граждан. К. М. Колобова упоминает временно нанятую батрачку (*erithos*). Мы рассматриваем *thēta* и *erithon* с их определяющими словами: «*Thēta t' aoikon poieisthai kai ateknon erithon*» (Фетом раздобудься бездомным и бездетной бабой) [7, 213–214]. И. А. Шишова придерживается той же позиции. В случае вольнонаемной силы понятно, почему выбрано именно такое время (после окончания сбора урожая цена должна быть ниже), но не понятно, по мнению исследователя, зачем они вообще нужны, ведь такой не гнушающийся работы хозяин, как Гесиод, мог бы всю работу по дому делать сам. Единственное объяснение, которое находит Шишова, это то, что данные строчки, вполне возможно, являются позднейшей вставкой [10, 90]. В. П. Яйленко считает *thēta* вольнонаемным работником, уточняя, что в статусе его и *dmōos*, вероятно, были различия, но сегодня они неразличимы [9, 47–48].

В итоге мы получаем следующие результаты. К. М. Колобова называет *dmōos* и *gynē* соответственно рабом и рабыней, *arithos* и *aizēos* – наемными работниками. Я. А. Ленцман утверждает, что после Гомера слово *dmōos* могло обозначать не только раба (при этом по его мнению, *Athēnaios dmōos* – явно свободный), а слово *gynē* – также и свободную женщину. Мы доказываем достаточность текста для обозначения рабского положения женщины и малолетнего ребенка (*gynaika* (*Erga 405*), *dmōos* (*Erga 470*), *dmōes* (*Erga 459*), *dmōessi* (*Erga 502; 766*), *dmōas* (*Erga 573; 608*), *dmōsi* (*Erga 597*)), постоянно живущих в доме Гесиода, исполняющих посевные, уборочные и иные хозяйственные работы. Э. Д. Фролов предпочитает употреблять применительно к хозяйству Гесиода обобщенное слово «работники», а *Athēnaios dmōos* именует свободным ремесленником. И. А. Шишова считает *thēta* (словарная форма *thēs*) и *erithos* свободными, остальных же – рабами (*Athēnaios dmōos* она тоже относит к хозяйству Гесиода). В. П. Яйленко приписывает всем работающим в данном хозяйстве положение свободных вольнонаемных. Г. Бузольт и А. А. Захаров *dmōos* приравнивают к покоренному додорийскому населению, работающему на завоевателей (при этом, по мнению последнего, *aizēos* – просто раб без уточнений); Г. Глотц – к домочадцам, в число которых могут входить не только рабы; Н. И. Новосадский – к вольнонаемным работникам.

Выводы

Авторы статьи акцентируют внимание на дискуссионности проблемы наименования рабочей силы в хозяйстве земледельца VIII в. до н. э., особенно значения термина *dmōos*, дважды упомянутого в тексте в единственном числе, в остальных 6 случаях – во множественном числе.

Літаратура

1. Hesiodos Erga. Erklärt Ulrich v. Wilamowitz-Moellendorff / Erga Hesiodos. – Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1928. – 143 p.
2. Damont, D. J. Musaios: thesaurus lingva graeca [Электронный ресурс] / D. J. Damont, R. M. Smith. – 1992–2000. – Режим доступа : <http://www.musaios.com>. – Дата доступа : 3.02.2008.
3. Колобова, К. М. Очерки истории Древней Греции / К. М. Колобова, Л. М. Глускина. – Л. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, Ленинград. отд-ние, 1958. – 348 с.
4. Доватур, А. И. Рабство в Аттике в VI–V веках до н. э. / А. И. Доватур. – Л. : Наука, 1980. – 133 с.
5. Корзун, М. С. Обучение классовому подходу при оценке явлений античной истории / М. С. Корзун // Методика обучения и история языка / под ред. Н. А. Березовина, Л. Т. Малышко. – Минск : БГУ, 1980. – С. 110–114.
6. Корзун, М. С. К вопросу о социальной роли религии в Древней Греции (по поэмам Гомера и Гесиода) / М. С. Корзун // Весн БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. – 1989. – № 2. – С. 13–15.
7. Корзун, М. С. Формирование полиса и новая социальная концепция Гесиода / М. С. Корзун // Выгокі гістарычнай навукі : зб. навук. арт., прысвечаных 125-годдзю з дня нараджэння акад. М. М. Нікольскага і У. М. Перцава і 70-годдзю гіст. фак-та БДУ. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 270–272.
8. Корзун, М. С. Формирование полиса и новая религиозно-социальная концепция Гесиода / М. С. Корзун // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. – 2007. – № 3. – С. 20–35.
9. Яйленко, В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток / В. П. Яйленко. – М. : Наука, 1990. – 271 с.
10. Шишова, И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции / И. А. Шишова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – 190 с.
11. Ленцман, Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции / Я. А. Ленцман. – М. : Изд-во АН СССР 1963. – 306 с.
12. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Просвещение, 1961. – 2 т. – 2948 с.
13. Liddell, H. G. Greek-English Lexicon / H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2392 p.
14. Ленцман, Я. А. Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции / Я. А. Ленцман // 1 Вестн. Древней Истории. – 1954. – № 4. – С. 52–71.
15. Homeri Odyssea. XVII. 323 // Homeri Odyssea. Текст со словарем и гомеровским диалектом : в 2 ч. / сост. Я. Кремер. – Изд. второе. – М. : Изд-во книгопродавцов братьев Салаквых, 1875. – Ч. II. – 234 с.
16. Фролов, Э. Д. Торговля и торговец в античном мире / Э. Д. Фролов // Доклады Круглого стола Российской Ассоциации антиковедов. – М., 1997. – С. 3–28.
17. Фролов, Э. Д. Парадоксы истории – парадоксы античности / Э. Д. Фролов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 420 с.
18. Вересаев, В. Эллинские поэты / В. Вересаев. – М. : Наука, 1929. – 270 с.
19. Фролов, Э. Д. Рождение греческого полиса / Э. Д. Фролов. – Л. : Изд-во III' ун-та, 1988. – 232 с.
20. Латышев, В. В. Очерк греческих древностей : в 2 ч. / В. В. Латышев. – СПб., 1899. – Ч. 2 : Богослужбные и сценические древности. – 327 с.
21. Еврипид. Трагедии : в 2 т. / пер. с древнегреч. И. Анненский, С. Апт. – М. : Искусство, 1980. – Т. 1. – 550 с.

Summary

The article considers the staff employed at Hesiod's farm during the period of «Iron Age», which was regarded as a typical one for the period of Archaic community reforms of the VIII–VII B. C. The text difficulty has called for a discussion on correlation between free employees and slaves used in the farm. There are two main views on the issue if gynaika and tythos dmōos were slaves or lust dependent foremen.

Поступила в редакцию 24.04.09.

УДК [947.62(=84) + 323.15(=84)(476.2)(091)]«192»

П. А. Литвинов

ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОЗЫРЩИНЫ В 20-е гг. XX века: ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В данной статье рассматриваются вопросы идентификации и этнической характеристики польского меньшинства БССР в 20-е гг. XX века. Затрагиваются проблемы официального определения этнопринадлежности и самоидентификации данного населения. Рассматриваются структура и происхождение польского населения БССР, процессы ассимиляции и трансформации. Анализируются культурно-бытовые, хозяйственно-экономические, социальные и конфессиональные особенности различных групп «поляков». Ставится также вопрос достоверности советской статистики в отношении количества польского населения БССР.

Введение

Проблема этнической идентификации польского населения Беларуси является практически не изученной в современной исторической науке. Пока данный вопрос был только поставлен в немногочисленных обобщающих публикациях современных польских исследователей: Н. Иванова, П. Эберхардта, В. Веренича. Однако еще в 20-е гг. XX века были попытки объективно рассмотреть эту проблему, что отражено в документальных материалах. Информацию по изучаемому вопросу содержат архивы Республики Беларусь, а также материалы демографических переписей.

Советское государство, проводя национальную политику, не сопровождало ее основательным научным изучением тех этносов, на которые она была направлена. Одной из основных причин этого было отсутствие должного законодательства, а также малый опыт практических мероприятий в данной области даже в мировом масштабе.

В отношении польского национального меньшинства в БССР положение усложнялось тем, что в силу близости польской границы национальная политика в отношении поляков имела большое политическое значение. Данный приоритет советского руководства вызывал серьезнейшую проблему статистики польского населения Беларуси, заключающуюся, в первую очередь, в трудности идентификации «поляков». Дело в том, что в категорию польского национального меньшинства были включены разнообразные группы населения, общей чертой которых являлась принадлежность к католической религии. Тем не менее Польшбюро ЦК РКП(б) придерживалось мнения, что польский вопрос в СССР должен решаться не с точки зрения статистики и этнической истории, а с позиций внешнеполитической ситуации.

Результаты исследования и их обсуждение

Все процессы, характерные для территории БССР в рассматриваемый период, имели место и на Мозырщине. Однако вследствие значительной этнокультурной специфики Мозырского Полесья характер данных процессов имел существенные отличия. На этой территории довольно крупными массами компактно проживали практически все этносы, населяющие Беларусь: евреи, поляки, украинцы, немцы, чехи. Причем если в других регионах инфильтрация иноэтничного субстрата объяснялась, как правило, их территориальным положением, т. е. такие районы являлись контактными зонами, то в случае Мозырщины особенно большое значение приобретает фактор колонизации. В той же мере, что и другие этносы, данный фактор касается и польского населения Мозырского округа. Причем на его территории проживала большая часть этнических поляков БССР рассматриваемого периода.

В результате на территории Мозырского округа сложилась уникальная ситуация, когда в ограниченном регионе имелось скопление всех групп населения, которые государство идентифицировало как «поляков». Данное население характеризовалось крайним разнообразием в отношении происхождения, языка, уровня этнического самосознания, степени ассимиляционных процессов, традиционных занятий, а также культурно-бытовой сферы. В целом на территории Мозырщины можно выделить следующие группы «поляков»:

1. Потомки ополяченной белорусской шляхты.
2. Потомки этнической польской шляхты.
3. Польские колонисты из Мазовии и Волыни (мазуры, будники).
4. Батраки и служащие в бывших помещичьих имениях, завербованные преимущественно среди этнических поляков.

При этом населенные пункты различных групп размещались не компактно, а довольно рассеянно, что порождало процессы диффузии. Данный фактор крайне усложняет выявление и изучение отдельных групп польского населения Мозырщины. Следует отметить, что большинство польских населенных пунктов округа были небольшие. Три образованных польских сельсовета также были незначительными: Кустовницкий – 722 чел., Творичевский – 822 чел., Александровский – 811 чел. На все просьбы населения об организации новых сельсоветов власти отвечали отказом с формулировкой «ввиду малочисленности и некомпактности» [1, л. 6, 11, 23; л. 19], [2, л. 658; л. 14].

Первая группа, представляющая собой потомков ополяченной белорусской шляхты, была самой многочисленной. В отношении социального происхождения рассматриваемое население относилось к «шляхте», «дворянам» и «мещанам» [3, л. 195–210; л. 84], [4]. Представители данной группы проживали в основном в небольших околицах и хуторах, зачастую составляя лишь часть населения, ввиду чего, как правило, находились в белорусских сельсоветах. Характерная для всего белорусского населения аморфность национального самосознания в полной мере была присуща и данной группе «поляков». Для них «польскость» практически всегда ограничивалась отождествлением с конфессией. Никаких культурно-бытовых черт, свойственных польскому этносу, у данной группы не наблюдалось. Владение польским языком в крайне незначительном объеме отмечалось только у зажиточных крестьян.

Ввиду своего социального происхождения, данная группа «поляков» более всего подверглась репрессивному воздействию царской администрации, стремившейся ограничить польское землевладение в крае. После установления советской власти большая степень зажиточности, связанная с лучшими условиями земледелаения и землепользования, оказалась причиной того, что поляки более других этносов были подвержены обрезке кулацких хозяйств и выселению за пределы БССР. Традиционно сложившиеся напряженными отношения с властями, а также зачастую недружелюбные отношения с окружающим населением сказались на усилении обособленности «польского» населения данной группы и укреплении польского самосознания на основе тезиса о «национальном угнетении». Кроме того, реализация государством политики автономизации подвигла значительную часть данной группы населения на окончательную самоидентификацию в пользу поляков, т. к. в этом она увидела возможность выйти из-под юрисдикции прежних властей.

Еще одна причина польского самоопределения потомков белорусской шляхты обуславливалась стремлением иметь польскую школу, которая была необходима для обучения польскому языку единственно с целью «молиться богу в костеле» [5, л. 131], [6, л. 16], [7, л. 124].

В результате отсутствия устойчивой этнической определенности данной группы «поляков», а также в связи со сложившейся тенденцией скрытия национальности, объяснявшейся боязнью репрессий, возникла крайне сложная проблема выявления количества таких «поляков» в Мозырском округе. Статистические исследования, проведенные Окрстатбюро и Польбюро окружкома в 1924–1927 гг., показывают большую неустойчивость количества польского населения. Приводятся цифры в 6 234, 8 848, 10 072, 11 765, 12 397 [8, л. 132; л. 65, 83; л. 30]. Наиболее характерной является динамика количественных показателей по отдельным районам. Например, в Лельчицком районе в 1924 г. насчитывалось 769 поляков, в 1925 г. – 1 797 чел., а в 1927 г. – 2 395 чел. В Наровлянском районе соответственно 3 871 чел., 3 587 чел. и 4 873 чел. [9, л. 46, 83 об.; л. 20, 30]. Всесоюзная перепись 1926 г. выявила 8 883 чел. польского населения по Мозырскому округу [10, 37].

Такие большие изменения количественных показателей объясняются именно преобладанием среди польского населения потомков белорусской шляхты. По информации секретаря Польбюро Мозырского окружкома С. Гурницкого около 75% польского населения округа представляло собой бывшую мелкую шляхту, разговаривавшую на белорусском языке [11, л. 26, 65].

Социально-экономическая и культурная жизнь данной группы поляков обладала достаточным единообразием, корни которого крылись в их социальном происхождении. Основным традиционным занятием было земледелие. Более совершенная агрокультура, а также лучшее земледеление определили относительную зажиточность польского населения. В 1920-е гг. значительное развитие получили травосеяние и товарное корнеплодство. Некоторое распространение имели пчеловодство и садоводство. Характерным было наличие большого количества скота (в особенности улучшенных пород). Развития отхожих и кустарных промыслов не наблюдалось, т. к. данные виды занятий считались потомками белорусской шляхты недостойными дворянского звания [12, 606].

Данной группе польского населения была свойственна крайне низкая степень социальной дифференциации. Имущественный достаток позволял по возможности сохранять атрибуты шляхетского быта и культуры, зачастую ассоциировавшиеся с польскими. Во многих домах была дорогая мебель и утварь. Иной, в сравнении с окружающим населением, была одежда и пищевой рацион. Практически невозможными были браки вне своей социальной группы. Примечательно, что конфессиональное различие в этом случае не имело значения. Существующий в историографии тезис о «национальном единстве» в данном случае следует рассматривать как феномен «социального единства». К примеру, в 1926 г. председатель Наровлянского РИКа отмечал, что нередкими были «выпадкі з боку польскага насельніцтва “шляхецкага гонара”, калі паляк-бядняк кажа, “што я не хачу лічыцца бедняком”» [13, л. 59].

«Поляки» второй группы, т. е. потомки этнической польской шляхты, кардинальным образом отличались от потомков белорусской шляхты.

Именно на территории Мозырщины находился единственный в БССР населенный пункт, где компактно проживали представители второй группы «поляков», – д. Кустовница. Данная деревня является уникальной в этнокультурном плане. История ее уходит корнями в XVI–XVII вв., и вполне вероятно, что Кустовница является единственным примером польского землевладения на территории ВКЛ. Мозырское Польбюро в своих отчетах сообщало, что население д. Кустовница, «несмотря на жестокую руссификацию, ... сохранило чисто польский язык и наречие» [14, л. 8], показывая, таким образом, исключительную устойчивость к ассимиляции.

Вследствие крайней замкнутости и оторванности от окружающего населения брачные отношения в Кустовнице, за редким исключением, ограничивались пределами деревни. В результате все население было связано родственными узами. Данные ограничения касались и других «поляков» округа. Кроме того, существующая на конфессиональной, социальной и национальной основе крайняя обособленность Кустовницы препятствовала зарождению социальной дифференциации, являясь ярким примером собственно «национального единства».

По социальному происхождению почти все польское население Кустовницы (97%) относилось к мещанам и «загородовой шляхте» – 86 и 51 семейство соответственно [15, л. 84], [16, л. 10].

До 1917 г. население Кустовницы работало на фабриках, шахтах по добыче гранита и в имениях помещиков, занимая ответственные посты экономов и управляющих, вследствие чего имело высокий имущественный достаток и практически не занималось с/х. Усадьбы в самой Кустовнице использовались в качестве летних дач. После революции 1917 г. население Кустовницы было вынуждено заняться с/х. Однако малая землеобеспеченность и непривычный труд привели к резкому падению уровня жизни. Если по БССР процент бедноты среди поляков был явственно ниже, чем среди белорусов, то в Кустовницком с/с в 1927 г. он составлял 35,6% (для сравнения: в польских Наталовском и Ланцуцком с/с – 6% и 3,5% соответственно). Процент зажиточных также был ниже, чем в других польских нацсоветах [17, л. 136].

За 1920-е гг. население Кустовницы так и не добилось существенных успехов в с/х. Широкое распространение получили занятия, вовсе не свойственные местному «польскому» большинству, – кустарные промыслы. Основным товаром сбыта являлись «главным образом колеса и возы». Кроме того, побочные доходы имелись от извоза и продажи картофеля.

Также достаточно интересной в этнокультурном плане является третья группа «польского» населения – колонисты из Мазовии и Вольни (мазуры, будники), вытесненные из родных мест малоземельем и перенаселенностью и появившиеся на территории Беларуси на протяжении XIX века. Данное население традиционно занималось лесными промыслами. Проживало оно

в небольших деревнях и хуторах, рассеянных среди белорусских поселений, и вследствие этого было подвержено интенсивным ассимиляционным процессам. Рассеянность населенных пунктов повлияла на практически полное отсутствие в их пределах польских школ, а также сводила влияние католического костела к минимуму. Факторами, сдерживающими ассимиляцию, выступали моноэтничность населенных пунктов и крайняя замкнутость. Также внешние контакты ограничивались различием хозяйственных занятий поляков и окружающего белорусского населения.

Поляки этой группы проживали в деревнях Буда, Будки, Головчицкая Буда Наровлянского района, в Брониславском с/с Житковичского района, а также в деревнях и хуторах Петриковского района (Янино Болото, Оголицкая Рудня, Гороваха, Полежач-Гора, Буда и др.), которые концентрировались вокруг лесоперерабатывающего завода «Звезда» в Копцевичах. Анализ фамилий указывает на наличие связей между польским населением Петриковского и Житковичского районов.

Последняя группа «поляков» Мозырщины представляла собой батраков и служащих бывших помещичьих имений, завербованных преимущественно среди этнических польских крестьян и, реже, шляхты. Появились они на территории Беларуси во второй половине XIX века после отмены крепостного права.

Проживали такие поляки, в основном, на территории бывших имений, а также на хуторах вокруг них. Часть поляков стала рабочими совхозов, образованных в некоторых имениях. Другая часть при проведении землеустроительных работ и выделения из фондов бывших имений земель для наделения бедноты получила земельные наделы, став крестьянами.

На территории Мозырского округа имелось три района локализации польского населения данной группы: деревни и хутора у бывших имений Бринев, Копцевичи, Оголичи и Дорошевичи Петриковского района, имений Острожанка, Дуброва и Дубницкое Лельчицкого района, а также у бывшего имения Горвата в Головчицах Наровлянского района [18, л. 17–20, 55–57; л. 162, 195–210; л. 10], [19, л. 34, 58], [20, л. 207]. Примечательно, что названия хуторов Петриковского района (Слензаки Бриневские, Слензаки Дорошевичские, Слензаки Макаревичские) выдают происхождение их обитателей – Подляшье (Śląska – ślęzaki).

Из всего населения этнически польского происхождения эта группа была больше всего подвержена процессам ассимиляции. Во-первых, почти во всех населенных пунктах не существовало крупных моноэтничных масс поляков. Наряду с поляками в этих же имениях проживало много белорусов, немцев и чехов. Во-вторых, различное социальное происхождение поляков не давало им консолидироваться. И, в-третьих, влияние костела ввиду их немногочисленности было незначительным. В результате та разнородная масса, которую представляли такие поляки, достаточно быстро растворялась среди местного населения.

Из общего фона выделялась деревня Грушевка Головчицкого с/с Наровлянского района. Ввиду своей относительной многочисленности (120 дворов), компактности, а также благодаря наличию белорусско-польской школы население Грушевки сохраняло этническое самосознание и отличалось сильным национализмом.

Рассматриваемая проблема не будет освещена полностью, если забыть про украинский след происхождения части поляков Мозырщины. Достоверно известно о переселении с территории Украины польского населения Грушевки, а также поляков, проживавших в Хатковском с/с Наровлянского района. При этом разговаривали они на смешанном украинско-белорусском диалекте с преобладанием украинской составляющей. Переселялись поляки (потомки чиншевой шляхты) преимущественно с территории Житомирщины и Волины. Подобные поселения также имелись на территории Ветковского района Гомельского округа (Рудня-Шлягино и Рудня-Столбунская).

Ввиду вышеизложенного особое внимание привлекают деревни Александровка и Габриелевка Александровского польского с/с Наровлянского района, расположенные на границе с Украиной. Население указанных деревень имело явное шляхетское происхождение. Однако в культурном и хозяйственно-экономическом плане оно кардинально отличалось как от этнически польской шляхты Кустовницы, так и от потомков белорусской шляхты.

Польского языка население с/с не знало, его разговорным языком являлся украинский. Население было очень религиозным, постоянно обслуживалось католическим духовенством (как белорусским, так и украинским).

Имущественный достаток населения Александровского с/с был довольно значительным. Однако, в отличие от потомков белорусской шляхты, основной доход давало не с/х. Последнее характеризовалось примитивной агрикультурой, величина земельных наделов была незначительной, племенной скот отсутствовал. В 1928 г. на территории с/с имелось более 10 частных предприятий и мастерских. Практически все население с/с было занято на лесных разработках. Кроме того, значительный доход в хозяйстве имели сбор грибов и ягод, животноводство и пчеловодство. Общая сумма побочных заработков в 1928 г. составила 19 327 р., в среднем на хозяйство 117 р. Социальное расслоение практически отсутствовало, наблюдалось сильное «национальное единство».

Подобная этнокультурная и хозяйственно-экономическая специфика имела в вышеупомянутых польских деревнях Ветковского района. Кроме того, на украинское происхождение населения Александровского с/с указывает язык, а также соответствие некоторых фамилий в Александровке и Грушевке.

Таким образом, польское население Мозырщины имело сложную структуру и происхождение, различные принципы этнической и социальной идентификации, разный культурный уровень и экономическую специализацию и при этом находилось в процессе трансформации. В категорию польского национального меньшинства государством были включены разнообразные группы населения, общей чертой которых являлась принадлежность к католической религии.

Большая часть «польского» населения Мозырского округа представляла собой потомков белорусской шляхты, «польскость» которых ограничивалась отождествлением с католичеством. В данном случае название «поляк» не являлось этнонимом. Постепенное и в значительной степени фрагментарное становление польского самосознания таких поляков было вызвано политическими и социально-экономическими потрясениями первой четверти XX века. Немаловажную роль в этом сыграла национальная политика советского государства.

Этнически польское население характеризовалось гораздо большим разнообразием: крестьяне и ремесленники, украинская, мазовецкая и подляшская шляхта. Различными были время поселения, социальное происхождение, занятия, этнокультурные особенности и степень этнического самосознания. Данное население подверглось значительной ассимиляции.

Выводы

В связи с вышесказанным возникает необходимость выделить два вида «польскости» (костельную и этническую) и рассматривать ее в масштабах Беларуси как феномен, имеющий сложную структуру. При этом наибольшую «польскость», благодаря постоянному патронажу костела и наличию польских школ, проявляли крупные населенные пункты. Среди большей части этнически польского населения ввиду малочисленности и рассеянности населенных пунктов наблюдалась значительная степень ассимиляции. Уровень ассимилятивных процессов нередко заходил настолько далеко, что степень польского самосознания у этнических поляков могла быть ниже, чем у костельных. Причем «польскость» в принципе вовсе не означала обязательного владения языком, наличия элементов этнической бытовой культуры, а также вообще осознания «национальной» принадлежности к данному этносу.

Ассимиляция этнического польского населения облегчалась в условиях Беларуси определенной близостью культурно-языкового плана, отсутствием легального образования на национальном языке, засильем русского языка в административном аппарате, в периодической печати и общественной жизни, а также ликвидацией наиболее активного слоя носителей польского языка и культуры – польских помещиков. В результате основной сферой применения польского языка стал костел.

Литература

1. Протоколы заседаний Мозырской Окружной Национальной комиссии. 1926–1928 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 50, 75.
2. Отчеты о проведении перевыборов сельских и местечковых советов по округу за 1926 г. // Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМ). – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 156; Протоколы заседаний окружной национальной комиссии // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 699.

3. Списки верующих религиозных общин по округу // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 53.; Месячные отчеты о работе по осуществлению национальной политики в округе, сведения о действующих сельских и местечковых национальных советах. 1925–1926 гг. // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 694.
4. Следственные и агентурные дела по обвинению в антисоветской деятельности кулачества. 1928–1933 гг. // Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области. – Д. 19053-с, Д. 18563-с, Д. 1866-с, Д. 14982-с, Д. 13200-с.
5. Протоколы заседаний, отчеты о работе Польбюро Бобруйского Округного Комитета КП(б)Б. 07.01.24–03.12.25 гг. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 21.
6. Постановления Бюро Ветковского Райкома КП(б)Б за 1934 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 278. – Оп. 1а. – Д. 691.
7. Планы работы Округной Национальной комиссии за 1925–1926 гг. // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 692.
8. Протоколы заседаний Национальной комиссии Слуцкого Окрисполкома по осуществлению нацполитики в округе за 1926 г. // НАРБ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 19; Протоколы заседаний, отчеты о работе Польбюро Мозырского Округного Комитета КП(б)Б. 24.01.24–12.11.25 гг. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 29; Протоколы заседаний, планы и отчеты о работе Польбюро Мозырского Округного Комитета КП(б)Б за 1927 г. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 109.
9. Протоколы заседаний, отчеты о работе Польбюро Мозырского Округного Комитета КП(б)Б. 24.01.24–12.11.25 гг. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 29; Протоколы заседаний, планы и отчеты о работе Польбюро Мозырского Округного Комитета КП(б)Б за 1927 г. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 109.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 56 т. / Центральное статистическое управление СССР, Отдел переписи. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – Том X: БССР: народность, родной язык, возраст, грамотность. – 1928. – 289 с.
11. Протоколы заседаний, отчеты о работе Польбюро Мозырского Округного Комитета КП(б)Б. 24.01.24–12.11.25 гг. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 29.
12. Опыт описания Могилевской губернии: в 3 кн. / редкол.: А. С. Дембовецкий (гл. ред.). – Могилев: Типография Губернского Правления, 1882. – Кн. 1. – 1882. – 782 с.
13. Доклады о работе районных Национальных комиссий за 1926 г. // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 706.
14. Доклад инструктора ЦК КП(б)Б о состоянии польработы в Мозырском округе от 17.12.1926 г. // ГАООГО. – Ф. 69. – Оп. 2. – Д. 102.
15. Месячные отчеты о работе по осуществлению национальной политики в округе, сведения о действующих сельских и местечковых национальных советах. 1925–1926 гг. // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 694.
16. Доклад инструктора ЦК КП(б)Б о состоянии польработы в Мозырском округе от 17.12.1926 г. // ГАООГО. – Ф. 69. – Оп. 2. – Д. 102.
17. Отчеты и протоколы заседаний Национальной комиссии Койдановского Окрисполкома за 1927 г. // НАРБ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 67.
18. Инструкция Мозырского уездного земельного отдела по учету земель сельскохозяйственного назначения и земель сельского населения. Ведомости учета земель нетрудового пользования. 1920–1922 гг. // ЗГАМ. – Ф. 84. – Оп. 1. – Д. 62; Списки верующих религиозных общин по округу // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 53; Планы работ округной Национальной комиссии за 1926 г. // ЗГАМ. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 722.
19. Протоколы заседаний, планы и отчеты о работе Польбюро Мозырского Округного Комитета КП(б)Б за 1927 г. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 11. – Д. 109.
20. Werenicz, W. Historyczne i kulturalne podstawy świadomości narodowej polaków w Związku Radzieckim (na przykładzie Republiki Białoruskiej) / W. Werenicz // Polacy w kościele katolickim w ZSSR / pod red. ks. Edwarda Walewandra. – Lublin., 1991. – L. 197–212.

Summary

This article considers questions of identification and ethnic characteristic of the Polish minority of BSSR in 20 of the twentieth of century. The problems of official definition of ethnic accessory and self-identification of this population are mentioned. The structure and origin of the Polish population of BSSR, processes of assimilation and transformation is considered. Cultural – household, economic, social and confessional features of various groups of «Poles» are analyzed. A question of reliability of the Soviet statistics also is put concerning quantity of the Polish population of BSSR.

Поступила в редакцию 29.04.09.

УДК 327(430:476)(091)(043.3)

*Д. А. Мизун***ГЕРМАНО-БЕЛОРУССКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

В статье исследуется динамика развития германо-белорусских внешнеполитических контактов в межвоенный период. Автор анализирует участие БССР и Германии в проведении промышленных и сельскохозяйственных выставок на территории Германии и Беларуси в 20–30-х гг. XX ст. Исследователь на основании новых, ранее не изученных документов приходит к выводу, что на сегодняшний день в отечественной исторической литературе недостаточно полно и объективно раскрыта данная тематика.

Введение

Белоруссия и Германия в 20-е гг. строили свои экономические и политические взаимоотношения на основе заключенного в 1922 г. Рапалльского договора. С открытием в Берлине торгового представительства Белоруссии начался новый этап в германо-белорусских отношениях.

Результаты исследования и их обсуждение

Еще в октябре 1921 г. Белвнешторг – юридическое лицо, которое представляло БССР на международной арене в области внешней торговли и экономического сотрудничества, – провел переговоры с немецкой фирмой «Пфайфер и Шнайдер» о поставках товаров, необходимых для обеих сторон [1, 46]. Переговоры прошли весьма успешно и имели хорошие результаты. О взаимовыгодном характере белорусско-немецкого сотрудничества в 1921 г. свидетельствует тот факт, что немецкая фирма «Ост-Вест» также открыла в БССР свое представительство. Следующим шагом в ответ со стороны Беларуси было открытие в марте 1922 г. представительства Белвнешторга в Германии.

Торговое представительство БССР открылось в Берлине только после того, как был подписан т. н. «торговый договор» [2, 40]. Сначала в Берлин прибыл уполномоченный Наркомвнешторгов РСФСР в Германии Б. Стаменков, а потом М. Мороз, который временно выполнял функции официального представителя в Германии.

Любопытно, что в принятом ЦИК ССРБ в 1922 г. положении «О взаимоотношениях управления Уполнаркомвнешторга Белоруссии с НКВТ РСФСР» говорилось о том, что Белоруссия, находящаяся у самой границы с Западной Европой и представляющая собой важный транзитный путь для торговых сношений всей Советской Федерации с Западной Европой, особенно с Польшей и Германией, должна быть поставлена в отношении внешней торговли в исключительные условия [3, л. 13 об.]. Далее указывалось на то, что благодаря приграничному положению в Белоруссию со всех концов Федерации стекаются потребители заграничных товаров, обращающиеся в Госторгбел или непосредственно за отпуском или с заказами на ввоз из-за границы. Необходимость быстрого обслуживания клиентуры требует самостоятельности и гибкости в отношениях с иностранными контрагентами [3, л. 13 об.]. Неуклонное проведение принципа национализации внешней торговли и борьба с нарушением этого принципа приводят к необходимости создать для управления Уполнаркомвнешторга в Белоруссии такие условия, при которых оно могло бы самостоятельно, решительно и быстро проводить необходимые мероприятия. Следует отметить, что в этом положении указывается на необходимость для Белоруссии иметь собственное торговое представительство за границей, которое одно только в состоянии обеспечить надлежащее удовлетворение импортных потребностей края и наиболее выгодную реализацию его экспортных ресурсов [3, л. 14].

В марте 1922 г. Наркомвнешторг Белоруссии направил в Берлин своего полноправного представителя. Им стал Ю. В. Гольдштейн. Как следует из выписки из распоряжения по торговому представительству РСФСР в Германии № 53 от 23.05.1922 г., распоряжением СНК ССРБ товарищ Ю. В. Гольдштейн должен был представлять НКВТ Белоруссии при торговом представительстве РСФСР в Германии [4, л. 11]. Ему предоставлялось право давать поручения всем отделам торгового

представительства в отношении выполнения нарядов и поручений, получаемых им от НКВТ Белоруссии. Далее указывалось на то, что все отделы представительства приглашаются оказывать товарищу Гольдштейну всемерное содействие при исполнении им обязанностей представителя НКВТ Белоруссии [4, л. 11].

Из выданного ему официального документа (мандата) [4, л. 9] хорошо видны не только его полномочия, но и направленность внешней торговли Белоруссии в 20-х годах, а также его зависимость от внешнеэкономической деятельности Советской России в Германии. Так, Ю. В. Гальдштейну предоставлялось право:

- быть представителем Наркомвнешторга Белоруссии во всех без исключения учреждениях и предприятиях, находящихся на территории Германии, где этого требуют интересы дела внешней торговли;

- производить по заданиям Наркомвнешторга Белоруссии покупку и продажу в Германии товаров, вести товарообмен, руководить приемом различных прибывающих от Наркомвнешторга Белоруссии в Германию товаров и их учетом, заключать всякого рода договоры и совершать сделки по вышеуказанным операциям с предварительного согласия Наркомвнешторга Белоруссии, руководствуясь во всех своих действиях существующими декретами Советской власти, инструкциями и указаниями Наркомвнешторга РСФСР;

- открывать с разрешения Наркомвнешторга Белоруссии на территории Германии, где потребуется в интересах дела, отделения, конторы, агентства, руководить всей деятельностью открытых в Германии отделений, контор и агентств, требовать от них предоставления самых подробных отчетов, назначать с утверждения Наркомвнешторга Белоруссии управляющих отделениями, заведующих конторами и агентствами, принимать и увольнять служащих, привлекать к суду лиц, совершивших злоупотребления, отстраняя их от должности независимо от занимаемого ими поста, всякий подобный факт доводить до сведения Наркомвнешторга Белоруссии, приглашать экспертов, консультантов и образовывать комиссии из сведущих лиц для исследования и освещения различного рода вопросов;

- в случае необходимости открывать склады в Германии в местах, где это потребуется в интересах дела;

- товарищу Ю. В. Гольдштейну надлежит во всех своих действиях стоять в тесном контакте с представителем РСФСР в Германии [4, л. 9].

С посылкой в Берлин специального постоянного представителя Белвнешторга стало проводиться более тщательное изучение германского товарного рынка, стали устанавливаться более тесные деловые связи [5, 16]. В первый же месяц своей деятельности представительство Белвнешторга в Германии разместило в нескольких немецких фирмах заказы на производство товаров, необходимых белорусским предприятиям: карданных лент, металлических сеток и химических товаров. Через несколько месяцев после подписания этих соглашений Германия становится основным внешнеполитическим торговым партнером нашего государства [6, 40].

9 апреля 1923 г. российский полномочный представитель в Германии М. Крестинский вручил Ф. Эберту верительную грамоту Советской Белоруссии. По решению ЦИК БССР М. Крестинскому было поручено представлять интересы Советской Белоруссии в Германии [4, л. 1–9]. С этого момента фактически начали развиваться официальные германо-белорусские отношения. Следует признать, что они изначально оформились и обрели содержание не только с помощью, но и под непосредственным руководством со стороны РСФСР [2, 40].

Наиболее значительными предметами вывоза в Германию были щетина, пушнина, козсырье, конский волос, скипидар, смола, деготь, орехи, грибы, мясо птицы, лес [7, 229–230]. В свою очередь ассортимент импорта из Германии в Белоруссию включал машины, станки, хирургические инструменты, микроскопы, красители, ткани, проволоку, лабораторные принадлежности, сельскохозяйственные машины и оборудование, трубы, плуги, ножи, селитру, медицинские препараты и др. [6, 49].

Следует отметить, что представители деловых кругов Германии вступали в активные контакты с промышленными предприятиями и торговыми организациями Белоруссии. Во второй половине 20-х гг. Госторгбел закупала крупные партии оборудования и машин у целого ряда германских фирм для различных учреждений и организаций, промышленных предприятий и трестов Белоруссии. Д. В. Романовский считает, что число немецких фирм, налаживавших в 20–30-х гг. сотрудничество с Белоруссией, могло доходить до 200 [6, 57].

Из белорусских экспортно-импортных организаций наиболее активными в 20-е гг. в торговле с границей, в основном с Германией, были Госторгбел, Лесбел (Государственное объединение лесной, экспортной и деревообрабатывающей промышленности), Кишпромторг (Белорусское районное отделение главной кишечной конторы Госторга наркомвнешторга СССР) и Белпищтрест [6, 57–58].

Свидетельством заинтересованности немецких фирм в торговом сотрудничестве с БССР является то, что уже в феврале 1924 г. Советская Белоруссия в числе других советских республик будущего Союза ССР была официально приглашена немецкими промышленно-торговыми кругами на проведение II-й восточно-европейской лесной ярмарки в Кенигсберге 25–28 марта 1924 г., где известные в то время белорусские торгово-промышленные организации «Лесбел» и «Западлес» демонстрировали свою продукцию [8, л. 35]. В прилагаемой программе выставки можно заметить, что на данной выставке большое внимание планировалось уделить лесопромышленной технике и вопросам организации восточно-европейской лесной промышленности. Так, планировалось:

- провести выставку деревообрабатывающих машин, инструментов и транспортных средств;
- продемонстрировать фильмы, фотографии, диаграммы новых изобретений и их усовершенствований машин и технических средств для лесной промышленности и их применение;
- организовать техническое бюро, которое будет давать каждому участнику ярмарки бесплатно справки по всем техническим вопросам, связанным с устройством предприятий для обработки и выработки дерева, выбору и стоимости машин, устройству подсобных предприятий для использования древесины;
- прочитать доклады (с фильмами и диаграммами) по вопросам рациональной обработки и использования древесины;
- показать способы применения машин для эксплуатации леса и рациональной обработки, применяемые в различных странах;
- организовать выставку технических средств и предметов, необходимых для лесного хозяйства [8, л. 36].

Организаторы выставки не намеревались стимулировать торговые интересы одной из стран, а ставили перед собой задачи более широкие: организаторы имели намерение создать лесной центр, где бы периодически встречались лесопромышленники для изучения, обсуждения и разрешения вопросов, связанных с организацией и развитием лесопромышленности восточной Европы, и создать удобное место для встречи лесоэкспортеров с лесоимпортерами [8, л. 35].

26 июля 1928 г. Наркомторг БССР информировал ряд организаций (Лесбел, Госторгбел, Белщегина, Белсельсоюз, Белкоопсоюз, Белкустпромсоюз, Белсельтрест) о необходимости принять участие в проведении в г. Кенигсберге международной промышленной ярмарки 11–14.07.28 [9, л. 215]. Как указывалось в этом документе, на данной ярмарке планировалась организация особого белорусского отдела, для которого должны быть выделены из БССР необходимые экспонаты (образцы, сопровождаемые пояснениями и диаграммы, и пр.). В примерном перечне товаров для БССР, которые рекомендуются Торгпредством СССР в Германии, указываются: лесоматериалы и фанера, щетина, кишки, лекарственные травы, лен и пенька, смолопродукты, яйца, сыр, мед и др. [9, л. 215]. Далее в письме подчеркивается, что времени до открытия выставки осталось совсем мало, но участие БССР в ней является желательным в связи с возможным развитием нашего экспорта в Кенигсберг, Наркомторг просит срочно выслать в Кенигсберг (на адрес Торгпредства СССР в Германии) образцы вышеназванных и других товаров, какие могут явиться предметами нашего экспорта в Кенигсберг [9, л. 215]. Образцы должны были быть сопровождены необходимыми пояснениями, указанием ориентировочного количества, какое возможно экспортировать в 1928–29 гг., и обозначением экспортирующей или производящей организации [9, л. 215].

В этой связи очень любопытно, что в подготовленной 24 июля 1928 г. Наркомторгом информации указывается на то, что необходимо и полезно целый ряд товаров из БССР в Германию направлять исключительно в Кенигсберг [9, л. 206]. До Первой мировой войны Кенигсберг был крупным импортером русских товаров. В настоящее время, как указывалось в данном документе, хорошо оборудованные для этой цели склады в порту пусты вследствие отсутствия экспорта из СССР. После войны был устроен элеватор с новейшим техническим оборудованием в надежде на получение российского хлеба. Кроме всего прочего, указывалось на то, что город и деловые круги в целом сильно заинтересованы в торговле с БССР [9, л. 206].

В данном информационном письме отмечалось, что нам с Кенигсбергом гораздо легче будет работать, чем с Берлином и Гамбургом. При крупных оборотах последних они не в состоянии уделить достаточное внимание нашим товарам. Кенигсбергское же отделение сможет уделить максимум внимания нашим товарам. В развитии торговли также сильно заинтересован и городской магистрат, представители которого обещали всяческую поддержку, что они неоднократно подчеркивали в беседах [9, л. 207]. Характерно, что председатель Торговой Палаты рекомендует БССР иметь в Кенигсберге своего коммерческого атташе. В Кенигсберге можно будет развивать продажу свиней, сала свиного, гусяного жира и др. товаров. На выставку в Кенигсберге рекомендовалось послать следующие товары: грибы сухие и маринованные, сыр, фанерные сидения, яйца, клей, желатин, скипидар, смолу, войлок, льноволокно, пеньку, картофельную муку, лесоматериалы, раки, яблочные изделия, муку, бруснику [9, л. 207–208]. В дальнейшем представители БССР неоднократно бывали на выставках в Кенигсберге [10, л. 22 об., 22 а, 259].

Заместитель заведующего Кенигсбергским отделением Торгпредства СССР в Германии С. Я. Зингерман в своем письме от 25.05.1929 г. в Наркомторг БССР отмечал большой интерес немецких фирм, и в частности фирмы «Ф. Шихау», к возможной деловой связи с Белоруссией [10, л. 115, 115 об., 116]. Это стало прямым результатом участия представителей БССР на выставках в Кенигсберге. Фирма «Ф. Шихау» (одна из известнейших в Германии), как отмечалось в письме, была готова взять на себя доставку в Белоруссию всякого необходимого для нас оборудования на льготных условиях, включая и долгосрочный кредит. Кроме всего прочего, данная фирма предлагала устроить экскурсию с целью осмотра оборудования и условий переработки сельскохозяйственного сырья (картофеля) [10, л. 117, 117 об.].

Беларусь также приглашалась на проведение Международной Лейпцигской выставки в августе 1928 г. [9, л. 111].

В соответствии с постановлением Правительства БССР в августе 1930 г. в Минске открылась Первая Всебелорусская выставка сельского хозяйства и промышленности [11, л. 2]. В руководстве БССР считали, что данная выставка будет иметь исключительно важное значение для политической и хозяйственной жизни страны [11, л. 4]. В целях ознакомления с новейшим заграничным оборудованием, приборами и инструментами, которые могут найти полезное применение в условиях БССР, планировалось пригласить на выставку соответствующие иностранные фирмы и организации.

В письме руководства выставки, адресованном Бюро ярмарок и выставок Торгового представительства СССР в Берлине, отмечалось, что Главным выставочным комитетом для иностранных фирм были установлены нижеследующие условия:

1. За предоставление места в павильоне плата не взимается. В случае желания фирмы построить свой павильон дирекция предоставляет место.
2. Транспортировка экспонатов за счет фирм.
3. Охрана экспонатов на территории выставки за счет устроителей выставки.
4. Необходимая электроэнергия за счет устроителей выставки.
5. Монтаж экспонатов за счет фирм. Допускается проезд иностранных монтеров.
6. Страховка экспонатов в пути за счет фирм, на территории выставки – за счет устроителей выставки.
7. Пошлинами экспонаты не облагаются.
8. Гарантии на продажу экспонатов не выдаются. В случае продажи экспонатов фирмам возвращаются расходы по транспортировке и страховке и одновременно товар облагается установленной законом пошлиной [11, л. 16].

В обращении Торгового представительства СССР в Берлине, адресованного крупнейшим немецким фирмам, по поводу участия в проведении Первой Всебелорусской выставки сельского хозяйства и промышленности указывалось на то, что выставка охватывает следующие отрасли промышленности:

1. Сельскохозяйственные машины по определенному выбору.
2. Машины для механизации обработки продуктов сельскохозяйственного сырья: льна, конопля, пера, пуха, щетины и т. п.
3. Мелкодорожные строительные машины.
4. Механизация лесной промышленности.
5. Молочное хозяйство.
6. Борьба с вредителями в сельском хозяйстве.
7. Инкубаторы.
8. Машины и аппараты для мелкой промышленности [11, л. 79–81].

Следует отметить, что на обращение Торгового представительства СССР в Берлине в адрес Главного выставочного комитета Первой Всебелорусской выставки сельского хозяйства и промышленности в Минск поступили многочисленные запросы от немецких фирм, предлагавших гораздо более широкий ассортимент оборудования, чем планировали устроители.

Так, в письме Общества с ограниченной ответственностью «Зейт-Верке» от 28.04.1930 г. указывалось, что они хотели бы выставить оборудование по следующим отраслям:

1. Машины подвального хозяйства, а также машины для других отраслей пищевой промышленности.

2. Машины и аппараты для производства безалкогольных виноградных и яблочных соков (переработка плодов).

3. Машины для молочного хозяйства. Полный набор новейших машин большой и средней производительности для мойки, разливки и закупки бутылок. Обеспложивающий фильтр для воды для производства обеспложиванной воды для промывки масла [11, л. 138–139].

В письме Торгового представительства СССР в Берлине в адрес Главного выставочного комитета Первой Всебелорусской выставки сельского хозяйства и промышленности от 10.04.1930 г. указывалось, что 4 немецкие фирмы заявили о своем согласии принять участие в проведении выставки. Это: «Зейт-Верке», «Грушвиц», «Саториус-Верке», «Кремат-Верке». 12 фирм еще не сообщили о своем решении [11, л. 137, 137 об.].

Но некоторые немецкие фирмы отказались от участия в выставке. Это: «Фрембс и Фрейданберг», «Агра-Машиненфабрик», «Зименс и Хальске», «Езеф Фегеле», «Рудольф Вернике Хейлигенбейль Остпрейсен» [11, л. 137]. По мнению Д. В. Романовского, сказывался отрицательный рост антисоветских настроений в Германии, а также недовольство немецкой стороны жесткой таможенной политикой, коррупцией и ростом бюрократических препятствий во внешнеэкономических ведомствах и аппарате СССР, в том числе в Белоруссии [6, 62]. Первая Всебелорусская выставка сельского хозяйства и промышленности прошла все же успешно и показала реальные достижения БССР за 10 лет советской власти.

Итогом военно-политического и экономического развития РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР стало объединение их в единый союз. 30 декабря 1922 г., в результате создания СССР, БССР вошла в этот союз. Любопытно то, что республики еще до подписания союзного договора пытались сохранить хотя бы формально свое присутствие и представительства при союзных полпредствах и торгпредствах. Однако это вызвало активное неприятие со стороны И. В. Сталина, Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова. Особенно они возражали против создания постоянного органа при НКВД РСФСР. В начале 20-х годов БССР фактически напрямую зависела от той политики, которая вырабатывалась в Москве. Самостоятельные шаги БССР на международной арене, в том числе и в отношениях с Германией, такой политикой не предусматривались. Наоборот, они прямо контролировались и даже регламентировались вплоть до мельчайших деталей со стороны Управления уполномоченных Наркомата иностранных дел СССР при правительстве БССР. Наша республика просто не могла расширять сотрудничество с Веймарской Германией, так как не имела самостоятельной внешней и культурной политики [2, 44]. И именно этот фактор обусловил игнорирование БССР на внешнеполитической арене со стороны Германии, предпочитавшей налаживать отношения прежде всего с РСФСР.

Выводы

– С открытием в 1922 г. представительства Белвнешторга в Германии у Беларуси появилась возможность более активно налаживать экономическое сотрудничество с немцами.

– На протяжении 20-х гг. БССР регулярно приглашалась немецкой стороной для проведения международных промышленных выставок на территории Германии.

– В начале 20-х гг. БССР фактически была лишена самостоятельности на международной арене, в том числе и в отношениях с Германией. Вся внешнеполитическая деятельность Беларуси мощно контролировалась и даже регламентировалась полностью со стороны Управления уполномоченных Наркомата иностранных дел СССР при правительстве БССР.

– Вхождение Белоруссии в состав СССР и передача функций от наркома иностранных дел БССР к НКВД РСФСР вызвало ограничение отношений Белоруссии и Германии.

Літаратура

1. Ермаловіч, В. З гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах XX стагоддзя / В. Ермаловіч // Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемадзеянне: гісторыя, сучасныя перспектывы : зб. арт. / гал. рэд. Л. Кулатата. – Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1996. – Беларусіка = Albaruthenica : кн. 7. – С. 46–52.
2. Космач, В. А. Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг.: стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемадзеянне: гісторыя, сучасныя перспектывы : зб. арт. / гал. рэд. Л. Кулатата. – Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1996. – Беларусіка = Albaruthenica : кн. 7. – С. 39–46.
3. Приказы Наркомвнешторга РСФСР, соглашение между СНК РСФСР и БССР по вопросам внешней торговли, проект положений об Уполномоченном Наркомвнешторга РСФСР при СНК БССР, представительствах правления Госторгбела и его местных органов при Торговых представительствах РСФСР, Государственном транспортном тресте // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 126 (Управление Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР. 1921–1936 гг.). – Оп. 1. – Д. 84.
4. Мандат Полномочного представителя Управления Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР в Германии Гольштейна Ю. В., удостоверения, выданные частным лицам на право заготовки товаров за пределами БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 126 (Управление Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР. 1921–1936 гг.). – Оп. 1. – Д. 92.
5. Внешняя торговля ССР Белоруссии. Обзор деятельности Белорусского областного управления НКВТ и Государственной импортно-экспортной торговой конторы «Госторгбел» за 1921–23 гг. – Минск : Издание Белорусского областного управления, 1924. – 32 с.
6. Космач, В. А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговли, культурный обмен (уроки истории для современности) / В. А. Космач, Д. В. Романовский. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2001. – 156 с.
7. Внешняя торговля СССР за период 1918–1927/28 гг. Статистический обзор / под ред. А. П. Винокура и С. Н. Бакулина. – Л.-М. : СНАПКООПГИЗ, 1931. – 848 с.
8. Циркуляры Наркомвнешторга и Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) СССР, положения о порядке выдачи уполномоченными Наркомвнешторга СССР заграничных служебных паспортов и разрешений на выезд за границу, об отделе государственной хлебной инспекции Наркомтруда СССР и его местных органах, проекты должностных инструкций директора-распорядителя Госторгбела, штатное расписание Управления Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР, утверждено СНК БССР 9 июня 1924 г., Программа 2-й восточно-европейской ярмарки в г. Кенигсберге (25–28 марта 1924 г.) // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 126 (Управление Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР. 1921–1936 гг.). – Оп. 1. – Д. 129.
9. Переписка с торговыми представительствами СССР за границей об экспорте товаров // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 117 (Народный комиссариат по внутренней торговле БССР. Народный комиссариат внешней и внутренней торговли БССР. Народный комиссариат торговли БССР). – Оп. 1. – Д. 538.
10. Постановления, приказы, циркуляры Наркомторга БССР и переписка с Наркомторгом СССР, торговыми организациями Белоруссии и торгпредствами за границей об экспорте и импорте товаров, назначении представителей и командировках сотрудников за границу и другим вопросам // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 117 (Народный комиссариат по внутренней торговле БССР. Народный комиссариат внешней и внутренней торговли БССР. Народный комиссариат торговли БССР). – Оп. 1. – Д. 534.
11. Список экспонатов, сельхозмашин и инвентаря, переписка с заграничными организациями // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 50 (Всесоюзная сельскохозяйственная и промышленная выставка 1929–1930 гг.). – Оп. 1. – Д. 87.
12. Ковалева, Л. В. Внешнеполитическая деятельность Советской Белоруссии в 1914–1929 гг. : автореф. ... дис. канд. истор. наук : 07.00.02 / Л. В. Ковалева ; Институт истории АН БССР. – Минск, 1993. – 27 с.

Summary

The article deals with the dynamics of German-Belarusian policy affairs on the basis of newly analyzed historical documents about the participation of BSSR and Germany in the industrial and agricultural exhibitions in 1920–1930. The author has come to the conclusion that the fact found in these documents are not enough for fully analysis of the given theme.

Поступила в редакцию 26.01.09.

УДК 329(450)

*Н. М. Савченко***ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье представлен историографический обзор литературы по проблеме политического кризиса Итальянской республики в первой половине 1990-х гг. Автор обращает внимание на то, что в отечественной исторической науке отсутствуют исследования, посвященные вышеуказанной проблеме, а в российской историографии тема представлена фрагментарно и незначительно. Поэтому большая часть статьи посвящена анализу материалов зарубежных исследователей. Отмечено, что итальянская историография достигла значительных результатов в изучении данной проблемы.

Введение

Проблема политического кризиса Итальянской республики в первой половине 1990-х гг. является важным и актуальным аспектом в изучении новейшей истории страны. Это был кризис, включающий делегитимацию всей институциональной архитектуры и политической практики, которые были незыблемыми в течение почти пяти десятилетий. Он сопровождался настоятельными требованиями о проведении основательных институциональных реформ, чтобы установить новые политические правила. Эти требования исходили из всех уголков общества и драматично проявили себя в ряде референдумов и в оживленных общественных дебатах в СМИ. В целом, политический облик Италии на рубеже 1980–1990-х гг. стал неузнаваем. Исчезли партии, десятилетиями определявшие судьбы страны. На их месте появились новые, порой не виданной ранее типа и строения. Радикально обновился состав политической элиты. Пропорциональную систему сменила мажоритарная. Эти перемены обратили на себя пристальное внимание историков, политологов, социологов и др. в Италии и за рубежом. В отечественной же исторической науке отсутствуют исследования, посвященные вышеуказанной проблеме и основанные на документальном материале, который позволял бы в полной мере проследить вызревание кризиса и комплексно исследовать перемены, последовавшие за ним. Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить историографический обзор литературы по проблеме политического кризиса Итальянской республики в первой половине 1990-х гг.

Результаты исследования и их обсуждение*Историографический обзор*

Как уже отмечалось, в отечественной историографии собственно внутренней политике Италии не уделялось внимания. В российской историографии проблема представлена лишь отдельными статьями, посвященными некоторым аспектам политического кризиса в Италии. Так, в центре внимания одних авторов оказалась проблема возникновения этого феномена в итальянской истории [1], [2], другие скрупулезно прослеживали его этапы [3], [4], третьи искали ответ в социально-экономическом развитии страны в послевоенное время [5], [6], [7]. В российской научной литературе, изданной за последнее время, следует выделить, прежде всего, работы И. Б. Левина, В. П. Любина [1], [8], [9], [10]. Все вышеуказанные авторы так или иначе внесли вклад в изучение политической истории Италии 1990-х гг. Но тем не менее в РФ масштабы изучения политического кризиса Первой Итальянской республики пока недостаточны, по сравнению с работами в области исследования этой проблемы в итальянской и англо-американской историографии. Цельного представления о том, что же привело к острому политическому кризису Первой Итальянской Республики, ни одна из вышеуказанных работ не дает.

Итальянская историческая наука о проблеме политического кризиса 1990-х гг.

Итальянские историки и политологи проявляют значительный интерес к данной проблеме. А исторические исследования в Италии осуществляются при финансовой поддержке государства – через министерства, в ведении которых находятся те или иные институты, или через Национальный совет исследований. Большой вклад в изучение истории Италии внесли такие ученые, как Дж. Паскуино, М. Л. Сальвадори, С. Коларици, Дж. Маммарелла, С. Секи и др. [11], [12], [13], [14], [15]. В своих монографиях эти авторы исследовали политические процессы, происходившие в 1990-е гг.

Ни в коей мере не умаляя заслуг историков, следует отметить значительные достижения политологов в рассмотрении проблем внутренней политики Италии. В 1970-е гг. появился научный журнал «*Rivista Italiana di Scienza Politica*». В 1990-е гг. были изданы работы таких авторов, как П. Гинсбург [16], С. Ланаро [17], А. Лепре [18]. За пределами Италии, в Великобритании и США, создавались ассоциации по изучению современной Италии (АСМИ) и научные группы по изучению итальянской политики и социологии (КОНГРИПС).

Однако ясности в изучении современного исторического развития Италии нет. «Поздний старт» развития итальянских социальных наук и способ их развития привели к тому, что некоторые темы изучались основательно, а другим практически не уделялось внимания. Самыми главными областями изучения были вопросы политики и деятельности правительства. В основном преобладало изучение партийной системы, а другие важные темы не освещались вообще. Например, за 40-летний период половина зарубежных исследований и 1/5 итальянских источников касались политических партий. В анализах поднимались и вопросы о выборах и поведении избирателей.

Монографии, посвященные послевоенной истории страны, изданы в основном на итальянском языке [19], [20]. В них авторы предприняли попытку объяснить исторические корни и развитие плохо функционирующей итальянской политической системы, проанализировать экономические и социальные изменения, которые пережила Италия в послевоенный период.

Драматические перемены конца 1980-х – начала 1990-х гг. создали новое поле для исследования, находящегося на начальной стадии развития. Появилось множество анализов, прогнозов и т. н. «мгновенных историй», в которых описывается конец Первой республики и начало Второй. Но большинство из них написаны журналистами и не имеют исторической перспективы и научного обоснования. Исключение составляет монография М. Л. Сальвадори [21]. В ней автор пытается объяснить кризис 1990-х гг. в контексте преемственности прошлого, в частности делается акцент на неспособности достичь чередования в правительстве. В качестве теоретической основы для анализа можно использовать работы следующих авторов: Л. Кафанья, А. Бенцони, М. Кализе, М. Гилберт [22], [23], [24], [25]. Они обращают внимание на теоретические слагаемые политического курса страны в первой половине 1990-х гг., а также дают анализ глубоких перемен в итальянской политике.

Одним из лучших исследований недавнего периода является сборник под редакцией М. Качальи [26], объединивший труды историков, политологов и социологов, которые попытались проанализировать переход от Первой ко Второй республике. В англо-американской историографии существует похожее издание под редакцией С. Гандла, написанное специалистами из Италии, Великобритании, США, которые занимались изучением изменений, произошедших в Италии в 1989–1994 гг. [27].

Проблема коррупции освещается в работах Д. Дела Порты, А. Силж, С. Туроне и др. [28], [29], [30]. Как известно, клиентелизм долгое время определялся в качестве основной черты итальянской политики и важного средства, с помощью которого правящие партии сохраняли и укрепляли основу своей власти. Скандалы конца 1980-х – начала 1990-х гг., выявившие масштабы коррупции, говорят о том, что предстоит провести еще много исследований по этой проблеме. Однако в вышеуказанных работах авторы уже попытались детально исследовать динамику политической коррупции итальянской демократии и разобраться в ее механизмах. Ими также сделана попытка рассмотреть проблему в исторической перспективе.

Необходимо отметить, что по вопросу о роли и сущности операции «Чистые руки» однозначного мнения до сих пор не существует. Оценки исследователей во многом зависят от того, кем являются авторы публикаций (учеными из университетов и исследовательских центров, журналистами или судьями), и часто носят субъективный характер. Интересной, но противоречивой является работа С. Х. Бернетта и Л. Мантовани [31], переведенная на русский язык. Эта книга стала результатом серьезного многолетнего исследования. В ней представлены доказательства того, что крушение старого порядка было тщательно подготовлено. Авторы также дают анализ причин произошедших событий.

Драматические события выборов в начале 1990-х гг. дали стимул для написания нескольких работ. Парламентским выборам 1992 г. посвящен основательный анализ в исследовании под редакцией Дж. Паскуино и П. Маккарти [32], а также в работе Р. Маннхаймера и Дж. Сани [33]. Исследования под редакцией С. Бартолини и Р. Д'Алимонте, И. Диаманти и Р. Маннхаймера посвящены национальным выборам 1994 г. [34], [35]. Авторы уделяют значительное внимание новым правилам выборов, партиям и альянсам, политической коммуникации.

Необходимо отметить также монографию А. Кименти, посвященную рассмотрению проблемы референдумов и их роли в истории Италии [36]. Автор исследует различные изменения, произошедшие в референдумах за последние двадцать лет, изображая их в качестве позитивной силы. К сожалению, монография была опубликована слишком рано и не включила анализ важных референдумов 1993 г.

В начале 1990-х гг. правящие партии также переживали кризис, некоторые из них были преобразованы, другие раскололись, третьи прекратили свое существование и появились новые. Этот вопрос нашел отражение в работах Дж. Галли, П. Иньяци, С. Коларици, Р. Маннхаймера и И. Диаманти. Исследования вышеуказанных авторов содержат большой фактический материал. Интерес представляют научные изыскания С. Коларици, которая представила общую картину партийной системы Италии [37].

Самое же большое количество исследований посвящено ИКП, долгое время находившейся в оппозиции. Из последних работ, рассказывающих о преобразовании ИКП в ДПЛС, можно отметить монографию П. Иньяци [38]. Итальянской Социалистической партии (ИСП) также посвящено немало исследований, причем как в итальянской, так и в российской историографии [9], [10], [39], [40]. Работ о Христианско-демократической партии (ХДП) гораздо меньше, и в основном все они представлены на языке оригинала. Из последних работ можно отметить монографию Дж. Галли, в которой автор пытается объяснить происхождение гегемонии ХДП [41]. Всем остальным партиям вообще уделено мало внимания, за исключением нескольких работ, опубликованных в 1980-е гг., что является довольно странным, учитывая их роль в партийной системе Италии на протяжении всего послевоенного периода. Следует также назвать монографию П. Иньяци, рассказывающую о превращении Итальянского социального движения (ИСД) в т. н. постфашистскую партию Национальный Альянс (НА) в 1990-е гг. [42].

В партийной системе современной Италии существует несколько новых партий или партий-движений, появившихся на политической арене в начале 1990-х гг. вследствие падения старой системы. Самыми важными из них являются «Вперед, Италия!» (ВИ) и Лига Севера (ЛС). Относительно ЛС существует несколько основательных исследований, например, монографии Р. Маннхаймера и И. Диаманти [43], [44]. Авторы подробно рассматривают феномен данного движения, исследуют причины его подъема в первой половине 1990-х гг. Научных исследований, посвященных ВИ нет до сих пор, хотя существует много журналистских очерков, не заслуживающих внимания. Тем не менее есть интересная работа, написанная журналистом еженедельного журнала L'Europeo А. Джиглиоли [45].

Тема мафии также всегда была интересной, но сложной для социологов, политологов, историков и др. Роль государства и политиков в развитии мафии лучше всего анализируется в монографиях Н. Транфалья. В них сделан акцент на пассивное отношение правительств к мафии и желание политиков устанавливать с ней связи, а также представлен детальный анализ проблемы и собран фактический материал [46], [47]. Погибший от рук мафии в 1992 г. судья Дж. Фальконе издал в 1991 г. книгу в соавторстве с М. Падовани [48].

Англо-американская историография о проблеме политического кризиса Итальянской республики.

Данная проблема привлекла также британских и американских историков и политологов. Однако объем исследований не так велик. Выше уже было отмечено издание под редакцией С. Гандла. Значимыми представляются также работы П. Маккарти [49], [50], в которых рассматриваются изменения, произошедшие в Италии после окончания холодной войны, дается критический обзор мнений ученых и аналитиков по данной проблеме. Заслуживают внимания исследования профессора М. Гилберта, преподающего в Диккенсон Колледже в Пенсильвании [51].

Большой интерес представляют научные изыскания профессоров М. Дж. Булла и Дж. Л. Ньюэлла, преподающих в университете Салфорд (Великобритания) и являющихся сотрудниками Научно-исследовательского института, занимающегося изучением проблем стран Запада, и департамента новейшей истории и политологии научно-исследовательского центра [52], [53]. Им принадлежит безусловный приоритет в изучении проблем внутренней политики Италии и отдельных аспектов кризиса.

Выводы

Анализ состояния и научной разработки проблемы политического кризиса Итальянской республики в первой половине 1990-х гг. позволяет утверждать, что в современной отечественной и российской историографии отсутствуют работы, в которых бы комплексно и детально рассматривались все аспекты кризиса. В отечественной историографии вышеуказанная проблема до настоящего времени еще не являлась объектом исторического исследования, а в российской историографии она представлена лишь разрозненными материалами. Между тем данная проблема очень интересна, важна и актуальна. И поэтому она привлекла внимание итальянских, американских и британских исследователей. Следует отметить, что итальянская историческая наука достигла значительных результатов в плане изучения и осмысления проблем внутренней политики Италии в первой половине 1990-х гг. Англоязычные исследователи также внесли значительный вклад в их изучение.

Литература

1. Любин, В. П. Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы / В. П. Любин // МЭиМО. – 1998. – № 3. – С. 86–94.
2. Старцев, С. На Апеннингах-то революция / С. Старцев // Эхо планеты. – 1994. – № 5. – С. 20–21.
3. Левин, И. Б. Размышления об итальянском кризисе / И. Б. Левин // Полис. – 1995. – № 2. – С. 44–56.
4. Каммерер, П. Кризис итальянского государства: Северная Лига / П. Каммерер // Роль государства в развитии общества: Россия и международный опыт: материалы Междунар. симпозиума, Москва, 23–24 мая 1997 г. – М., 1997. – С. 103–109.
5. Дзурдоло, А. Итальянский вариант / А. Дзурдоло // Междунар. жизнь. – 1990. – № 3. – С. 27–31.
6. Зевелева, Г. Н. Италия на пути глубоких перемен / Г. Н. Зевелева // МЭиМО. – 1995. – № 1. – С. 125–131.
7. Авилова, А. В. Италия: своеобразие южноевропейского пути развития / А. В. Авилова // МЭиМО. – 2001. – № 5. – С. 77–86.
8. Левин, И. Б. Италия после Первой республики / И. Б. Левин // Эволюция политических институтов на Западе / И. Б. Левин. – М., 1999. – С. 17–33.
9. Любин, В. П. Итальянская социалистическая партия: славная история и бесславный конец / В. Любин // Актуальные проблемы Европы: Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. – 1998. – № 1. – С. 152–156.
10. Любин, В. П. Итальянское социалистическое движение: страницы истории / В. П. Любин // Социал-демократия сегодня / В. П. Любин. – М., 2002. – Вып. 1. – С. 252–256.
11. Pasquino, G. The unexpected alternation: the March 1994 Italian elections and their consequences / G. Pasquino. – Bologna: The Johns Hopkins University, 1994. – 16 p.
12. Salvadori, M. L. Storia d'Italia e crisi di regime. Saggio sulla politica italiana. 1861–2000 / M. L. Salvadori. – Bologna: Il Mulino, 2001. – 192 p.
13. Colarizi, S. Biografia della Prima Repubblica / S. Colarizi. – Roma: Laterza, 1996. – 236 p.
14. Mammarella, G. Il declino: Le origini storiche della crisi italiana / G. Mammarella, Z. Ciuffoletti. – Milano: Mondadori, 1996. – 261 p.
15. Deconstructing Italy: Italy in the nineties / ed. by S. Sechi. – Berkley: University of California, 1995. – 314 p.
16. Ginsborg, P. A History of Contemporary Italy. Society and Politics: 1943–1980 / P. Ginsborg. – London: Penguin, 1990. – 592 p.
17. Lanaro, S. Storia dell'Italia Repubblicana: Dalla fine della Guerra agli Anni Novanta / S. Lanaro. – Venezia: Marsilio, 1992. – 498 p.
18. Lepre, A. Storia della prima Repubblica: L'Italia dal 1943 al 2003 / A. Lepre. – Bologna: Il Mulino, 2004. – 430 p.
19. Scoppola, P. La repubblica dei partiti. Profilo storico della democrazia in Italia (1945–1990) / P. Scoppola. – Bologna, 1991. – 449 p.
20. Stato dell'Italia / a cura di P. Ginsborg. – Milano: Il Saggiatore, Mondadori, 1994. – 704 p.
21. Salvadori, M. L. Storia d'Italia e crisi di regime: alle radici della politica italiana / M. L. Salvadori. – Bologna: Il Mulino, 1994. – 109 p.
22. Cafagna, L. La grande slavina. L'Italia verso la crisi della democrazia / L. Cafagna. – Venezia: Marsilio, 1993. – 203 p.
23. Benzoni, A. La terra di nessuno. Alla ricerca della Repubblica perduta / A. Benzoni, R. Gritti. – Roma: Edizioni lavoro, 1995. – 152 p.
24. Calise, M. Dopo la partitocrazia. L'Italia tra modelli e realta / M. Calise. – Torino: Einaudi, 1995. – 173 p.

25. Gilbert, M. The Italian Revolution: The End of Politics Italian Style? / M. Gilbert. – Boulder : Westview, 1995. – 204 p.
26. L'Italia fra crisi e transizione / a cura di M. Caciagli. – Roma : Laterza, 1994. – 306 p.
27. The new Italian Republic: From the fall of the Berlin Wall to Berlusconi / ed. by S. Gundle. – N. Y. : Routledge, 1996. – 334 p.
28. Della Porta, D. Corruzione politica e amministrazione pubblica. Risorse, meccanismi, attori / D. Della Porta, A. Vannucci. – Bologna : Il Mulino, 1994. – 514 p.
29. Silj, A. Malpaese. Criminalità, corruzione e politica nell'Italia della prima Repubblica. 1943–1994 / A. Silj. – Roma : Donzelli, 1994. – 483 p.
30. Turone, S. Politica ladra. Storia della corruzione in Italia 1861–1992 / S. Turone. – Bari : Laterza, 1992. – 384 p.
31. Бернетт, С. Х. Итальянская гильотина: Операция «Чистые руки» и свержение Первой Итальянской Республики / С. Х. Бернетт, Л. Мантовани ; пер. Г. И. Григорьевой ; отв. ред. С. Росси, В. П. Кашепов. – М. : Юстицинформ, 1999. – 301 с.
32. The end of post-war politics in Italy: The landmark 1992 elections / ed. by G. Pasquino, P. McCarthy. – Boulder : Westview press, 1993. – 187 p.
33. Mannheim, R. La rivoluzione elettorale. L'Italia tra la prima e la seconda repubblica / R. Mannheim, G. Sani. – Milano : Anabasi, 1994. – 468 p.
34. Maggioritario ma non troppo. Le elezioni politiche del 1994 / a cura di S. Bartolini, R. D'Alimonte. – Bologna : Il Mulino, 1995. – 432 p.
35. Milano a Roma. Guida all'Italia elettorale del 1994 / a cura di I. Diamanti, R. Mannheim. – Roma : Donzelli, 1994. – 138 p.
36. Chimenti, A. Storia del Referendum: Dal divorzio alla riforma elettorale / A. Chimenti. – Roma : Laterza, 1993. – 163 p.
37. Colarizi, S. Storia dei partiti nell'Italia repubblicana / S. Colarizi. – Roma : Laterza, 1994. – 738 p.
38. Ignazi, P. Dal PCI al PDS / P. Ignazi. – Bologna : Il Mulino, 1992. – 176 p.
39. Degl'Innocenti, M. Storia del PSI. Dal dopoguerra a oggi / M. Degl'Innocenti. – Roma : Laterza, 1993. – 607 p.
40. Любин, В. П. ИСП в партийно-политической системе Италии / В. П. Любин. – М. : ИНИОН, 1990. – 67 с.
41. Galli, G. Mezzo secolo di DC / G. Galli. – Milano : Rizzoli, 1993. – 418 p.
42. Ignazi, P. Post-fascisti? Dal movimento sociale ad Alleanza nazionale / P. Ignazi. – Bologna : Il Mulino, 1994. – 128 p.
43. La Lega Lombarda / a cura di R. Mannheim. – Milano : Feltrinelli, 1991. – 203 p.
44. Diamanti, I. La Lega: geografia, storia e sociologia di un nuovo soggetto politico / I. Diamanti. – Roma : Donzelli, 1993. – 127 p.
45. Gilioli, A. Forza Italia. La Storia, gli uomini, i misteri / A. Gilioli. – Bergamo : Ferruccio Arnoldi Editori, 1994. – 229 p.
46. Tranfaglia, N. La sentenza Andreotti: Politica, mafia e giustizia nell'Italia contemporanea / N. Tranfaglia. – Milano : Garzanti, 2001. – 157 p.
47. Tranfaglia, N. Mafia, politica e affari nell'Italia repubblicana, 1943–91 / N. Tranfaglia. – Bari : Laterza, 1992. – 401 p.
48. Falcone, G. Cose di cosa nostra / G. Falcone, M. Padovani. – Milano : Rizzoli, 1991. – 173 p.
49. McCarthy, P. The crisis of the Italian state: From the origins of the Cold War to the fall of Berlusconi / P. McCarthy. – N. Y. : St. Martin's press, 1995. – 230 p.
50. Italy since 1945 / ed. by P. McCarthy. – Oxford : Oxford Univer. Press, 2000. – 246 p.
51. Gilbert, M. The Italian Revolution: The End of Politics Italian Style? / M. Gilbert. – Boulder : Westview, 1995. – 204 p.
52. Bull, M. J. Italian politics and the 1992 elections: from «stable instability» to instability and change / M. J. Bull, J. L. Newell // Parliament. affairs. – 1993. – Vol. 46, № 2. – P. 203–227.
53. Newell, J. L. The Italian referenda of April 1993: real change at last? / J. L. Newell, M. J. Bull // West Europ. politics. – 1993. – Vol. 16, № 4. – P. 607–615.

Summary

This article deals with the questions of identification and ethnic characteristic of the Polish minority of BSSR in the 20s of the twentieth of century. The problems of official definition of ethnic accessory and self-identification of this population are mentioned. The structure and origin of the Polish population of BSSR, processes of assimilation and transformation are considered. Cultural – household, economic, social and confessional features of various groups of «Poles» are analyzed. The question of reliability of the Soviet statistics is also put concerning the quantity of the Polish population of BSSR.

Поступила в редакцию 12.03.09.

Е. Д. Смирнова

ЗНАКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОСЛОВИЙ: ЦВЕТ КОСТЮМА И ЕГО СИМВОЛИКА

Статья посвящена изучению социальной символики средневекового костюма. Автор приходит к выводу, что в средневековом обществе цвет одежды использовался для визуальной стратификации и выступал в качестве средства социальной идентификации человека.

Введение

Прошлое предстает перед нами в виде груды *разрозненных свидетельств*, из которых нужно составить картину ушедшей жизни. В качестве последних чаще используют письменные тексты, но для современного исследователя важны и другие свидетельства. К примеру, *мир артефактов* – мир окружавших средневекового человека вещей. Эпоха, как известно, проходит, вещи остаются. Сейчас, когда значительно возросло количество исследований по теме *материальной* культуры средневековья [1, 6], внимание исследователя все чаще обращается к такому артефакту средневековой культуры, как *костюм* [2], [3].

Благодатным материалом для исследования особенностей последнего являются *визуальные источники* – *миниатюры* рукописных книг, станковая живопись и настенная роспись.

«*Костюм* каждого, – отмечала искусствовед А. Чернова, – как правило, указывает пол, возраст, национальность, социальную и культурную принадлежность, а также отдельные черты характера и настроение души. Платье – это признание..., а подчас даже и исповедь» [4, 6].

Цель нашей статьи – проследить связь и выявить определенную закономерность между социальным/профессиональным положением средневекового *человека* и *цветом его костюма*.

Результаты исследования и их обсуждение

В средние века одежда стала *знаком* принадлежности к тому или иному сословию (благородному или нет), разграничение наблюдалось прежде всего в цвете. Цвет имел не только эстетическую, но и социальную ценность. Исторически он всегда использовался для разделения классов, являлся социальным знаком и применялся для *визуальной стратификации* общества. Соответственно различия в цвете костюма выявляли существовавший в обществе стройный распорядок сословий и титулов [5, 60].

Начиная с Карла Великого феодальная иерархия разделила краски на благородные и неблагородные. Каждому цвету придавалось особое значение, он был *символичен*. В меровингскую эпоху пурпур и золото стали цветами церемониальных одежд, являлись символом знатности, благородства и королевского достоинства, а в платье черного и серого цвета Карл предписал одеваться *крестьянам*, в то время как знать на протяжении всего средневековья имела право облачаться в «*зеленое, синее, красное*» [6, 143–144].

В период *высокого средневековья западное христианство* поделило общество на *три* четко отделенные друг от друга *сословия* – духовенство, знать и простолюдины. На первое место были поставлены те, кто молился (*oratores*), т. е. духовенство, затем шли рыцари, т. е. те, кто сражался (*bellatores*), и, наконец, на третьем месте находились те, кто работал (*laboratores*), – *крестьяне* и позже ремесленники, воплощавшие производственную функцию [7, 218]. Или иначе – сословие обучения, сословие защиты и сословие питания. Разделение на тех, кто молится, воюет и работает, несло в себе что-то подкупающе ясное. Эта схема была разработана двумя епископами из Северной Франции Адальбероном Ланским (ок. 950/957–1031) и Герардом из Камбре (XI в.) и с некоторыми модификациями просуществовала до конца XV в., хотя на исходе средневековья социальные отношения фактически выглядели уже по-другому и трехчастная модель общества являлась фикцией [8, 62]. По мере изменения эта модель трансформировалась и уступала место новым реалиям, учитывавшим *изменение социальной структуры общества*.

Весь средневековый мир был разделен в соответствии с выполняемыми функциями. Четкое представление о своем месте в обществе стало существенной чертой средневекового социума. Эта иерархия была всеобщей, включала каждого человека и получила выражение в виде системы сословно-правовых структур и страт. В сущности, *средневековое общество*

было соткано из отдельных ячеек – дворянства, крестьянства, бюргерства и прочих сословных групп [9, 10–11]. До конца XV столетия этот *сословный порядок* считался святым, раз и навсегда установленным. *Средневековое общество* было *пестрым* и жило не государствами, а прежде всего *сословиями* [10, 54].

Костюм, в первую очередь его *цвет*, должны были соответствовать той роли, которую выполнял в обществе тот или иной его представитель, отвечать его положению, социальному статусу и рангу.

Красный цвет считался одним из самых популярных цветов одежды высокопоставленных светских и церковных лиц как в раннем, так и в высоком средневековье. Он ассоциировался с богатством и властью. Еще со времен Юлия Цезаря он считался аристократическим, привилегированным, царским цветом [11, 57]. Торжественные выходы правителей были полностью выдержаны в красном. Итальянский юрист Бартоло ди Сассоферрато (XIV в.), автор трактата «*О знаках и гербах*», отводил два первых места в иерархии благородных цветов пурпурному (purpureus – изображает огонь) и золотому. Одежды пурпурного и золотого цвета не было позволено носить никому, «*кроме одного государя*» [12, 319] (иллюстрация 1).

Иллюстрация 1 – Портрет герцога Бургундии Филиппа Доброго. XV в.

Впрочем использовался не только пурпурный оттенок, который мир средневекового Запада перенял из античности, но и *ярко-красный*. В средневековой Европе этот цвет получали из яиц дубового червеца (*coccus ilicis*). Красный имел множество символических значений. Так, придворный поэт Людовика XI и Карла VIII Жан Робертэ (14??–1503) писал:

*Он слывет символом победы,
Помпезный, высокомерный и гордый, он ведет к славе* [13].

Красный часто встречался в комбинации с *белым*, чьими символическими значениями, взятыми из Святого Писания, являются девственность, чистота, невинность, радость. Белый часто являлся цветом одежды молодых девушек и святых. Белым было базовое облачение, используемое при литургии.

*Белый цвет добрую надежду означает,
Но, жаль только, быстро грязнится* [14, 63–64].

Вплоть до середины XIII в. *главными цветами* считались красный, белый, а также черный [15, 32]; остальные же цвета хотя и существовали, но не играли большой роли. Например, **синий** до XII в. оставался *маргинальным* цветом второго плана и его ценность была сравнительно небольшой по сравнению с тремя упомянутыми основными цветами.

Изменение статуса синего цвета (синий, голубой, лазурный, фр. bleu), его возвышение начнется в XII в. и будет связано с культом Девы Марии. Он становится одним из основных атрибутов Богородицы, цветом ее траура. В данной связи следует заметить, что в средневековом христианском обществе новое отношение к цвету обычно исходило из стен церкви. В XII в. синий цвет становится цветом скорби Девы Марии по поводу гибели Сына, и именно поэтому его часто используют средневековые мастера. Статус bleu резко возрастает. Синий перестает быть второстепенным цветом, каким он считался во времена античности и раннего средневековья, и становится цветом аристократическим. Его считали символом верности, постоянства, надежды, печали и терпения. В честь Богородицы (покровительницы и защитницы королей-Капетингов и Франции в целом) французские короли в XII в. избрали этот цвет цветом своей династии (иллюстрация 2). Герб Франции получил синий, усеянный золотыми геральдическими лилиями щит.

Синий цвет ...,
достоин короля.
Синий цвет постоянство пророчит,
Благо тому, к кому он благосклонен [16, 63–64].

Иллюстрация 2 – Портрет короля Франции Карла VI. XV в.

В это же время цветок *лилии* стал символом Девы Марии и в 1130–1140-х гг., в период правления Людовика VI и Людовика VII – эмблемой французской королевской семьи (иллюстрация 3).

**Иллюстрация 3 – Миниатюра к. XV в.
Госпожа Франция и ее придворные дамы облачены в плащи с геральдическими лилиями**

Одним из первых синий цвет в своем костюме стал использовать король Франции Людовик IX Святой (1214–1270, король с 1226 г.). Друг Людовика, наследственный сенешал Шампани, мемуарист Жан Жуанвиль (1225–1317) отмечал, что на роскошном обеде в замке Сомюр (в Анжу) он был облачен в **синий (голубой) парчовый камзол** [17, 192].

Позже, в 1399 г., другой французский хронист, Жан Фруассар (1337 – после 1404), описывая наряд французской королевы Изабеллы Баварской, также отмечал, что она «*была в изящной голубой одежде, осыпанной золотыми лилиями*» [18, 54].

Вслед за королями, начиная с XIII в. синий цвет в своих гербах стало использовать французское дворянство (иллюстрация 4), а затем и нобилитет всего христианского Запада. Рыцари оделись в синий во второй половине XIV в., а Фруассар даже сочинил короткую «Поэму о синем рыцаре» («Dit du bleu chevalier» (между 1361–1367 гг.)) [19, 60, 62]. Этот цвет действительно стал символом феодальной аристократии и приобрел особенный статус в цветовой иерархии.

**Иллюстрация 4 – Братья Лимбурги. Январь.
Миниатюра из Великолепного часослова герцога Беррийского [Le Très riches Heures de duc de Berry].
1409–1416 гг. В центре стола в синем, подбитом мехом уплёнде герцог Жан Беррийский**

Некоторое сопротивление этой моде наблюдалось в Германии и Италии, где отдавали предпочтение красному цвету. Но недолго. К концу средневековья и в этих странах синий цвет стал цветом королей, принцев и аристократии. В то время как красный продолжал оставаться символом власти императора и папства.

В середине XIV в. у синего появился опасный соперник – цвет **черный**, возвышение которого началось между 1360 и 1380 гг. и было связано с разными причинами: появлением нового способа окрашивания шерсти в насыщенные, ранее не применявшиеся, глубокие тона; новыми требованиями в обществе к одежде после эпидемии чумы («Черная смерть», 1347–1353 гг.), распространением законов, регулирующих потребление предметов роскоши.

*Черная краска печаль умножает,
Для вдов она подходит!
У кого печаль поселилась в сердце,
Тот в ней так ходит* [20, 63–64].

Однако следует заметить, что в средневековом мире существовало **два черных цвета**: «позитивный» (символ смирения, терпения и достоинства) и «негативный» (символ голода, смерти, цвет скорби, греха и несчастья, цвет траура). Черный цвет начиная с 1419 г. предпочитал герцог Бургундии Филипп Добрый.

Определенное время большой интерес проявляли к **желтому** цвету. Сначала, очевидно, из-за его редкости, т. к. из большого количества цветков **шафрана** (в пер. с арабского – желтый) получалось небольшое количество краски (для получения 1 кг шафранового фермента требовалось 50 000 растений). Поэтому желтый цвет стал модным, и в платье желтого цвета одевались дамы знатные и состоятельные, хотя блюстители нравов считали подобную моду излишне расточительной. Постепенно желтый цвет стал цветом спорным и в конце концов дополнением к одежде продажных женщин [21, 61, 66].

*Желтый цвет... порочит,
Что похож он на клевету;
Не одну девицу, даму
Языком своим льстиво ранит* [22, 63–64].

В своем костюме его должны были использовать и европейские евреи. Им предписывалось (IV Латеранский собор 1215 г.) носить особый отличительный знак (чаще всего желтый кружок, позже желтый воротник) [23].

Существовало **два желтых цвета**: желтый с блеском золота – именно он был притягателен для знати. И желтый с добавлением серого и зеленого оттенков, которые превращали цвет знати в цвет изгоев и маргиналов.

В середине XIII в. тройственная система цветов средневековой культуры (красный-белый-черный) сменилась новым цветовым порядком. основополагающую роль в западном обществе стали играть шесть красок (цветов): золото (**желтый**, фр. *or*), серебро (**белый**, фр. *argent*), червленль или киноварь (**красный**, фр. *gueules* – пасть, алая), чернь (**черный**, фр. *sable* – земля или соболю), **зелень** (зеленый, фр. *sinople*) и **лазурь** [24, 83].

Символическое значение цвета выражалось также и в том, что он становился знаком принадлежности слуги к господину. «Большие французские хроники», говоря о визите Карла IV во Францию в 1377–1378 гг., сообщают: «...Когда... Карл IV ... покинул... Сен-Дени..., ему навстречу выехал парижский прево и рыцарь сопровождения с большим числом своих всадников, одетых в одинаковые платья... снизу белые и фиолетовые, и всадников было на оном месте от восьмисот до двух тысяч» [25, 332–333]. У королей обычно были одинаково одетые слуги. Цвет, таким образом, приобретал значение, соответствовавшее *ранней* стадии **форменной** одежды. Подобная одежда обозначала принадлежность служащего к дому богатого дворянина.

Начиная с эпохи высокого средневековья тон в моде Западной и Центральной Европы задавала Франция и ее королевская резиденция Париж. Жить и одеваться по-французски считалось хорошим тоном. В начале XIV в. благодаря Франции возникает *европейский стиль одежды*. Миграции костюма больше всего способствовали королевские браки, благодаря которым одновременно с королевой всегда переезжала часть придворного общества. Например, в 1334 г.

сестра французского короля Филиппа VI *Бланка Валуа* вышла замуж за Карла IV Люксембурга и принесла в Чехию ориентацию на французскую моду [26, 396].

В эпоху готики костюм, как никогда раньше, приобрел ярко выраженные корпоративные и социальные черты: резко обозначились различия в одежде знати и *горожан*, определяя тем самым принадлежность человека к той или иной профессии. Одежда становится одним из главных внешних *опознавательных* знаков. Богатые горожане-нувориши пробуют сравняться с нобилитетом и одеваться так же роскошно. Многие из них, несмотря на принадлежность к третьему сословию, становятся очень *богатыми* людьми и даже ссужают рыцарей деньгами. В ответ дворянство вводит т. н. «одежные порядки»: в XIII в. в Европе появляются первые «законы *против роскоши*», ограничивавшие претензии горожан. Первые из них появились при Людовике IX (1226–1270) и Филиппе IV Красивом (1285–1314).

Нобилитет старался отмечать определенной «*униформой*» и представителей других социальных групп. Так, сословную одежду имели цехи и чиновники. Например, костюм чиновника французского парламента в XV в. имел длинную робу алого цвета, капюшон с опушкой и алую мантию. Для чиновников-клириков цвет был фиолетовым [27, 328]. «... У короля... были **чиновники** всех сословий... одетых согласно занимаемой должности в **одинаковые** платья: у **камергера** было две пары платья – одно аксамитовое, другое – потянутое двойным **пурпуром**, у **гофмейстера** был наряд из двойного бархата, цвета **голубого** и **светлого**, а **рыцари почетной стражи** были в бархате цвета **киновари**. **Конюшие** и **оруженосцы** были одеты в **голубой** камокас, **стоящие у дверей оруженосцы** были в двойном камокасе с полосками **голубыми** и **красными**, **прислуга** (хлебмейстеры, слуги, подносящие еду и накраивающие хлеб) были в одежде из двойного сатина с **белыми** и **светлыми** полосами» [28, 344].

Своя *униформа* существовала у лекарей, чаще всего это были простые накидки из серой (то есть низкосортной) шерсти (иллюстрация 5). У профессии *палача* (иллюстрация 6), которая считалась «презренной», но хорошо оплачивалась, была соответствующая одежда красного цвета. Он и его помощники одевались по последней моде и часто весьма экстравагантно, комбинировали с обязательным красным цветом другие цвета.

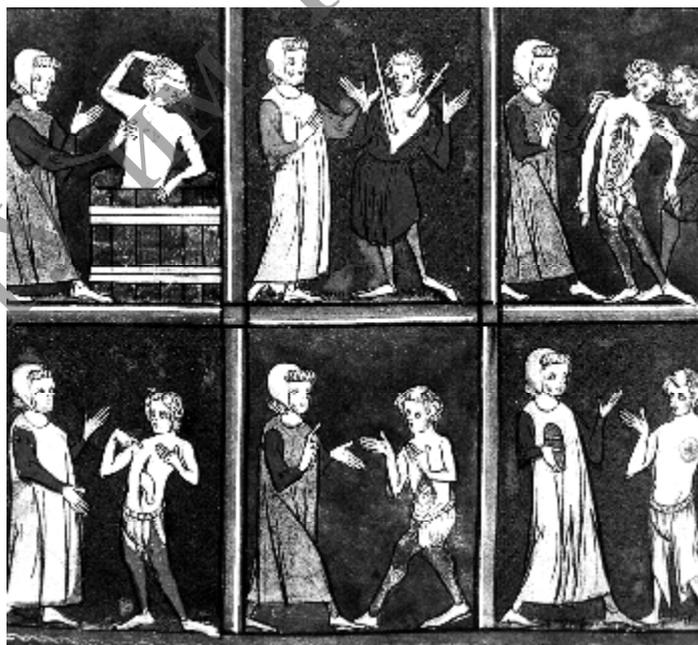

Иллюстрация 5 – Хирурги.
Миниатюра из французского перевода «*Chirurgie*» Роже из Салерно. Ок. 1300 г.

Иллюстрация 6 – Палач.
Деталь алтаря Св. Якова. 1430–1440 гг.

Одеждой, указывавшей на занимаемое общественное положение, являлось *академическое платье*. Основным видом одежды профессоров и магистров университетов была *мантия*, как правило *темного* либо *черного* цвета [29, 214, 222], хотя в отдельных городах допускались *пурпур* или *темно-красные* облачения. Например, мантия профессоров Пражского университета была красного цвета. А Джеффри Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» отмечал, что доктор медицины «носил малиновый и синий цвет, и шелковый был плащ на нем одет» [30, 41].

По мере усложнения профессиональной, имущественной и социальной структуры городского населения подобная регламентация становилась все более дифференцированной и жесткой. К постановлениям «против роскоши» добавилось городское законодательство об одежде. Для большей части населения города, не имевшей, в отличие от знати, своих гербов, именно одежда, ее цвет служили одним из главных определяющих общественное положение знаков.

Никто в средние века, заметил чех Томаш Штитный, «не покупает одеяния..., которое его сословие превышает... Грех может быть заключен также в недостаточном одеянии... когда кто по лености своей не заботится о том, чтобы с теми сравняться, с кем он живет и одного положения...» [31, 183–184]. Другой средневековый автор, Хенрих Тайхнер (ум. 1373/77), в своем трактате «О длинных шлейфах и высоких вуалях» отмечал: «Никто не должен украшать себя модой, присущей другим, каждый должен носить платье согласно своему положению» [32, 374].

Выводы

1. Одежда и ее цвет в средние века являлись полноценным историческим источником и несли информацию о разных областях человеческой деятельности. В первую очередь **цвет** костюма имел не столько эстетическую, сколько социальную ценность, превратился в символ, опознавательный знак, был показателем социального статуса ее владельца, средством самоидентификации личности и, в конечном счете, отражал структуру существовавших в средневековом обществе социальных отношений.

2. Визуально цвет средневекового костюма делал видимым место человека в средневековом социуме, т. е. применялся для визуальной стратификации.

3. В одежде одновременно просматривались элементы социального различия и социальной идентичности. *Различия* в цвете костюма выявляли стройный распорядок сословий и титулов. Цвет классифицировал, противопоставлял, иерархизировал.

С другой стороны цвет в рамках одного сословия *объединял*. Носить одежду не того цвета, который подобал человеку по его положению и рангу, не позволялось. Одежда и ее цвет стали настоящей униформой и точно указывали на место и положение человека в социуме, с их помощью можно было почти безошибочно определить принадлежность ее владельца к той или иной профессиональной либо социальной среде.

Літаратура

1. Jaritz, G. Daily Life in Medieval Literature / G. Jaritz // *Medium Aevum Quotidianum*. – Krems, 1984. – № 2. – S. 6–23. Это издание было любезно предоставлено мне д-ром Г. Ярицем из Института изучения средневековых реалий (г. Кремс, Австрия).
2. Медик, Х. Культура престижа. Одежда и ее расцветка в Лайхингене, 1750–1820 / Х. Медик ; пер. Л. А. Пименовой // *Анналы на рубеже веков. Антология* / пер. с фр. ; отв. ред. А. Я. Гуревич ; сост. С. И. Лучицкая. – М. : «XXI – согласие», 2002. – С. 222–243.
3. Хюльзен-Эш, А. *Primus inter pares – primi inter pares*. Ученые в своем кругу и среди себе равных / А. Хюльзен-Эш ; пер. с нем. Д. В. Двухименной // *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени)* / под общ. ред. Юрия Бессмертного (ИВИ РАН) и Отто Герхарда Эксле (Институт истории Общества им. Макса Планка). – М. : ИВИ РАН, 2000. – С. 150–176.
4. Чернова, А. Д. ...Все краски мира, кроме желтой / А. Д. Чернова. – М. : Искусство, 1987.
5. Хейзинга, Й. *Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV–XV вв. во Франции и Нидерландах* / Й. Хейзинга. – М. : Наука, 1988. – 539 с.
6. Schmiedt-Wiegand, R. *Kleidung, Tracht und Ornat nach den Bilderhandschriften des «Sachsenspiegels»* / R. Schmiedt-Wiegand // *Terminologie und Typologie mittelalterlicher Sachgüter: Das Beispiel der Kleidung*. – Wien, 1988. – S. 143–176.
7. Ле Гофф, Ж. *Средневековая Западная Европа* / Ж. Ле Гофф // *История человечества* : в 6 т. / под общ. ред. А. Н. Сахарова / под ред. М. А. Аль-Бахита, Л. Базена и С. М. Сиссоко. – М. : ЮНЕСКО, ООО «Изд. дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2003. – Т. IV : VII–XVI вв. – С. 215–227.
8. Borst, O. *Alltagsleben im Mittelalter* / O. Borst. – Frankfurt/Main : Insel Verlag, 1983. – 659 s.
9. Сванидзе, А. А. *Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы* / А. А. Сванидзе // *Общности и человек в средневековом мире : материалы межресп. конф.*, 30 сент. – 2 окт. 1991 г. – М., Саратов : ИВИ РАН, 1992. – С. 9–16.
10. Borst, O. *Op. cit.*
11. Лелеко, В. Д. *Эстетика повседневности* / В. Д. Лелеко. – СПб. : СПбГАК, 1994. – 146 с.
12. Сассоферрато, Бартоло ди. *О знаках и гербах* / Бартоло ди Сассоферрато // *Средние века*. – Вып. 52. – М. : Наука, 1989. – С. 310–322.
13. Jean Robertet. *L'exposition des couleur* [Electronic resource] / Robertet Jean. – Mode of access : <http://poesie.webnet.fr/poemes/France/ROBE/2.html>. – Date of access : 25.08.2008.
14. *Píseň o barvách* // *Staročeská lyrica* / připravil J. Vilikovsky. – Praha : Melantrich, 1940. – S. 63–64.
15. Pastoureau, M. *BLEU. The History of a Color* / M. Pastoureau. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2001. – 216 p.
16. *Píseň o barvách*.
17. Joinvill, J. de. *Mémoires. Histoire de Saint Louis*: 3 т. / J. de Joinvill // *Nouvelle le collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France, depuis le XIII siècle jusqu' à la fin du XVIII s.* – P., 1836. – Т. 1. – P. 173–329.
18. Froissart, J. *Chronicles of England, France, Spain and the adjoining countries* / J. Froissart. – Vol. II. – N. Y., L. : The co-operative publication society, 1901. – 215 p.
19. Pastoureau M. *Op. cit.*
20. *Píseň o barvách*.
21. Забозлаева, Т. *Символика цвета* / Т. Забозлаева. – СПб. : BOREY-PRINT, 1996. – 115 с.
22. *Píseň o barvách*.
23. Dubois, H. von. *Die Darstellung des Judenhutes im Hochmittelalter* / H. von Dubois // *Archiv für Kulturgeschichte*. – Köln, Wien, 1992. – S. 277–301.
24. Pastoureau, M. *Op. cit.*
25. *Velké kroniky francouzské* // *Čtení o Karlu IV. a jeho době* / přel. Fr. Heřmanský. – Praha : Svobodné slovo, Melantrich, 1958. – 350 s.
26. *Zbraslavská kronika* / přel. Fr. Heřmanský. – Praha : Svoboda, 1976. – 400 s.
27. Цатурова, С. К. *Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века* / С. К. Цатурова. – М. : Логос, 2002. – 383 с.
28. *Velké kroniky francouzské*.
29. *О похвале клиру (XIV в.)* // *Антология педагогической мысли христианского Средневековья* : в 2 т. / сост., ст. к разделам и коммент. В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш. – М. : АО «Аспект Пресс», 1994. – Т. II : Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников. – 351 с.
30. Чосер, Дж. *Кентерберийские рассказы* / Дж. Чосер ; пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. – М. : Изд-во «Правда», 1988. – 560 с., ил.
31. Štítný, Tomáš ze Štítného. *O kóru, ještě se k rytieróm připodobná* / Tomáš Štítný ze Štítného // *Knižky o hře šachové a jiné. Živá díla minulosti*. – Praha : SNKLHU, 1956. – S. 183–184.
32. Ястребицкая, А. Л. *Средневековая культура и город в новой исторической науке* / А. Л. Ястребицкая. – М. : Интерпракс, 1995. – 416 с.

Summary

The article is devoted to the study of the social symbol of the Medieval suit. The author has come to the conclusion that the colour of the clothes was used for visual stratification and considered to be the means of social identification.

Поступила в редакцию 26.02.09.

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ

УДК 37(476)(09)

В. С. Болбас

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БЕЛАРУСИ
О РОЛИ УЧИТЕЛЯ В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ**

В статье раскрыты взгляды представителей педагогической мысли Беларуси X–XVII вв. на роль учителя в нравственном совершенствовании воспитанников. Показан приоритет воспитательной функции педагога, охарактеризованы основные требования к профессии учителя, которые разрабатывались в отечественной педагогике.

Введение

Сегодня аксиоматичным является утверждение, что истинный показатель цивилизации – это не степень развития научно-технического прогресса, а уровень воспитанности человека. Причем воспитанность измеряется не только и не столько образованностью, сколько нравственно-духовным потенциалом личности. Вот почему при формировании личности значимость роли учителя определяется, прежде всего, достижением именно воспитательных результатов. Исследования показывают, что такой подход особенно ярко проявился в генезисе и развитии педагогики восточных славян.

Такие ученые, как Л. С. Геллерштейн, П. Ф. Каптерев, А. И. Клибанов, В. О. Ключевский, О. Е. Кошелева, Н. А. Лавровский, Д. С. Лихачев, В. Я. Струминский, со всей убедительностью подтверждают воспитательную направленность школы и просвещения на восточнославянских землях. Вместе с тем в настоящее время недостаточно изучены соответствующие подходы, существовавшие в Беларуси периода средневековья. А ведь как раз наши предки предлагали считать настоящим образованием лишь то, которое ведет к духовно-нравственному усовершенствованию обучающихся. В исследованиях Н. И. Демы, Е. Н. Медынского, Б. Н. Митюрова, А. А. Савич, К. В. Харламповича дается общий анализ состояния образования и развития педагогических идей на белорусских землях, подчеркивается роль учителя в организации обучения. Но в этих и других работах практически не уделяется внимания воспитательной роли учителя.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема учителя является центральной в педагогической мысли Беларуси на протяжении многих исторических эпох. Это вызвано определенными социально-политическими и культурно-историческими изменениями, характерными для каждого периода развития нашей страны. Так, уже в X в. с приходом христианства спектр моральных норм и предписаний значительно расширяется и углубляется. Разрозненные, бессистемные воспитательные советы все меньше и меньше удовлетворяют нравственные потребности общества. С повышением роли специально организованного нравственно-воспитательного процесса возросла роль и его организаторов. Представители христианской этико-педагогической мысли считали учителя-проповедника обязательной и главной фигурой в морально-духовном совершенствовании общества. Ярko и убедительно показано это в «Житиях» Евфросинии Полоцкой и Кириллы Туровского. Агиографы показывают отечественных просветителей, прежде всего, в качестве целителей человеческих душ.

Христианское учение вообще формировалось и распространялось непосредственно с опорой на авторитет Иисуса Христа, который, в первую очередь, выступал как учитель-спаситель. Закономерно, что в качестве воспитателей рассматривались духовные личности. Считалось, что именно им можно доверить дело морально-духовного совершенствования общества. Как предполагал Кирилл Туровский, только человек, который достиг духовных вершин, сможет донести до других людей смысл и пути морального очищения: *«Да ашце будеші послушлів і умяк чеші зямлю сэрдечную малое сямя, і расплодзілі в себе много спасенаго жита... инеем будеші раздавая требуіцым того же: первое притчаіш разрешеніе кніжны»* [1, 39].

Постепенно в отечественной общественно-педагогической мысли формируется убеждение о возможности секуляризации духовно-нравственного воспитания. Уже Климент Смолятич в объяснении положений Священного Писания апеллирует к античным философам. В. Мономах собственным примером убеждал, что воспитателями могут быть авторитетные личности из

светских кругов общества. Постепенно утверждается мысль, что даже простой человек способен стать хорошим учителем при условии, что *«он в книгах сведущ и душой праведен»* [2, 139].

Аргументированно и убедительно раскрывается роль воспитателя в нравственном совершенствовании воспитанников в «Житии Авраамия Смоленского», где ученик показывает читателям своего учителя как настоящего педагога, который мог душу и ум многих людей ориентировать в добродетельном направлении. Как утверждает автор, Авраамий *«мог так толковать книги, что многие неосведомленные люди слушали и понимали, что он говорил... обращаясь ко всем, к малым и взрослым, к рабам и свободным, и к ремесленникам»* [3, 77].

Кирилл Туровский понимал важность содействия со стороны образованных людей тем, кто еще не достиг соответствующего уровня развития мудрости и духовного совершенства. Более того, он был убежден в том, что каждый, кто добился определенных вершин на пути духовно-нравственного совершенства, просто обязан делиться своими достижениями с другими, обязан способствовать их умственному и духовному развитию. *«Так обретый божественных книг скровище... не себе единому есть спасение, но инеем многим послушающим его»* [4, 180], – поучал педагог.

Представители этико-педагогической мысли Беларуси средневековья приходили к пониманию, что настоящему воспитателю недостаточно владеть внушительным объемом этических знаний. Чтобы добиться результативности воспитательных усилий, он должен сам в реальной жизни быть примером высоконравственного поведения. В широко распространенном на восточнославянских землях произведении *«Хождение Богородицы по мукам»* был показан такой учитель, который *«и святые книги, и Евангелие прочитал, а сам не следовал им. Учил людей, а сам не волю Божью творил, а жил в блуде и беззаконии»* [5, 286–287].

Учитель-воспитатель рассматривался, прежде всего, как человек, который направлял других на праведный жизненный путь. Кирилл Туровский специально написал «Слово о том еже не забывать учителей своих», в котором советовал не забывать своего учителя, быть благодарным ему, держать *«его в своем сердце и в души и уме в незабывную память до исхода души своея, имя его со своим именем в молитвах и в всяком святом понимании, не токмо в дневных, но и noctных молбах»* [5, 450].

Все без исключения известные мыслители Беларуси эпохи Ренессанса ведущую роль в организации нравственного воспитания отводили учителю-воспитателю. Чтобы подчеркнуть важность собственной просветительско-воспитательной миссии в деле интеллектуально-нравственного развития общества, Франциск Скорина с гордостью называл себя учителем. Как и библейский Лука, он, *«будучи лекарем телесным досконалым, видяи вси речи телесные, иже суть суетны и минуци, возжелел быти лекарем душ наших»* [6, 103]. Восточнославянский первопечатник, сосредоточивая внимание на чрезвычайной сложности дела воспитания, категорически заключал: *«Немногим учителям бывати»* [6, 105].

Николай Гусовский акцентировал внимание не на победах князя Витовта в битвах с врагами, а показывал их истоки – процесс учебно-воинской и воспитательной деятельности правителя.

Симон Будный одной из причин духовно-нравственной нищеты общества считал отсутствие настоящих воспитателей. Учителей с невысоким интеллектуально-нравственным уровнем мыслитель сравнивал со слепцами, которые ведут людей, сами не зная куда. О таких «духовных пастырях» он писал: *«... Тыц, пак, не только не научают, Але и сами мало правды знают... Все бо ведаем, яковых теперь учителей маем»* [7, 6]. С. Будный соглашался с библейским утверждением о том, что учитель – это *«соль земли»*, так как должен спасать людей от *«духовной гнили»* [7, 6]. Как и другие мыслители, он утверждал, что воспитатель – пример поведения для своих воспитанников. Нелепо выглядел, по его мнению, Кальвин, который *«сам не был лишен того, что обличал у других»* [7, 69].

В нравственном воспитании детей Беньш Будный отдавал приоритет учителю-воспитателю по сравнению с родителями. Он соглашался с античными философами, что те родители, которые дают ребенку только жизнь, делают значительно меньше, чем воспитатели, которые помогают наполнить ее соответствующим содержанием, достойными делами и добродетелью. Белорусский просветитель считал, что учитель даже может быть привлечен к ответственности за плохие поступки ученика [8, 61]. Он был убежден, что настоящий воспитатель должен вести себя с воспитанниками, как отец с детьми: быть и строгим, и милостивым. Мыслитель определяет основные черты руководителя, а значит, и педагога, воспитателя: способность руководить собой, самодисциплинированность, доброжелательность, умение выслушать мысли и советы других, однако иметь собственное мнение, сохранять некоторую дистанцию с подчиненными. *«Мир тогда может счастливым называться, когда люди руководителей умных выбирать будут»*, – считал Беньш Будный [8, 10].

Отдавая должное собственным усилиям индивида в стремлении к духовным вершинам, братья Лаврентий и Стефан Зизаний подчеркивали исключительно важную роль воспитателей в формировании благопристойной личности. Л. Зизаний поучал, что дети нисколько не меньше,

чем своих родителей, должны уважать учителей, так как они – те же родители, только не по плоти, а по духу. С. Зизаний особенно настаивал, чтобы «духовные учителя» сами были примером для воспитанников. В своей книге «Казанье светого Кирилла» он решительно осуждает действия проповедников, которые больше заботятся о собственном благе, чем о воспитании людей.

По мнению Симеона Полоцкого, учитель-воспитатель в нравственно-воспитательном процессе должен быть ключевой фигурой. Только от его собственного нравственно-образовательного уровня, воспитательных усилий зависит успех дела. В одной из рукописей мыслителя записаны следующие строки об учителе: *«Приемли ползу от словес, отрекай же соблазн творимую делы, терзай благовонные цветы, не прикасайся будущему терпению. Собирай яко пчела мед сладкий, призерай еже неполезно, отемли пшелицу чистую, оставляя плевелы и куколы. Горе же таковым учителям, иже оно учат ино творя, уподобища бос я оным книжком и фарисом, лицемером»* [9, 228]. Просветитель верил во всемогущество воспитания, поэтому предупреждал воспитателей, что, как садовник виновен в кривизне дерева, как в безобразии картины виноват художник, так и они несут непосредственную ответственность за «злонравие» детей.

В учителе Симеон видел разносторонне развитую личность и особенно подчеркивал, что основные недостатки в организации нравственного воспитания заключаются в том, что многие воспитатели не владеют такими добродетелями, которые пробуют сформировать у своих воспитанников. В стихотворении *«Учай, а не творяй»* он писал: *«Мнози к добротам инех увещают, саммит же онех ни мало творяют. Си подобни суть звонам звонящим в церковь зовущим, самым не входящим»* [10, 266].

Мыслитель, вся жизнь которого прошла на ниве просвещения, считал важным требованием в организации нравственного воспитания неуклонное следование принципу соответствия слов делу. Учитель сам должен делать то, чему учит других, в противном случае он не сможет достичь положительных в воспитании результатов. *«Учитель, не творяй того, чему учит слушателей слова, – писал он, – ни како получит»* [10, 266]. Такие педагогические мысли нашли соответствующее претворение в реальной жизни.

На законодательном уровне, в Уставе Великого княжества Литовского, где описывались требования к опекунам сирот, представлен идеальный образ воспитателя: *«Теж опекун маеть бытиши не вельми зошлых лет, тот, который бы собою добре владнул и дом свой ростропне, опатрне справовал»* [11, 226]. Опекать сирот могли и женщины – «белые головы», но обязательно замужние, которые бы имели мужей добрых, целомудренных и набожных. Соответственно такие качества желательно развивать и у воспитанников методом собственного примера, приучения к труду, бережливости. *«А потым опекун, взявши дети, маеть их в добром, почтливом выхованью и науках мети и в достатку»* [11, 227]. Устав предусматривал, что 9/10 от годовой прибыли с имущества должны использовать *«на выхованье и науку детем»*.

Идея ведущей роли учителя-воспитателя в формировании личности активно развивалась и во времена Просвещения. Реформа образования 1773 г. этот вопрос ставила на одно из первых мест. Реформаторы понимали, что новый учитель должен быть ключевым звеном просветительских преобразований. Поэтому в нормативных документах этому вопросу уделяется первостепенное внимание. Члены Эдукационной комиссии хотели сформировать в государстве новое, самостоятельное сословие учителей, представители которого должны были всю свою жизнь посвятить профессиональному призванию. Учителям категорически запрещалось заниматься другими видами деятельности. Они должны были носить специальный, строгий костюм, жить общинно в школе, питаться за общим столом (за исключением тех, кто имел семью). На всех учителей школы создавалась общая денежная касса – на питание, прислугу, медикаменты и другие потребности. Подобными мерами хотели добиться формирования единства взглядов и действий педагогов, что могло обеспечить успех в обучении и воспитании детей. Существовал даже отдельный учительский суд с закрытым тайным голосованием, на котором за определенные проступки могли подвергнуть домашнему аресту, штрафу, лишить права голоса на совете и т. д.

Предусматривалось, чтобы учительский труд был одним из высокооплачиваемых. Ректор школы получал 1 800 злотых, учитель – 1 200. Кроме этого, учителя могли увеличить свой заработок, проводя занятия с некоторыми учениками по договоренности с родителями за дополнительную плату. После 20 лет работы в школе педагог мог идти на пенсию, которая составляла 2/3 его заработка. Если после двадцатилетней выслуги кто-то оставался работать в школе, то он получал звание заслуженного учителя, и к заработной плате добавлялась 1 000 злотых. За особые успехи в работе учителям сокращался срок выслуги лет для получения пенсии. Учителю также начислялись проценты с доходов имущества Эдукационной комиссии, и иногда они в 5–10 раз превышали его служебный оклад. За это от педагога требовалось, чтобы он все свои силы и заботы направлял на обучение и воспитание школьников. Он должен был постоянно расширять свой

кругозор, отлично знать учебные дисциплины, в совершенстве владеть методикой их преподавания, знать быт и нравы представителей всех слоев населения, заменять ученикам их родителей.

В дополнение ко всему учитель должен был не просто транслировать соответствующее содержание воспитания, изложенное в педагогических книгах, а творчески перерабатывать его согласно реальным условиям жизни. Как верно отмечает А. Я. Цукерман, в то время «идеалом воспитателя считался человек, который владел глубокими знаниями своего предмета, щедро делился ими с учениками и в то же время вносил определенный вклад в развитие этой области науки» [12, 111].

Выводы

В педагогической мысли средневековой Беларуси, несмотря на дидактическую ориентацию педагога, приоритетным в оценке результатов его деятельности было воспитательное, т. е. духовно-нравственное направление. Во все времена основной характеристикой педагога является высокая нравственность, не терпящая ограничений профессиональной сферой и являющаяся неотъемлемым атрибутом реальной жизни, естественного поведения и повседневных поступков личности. Это требование исходит из убеждения в том, что одним из самых действенных методов воспитания подрастающего поколения является положительный пример учителя, особенно в детском возрасте, когда сильна склонность к подражанию. Педагогами-мыслителями акцентируется внимание на воспитательной функции учителя, при этом значительная роль отводится его образовательному уровню, умственному и духовному развитию, аналитическим и творческим способностям. В трудах отечественных педагогов четко выражена мысль о том, что учитель-воспитатель должен относиться к ученикам с уважением и любовью, осознавать ответственность за судьбы вверенных ему детей и быть готовым понести наказание за нарушение своих обязанностей и за плохие поступки учеников. В качестве эффективного способа достижения воспитательных успехов предполагалось единство взглядов и действий педагогов. Такие высокие требования к профессии учителя делали ее авторитетной и достаточно уважаемой в обществе.

Літаратура

1. Галактионов, А. П. История русской философии IX–XIX вв. / А. П. Галактионов, В. Ф. Никандров. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 897 с.
2. Златоустрий. Древняя Русь X–XIX вв. / сост. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 304 с.
3. Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступит. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. – 616 с.
4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. – М. : Педагогика, 1985. – 366 с.
5. Хождение Богородицы по мукам // Златоустрий. Древняя Русь X–XIX вв. / сост. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 304 с.
6. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
7. Будный, С. Катихисис то ест наука стародавняя христьянская, от светого писма для простых людей языка руского, в пытаниях и отказах събрана / С. Будный, Л. Крышковский, М. Кавечинский. – Несвеж : Тип. М. Кавечинского, 1562. – 520 с.
8. Будный, Б. Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей в трех частях / Б. Будный. – М., 1788. – 270 с.
9. Дзяржаўны гістарычны музей (Масква). Адзел рукапісаў. Сінадальны збор № 130. – С. 228 адв. – 229.
10. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии // Избранные произведения XVI – начала XIX вв. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 524 с.
11. Статут ВКЛ 1588 : тэксты. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
12. Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии / сост. В. М. Конон, С. А. Подокшин. – Минск : Наука и техника, 1977. – 279 с.

Summary

This article reveals the opinions of the representatives of pedagogical thought in X–XVIII centuries about the role of the teacher in personal moral improving. The priority of pedagogical function of the teacher is shown, the main requests to the teaching profession, which were worked out in native pedagogical theory.

Поступила в редакцию 20.03.09.

УДК 379.8.091

*В. А. Горовой***СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕКРЕАЦИИ**

В статье раскрыт генезис развития физической рекреации в разных исторических условиях. Указаны различные толкования понятия «физическая рекреация». Выделены основные категории физической рекреации, дана их характеристика. Показаны специфические черты, отличающие ее от других видов физической культуры.

Введение

Одним из важных целевых направлений государства и общества в новых социально-экономических условиях является привлечение людей к занятиям физическими упражнениями, участию в физкультурно-спортивных мероприятиях в свободное от работы (учебы) и бытовых забот время. Физическая рекреация (ФР), в основе которой лежит двигательная деятельность с использованием физических упражнений, занятий спортом и туризмом, является одной из форм организации досуга. Она направлена на активный отдых, восстановление психических и физических кондиций человека, сохранение и восстановление здоровья, формирование здорового образа жизни и выполняет специфические компенсаторно-рекреационные, гедонистические, креативные, зрелищные, организации досуга функции.

В современный период общепризнана большая значимость физической рекреации как составной части физической культуры. Она является не только одним из средств повышения двигательной активности, укрепления здоровья, развития физических способностей, но и средством воспитания культуры личности. В этой связи теоретико-методологические вопросы физической рекреации представляют не только научный, но и социально-педагогический интерес в аспекте ее реального, практического функционирования среди различных слоев населения.

Результаты исследования и их обсуждение

Определение понятия и сущности ФР предполагает необходимость рассмотрения процесса возникновения данного феномена, определения генезиса его развития в разных исторических условиях.

Общее представление о физической рекреации формировалось у людей по мере накопления знаний, умений и навыков в области физической культуры. Физическая рекреация, по мнению Ю. Е. Рыжкина [1], возникла в системе физического воспитания и первоначально выполняла педагогическую функцию, функционировала по законам данной системы. Затем физическая рекреация начала использоваться в праздниках, развлечениях, национальных играх, религиозных обрядах, она становилась важной частью жизни людей. В таких условиях ФР пополнялась социально значимыми функциями, становилась важным фактором социализации молодых людей. Она служила средством активного отдыха, развлечения, укрепления здоровья. Использование игровых форм двигательной активности в рамках рекреации позволяло моделировать деятельность человека, связанную с выполнением им в будущем каких-то социальных ролей.

Предметом научных исследований в отечественной науке ФР стала сравнительно недавно – с конца 50-х годов XX века. Наиболее интенсивно она изучается в рамках культурологии, социологии труда, теории физической культуры, медицины, психологии физической культуры и других дисциплин. Первоначальное значение понятия «физическая рекреация» исходило из ее возможностей воздействия на организм человека, системообразующим признаком являлась оптимизация физического состояния организма человека.

Для определения физической рекреации в различных странах применяют различные названия: в СССР, а теперь в России и Республике Беларусь – активный отдых, массовая оздоровительная физическая культура; в Германии – Volkssport – народный спорт или Freizeit und Erholung – спорт в свободное время, или Bewegungsrecreation – физическая рекреация; в Чехии – pohybove rekreace – двигательная рекреация; в США и Великобритании – recreation; во Франции – la recreation; в Испании – recreacion – физическая рекреация. Физическая рекреация становится социальным явлением в мировом масштабе. Это вызывает необходимость коренного изменения отношения человека к своему досугу, переход от пассивного использования своего времени

к активному. В некоторых странах вопросы физической рекреации находят свое отражение в периодических изданиях, таких, как журналы «Физкультура и спорт», «Теория и практика физической культуры» в СССР, а затем и в России, «Спортивный клуб» (Россия), «Rekreacja Fizyczna» (Польша), «Health Physical Education and Recreation» (Австралия), «Animation» (Германия), «Physical Education» (Великобритания), «Мир спорта» (Республика Беларусь) и другие.

В начале 90-х годов в стране сформировалась новая модель организации и проведения досуга. Ее рассмотрение позволяет выявить тенденции и особенности социокультурного контекста развития физкультурно-рекреационной активности населения: широкое внедрение платных услуг в социально-культурной сфере и ограниченные финансовые ресурсы значительной части населения; изменение духовных, интеллектуальных и физических потребностей белорусов и неразвитость досуговой инфраструктуры; интенсификация производственной и внепроизводственной деятельности и ограниченность возможностей для восстановления физических и духовных ресурсов.

В современный период в мотивации большинства людей выражена тенденция в прагматизации досуга (садоводство, шитье и др.), у молодежи – к детерминированию гедонистической модели поведения и общения. В то же время абсолютизация гедонистических устремлений юношей и девушек приводит к девиантному поведению: употреблению алкоголя, наркотиков, усилению лишь развлекательной активности. Развитие творческих запросов проявляется у белорусов со средними и высокими доходами. Наблюдается довольно высокая степень субъективной расположенности различных слоев населения к тем формам досуга, которые реализуют их возрастной интерес к своему здоровью, физическому развитию и физической подготовленности, имиджу.

В этом отношении физкультурно-рекреационная деятельность выступает как двигательная активность человека. Ее отличает многообразие видов и форм. Она позволяет удовлетворить различные потребности в двигательной активности, восстановить временно сниженные или утраченные функции организма, повысить уровень физического здоровья и физической подготовленности человека. Несложные формы и средства, сочетание в занятиях элементов игры, соревнования и туризма делают ФР доступной для всех возрастов, любой общественной среды и социально-демографической группы.

В настоящее время физическая рекреация включена в разные социальные системы и выполняет при этом множество общественно значимых функций, отнесенных к той или иной системе и обществу в целом.

ФР является интегративным явлением, включающим в себя свойства двух составляющих. Рассмотрим смысловую нагрузку понятия «рекреация». В переводе с латинского «recreatio» означает отдых, восстановление сил человека. В словаре «The English Dictionary» рекреация трактуется в двух значениях: во-первых – как какое-нибудь приятное времяпровождение, хобби, развлечение, увеселение, забава, веселье; во-вторых – как результат, выражающийся в расслаблении и освежении после приятного времяпровождения. Некоторые ученые рассматривают рекреацию как игру и развлечение, успокаивающие формы отдыха, использование форм или видов деятельности с целью восстановления сил [2], [3]. Другие – как любую свободную и доставляющую удовольствие деятельность, побуждаемую не вознаграждением и не необходимостью [4]. В толковом словаре спортивных терминов рекреация определяется как отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда, тренировочных занятий или соревнований [5].

Так как рекреационные виды деятельности имеют различную степень физических, интеллектуальных и эмоциональных нагрузок [6], рекреацию разделяют на две части: физическую, которая связана с выполнением физических упражнений или иных двигательных действий, и интеллектуальную, предполагающую определенные умственные развлечения [7], [8].

В научных кругах наблюдается значительный интерес к проблемам ФР. Появилось множество работ, в которых дается теоретическое обоснование данного понятия, рассматриваются практические стороны использования средств физической рекреации.

При анализе литературных источников нами было выявлено, что в настоящее время нет единого определения понятия физическая рекреация, так как различное толкование термина предполагает учет различных целевых установок физкультурно-рекреационной деятельности: как вид физической культуры (Г. П. Виноградов, 1997, 1998, 1999; В. М. Выдрин, 1987, 1989, 1995; А. Д. Джумаев, 1989; Л. М. Пиотровски, 1980;); как одна из форм организации отдыха, досуга человека (Г. П. Виноградов, 1998; А. У. Грин, 1964; Б. В. Евстафьев, 1985; А. С. Орлов, 1995; Н. И. Пономарев, 1975; Ю. Е. Рыжкин, 2001; Терминология спорта, 2001; Толковый словарь спортивных терминов, 1993; И. Ю. Шмид, 1974; М. А. Якобсон, 1971; J. Dumazedier, 1959; G. V. Bucher, 1960; T. Wolanska, 1971; S. Celikovsky, 1973); развлечение (Л. М. Пиотровски, 1980; S. Celikovsky, 1973; T. Wolanska, 1971); всестороннее совершенствование личности (Б. В. Евстафьев, 1985; Л. М. Пиотровски, 1980; С. Н. Реховская, 2007; Г. Ф. Шитикова, 1986; J. V. Butler, 1959;

Т. Wolanska, 1971); восстановление физических и духовных сил (Г. П. Виноградов, 1997, 1998; В. М. Выдрин, А. Д. Джумаев, 1989; Б. В. Евстафьев, 1985; И. В. Зорин, 2002; Л. И. Лубышева 2001; Мун Вон Бэ, 1998; Л. М. Пиотровски, 1980; Ю. Е. Рыжкин, 2001, 2002; А. Г. Фурманов, 2008; S. Celikovsky, 1973; B. Drdacka, 1979); оздоровление организма (E. Buggel, 1962; B. Drdacka, 1979); получение удовольствия (J. Dumazedier, 1959; G. V. Bucher, 1960; В. М. Выдрин, 1986).

Наиболее широко, на наш взгляд, понятие ФР раскрыто профессором А. Г. Фурмановым. По его мнению, физическая рекреация – это процесс восстановления, развития и совершенствования адаптационных физических и эмоционально-духовных возможностей человека средствами физической культуры, спорта и туризма в свободное время с целью оптимального его функционирования в сфере свободного времени [9].

Физическая рекреация составляет содержательную основу физкультурно-рекреационной деятельности. В своем исследовании мы придерживаемся данной точки зрения, так как под физкультурно-рекреационной деятельностью нами понимается деятельность людей, осуществляемая в свободное время в целях отдыха, необходимого для восстановления физических, эмоционально-духовных сил человека с помощью средств физической культуры, спорта и туризма.

Рассмотрев существующие толкования физической рекреации, можно выделить следующие ее центральные категории: двигательная активность, субъект деятельности, результат (рисунок 1).

Рисунок 1 – Основные категории физической рекреации

Под двигательной активностью (ДА) понимается мышечная деятельность индивидуума, направленная на достижение физических кондиций, необходимых и достаточных для поддержания высокого уровня здоровья, физического развития и физической подготовленности. В свою очередь под режимом двигательной активности понимается часть общего режима человека, регламентирующего в соответствии с функциональными возможностями организма активную мышечную деятельность, включая занятия физическими упражнениями, трудовые процессы и пр. [10].

Удовлетворение одной из естественных потребностей человека в двигательной активности – необходимое условие функционирования физической рекреации, без соблюдения которого она теряет всякий смысл и становится неким аморфным явлением. Для организма двигательная активность является физиологической потребностью. Каждое проявление двигательной активности индуцирует образование метаболитов, которые необходимы для нормального функционирования организма. Без необходимого объема движений организм не может накапливать энергию, необходимую для нормальной жизнедеятельности и для противостояния стрессу. Двигательная активность предполагает использование двигательного потенциала человека, сформированности у него необходимых двигательных способностей. Без определенного объема двигательной активности человек не может воспользоваться в своей жизни тем, что заложено в нем природой, не может дожить до почтенной старости, не может быть здоровым и счастливым. Все это отражает существенные признаки ФР, позволяющие отличать ее от других видов рекреации.

Рассматривая двигательную активность как центральную категорию ФР, необходимо указать, что в эту работу надо включать благоприятные условия формирования потребности в двигательной активности, которые условно можно сгруппировать по двум направлениям – объективному и субъективному.

К объективным условиям следует отнести реальные возможности свободного выбора вида физической культуры, формы занятий, наличие необходимого свободного времени для тренировочных занятий и др. На второе место по значимости следует поставить условия состояния материально-технической базы (работа спортивной базы и ее месторасположение, наличие в штате высококвалифицированных специалистов, наличие инвентаря, гигиенические условия и т. д.). На третье место ставится характер проводимых тренировочных занятий (регулярность, возможность укрепления здоровья или повышения физической подготовленности, возможность участия в спортивно-массовой работе и др.).

К субъективным условиям относятся: привычки, взгляды, убеждения, уровень здоровья, возрастно-половые особенности организма, занятость в быту и др.

Специфическим свойством физической рекреации является взаимодействие двух ее основных субъектов: педагога или специалиста по физической культуре и человека, индивида, ФР рекреации присущи такие особенности и свойства, как уровень общих и специальных знаний, коммуникативные способности, направленный практический опыт в одном из видов физических упражнений, спорта, в комплексном их применении, организаторские и педагогические способности, уровень общей культуры и мировоззрения и т. д.

В общепринятом значении субъект деятельности – это отдельный человек, группа людей, социальная общность, нация и общество в целом, а предмет деятельности – все то, на что направлена деятельность субъекта. Физкультурно-рекреационная деятельность – практическая преобразующая деятельность в соответствии с имеющимися теоретическими представлениями о ней. Отдельному человеку, группе людей как субъекту физической рекреации свойственны биологические, психические, социально-демографические характеристики. Их взаимосвязь выражается в том, что каждый отдельный субъект имеет свойственный ему уровень физического развития и физической подготовленности, состояния здоровья, генетически заданных физических и двигательных способностей и прижизненно развитых умений и навыков, характерный тип и подвижность нервных процессов и психических свойств, которые специфическим образом проявляются при выборе форм, видов физкультурно-рекреационной активности и степени ее выражения.

Социально-демографическая характеристика (пол, возраст, уровень образования, профессиональная принадлежность, социальное положение) обуславливает уровень сознания индивида, его мировоззрение, мотивы занятий физическими упражнениями, которые в свою очередь корректируются биологическими, интеллектуальными и психическими возможностями данного субъекта. Оба субъекта ФР тесно взаимосвязаны, поскольку имеют одну предметную направленность своей деятельности.

Успешность деятельности, осуществляемой человеком в свободное время, во многом зависит от того, насколько участники заинтересованы своей деятельностью, каковы их активность и инициативность. В деятельности, проходящей в сфере свободного времени, отпадает прямое директивное регулирование. Ведущей формой регуляции является косвенное управление через субъективные цели самого человека. Этот механизм в сфере физкультуры и спорта еще мало изучен. Важным звеном в этом механизме выступает субъективное отношение личности к спорту, которое может иметь весьма сложную многогранную структуру.

Системообразующим признаком физической рекреации является результат, который достигается посредством эффективного использования ее человеком. Общими для физической культуры и ФР результатами являются: 1) совокупность биологических, морфологических свойств и качеств человека, обеспечивающих оптимальное физическое состояние; 2) общая физическая подготовленность – определенный объем двигательных умений и навыков, физических качеств и функциональных возможностей организма человека, необходимых для успешного осуществления общего процесса жизни и деятельности; 3) физическая готовность – необходимый объем оптимально развитых двигательных умений и навыков, физических качеств и функциональных возможностей организма человека, обеспечивающих успешное выполнение отдельных физических упражнений и их комплексов, игровых и соревновательных видов деятельности; 4) здоровье – нормальное физическое и психическое состояние человека, отдельных групп населения или общества в целом, характеризующееся отсутствием каких-либо болезненных состояний в организме, способствующее полноценному функционированию человека в трудовой, бытовой, общественно-политической и других сферах жизнедеятельности; 5) рационализация досугового времяпрепровождения, отвлечение от вредных привычек; 6) оптимизация и рационализация двигательного режима в соответствии с социально-демографическими, биологическими особенностями различных категорий людей.

К числу специфических результатов ФР следует отнести: 1) физкультурное образование как совокупность специальных знаний и умений в области физического и духовного развития и совершенствования человека средствами ФР; 2) развитие волевых, интеллектуальных качеств, обеспечивающих способность человека регулировать свои действия и поступки, быстроту мышления, творческой переработки информации и оценки возникающей ситуации; 3) сформированность моральных чувств (чести, долга, товарищества, коллективизма и т. д.); 4) развитие эстетико-гедонистических чувств, способствующих восприятию окружающей среды, осуществлению своей деятельности по законам красоты, проявляющихся в положительном отношении к ФР на основе получения удовольствия от самих занятий физическими упражнениями и достигнутых результатов; 5) физкультурная активность – социально-ценностная ориентировка и конкретные действия человека по сознательному, целенаправленному совершенствованию своей биологической и социальной природы средствами ФР в соответствии с потребностями и интересами индивида, социальной группы, общества в целом [11].

Для более полного представления о феномене физической рекреации необходимо определить ее специфические черты. Г. П. Виноградов определил следующие особенности ФР, отличающие ее от других видов физической культуры (см. таблицу).

Таблица – Сравнительная характеристика сущности физической рекреации

Критерий	Виды физической культуры			
	Физическое воспитание	Спорт	Физическая рекреация	Физическая реабилитация
1. Финансирование:				
а) государственное	XX	XXX	X	X
б) частное	X	XX	XXX	X
2. Результативная сторона:				
а) победа/результат	X	XXX	XX	XX
б) развитие физических качеств	X	XXX	XX	X
в) развитие умений и навыков	XX	XXX	X	X
г) получение удовольствия	X	XX	XXX	X
д) восстановление функций	XX	X	XX	XXX
3. Зависимость:				
а) материальная	X	XXX	XX	X
б) моральная	XXX	XXX	XX	XXX
4. Регламентация:				
а) средств	XXX	XXX	X	XXX
б) нагрузки	XX	XXX	X	XXX
в) техники выполнения упражнений	XX	XXX	X	XX
г) нормативов	XXX	XXX	X	X
д) условий для занятий	XX	XXX	X	X
е) форм занятий	XXX	XXX	X	XX
ж) правил состязаний	XX	XXX	X	X
5. Ограничения:				
а) возрастные	XXX	XXX	X	X
б) половые	XX	XXX	X	X
в) функциональные	XX	XXX	X	XXX
6. Регулярность деятельности (в рамках календарного года):				
а) одноразовая			XXX	
б) циклическая	X		XXX	XXX
в) постоянная	XXX	XXX	XXX	XXX
7. Научно-методическое обеспечение:				
а) диссертации	XXX	XXX	XX	X
б) монографии	XXX	XXX	X	X
в) методические пособия	XXX	XXX	XX	XX

Примечание – условные обозначения – X – выраженность в меньшей степени, XX – выраженность, XXX – выраженность в большей степени.

Отличительные черты физической рекреации, по сравнению с другими видами физической культуры, проявляются в следующем: важное значение имеет гедонистическая функция ФР; эффект ФР в большей степени проявляется в преобладании комфортных психофизиологических ощущений; в процессе физкультурно-рекреационной деятельности отсутствует жесткая регламентация по использованию средств, видов нагрузки, техники выполнения двигательных действий, нормативов, условий проведения, форм занятий и правил состязаний; для занятий данным видом деятельности характерен невысокий уровень ограничений по возрастным, половым и функциональным характеристикам занимающихся; особенностью занятий является высокая вариативность в регулярности рекреационной деятельности в течение года: от одноразовых до регулярных занятий.

Выводы

В настоящее время физическая рекреация включена в разные социальные системы и выполняет при этом множество общественно значимых функций. На сегодняшний момент нет единого определения понятия «физическая рекреация», так как различное толкование термина предполагает учет различных целевых установок физкультурно-рекреационной деятельности (восстановление физических и духовных сил, отдых, получение удовольствия от занятий, развлечение, оздоровление, всестороннее совершенствование личности и т. п.). Можно констатировать, что, в отличие от других видов физической культуры, в физической рекреации отсутствует четкая целевая направленность. Выделенные категории ФР (двигательная активность, субъект деятельности, результат) являются базовыми и представляют собой специфические ее признаки, без которых физическая рекреация не может существовать как объективное социальное явление.

Литература

1. Рыжкин, Ю. Е. Физическая рекреация и здоровье человека / Ю. Е. Рыжкин. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена: Образование, 2003. – 96 с.
2. Джумаев, А. Д. Теоретические основы физической рекреации как составной части физической культуры: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / А. Д. Джумаев; СПбГАФК. – Л., 1991. – 21 с.
3. Пиотровски, Л. М. Физическая рекреация как часть физической культуры: дис. ... канд. пед. наук / Л. М. Пиотровски. – Л., 1980. – 167 л.
4. Орлов, А. С. Социология рекреации / А. С. Орлов. – М.: Наука, 1995. – 118 с.
5. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов / сост.: Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – 480 с.
6. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. – Т. 21. – С. 616.
7. Виноградов, Г. П. Теоретические и методологические основы физической рекреации: автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.04 / Г. П. Виноградов; СПбГАФК. – СПб., 1998. – 51 с.
8. Толковый словарь спортивных терминов: ок. 7400 терминов / сост.: Ф. П. Суслов, С. М. Вайцеховский. – М.: Физкультура и спорт, 1993. – 352 с.
9. Фурманов, А. Г. Физическая рекреация: виды, формы и средства активного досуга / А. Г. Фурманов // Современные экологические проблемы устойчивого развития Полесского региона и сопредельных территорий: наука, образование, культура: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 25–27 сент. 2007 г.: в 3 ч. / МГПУ им. И. П. Шамякина; редкол.: В. В. Валетов [и др.]. – Мозырь, 2007. – Ч. 1. – С. 26–28.
10. Черенко, В. А. Оптимизация и индивидуализация двигательной активности в системе физического воспитания студентов / В. А. Черенко // Мир спорта. – 2005. – № 2 – С. 37–40.
11. Фурманов, А. Г. Оздоровительная физическая культура: учеб. для студ. вузов / А. Г. Фурманов, М. Б. Юспа. – Минск: Тесей, 2003. – 528 с.

Summary

This article deals with the development of the physical recreation genesis in different historical conditions and puts various interpretations on the physical recreation concept. The author distinguishes the main categories of physical recreation and gives their characteristics. To have a clear view of this phenomenon he shows specific features which differ it from other kinds of physical culture.

Поступила в редакцию 11.02.09.

УДК 378

*И. Н. Гуцко***ИННОВАЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ**

В статье раскрыты предпосылки становления и этапы развития инноваций в высшем образовании, показаны теоретические подходы к определению понятия «педагогические инновации», определены критерии типологий инноваций в образовании.

Введение

Возникновение и развитие инноваций происходит под влиянием ряда условий.

Так, глобализация человеческого общества, появление мировых образовательных стандартов, возрастание значимости информационного продукта в области образования требует распространения определенных моделей обучения, где человек рассматривается как самообучающийся субъект, который активно и сознательно использует доступные информационные технологии в формировании своих навыков. Расширение глобального информационного поля и постоянное изменение способов обращения к нему чрезвычайно актуализировало проблему рационального объединения педагогической науки и системы передачи знаний для повышения эффективности общественного развития.

Начало XXI столетия характеризуется бурным развитием информационно-коммуникативных технологий. Данный фактор предполагает развитие такой педагогической инновационной деятельности, которая бы позволила индивиду, во-первых, найти свое место в мире информационно-коммуникативных технологий, а, во-вторых, превратить их в действенный инструмент своего личностного роста.

Результаты исследования и их обсуждение

К факторам зарождения и проявления инноваций в образовании относятся уровень вовлеченности научных и образовательных учреждений в новаторскую деятельность, анализ стимулов новаторской деятельности, обеспечение встречного влияния педагогической практики на формирование и развитие нововведений, преодоление пассивности в переходе от эталонного варианта новшества к массовой педагогической практике.

При этом следует учитывать ряд противоречий, разрешение которых также способствует развитию инновационной деятельности в образовании. По мнению Е. П. Сапелкина, самым актуальным противоречием является противоречие между быстрым развитием научно-технического прогресса, информационных технологий, различных областей знаний и возможностями их усвоения [1, 43]. Из этого вытекает необходимость интенсификации учебного процесса, развития познавательной активности обучаемых на основе использования активных форм и методов образования. Помочь разрешению данного противоречия призвано и введение принципиально новых курсов и методик по системному анализу информации, технологий обучения.

В настоящее время существует множество теоретических подходов к определению понятия «педагогические инновации». На постсоветском пространстве вопросы определения понятий «инновация», «инновационный процесс», «педагогическая инноватика» в поле активного внимания ученых-педагогов попали в последнее десятилетие XX века. В. А. Сластенин инновации в образовании трактовал как введение нового в цель, содержание, методы и формы обучения, организацию совместной деятельности учителя и учащихся [2, 25]. В этом ключе инновационная деятельность представляется как деятельность по освоению и внедрению инноваций. Данное определение имеет весьма широкий характер и не фиксирует принципиальных отличий инноваций от просто «нового». С. Е. Крючкова подчеркивает принципиально-

процессуальный характер инноваций в образовании. Она заостряет внимание на необходимости выделения особого вида инноваций – концептуальных [3, 9]. Их особенность состоит в том, что они меньше, чем другие нацелены на экономический результат, имеют ярко выраженный политический, культурный, образовательный и нравственный эффект. Ученый подчеркивает, что эти инновации имеют определенные отличия в «жизненном цикле» и методах управления, а также в других характеристиках – временном охвате, предсказуемости, проценте неудач и др. [3, 9]. Исходя из данных определений, можно предположить, что инновации – это особая форма управляемого развития. Следовательно, основными субъектами данного развития могут являться отдельные личности (преподаватели и студенты), вузы, университетские центры, научные учреждения, а также общество в целом. Своеобразие каждого субъекта обусловлено его местом в «жизненном цикле» инновации, а также мотивами ее разработки и использования. С. Е. Крючкова подчеркивает, что социальный механизм инноваций представляет собой систему социальных регуляторов, которые можно разделить на две группы – глобальные и локальные [3, 9]. Исходя из данного контекста, логично предположить, что локальные группы социальных регуляторов инноваций представлены в том числе и высшими учебными заведениями.

А. И. Кочетов определяет инновации в образовании как «целостную теоретическую, технологическую и методическую концепцию обновления педагогической деятельности, обеспечивающую ее вывод на указанный уровень» [4, 95]. Спорным моментом в данном определении является акцентуация «указанного уровня», поскольку постановка всякого рода регламентаций априори сдерживает педагогическое творчество. Закономерно предположить, что любая инновация должна выходить за пределы нормированной деятельности и всегда должна быть устремлена к прорыву. Именно в таком контексте трактуют инновацию В. Кваша и В. Латкин. С их точки зрения, инновация – это «создание принципиально новых образцов деятельности, выходящих за пределы нормы, нерегламентированных, выводящих профессиональную деятельность на принципиально новый качественный уровень» [5, 43]. При этом необходимыми качествами подлинно инновационной деятельности являются социальная обусловленность и педагогическая целесообразность. Г. А. Лукичев дополняет данные трактовки инноваций характеристикой радикальности в структуре деятельности [6, 31]. Следовательно, инновации в любом контексте их определения предстают как процесс, направленный на изменение педагогической системы, образовательной среды. В результате этого процесса образование выходит на качественно иной, более высокий уровень – **сознательно** формируется новая педагогическая система с новыми устойчивыми параметрами. Кроме того, инновации нацелены на формирование активной образовательной позиции и педагогов, и студентов.

В современной педагогической науке применяются различные основания для типологии инноваций, а именно – инновационный потенциал, отношение к предшествующему педагогическому опыту, объем, цели и социальные последствия механизма осуществления, источник инициативы и др. [7, 15]. Самым распространенным подходом к классификации инноваций является синергетический. В настоящее время существуют достаточно типичные варианты классификации: 1) на уровне отдельной организации (М. Хучек); 2) на уровне определенной сферы общественной жизни (Г. Краюхин, Л. Шайбакова) и 3) на общесоциальном уровне (А. И. Пригожин). Главными критериями в вышеназванных классификациях выступают такие основные и наиболее существенные признаки, как уровень новизны, сфера применения, предметное содержание, назначение, характер инновации, целевое общественное предназначение, формы применения и т. д. Но самым важным критерием является новизна.

В настоящее время существует множество определений понятия «педагогические инновации», главными из них являются:

- введение нового в цель, содержание, методы и формы обучения (В. А. Сластенин);
- принципиально-процессуальные нововведения в педагогическую деятельность (С. Е. Крючкова);
- создание качественно новых образцов деятельности, выходящих за пределы нормы (В. С. Кваша и В. А. Латкин);

В научной среде до сих пор идут споры о том, что понимать под термином «инновация». В этой связи заслуживает внимания замечание Г. А. Месяца о том, что «отсутствие однозначности в определении понятия «инновации в образовании» имеет в определенной степени положительное значение, поскольку не сковывается свобода размышления и действия» [7, 20]. Несмотря на наличие общих черт у высших учебных заведений, каждое из них имеет свои традиции, в том числе и в отношении к инновациям.

Парадигмальной установкой любых инноваций должна быть их гуманистическая направленность. Одна из задач, которая стоит перед системой образования, – смена педагогической парадигмы, когда взамен догматического мышления возникает необходимость развивать неидеологизированное, гуманистическое, стремящееся к раскрытию истины. «Мнимому тотальному знанию, с жесткой казуальной связью, – пишет В. Д. Шадриков, – следует противопоставить представление о множественности истин, об отсутствии единственного объяснения как нашего мира, так и поведения отдельного человека» [8, 28].

Стремление к гуманизации образования – характерная особенность нашего времени. По мнению В. А. Сластенина, в основе гуманистически ориентированного образования должны лежать особого типа отношения сотворчества, сотрудничества, уважения, внимания, искренности, подлинности [2, 195]. В решении этих задач образования на первый план выдвигается подготовка педагога, способного реализовать в своей профессиональной деятельности основные принципы гуманистической психологии. Советская школа, безусловно, имеет ряд бесспорных достижений, которые обогатили мировую педагогическую мысль, но в то же время ее концептуальные начала по определенным характеристикам не соотносятся с требованиями современной социокультурной ситуации. В первую очередь это относится к отсутствию гуманистического подхода к обучению и воспитанию подрастающего поколения. Следовательно, первейшими предпосылками создания и утверждения инновационных педагогических технологий являются: 1) трансформация субъект-объектных отношений между преподавателем и учащимися в субъект-субъектные, при которых обучаемый становится таким же активным участником учебного процесса, как и педагог; 2) выдвижение на приоритетное место в учебном процессе уважения к личности ученика.

Эпоха инновационного общественного развития предъявляет специфические требования к индивиду. Делается акцент на характеристиках социально зрелого человека, обладающего высоким уровнем развития ценностно-смысловой сферы и самодетерминации [9, 50]. Кроме того, человек инновационной эпохи должен принимать решения на основе критического осмысления предшествующего опыта. В то же время он призван демонстрировать способность приходить к новым методологическим и теоретическим основаниям для принятия более эффективных решений. А это требует постановки в педагогической деятельности акцента на выработку навыков самостоятельного поиска знаний. В этой связи представляется очень важным мнение Н. М. Пипченко о том, что реформирование системы всех сторон образования должно создать условия для реализации «ресурса свободы» [10, 32]. Благодаря этому расширяется познавательное пространство и возможности для получающих образование, различные формы самореализации личности в условиях учебно-воспитательного процесса. Реализация «ресурса свободы» как одной из целей инновационных преобразований позволит, в том числе, преодолеть кризис в воспитательной работе учебных заведений. Данный кризис, как отмечают исследователи, возник по причине того, что передача информации господствовала над воспитанием, развитием творческих способностей и формированием личности [2, 46].

Современные концепции качества высшего образования подчеркивают его многоаспектный, многомерный, многомодельный характер. Высшее образование приобретает новые очертания как неотъемлемый компонент «образования для всех» и «образования через всю жизнь». Данное обстоятельство обуславливает сложные процессы диверсификации высшего образования, что также является значительным фактором становления и развития инновационных педагогических технологий.

Очень часто явление диверсификации рассматривается с точки зрения видового многообразия высших учебных заведений, различных моделей многоуровневой подготовки

и реализуемых основных и дополнительных образовательных программ [11, 30]. Однако некоторые ученые такое представление о диверсификации высшего образования считают довольно усеченным [12, 39]. Диверсификационное высшее образование не предполагает хаотичное движение системы, но имеет своей целью обеспечение гибкости доступа к многообразным типам и видам высшего образования, а также реализацию разноуровневых образовательных программ, удовлетворяющих запросам различных категорий населения. Справедливым представляется замечание о том, что достижение подобного состояния системы высшего образования выступает как самое радикальное преобразование и обновление из всех реформ, предпринимаемых за почти тысячелетнюю историю этого социального института [11, 28]. Диверсификация охватывает практически все типы и виды учебных заведений, а также структуры систем высшего образования. В этом контексте инновационные процессы должны охватить все стороны образовательного процесса: программы, сроки обучения, критерии набора студентов, модели и формы организации занятий, учебно-методические материалы и др.

Необходимость широкого внедрения инновационных технологий в педагогический процесс обусловлена также и усилением ориентации на применение компетентностного подхода в проектировании результатов образования. Компетентностный подход предполагает: 1) проектирование результата образования, заданность, предустановленность его осуществления; 2) вариативность сроков обучения; 3) соответствующую критериям оценку, которая проводится по мере подготовленности обучающегося [9, 50]. Очевидно, что использование подобного подхода может способствовать преодолению традиционных когнитивных ориентаций высшего образования, подвести к новому видению самого содержания образования, его методов и технологий. В рамках компетентностного подхода высшему образованию может быть сообщено новое свойство – опережающий характер, превосходящий эволюцию общества.

Высшее образование должно преобразовываться, но в то же время оно само должно служить источником обновления. Поэтому обусловленность педагогических инноваций определяется также и необходимостью достижения большей открытости образования, усиления его взаимодействия с основными общественными структурами и крупными секторами экономики и социальной сферы.

Вхождение стран СНГ в мировое образовательное пространство, конвергенция образовательных технологий делают актуальным и широкое использование зарубежного опыта в обучении и воспитании. Данностью нынешней педагогической реальности являются процессы глобализации, европеизации и интернационализации высшего образования, которое, как пишет Н. В. Суша, есть «важнейший инструмент внедрения новых идей в умы людей» [13, 27]. И здесь перед системами высшего образования встает фундаментальный вопрос о соотношении между местными и глобальными ценностями, между отечественным и зарубежным педагогическим опытом. По мнению Н. А. Селезневой, любое радикальное решение этого вопроса чревато дальнейшими осложнениями [12, 39]. Из глобализированных университетов, свободных от «местной составляющей», зачастую выходят специалисты, которые в практической деятельности не могут понять и принять во внимание местную специфику – даже с тем, чтобы ее изменить [12, 39]. Таким образом, в процессе разработки инновационных педагогических технологий на них возлагается важнейшая задача урегулирования спора между «местным» и «глобальным», между отечественными педагогическими достижениями и зарубежным опытом. В этом же контексте четко вырисовывается еще одна важнейшая функция инноваций в высшем образовании: сбалансирование общекультурной миссии высших учебных заведений (особенно университетов) с функцией прикладной специализации.

Выводы

В результате проведенного исследования установлено:

Ключевыми предпосылками становления и развития инноваций в образовании выступают: 1) трансформация субъект-объектных отношений между преподавателем и учащимися в субъект-субъектные, 2) новаторская деятельность педагогов, 3) необходимость интенсификации учебного процесса, 4) диверсификация образования, 5) ориентация на применение компетентностного подхода в проектировании результатов обучения и воспитания.

Основным подходом к классификации инноваций выступает **синергетический**. Он обуславливает следующие критерии типологии:

- уровень новизны
- сфера применения
- предметное содержание и назначение
- целевое общественное предназначение
- формы применения.

Главная функция нововведений в обществе состоит в том, что они увеличивают ресурс мышления и деятельности. Инновации в высшем образовании – естественное и необходимое условие его развития в соответствии с постоянно меняющимися потребностями общества.

Литература

1. Сапелкин, Е. П. Инновационный подход в развитии образования / Е. П. Сапелкин // Педагогические инновации: теория и практика. – 2002. – № 10. – С. 39–45.
2. Слостенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Слостенин, Л. С. Подымова. – М. : Магистр, 1997. – 224 с.
3. Крючкова, С. Е. Инновации: философско-методологический анализ : автореф. ... дис. д-ра филос. наук : 09.00.11 / С. Е. Крючкова. – М. : Московская гуманитарно-социальная академия, 2001. – 46 с.
4. Кочетов, А. И. По поводу развития инновационных способностей / А. И. Кочетов // Высшее образование в России. – 1997. – № 5. – С. 94–98.
5. Кваша, В. С. Традиционный и инновационный подходы в образовании / В. С. Кваша, В. А. Латкин // Педагогические инновации: теория и практика. – 2005. – № 2. – С. 37–45.
6. Лукичев, Г. А. Трансграничное образование / Г. А. Лукичев // Педагогические инновации: теория и практика. – 2004. – № 4. – С. 28–34.
7. Месяц, Г. А. Академический инновационный университет / Г. А. Месяц // Педагогические инновации: теория и практика. – 2003. – № 7. – С. 12–21.
8. Шадриков, В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход / В. Д. Шадриков // Педагогические инновации: теория и практика. – 2004. – № 8. – С. 27–31.
9. Есаулова, М. Б. Преемственность в педагогическом образовании / М. Б. Есаулова // Педагогические инновации: теория и практика. – 2005. – № 10. – С. 48–57.
10. Пипченко, Н. М. Главная проблема образования / Н. М. Пипченко // Высшая школа. – 1998. – № 1. – С. 31–36.
11. Лукичев, Г. А. Формирование национальных систем образования стран СНГ / Г. А. Лукичев // Педагогические инновации: теория и практика. – 2002. – № 10. – С. 26–32.
12. Селезнева, Н. А. Образование XXI века / Н. А. Селезнева // Педагогические инновации: теория и практика. – 2004. – № 4. – С. 36–43.
13. Суша, Н. В. Проблема управления инновациями в высшей школе / Н. В. Суша // Инновационные образовательные технологии. – 2005. – № 1. – С. 24–31.

Summary

The article deals with the causes and the factors of the appearance of innovations in higher education, and it brings into study various interpretations of the notion «innovation». It has been proved that the crucial aspect of defining the term «innovation» is the notion «novelty». The author strictly distinguishes between the two notions: «a pedagogic experience» and «a pedagogic innovation». The views of different scholars on both the essence of the innovational process and the grounds for the typology of innovations have been studied and brought into system.

Поступила в редакцию 30.04.09.

УДК 159.942.2

*М. А. Дыгун, Л. В. Цалко***ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА**

В основе исследования лежит идея о том, что для успешной и счастливой жизни нужно учитывать не только характеристики познавательной сферы личности, но и ее эмоциональные проявления.

В статье рассматривается соотношение понятий «самореализация» и «эмоциональное развитие». Представлены результаты исследования проблемы взаимосвязи эмоционального интеллекта и самореализации человека. Для изучения эмоционального интеллекта была использована методика «Эмоциональный интеллект EQ», для определения показателей самореализации – «Самоактуализационный тест». В ходе анализа эмпирических данных выделены группы испытуемых с высоким и средним уровнем развития эмоционального интеллекта, выявлена средняя либо умеренная корреляция между показателями эмоционального интеллекта и большинством шкал «САТ».

Введение

Изучение вопросов, связанных с максимальным раскрытием человеком своего потенциала, является важнейшей задачей современной психологической науки. Ее решение как способствует более полноценной и счастливой жизни конкретного человека, так и позволяет более гармонично и эффективно решать социальные задачи. Для понимания сути, факторов, условий раскрытия человеком максимального потенциала нам представляется важным обращение к анализу проблемы соотношения самореализации личности и уровня ее эмоционального развития.

Самореализация представляет собой осознанный процесс практического воплощения человеком своих интересов, ценностей, целей и других внутренних мотивационно-смысловых образований в ходе организации взаимодействия с другими людьми и в процессе осуществления продуктивной деятельности. Л. А. Коростылева считает, что «процесс реализации себя – это осуществление самого себя в жизни и повседневной деятельности, поиск и утверждение своего особого пути в этом мире, своих ценностей и смысла своего существования в каждый момент времени» [1, 35].

Понимание сути самореализации человека невозможно без анализа ее эмоциональных основ. В последнее время в психологии наблюдается повышенный интерес к исследованию эмоциональной сферы человека. В частности, все чаще говорят о таком явлении, как эмоциональный интеллект человека, уровень развития которого может влиять на самореализацию человека.

Многие ученые считают, что идея эмоционального интеллекта зародилась из представлений о социальном интеллекте, проблема которого разрабатывалась такими авторами, как Эдуард Торндайк, Джой Гилфорд, Ганс Айзенк. При помощи понятия «социальный интеллект» ученые стремились связать аффективную и когнитивную стороны процесса познания.

Появлению интереса и внимания к эмоциональному интеллекту способствовали также работы сторонников гуманистической психологии. Например, благодаря работам А. Маслоу в середине XX века возрос интерес к исследованиям личности, объединяющим когнитивные и аффективные стороны человеческой природы. Питер Салоуэй, а также Джон Майэр в 1990 году выпустили статью под названием «Эмоциональный интеллект», которая, по признанию большинства в профессиональном сообществе, стала первой публикацией на эту тему. В работе авторы определяют эмоциональный интеллект как «способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, управлять эмоциями на основе интеллектуальных процессов», как «способность глубокого постижения, оценки

и выражения эмоций; способность понимания эмоций и эмоциональных знаний; а также способность управления эмоциями, которая содействует эмоциональному и интеллектуальному росту личности». «Человеческое мышление не ограничивается рассудочной калькуляцией. Хотя взаимосвязи эмоций и интеллекта очень разнообразны, лишь некоторые из них делают нас по-настоящему умнее. И эту довольно ограниченную сферу взаимного пересечения и влияния можно определить как эмоциональный интеллект» [2, 78].

Обобщая существующие в зарубежной науке подходы к пониманию эмоций как особого типа знаний и интеллекта, как совокупности взаимосвязанных друг с другом умственных способностей, Н. И. Андреева указывает, что «понятие «эмоциональный интеллект» определяется как:

- способность действовать с внутренней средой своих чувств и желаний;
- способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза;
- способность эффективно контролировать эмоции и использовать их для улучшения мышления;
- совокупность эмоциональных, личных и социальных способностей, которые оказывают влияние на общую способность эффективно справляться с требованиями и давлением окружающей среды;
- эмоционально-интеллектуальная деятельность.

В отличие от абстрактного и конкретного интеллекта, которые отражают закономерности внешнего мира, эмоциональный интеллект отражает внутренний мир и его связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью. Конечный продукт эмоционального интеллекта – принятие решений на основе отражения и осмысления эмоций, которые являются дифференцированной оценкой событий, имеющих личностный смысл. В конечном счете эмоциональный интеллект лежит в основе эмоциональной саморегуляции.

В рамках представлений об эмоциональном интеллекте возникли популярные концепции, которые с успехом используются при решении задач профессионального развития личности. Особую роль в этом деле сыграл Дэниел Гоулмен, который, включив понятие «эмоциональный интеллект» в структуру социального и – шире – лидерского интеллекта, обеспечил этому термину фантастическую и все увеличивающуюся популярность. Согласно Гоулмену, эмоциональный интеллект есть способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей» [3].

Согласно взглядам Дж. Мейер, П. Сэловея, Д. Карузо, структура эмоционального интеллекта включает четыре компонента, которые в совокупности описывают четыре сферы эмоциональных умственных способностей, а именно способности:

- безошибочно различать собственные эмоции и эмоции других людей;
- использовать эмоции для повышения эффективности мыслительной деятельности;
- понимать значение эмоций;
- управлять эмоциями [2].

Существующие подходы к структуре эмоционального интеллекта, при всех существенных различиях, едины в констатации того факта, что эмоциональный интеллект позволяет человеку лучше осознавать и понимать эмоциональные проявления своей личности и личности другого человека. Это, в свою очередь, выступает условием для более высокого уровня самоорганизации жизни и для выстраивания межличностных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

Эмоциональный интеллект – важнейший показатель личностного развития человека. О том, что от него зависит уровень самореализации человека, частично свидетельствуют результаты исследования, которое было проведено нами в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина.

В эксперименте приняло участие 28 человек. В ходе исследования нами использовались методики диагностики эмоционального интеллекта и самоактуализации личности. Изучение эмоционального интеллекта осуществлялось при помощи методики «Эмоциональный коэффициент EQ», состоящей из 42 утверждений и 4 шкал: общий эмоциональный коэффициент, отношение к себе (внутренний EQ), отношение к другим (социальный EQ), отношение к жизни (экзистенциальный EQ). Для определения показателей самореализации мы использовали «Самоактуализационный тест», который базируется на Опроснике личностных ориентаций американского психолога Э. Шостром и основан на теории самоактуализации А. Маслоу, концепциях психологического восприятия времени и временной ориентации субъекта Ф. Перлза и Р. Мэя, на идеях К. Роджерса и других теоретиков экзистенциально-гуманистического направления в психологии. В процессе работы группы авторов (Ю. Е. Алекшина, Л. А. Гозман, М. В. Загика, М. В. Кроуз) над тестом Э. Шостром были внесены существенные изменения. Фактически была создана оригинальная методика, получившая название «Самоактуализационный тест» (САТ). Методика может быть использована как для индивидуального, так и для группового исследования.

В процессе обработки данных мы рассчитывали коэффициенты корреляции, осуществляли качественный и количественный анализ полученных данных.

По результатам теста «Эмоциональный коэффициент EQ» был получен общий коэффициент EQ. Он показывает, как используются эмоции в жизни человека, и учитывает разные стороны эмоционального интеллекта: отношение к себе и к другим и способности к общению; отношение к жизни и поиски гармонии.

В соответствии с ключом высокий уровень эмоционального интеллекта наблюдается у 29% испытуемых. Им свойственны хорошая способность приспосабливаться к любой ситуации, понимание себя на телесном и интуитивном уровне, что гораздо важнее, чем самонаблюдение и рефлексия. Они хорошо владеют собой и большую часть времени находятся в равном и позитивном расположении. Отношения с другими людьми содержательны, они используют свои эмоции и интуицию для того, чтобы понять окружающий мир.

У 71% преобладает средний уровень эмоционального интеллекта. Испытуемые, относящиеся к данной группе, хорошо понимают других и успешно управляют своими эмоциями, но могут делать это лучше. Им необходимо работать над проявлением своих эмоций, обращать внимание на физические симптомы и на свое настроение, искать их причину.

Испытуемых с низким уровнем эмоционального интеллекта не выявлено. Возможно, это связано с тем, что ключ к данной методике разработчиками определялся на выборке, в которую входили не только студенты.

Следующим аспектом были поиски ответа на вопрос, существует ли связь между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем самоактуализации студентов. Для этого мы получили данные по тесту «САТ». Данная методика содержит 14 шкал: шкала компетентности во времени, шкала поддержки, шкала ценностных ориентаций и шкала гибкости поведения (эти шкалы образуют блок ценностей); шкала сензитивности и шкала спонтанности входят в блок чувств; шкала самоуважения и шкала самовосприятия образуют блок самовосприятия; шкала представлений о природе человека и шкала синергии включены в блок концепции человека; шкала принятия агрессии и шкала контактности образуют блок межличностной чувствительности; шкала познавательных потребностей и шкала креативности входят в блок отношений к познанию.

Мы рассчитали коэффициенты корреляции по каждой из указанных выше шкал методики САТ с показателями эмоционального интеллекта (общим коэффициентом, с показателями «отношение к себе», «отношение к другим», «отношение к жизни»). Показатели коэффициентов корреляции отражены в таблице.

Таблиця 1 – Коэффициенты корреляции между шкалами по методике «САТ» и показателями эмоционального интеллекта

Шкалы по методике «САТ»	Показатели эмоционального интеллекта			
	общий эмоциональный коэффициент	отношение к себе	отношение к другим	отношение к жизни
Ориентация во времени	0,3	0,2	0,42	-0,23
Поддержка	0,55	0,41	0,59	0,2
Ценностные ориентации	0,43	0,3	0,53	0,05
Гибкость поведения	0,3	0,11	0,54	-0,05
Сензитивность	0,32	0,24	0,4	0,23
Спонтанность	0,07	0,24	0,04	-0,2
Самоуважение	0,59	0,59	0,47	0,16
Самопринятие	0,53	0,42	0,54	0,12
Взгляд на природу человека	0,19	0,03	0,4	-0,003
Синергичность	0,28	0,03	0,42	-0,14
Принятие агрессии	0,13	-0,21	0,22	0,08
Контактность	0,23	0,1	0,41	0,04
Познавательные потребности	-0,06	0,05	0,03	0,01
Креативность	0,37	0,14	0,55	-0,18

При оценке степени связи мы базировались на общепринятом подходе, в соответствии с которым общая классификация корреляционных связей имеет следующую градацию:

- 1) сильная или тесная – при коэффициенте корреляции $r > 0,70$;
- 2) средняя – при $0,50 < r < 0,69$;
- 3) умеренная – при $0,30 < r < 0,49$;
- 4) слабая – при $0,20 < r < 0,29$;
- 5) очень слабая – при $r < 0,19$ [4, 203–204].

Как видно из таблицы, имеется средняя корреляция между шкалой «Поддержка» и шкалой «Отношение к другим». Интерпретируем возможные причины наличия данной корреляции.

Шкала «Поддержка» отражает один из важнейших параметров самоактуализирующейся личности, который определяет направленность личности на себя и направленность на других, то есть руководствуется ли в жизни человек своими собственными целями, убеждениями, установками и принципами, или он подвержен влиянию внешних сил, конформен и т. д. Высокий балл по этой шкале указывает на «изнутри направляемую личность», обладающую внутренней поддержкой, руководствующуюся в основном интериоризированными принципами и мотивацией. Эта личность мало подвержена внешнему влиянию, свободна в выборе, не конформна. Для нее характерно определенное соотношение «ориентации на себя и на других». До определенной степени она чувствительна к одобрению, привязанности и хорошему отношению людей, но гораздо меньше, чем личность, направленная только на других. Она свободна, но ее свобода не является результатом борьбы с другими. Самоактуализирующаяся личность в своих поступках опирается на собственные чувства и мысли, критически воспринимает воздействие внешних сил и творчески расширяет немногочисленные первоначальные принципы, которые являются для нее руководящими.

Эти проявления в поведении и отношениях способствуют формированию у человека здоровой самодостаточности, но в то же время они не препятствуют, а способствуют формированию благоприятных отношений с окружающими (на что указывается связь шкалы «Поддержка» со шкалой «Отношение к другим»). Возможным объяснением этого является хорошо известная мудрость, что человека начинают уважать тогда, когда он сам себя уважает. Не «возносит», а именно уважает, т. е. принимает себя во всех проявлениях своей индивидуальности. Именно этим, на наш взгляд, и можно объяснить наличие корреляции по этим показателям.

Выявлено также наличие корреляции между шкалой «Самоуважения» по методике «САТ» и показателями общего эмоционального интеллекта и отношением к себе. Шкала «Самоуважение» измеряет способность человека уважать себя за свою силу. Высокая оценка означает, что человек высоко ценит себя, нравится сам себе, причем при условии, что для этого есть объективные основания. Высокие показатели по этой шкале с большой вероятностью определяют высокий уровень коэффициента эмоционального интеллекта.

В целом же можно констатировать, что выявлена средняя либо умеренная корреляции между показателями эмоционального интеллекта и большинством других шкал методики «САТ».

Полученные результаты соответствуют представлениям ряда ученых о том, какие эмоциональные характеристики свойственны людям, достигающим вершин в своем личностном развитии.

К. Роджерс, анализируя основы «хорошей жизни» или, другими словами, «процесса более полноценного функционирования», указывал на ряд общих характеристик, свойственных зрелому человеку. Такой человек «становится все более способным к полнокровной жизни в каждом из всех своих чувств и реакций»; «все более использует все свои органические механизмы, чтобы как можно правильнее чувствовать конкретную ситуацию внутри и вне его»; «более способен переживать все свои чувства, менее боится любого из них, он сможет сам просеивать факты, будучи более открытым сведениям из всех источников»; «более полно живет настоящим моментом и узнает, что это самый правильный способ существования» [5].

А. Маслоу полагал, что наша способность учитывать свои глубинные переживания непосредственно влияет на процесс самоактуализации. Он писал: «Никому не удастся сделать разумный жизненный выбор, если он не осмеливается каждую минуту своей жизни прислушиваться к себе, к собственному “Я” [6, 36]. При этом прислушиваться к «своему Я» – это, прежде всего, доверять своим глубинным чувствам, которые «подсказывают» нам, что является правильным или неправильным.

Ученый также считал, что «здоровая личность не только экспрессивна. Она должна быть способна к экспрессии, когда она того пожелает. Она должна быть способна освободить себя. Она должна быть в состоянии забыть о контроле, торможении, защите, когда она полагает, что это следует сделать. Но равным образом она должна быть способна контролировать себя, откладывать то, что приносит наслаждение, быть вежливой, не причинять боли, держать язык за зубами и управлять своими импульсами» [6, 123]. Т. е. речь идет о гибкости отношения к происходящему: где требуется, «отпускать себя», позволяя в максимальной мере жить своими переживаниями, а где требуется – сдерживать эмоции, которые могут создать проблемы.

Особенно важным нам видится утверждение А. Маслоу о том, что нельзя жизнь сводить только к одной грани – к достижению продуктивных целей. Кроме этой грани есть другая, не менее важная – способность к «пиковым переживаниям», которые дают глубинное удовлетворение и ценны сами по себе. Вот что он пишет в этой связи: «Ориентированный на практическую пользу, удовлетворение своих потребностей, целеустремленный человек считает потерянным время, не использованное для достижения цели. Несмотря на то что такое отношение вполне оправдано, мы можем сказать, что в не меньшей степени оправдано и иное отношение, при котором считают потраченным время, не принесшее с собой никаких пиковых переживаний, т. е. наслаждения... Если вы наслаждаетесь, теряя время, значит оно не потеряно даром» [6, 125].

Г. Олпорт среди качеств психологически зрелого человека также выделял особенности, связанные с его эмоциональной сферой. В частности, он полагал, что «зрелый человек способен к теплым, сердечным социальным отношениям», среди которых могут быть выделены дружеская интимность и сочувствие. «Дружески интимный аспект теплых отношений проявляется в способности человека выказывать глубокую любовь к семье и близким друзьям, не запятнанную собственническими чувствами или ревностью. Сочувствие отражается в способности человека быть терпимым к различиям (в ценностях или установках) между собой и другими, что позволяет ему демонстрировать глубокое уважение к другим и признание их позиции, а также общность со всеми людьми». Другой эмоциональной характеристикой зрелого человека является эмоциональная неозабоченность и самоприятие. Как следствие, такой человек имеет положительное представление о самих себе и более терпимо относится как к разочаровывающим ситуациям, так и к своим недостаткам. Еще одной важной особенностью психологически зрелого человека является умение «справляться с собственными эмоциональными состояниями (например, подавленностью, чувством гнева или вины) таким образом, что это не мешает благополучию окружающих», а также «способность к самопознанию и чувство юмора» [7, 288].

Таким образом, по мнению психологов-гуманистов, существует ряд эмоциональных особенностей людей, характеризующих высокий уровень личностного развития: отсутствие эмоционального «застывания»; принятие себя и других людей; позитивное мировосприятие и чувство юмора; доверие своим глубинным чувствам. Исходя из этого, есть основания предполагать, что развитие ряда эмоциональных характеристик человека будет способствовать личностному росту и самореализации.

Особое место в эмоциональном развитии человека, на наш взгляд, должно занимать формирование и укрепление позитивного взгляда на жизнь. От этого во многом зависит счастье человека. Позитивный взгляд не означает игнорирование возникающих затруднений. Он предполагает

способность сознательно занимать свою позицию по отношению к происходящему, видеть в каждом событии смысл и полезное для себя, для развития своего внутреннего мира. Каждому человеку, стремящемуся к счастью, важно постоянно формировать у себя позитивный взгляд на жизнь. Как это сделать? Приведем лишь несколько идей, использование которых в повседневной жизни может значительно улучшить качество нашей внутренней жизни и наших взаимоотношений.

Умей быть благодарным жизни за то, что ты уже имеешь. Многие люди предпочитают фокусироваться на том, что они хотели бы иметь, но не имеют. В результате их жизнь зачастую превращается в непрекращаемое нытье и жалобы. Те же, кто фокусируется на том, что у него есть, и настроение, как правило, имеет всегда хорошее, и к своим целям идет жизнерадостнее и активнее. Так что, как говорится, если хочешь, чтобы жизнь почаще улыбалась тебе, сначала сам подари ей хорошее настроение.

Благодари сложные жизненные ситуации и трудных людей за уроки жизни. Одна из ошибок, которую склонны совершать люди, – стремление избегать проблем. Даже во время поздравлений иные желают, чтобы у человека «не было проблем». Но это непродуманное пожелание. Во-первых, жизнь без проблем в принципе невозможна. А, во-вторых, для тех, кто заинтересован в своем духовном росте, проблему следует рассматривать не как наказание, а как большое благо. Ведь когда у нас все привычно и «гладко», нам нет нужды развивать себя. Мы развиваемся только тогда, когда имеем новый опыт, пусть даже и в виде временных затруднений.

Фокусируйся на положительной грани жизни. Многие мудрецы отмечают: жизнь по своей природе разная. Оценивает жизнь конкретный человек. И многие проблемы связаны с нашим стремлением вынести эмоциональные суждения по поводу поведения других людей либо происходящих событий. Особенно мы вредим себе, когда в оценивании у нас преобладают критические и обвиняющие нотки.

Это лишь некоторые идеи по формированию позитивного подхода к жизни. Их использование способствует принятию человеком самого себя, получению большего удовлетворения от жизни, развитию способности более эффективно и легко справляться с возникающими задачами, обогащать и развивать межличностные отношения. А все это так или иначе способствует общей самореализации человека в различных жизненных сферах.

Выводы

Представленные выше идеи ученых позволяют обоснованно предположить, что уровень самореализации человека и его психологической культуры во многом зависит от уровня эмоциональной зрелости или от эмоционального интеллекта. Поэтому важно обосновать методику развития эмоционального интеллекта. Ее практическая реализация будет способствовать не только личностному развитию, но и профессиональному становлению будущих педагогов.

Литература

1. Коростылева, Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере / Л. А. Коростылева. – СПб. : Речь, 2005. – 222 с.
2. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И. Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
3. Гоулмен, Д. Эмоциональное лидерство / Д. Гоулмен, Р. Бояцис, Э. Макки. – М. : АЛЬПИНА БИЗНЕС БУКС, 2005. – 218 с.
4. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2001. – 350 с.
5. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М. : Прогресс, 1994. – С. 234–247.
6. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2003. – 352 с.
7. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2002. – 608 с.

Summary

Emotional sphere of a person, emotional intellect, a person's development, psychological culture, self-realization, self-actualization, consciousness, self-control, social sensitive.

The aim of the research is to display the peculiarities of the development of emotional intellect of the students of pedagogical specialities in higher educational establishments and to ground methods of its development.

The object of the research is the emotional intellect.

The subject of the research are peculiarities of development of the emotional intellect of the students of pedagogical specialities in higher educational establishments.

Поступила в редакцию 04.05.09.

УДК 373.2:373.3

*Т. Ю. Зборовская***ФУНКЦИОНАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ, ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Современные условия реформирования всей системы образования в Республике Беларусь выдвигают новые требования к качеству начального образования. Один из основных требований является обеспечение единства семьи, образовательных учреждений и общественности, что способствует решению важнейшей задачи, стоящей перед обществом – воспитания нового человека.

В работе обоснованы принципы обеспечения преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования, раскрыты характеристики блоков, включенных в разработанную нами функционально-интегрированную модель преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования.

Введение

Необходимость выбора новых подходов в налаживании преемственности между детским садом, школой и семьей продиктована временем.

Эти подходы были определены еще в 90-х гг. XX в., когда система дошкольного воспитания одной из первых встала на путь кардинальных перемен, ориентируясь в содержании своей деятельности на потребности социума в оказании образовательных и оздоровительных услуг.

На сегодня еще нет единого подхода к решению проблемы преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования. Не исключено рассмотрение и частичное решение вопроса в рамках отдельных концепций, моделей образования дошкольников и младших школьников. Однако оно ложится в основном на плечи педагогов дошкольных учреждений и начальной школы.

Решение проблемы преемственности осложнено еще и тем, что в стенах дошкольных учреждений и начальной школы реализуются разнообразные технологии, модели и концепции обучения. Это существенно затрудняет диалог педагогов данных структур образования.

Анализ литературных источников показал, что проблема преемственности и непрерывности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования не являлась до настоящего времени объектом специального исследования. В последние годы активизировалась разработка проблем многоуровневого образования, в которых нашли свое отражение некоторые взгляды на проблему преемственности и непрерывности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования (О. С. Анисимов, Ю. В. Громько, А. И. Левко, А. А. Крюкова, Н. Я. Кушнир, В. И. Слободчиков, А. П. Сманцер, Г. П. Щедровицкий).

В нашем исследовании мы предприняли попытку создать функционально-интегрированную модель преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования.

В философской, психолого-педагогической и методической литературе эксплицируется несколько понятий «модель» и «моделирование». Наиболее приемлемыми из них мы считаем позиции тех авторов, которые рассматривают объект как систему исходя из целостных системных свойств, так как преемственность рассматривается нами как целостный и многоаспектный процесс [1].

Под моделированием в нашем исследовании понимается метод познавательной и практической деятельности, позволяющий адекватно и целостно отразить в модельных представлениях сущность, важнейшие качества и компоненты процесса преемственности, получить и использовать новую информацию о настоящем и будущем состояниях, основаниях организации и механизме функционирования процесса преемственности семейного

воспитания, дошкольного и начального образования в условиях образовательного учреждения открытого типа.

Педагог-исследователь А. А. Братко, давая определение модели, подчеркивает, что «под моделью подразумевается искусственно созданное для изучения явление (предмет, процесс, ситуация и т. д.), аналогичное другому явлению, исследование которого затруднено или вовсе невозможно» [2, 10].

Моделью, в нашем случае, считается соответственно не весь целостный объект, замещающий оригинал в процессе исследования, а лишь тот комплекс свойств, связей и отношений этого объекта, который сходен с соответствующим комплексом, называемым оригиналом.

Формирование функционально-интегрированной модели преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования может быть представлено разнообразием целостных системных свойств, многомерностью элементов, их свойств и отношений между ними. В силу этого построение такой модели не может базироваться только на выработке конструктивных определений, а должно исходить из принципов системного моделирования в сфере многоуровневого образовательного процесса личности ребенка, которые должны нести в себе единство форм и методов во взаимодействии с современной семьей; взаимодействия системы-оригинала с реальностью; построения единой концептуальной модели в наиболее общем и в то же время детализированном виде; из разработки стратегии исследования в рамках концептуальной модели.

Предполагается, что разработанная нами модель преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования выступит в качестве альтернативы традиционной модели преемственности дошкольного и начального образования.

По замыслу этой модели должны быть присущи:

- ✓ гибкая сочетаемость вариативности образовательного процесса как с различными типами программ, так и с результатами инновационной деятельности;
- ✓ ориентация на ключевой стратегический приоритет непрерывного образования – формирование умения учиться (начальное образование) и его фундаментальных предпосылок (семейное и дошкольное образование), что является основанием преемственности разных ступеней национальной образовательной системы;
- ✓ направленность на развитие творческих способностей дошкольника, через многообразие которых психолого-педагогический базис школьной готовности будет закладываться органично и естественно;
- ✓ разносторонний учет специфики социальной среды ребенка в разных возрастных периодах его развития (семья, детского сада, начальной школы) и особенностей развития ребенка на разных возрастных этапах (от 0 до 10 лет);
- ✓ выявление тенденций развития и жизнедеятельности современной белорусской семьи, культурных традиций и условий воспитания ребенка, формирование позитивного родительства;
- ✓ владение педагогами дошкольных учреждений и образовательных школ новыми технологиями оптимизации взаимоотношений и взаимодействия семьи, дошкольного учреждения и начальной школы.

Вышеперечисленное определяет условия успешной реализации модели преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Функционально-интегрированная модель преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования представлена на рисунке в виде схемы, структура которой включает в себя 6 основных блоков: диагностика осуществления преемственности, цель деятельности, способ деятельности, средства обеспечения преемственности, осуществление преемственности по новой модели, критерии оценки качества реализуемой модели.

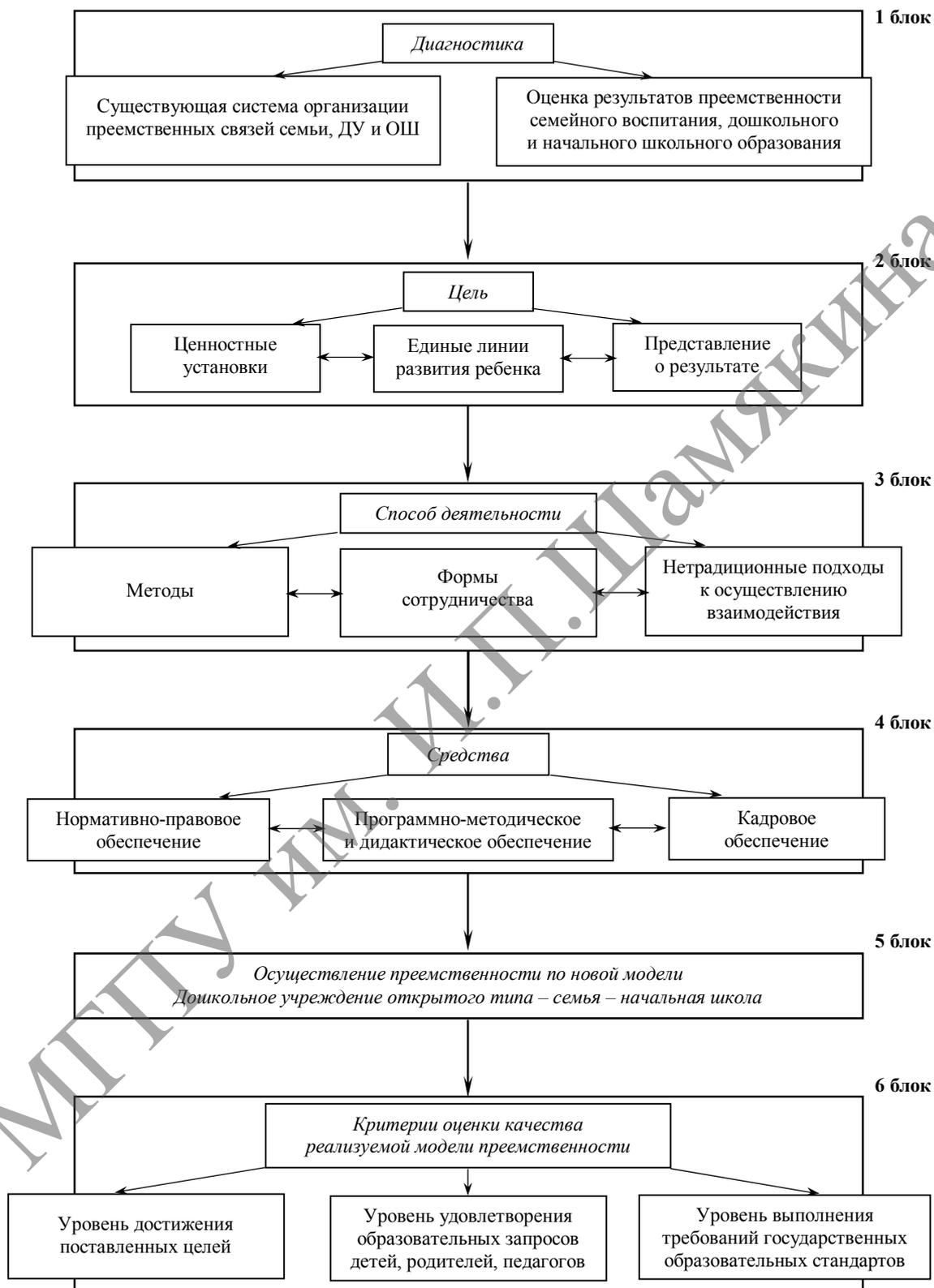

Рисунок – Функционально-интегрированная модель преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования

Основной целью предлагаемой модели преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования является реализация единой линии развития ребенка на этапах преддошкольного, дошкольного и младшего школьного возраста с учетом социального заказа современной семьи на качественное образование, обеспечение перспективного детства и разработка, апробация и внедрение новых подходов к организации преемственности семейного, дошкольного и начального школьного образования.

Исходя из того, что преемственность предполагает целостный процесс последовательного формирования личности, существенными его характеристиками являются динамичность, целенаправленность, непрерывность, комплексность, корректируемость, системность, перспективность.

Эти смысловые характеристики были учтены при построении модели осуществления процесса преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования.

Основой построения предлагаемой модели является деятельностный подход. В нашем понимании, в основе деятельностного подхода лежит идея деятельности. Деятельность – это то, что можно описать, взять, повторить, алгоритмизировать, перевести в систему навыков и приемов [1].

С позиции деятельностного подхода качество образования можно определить как меру соответствия результатов развития личности ребенка в конце какого-либо возрастного периода возможностям для развития.

Организация и осуществление преемственных связей семьи, дошкольного учреждения и начальной школы с позиции деятельностного подхода предполагает, что идеи планирования, организации и осуществления этой преемственности будут исходить от всех участников предполагаемого механизма.

Таким образом, преемственность семейного воспитания, дошкольного и начального образования – это процесс совместной деятельности семьи, педагогических коллективов дошкольного учреждения и начальной школы, направленной на достижение результатов развития и воспитания личности ребенка от 0 до 10 лет, возможностей его развития, содержащихся в сфере социальных институтов, воздействующих на эту личность.

Основополагающими *принципами* обеспечения преемственности семейного, дошкольного и начального школьного образования в предложенной нами модели являются:

1. *Принцип научности*, ориентированный на теории, выработанные мировой наукой и практикой. Эти знания создают в сознании участников и организаторов процесса преемственности целостную картину социально-педагогических явлений в жизни личности и общества.

2. *Принцип непрерывности в содержании образования*, предусматривающий разработку общего учебного плана (виды занятий, уроков, их количество и продолжительность, место в режиме дня, нагрузку на ребенка), стыковку учебных программ дошкольного учреждения и начальных классов общеобразовательной школы.

3. *Принцип комплексности*, требующий строгой системы последовательности и преемственности, а также одновременного разрешения всей цепи поставленных задач.

4. *Принцип открытости*, проявляющийся в том, что родители и педагоги образовательных учреждений (детский сад, школа) открыты друг перед другом в своих замыслах и деятельности на основе доверительных отношений.

5. *Принцип равенства*, предполагающий, что родители и педагоги учреждений образования являются полноправными участниками планирования и осуществления воспитательно-образовательного процесса. Родители выступают в качестве партнеров педагогов в деле воспитания и обучения ребенка.

6. *Принцип вариативности в содержании и организации работы с семьей*, указывающий на то, что педагоги учреждений образования (детский сад, школа) находятся в поиске новых, эффективных и нетрадиционных форм взаимодействия с семьей.

7. *Принцип учета возрастных особенностей детей при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту*, предполагающий сотрудничество взрослых (родителей и педагогов), базируется на благоприятном для ребенка-дошкольника – будущего школьника эмоциональном фоне, что, в свою очередь, формирует психологическую готовность к обучению в школе.

8. *Принцип дифференцированного подхода к семьям и детям*, открывающий возможность выбора педагогами учреждений образования (дошкольного учреждения, начальной школы) форм и методов, технологий и образовательных программ с учетом индивидуальных особенностей ребенка и его семьи.

9. *Принцип практической ориентации*, направленный на применение активных форм и методов взаимодействия с семьей, способствующих установлению партнерских отношений

(преобладание индивидуальных, нетрадиционных форм взаимодействия, ситуационного анализа, тренингов, формирующих опыт делового взаимодействия).

Особенностями разработанной модели обеспечения преемственности являются направленность на достижение поставленной цели, интеграция функций отдельно взятых компонентов, позволяющие реализовать функции всей модели.

Опираясь на разработанную лабораторией научных исследований проблем дошкольного образования Национального института образования теоретическую модель развивающего индивидуально-ориентированного образования дошкольников (РИООД) и рассматривая преемственность как сложную многоуровневую систему и неотъемлемый принцип национальной системы образования, мы выделили в модели следующие основные компоненты: цель – содержание – организационные формы – результат. Правомерность наших рассуждений подтверждается исследованиями Ю. Н. Кулюткина, И. С. Ладенко [3], [4].

В соответствии с выделенными структурно-образовательными компонентами нами была разработана теоретическая модель представления процесса преемственности, включающая в себя 6 основных блоков. Каждый блок представляет собой составляющую единого целого, каковым и является процесс преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования в условиях образовательного учреждения открытого типа.

1-й блок модели предполагает проведение детальной психолого-педагогической диагностики состояния существующего процесса преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования в Республике Беларусь.

В центре *2-го блока* – концептуальная цель: реализация единой линии развития ребенка на этапах преддошкольного, дошкольного и младшего школьного возраста с учетом социального заказа современной семьи на качественное образование ребенка.

В *3-ей блоке* рассматриваются методы и формы осуществления сотрудничества, нетрадиционные подходы к обеспечению преемственности, мера соответствия самой избранной формы и способов организации взаимодействия между участниками процесса преемственности.

4-й блок отражает методическое, кадровое и нормативно-правовое обеспечение осуществления процесса преемственности семейного, дошкольного и начального школьного образования. Такая связь средств обеспечивает целенаправленную реализацию задач преемственности в условиях дошкольного учреждения открытого типа.

5-й блок предполагает осуществление преемственности по новой модели, в которой отражаются обратные связи всех социальных институтов развития личности ребенка (семья, дошкольное учреждение, начальная школа, вуз) и поэтапная реализация комплексно-целевой программы преемственности.

Завершается модель *6-м блоком*, в котором установлены критерии оценки качества реализуемой модели преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования. Эти критерии определяют уровень достижения поставленных целей, удовлетворения образовательных запросов детей, родителей и педагогов, выполнение требований государственных образовательных стандартов и являются основным результатом реализации функционально-интегрированной модели преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального школьного образования.

Достоинствами предлагаемой нами модели преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования являются:

1. Совершенствование традиционной системы организации преемственности дошкольного и начального школьного образования.
2. Согласование с требованиями государственных стандартов национальной системы образования.
3. Оптимальное сочетание с вариативностью дошкольного образования (как с различными типами программ, так и с результатами инноваций школы).
4. Создание единых принципов формирования личности ребенка в разных социальных институтах (семье, дошкольном учреждении, начальной школе).
5. Обеспечение непрерывности и преемственности педагогического процесса, в котором предыдущий период развития содержит предпосылки для последующего новообразования.
6. Выявление тенденций развития и жизнедеятельности современной белорусской семьи, культурных традиций воспитания ребенка и осуществление формирования позитивного родительства.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что модель обеспечения процесса преемственности семейного воспитания, дошкольного и начального образования – это функциональный конструкт, состоящий из взаимосвязанных компонентов, реализующих нормативную функцию преемственности в образовании: цели, подходы, систему понятий, методы, организационные формы и средства.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 1630 с.
2. Братко, А. А. Моделирование психики / А. А. Братко. – М. : Наука, 1969. – С. 10.
3. Моделирование педагогических ситуаций / под ред. Ю. Н. Кулюткина. – М. : Педагогика, 1987. – 185 с.
4. Ладенко, И. С. Игровое моделирование: методология и практика / И. С. Ладенко. – Новосибирск : Наука, 1987. – 228 с.

Summary

The article suggests the structure of the functional-integrated model disclosing the succession of the family upbringing, nursery and primary education.

Поступила в редакцию 18.02.09.

УДК 159.99

А. В. Качалко

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье произведен комплексный теоретический анализ проблемы формирования состояния психологической готовности к профессиональной деятельности. На основании этого автором предлагаются основы модели формирования данного состояния, учитывающей принципы системности, динамизма и деятельностного подхода.

Введение

Проблема формирования психологической готовности к профессиональной деятельности на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных в психологии, поскольку в современном обществе существует острая социально-экономическая необходимость в наличии специалистов, способных активно и творчески решать профессиональные задачи, эффективно исполнять профессиональные функции, с успехом преодолевая внешние и внутренние трудности. Наличием именно таких специалистов во многом определяется способность конкретного государства к эффективному росту и развитию в научно-технической, экономической, культурной и других сферах общественной жизни. Качественное исполнение работником своих профессиональных обязанностей возможно при соответствующем владении им знаниями, умениями и навыками данной профессии, что является операциональным компонентом готовности к деятельности. Формирование данного компонента является основной целью профессионального образования. Однако не менее важно наличие комплекса психологических особенностей, позволяющих в полной мере соответствовать многочисленным требованиям профессии. Совокупность данных особенностей выражается в состоянии психологической готовности к данной деятельности.

Сегодня существует ряд исследований, в которых был проведен анализ особенностей состояния психологической готовности к различным сферам деятельности. Проблема готовности к деятельности являлась предметом исследований таких ученых, как Б. Г. Ананьев, Г. О. Балла, Б. С. Братуся, А. А. Деркач, М. И. Дьяченко, Л. И. Захаров, В. П. Зинченко, С. Б. Каверин, Л. А. Кандыбович, М. А. Котик, В. А. Крутецкий, С. М. Либин, Е. В. Моргунов, К. К. Платонов, Л. А. Регуш, С. Л. Рубинштейн, С. В. Рыбников, Д. Н. Узнадзе и др. Однако на сегодняшний день не разработана четкая и эффективная модель формирования психологической готовности к профессиональной деятельности. Таким образом, актуальность проблемы формирования психологической готовности к профессиональной деятельности, с одной стороны, обусловлена общественным заказом на создание специалистов высокого уровня профессионализма, а с другой – недостаточной ее разработанностью в научных исследованиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Целью нашей работы является выявление базовых элементов модели формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.

Понятие «психологическая готовность» у различных авторов приобретает свое значение. В настоящее время существует три подхода к определению сущности понятия «психологическая готовность».

Сторонники функционального подхода определяют психологическую готовность как психическое состояние, выражающееся во временной активизации психических функций, мобилизации психических ресурсов для реализации деятельности, выполнения поставленной задачи. Они определяют готовность как предстартовую активизацию, максимальное функционирование системы [1], [2], [3] и др.

Сторонники личностного подхода рассматривают готовность как качество либо совокупность относительно стабильных и устойчивых качеств личности [4], [5], [6], [7], [8] и др.

Основные различия функционального и личностного подходов в рассмотрении феномена психологической готовности связаны с пониманием уровня устойчивости данного образования, особенностями его формирования и локализации в психической сфере человека.

Данные подходы не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга, поскольку психологическая готовность зависит как от наличного состояния психических функций, так и от устойчивых черт личности. В соответствии с логикой системного подхода к целостности личности и связанным с ней явлениям, данные детерминанты организуются в систему. Поэтому мы придерживаемся третьего подхода.

Третий подход определяет психологическую готовность как неразделимую совокупность личностных образований и состояния настроенности на определенные действия. По мнению М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбовича, понятие готовности определяется, прежде всего, как активно-действенное состояние личности, отражающее содержание стоящей задачи и условия предстоящего его выполнения [9, 87]. Авторы указывают, что «по своей сути готовность – это единство устойчивых и ситуативных установок на активные и целесообразные действия» [10, 319], то есть состояние психологической готовности является сложным, состоящим из ряда элементов, объединенных в целостную систему.

Таким образом, под психологической готовностью нами понимается интегральное образование устойчивых и ситуативных психологических образований, выражающееся в активно-действенном состоянии личности, установке на определенное поведение, мобилизованности сил для реализации задачи, обеспечивающее эффективное выполнение определенных действий. Под психологической готовностью к профессиональной деятельности понимается интегральное образование устойчивых и ситуативных психологических образований, соответствующих требованиям определенной профессии, выражающееся в активно-действенном состоянии личности, установке на определенное поведение, мобилизованности сил для реализации задач профессиональной деятельности, обеспечивающее эффективное выполнение данной деятельности.

Поскольку психологическая готовность к профессиональной деятельности является интегративным образованием устойчивых психологических особенностей, в которые входят различные черты личности и ситуативные психологические особенности, то можно сделать вывод, что формирование ее компонентов начинается с раннего возраста.

И. А. Калининой выделены следующие этапы формирования психологической готовности к профессиональной деятельности:

- 1) общая психологическая готовность к труду, условием формирования которой является развитие и наличие трудовой мотивации, потребности в труде;
- 2) психологическая готовность к обучению в школе, условием формирования является развитие и наличие мотивации учения;
- 3) к концу обучения в школе формируется психологическая готовность к профессиональному самоопределению;
- 4) при обучении в учебно-профессиональном заведении начинает формироваться психологическая готовность к профессиональному обучению;
- 5) психологическая готовность к профессиональной деятельности формируется в учебно-профессиональном заведении, и этот процесс продолжается уже непосредственно в профессиональной деятельности [11].

В основу данной классификации положен генезис трудовой деятельности, видоизменяющей свою форму в зависимости от возрастного этапа развития личности. Следует отметить, что предпосылкой оптимизации этапов формирования психологической готовности к профессиональной деятельности выступает полноценное развитие этапов, предшествующих ему. По мнению многих авторов, формирование психологической готовности к профессиональной деятельности происходит на уровне профессионализации, когда работа по приобретению профессии актуализируется в жизненном пространстве индивида [4], [10], [11], [12] и др. Таким образом, психологическая готовность к профессиональной деятельности представляет собой соответствующее социальному возрасту новообразование. В этой связи возникает вопрос о формировании психологической готовности к профессиональной деятельности во время профессионализации личности.

В настоящее время в научной литературе существует несколько подходов к проблеме формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.

Сторонники личностного подхода представляют формирование психологической готовности к профессиональной деятельности как формирование определенного уровня развития структурных компонентов психологической готовности, при котором компоненты становятся акмеологическими инвариантами профессионализма.

По мнению В. А. Слостенина, формирование психологической готовности к деятельности представляется как синтез свойств личности, которые организуются в длительное и устойчивое образование – качество личности [7, 60].

В. А. Крутецкий, анализируя структуру профессионально-значимых качеств личности учителя, выделяет четыре подструктурных блока: 1) идейно-нравственный облик; 2) педагогическая направленность; 3) педагогические способности; 4) педагогический ум и навыки. Описывая блок педагогической направленности, он определяет компоненты психологической готовности к педагогической деятельности: активно-положительное отношение к педагогической деятельности, склонности заниматься ею, соответствующее желание, стремление, переходящее на высоком уровне развития в жизненную потребность [5, 5].

Согласно взгляду А. А. Деркача, с позиций общей психологической готовности к деятельности в экстремальных управленческих ситуациях ее необходимо формировать по следующим направлениям:

- 1) развитие мотивационного компонента (оно может быть достигнуто за счет формирования психологических установок);
- 2) развитие операционально-деятельностного компонента (достигается за счет освоения новых алгоритмов и продуктивных способов решения задач);
- 3) развитие личностного компонента (достигается за счет развития профессионально важных качеств) [13, 67].

П. Р. Чамата рассматривает готовность к труду как образование, формирующееся в процессе учебно-воспитательного процесса, выраженное в совокупности морально-психологических качеств личности, определяющих отношение к процессу трудовой деятельности [8].

Однако следует отметить, что данный подход обладает рядом недостатков. При представлении динамической структуры психологической готовности недостаточно внимания уделяется ее многоуровневости, саморазвитию и саморегуляции. Вектор динамики представлен линейно вверх, к большей степени развитости элементов образования. Формирование каждого из компонентов психологической готовности по отдельности не позволяет создать целостную и непротиворечивую систему, результатом которой является психологическая готовность к профессиональной деятельности. Необходимо определение тех механизмов, которые связывают все элементы воедино. Недостаточно внимания уделено также деятельностному подходу при формировании психологической готовности.

Формирование психологической готовности к деятельности рассматривается и в контексте повышения профессионализма. Следует отметить, что психологическая готовность к профессиональной деятельности является частью профессиональной готовности. Однако авторами в основном рассматривается формирование операционального компонента психологической готовности к деятельности, что не позволяет учесть остальные структурные элементы образования.

Представителями структурного подхода в качестве предмета формирования, определяющего развитие психологической готовности, указывается некая функциональная структура, компоненты которой выступают в определенных заданных взаимосвязях.

Так, Л. М. Митиной было рассмотрено функциональное назначение каждого из пространств труда учителя (педагогическая деятельность, общение и модель личности учителя), что позволило представить ее в виде единой функциональной структуры, дающей целостное представление о существенных связях одних элементов с другими. Эти связи и иерархии образуют интегральные характеристики личности и труда учителя, детерминируют его профессиональное развитие и сами, по сути, являются объектом развития. Л. М. Митиной выделены три интегральные характеристики: направленность, компетентность и гибкость. Они обуславливают не только эффективность педагогического труда в целом, но и профессиональное развитие учителя, понимаемое как динамический и непрерывный процесс самопроектирования личности [14, 56–57].

В исследованиях О. А. Конопкина, Л. С. Нерсисяна, В. Н. Пушкина были выделены три компонента психологической готовности к экстренным действиям, связанные в функциональную структуру:

1) образ действия, адекватный управленческой ситуации, формируемый в процессе приобретения опыта и создания надежной информационной основы деятельности, позволяющий предвосхищать возникновение экстремальных управленческих ситуаций и характер их действия;

2) состояние оперативного покоя и адекватной мобилизации, связанное с сформированностью высокого уровня психологической саморегуляции, позволяющее повысить стрессоустойчивость и работоспособность;

3) адекватный психологический настрой, обеспечивающийся психологической подготовкой к деятельности в экстремальных ситуациях, осуществляемый при помощи моделирования, деловых и организационно-деятельностных игр [12].

Но согласно деятельностному подходу, психологическая готовность, являясь состоянием, непосредственно обусловленным деятельностью, должна формироваться, корректироваться и видоизменяться в ней. Тогда модель формирования психологической готовности к профессиональной деятельности должна базироваться на общих механизмах и закономерностях функциональной системы деятельности, а затем уже учитывать частные особенности функциональной структуры. Поэтому предлагаемая нами модель формирования психологической готовности основывается на теории функциональной системы П. К. Анохина.

Теория функциональной системы представляет собой физиологическую и кибернетическую модель формирования и реализации действий. Но, по мнению П. К. Анохина, она может стать универсальным принципом в поисках понимания формирования того или иного поведения [15]. Структурными компонентами данной системы являются:

1) афферентный синтез, состоящий из обстановочной и пусковой афферентации, памяти и мотивации, представляющий собой сбор всей доступной информации для принятия решения об активизации;

2) решение;

3) акцентор результата действия, программа действия представляет образ будущих действий;

4) действие, результат действия, параметры результата;

5) обратная афферентация, представляющая сопоставление полученных результатов с образцом.

П. К. Анохин отмечает, что определенная им модель может быть дополнена, если структурный элемент функциональной системы способствует общеприспособительному принципу [15, 22–45]. Поэтому данную модель следует дополнить компонентом саморазвития при рассогласовании между желаемым и полученным результатом на этапе обратной афферентации.

Определив общую функциональную систему возникновения деятельности, мы переходим к специфической функциональной структуре психологической готовности к профессиональной деятельности. Выявленные М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбовичем структурные элементы психологической готовности к профессиональной деятельности являются частями функциональной системы профессиональной деятельности. Эти авторы в структуру психологической готовности к профессиональной деятельности включили следующие компоненты:

1) мотивационный (устойчивые мотивы профессиональной деятельности);

2) ориентационный (знания и представления о профессии, образ профессии);

- 3) оценочный (самооценка собственной подготовленности);
- 4) эмоционально-волевой (эмоционально положительное отношение к деятельности и произвольность в деятельности);
- 5) мобилизационно-настрочный (оценка трудностей и настрой на их преодоление) [9, 319–320].

Состав профессионально-психологической готовности дополняется операционным компонентом (владение навыками и умениями будущей работы), по своей сути являющимся профессиональной готовностью, однако без его наличия невозможно представить психологическую готовность к профессиональной деятельности. Как нами было указано выше, до момента профессионализации на основании внешних и внутренних воздействий формируются многочисленные предпосылки, способствующие либо мешающие развитию психологической готовности к профессиональной деятельности. К этим предпосылкам, помимо прочего, относятся черты личности. Затем в процессе профессионализации личность проходит ряд этапов формирования профессиональной деятельности. На каждом из этих этапов формируются конкретные психологические особенности, обеспечивающие эффективность предстоящей деятельности, которые объединяются и составляют активно-действенное состояние психологической готовности. Основные этапы отражают структуру возникновения деятельности и состоят из афферентного синтеза, включающего в себя память, обстановочную и пусковую афферентации (здесь преимущественно происходит развитие мотивационного компонента психологической готовности); решения, являющегося результатом афферентного синтеза; акцептора результата деятельности, представляющего собой сформированность ее образа; деятельности и результата деятельности; обратной афферентации, требующей развития самооценочного компонента; в случае рассогласования между целью и полученным результатом активизируется и развивается мобилизационно-настрочный блок, а затем может проявиться процесс саморазвития (см. рисунок).

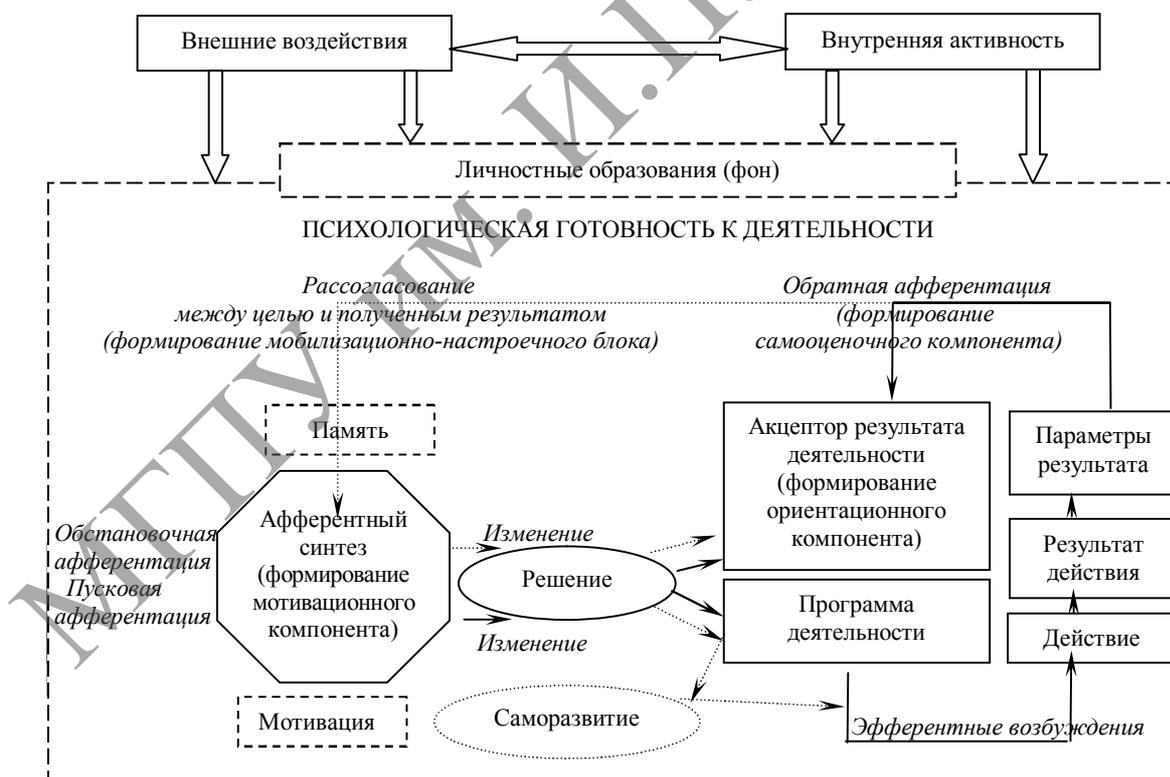

Рисунок – Модель формирования психологической готовности к профессиональной деятельности

Выводы

Таким образом, психологическая готовность к профессиональной деятельности представляет собой развивающуюся циклическую систему, в которой формирование ее компонентов осуществляется поэтапно в соответствии с механизмами и блоками функциональной системы данного вида деятельности. Базовыми элементами модели формирования психологической готовности являются:

- 1) актуализация и формирование мотивационного компонента психологической готовности на стадии афферентного синтеза;
- 2) формирование ориентационного компонента на этапе возникновения акцептора результата деятельности;
- 3) актуализация и формирование самооценочного компонента на этапе обратной афферентации;
- 4) формирование мобилизационно-настроечного блока и компонента направленности на профессиональное развитие на этапе рассогласования между целью и полученным результатом.

Литература

1. Генов, Ф. Психология управления: основные проблемы / Ф. Генов. – М. : Наука, 1982. – 285 с.
2. Левитов, Н. Д. Психология характера / Н. Д. Левитов. – М. : Просвещение, 1969. – 234 с.
3. Ухтомский, А. А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия : сб. / А. А. Ухтомский. – Рыбинск : Рыбин. подворье, 2000. – 605 с.
4. Деркач, А. А. Взаимосвязь структурных компонентов состояния психической готовности студентов к педагогической деятельности / А. А. Деркач // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся / под ред. А. А. Бодалева, В. Я. Ляудис. – М. : Просвещение, 1980. – 328 с.
5. Крутецкий, В. А. Педагогические способности, их структура, диагностика, условия формирования и развития / В. А. Крутецкий. – М. : Прометей, 1991. – 212 с.
6. Пуни, А. Ц. Психологическая подготовка к соревнованию в спорте / А. Ц. Пуни. – М. : Просвещение, 1969. – 241 с.
7. Слостенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Слостенин, Л. С. Подымова. – М. : Магистр, 1997. – 224 с.
8. Чамата, П. Р. Психология готовности детей к труду и основные пути ее формирования / П. Р. Чамата. – М. : Просвещение, 1965. – 219 с.
9. Дьяченко, М. И. Психологический словарь-справочник / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск : Харвест, 2007. – 573 с.
10. Дьяченко, М. И. Психология высшей школы / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, С. Л. Кандыбович. – Минск : Харвест, 2006. – 416 с.
11. Калинина, И. А. Психологическая готовность студентов к профессиональной деятельности и ее взаимосвязь с успешностью обучения: на примере экономического вуза : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / И. А. Калинина. – М., 2007. – 232 л.
12. Нерсесян, Л. С. Инженерная психология и проблема надежности машиниста / Л. С. Нерсесян. – М. : Прометей, 1978. – 239 с.
13. Деркач, А. А. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях: Психолого-акмеологические основы / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – 152 с.
14. Митина, Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя / Л. М. Митина. – М. : Академия, 2004. – 320 с.
15. Анохин, П. К. Кибернетика функциональных систем : избр. тр. / П. К. Анохин ; под общ. ред. К. В. Суданова. – М. : Медицина, 1998. – 397 с.

Summary

The article shows the complex theoretical analysis of a problem of formation of psychological readiness for professional work. On this basis the author offers a model of formation of psychological readiness for professional work. The given model considers a principle of dynamism and activity approach in psychology.

Поступила в редакцию 11.02.09.

УДК 796.376

М. Г. Кошман

ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И СПОРТА

В статье рассматривается проблема сущности общенаучных подходов и принципов становления проектной культуры у будущих специалистов в области физического воспитания и спорта. Дана характеристика культурологического и деятельностного подходов в становлении проектной культуры у студентов. Раскрыты сущностные характеристики принципов, конкретизирующих данные подходы.

Введение

Социально-экономические преобразования в Белоруссии создали благоприятные условия для интенсивного обновления содержания многоуровневой подготовки специалистов, технологий обучения, форм организации образовательного процесса. Особенно важным является вопрос о профессионально-педагогической подготовке будущих специалистов в области физического воспитания и спорта. В условиях инновационного обновления общества важнейшей составляющей данной подготовки выступает проектно-технологическая, которая позволяет будущему специалисту овладеть культурой преобразовательной деятельности в сфере физического воспитания и спорта. Проектная культура спортивного педагога является важнейшей проблемой гуманитарной культуры в современном обществе. В настоящее время ее развитие не отвечает выдвигаемым требованиям к становлению нового типа профессионализма физкультурных кадров.

Результаты исследования и их обсуждение

Под проектной культурой спортивного педагога мы понимаем часть общей профессиональной культуры учителя, тренера, которая отражает меру и способ преобразовательного отношения к физкультурно-спортивной практике, выражающегося в повышении ее эффективности. В качестве методологических оснований процесса становления проектной культуры у будущего спортивного педагога в условиях профессионального физкультурного образования выступают культурологический и деятельностный подходы.

Культурологический подход обусловлен объективной связью человека с культурой как системой ценностей. Человек содержит в себе часть культуры. Он не только развивается на основе освоенной им культуры, но и вносит в нее нечто принципиально новое, т. е. становится творцом новых элементов культуры. В связи с этим освоение культуры как системы ценностей представляет собой, во-первых, развитие самого человека, во-вторых, становление его как творческой личности [1], [2].

В культурологическом подходе образование рассматривается как культура личности, а обучающее поколение не только как будущий носитель состоявшихся культурных ценностей, но и как творец нового содержания культуры [1]. Следовательно, усвоение норм и их преобразование спортивным педагогом возможны при постепенном и непрерывном расширении, углублении, накоплении потенциала проектной культуры. Содержание проектной культуры составляют знания, нормы, ценности, культурные образцы, способы проектной деятельности, характерные для данного уровня развития этой сферы деятельности на конкретном историко-социокультурном этапе развития общества. Усвоение содержания проектной культуры должно осуществляться в деятельности. В данном случае такой деятельностью выступает квазипрофессиональная проектная учебно-познавательная деятельность студентов в учебных играх. Это обстоятельство обусловило выбор деятельностного подхода.

Деятельностный подход предусматривает не только трансляцию культуры, но и создание условий для овладения образцами и способами мышления и деятельности для развития познавательных сил и творческого потенциала личности обучаемого. Он ориентирует педагога на установку, что важнейший фактор развития и самоопределения обучаемого – его активная совместная познавательная и мыслекоммуникативная деятельность.

Для того чтобы ситуация была образовательной, обучающийся должен сталкиваться с деятельностью в виде демонстрируемых непосредственно и/или опосредованно культурных образцов, а также в виде требований (методических предписаний) к этой деятельности. Данную ситуацию строит педагог, как организатор продуктивного учебного взаимодействия. Характеризуя совместную деятельность студентов в процессе учения/обучения в игромоделировании, когда участники игрового пространства имеют деятельностную сверхзадачу, следует сказать, что проявляется феномен со-бытийности. Необходимо отметить, что при этом каждый участник имеет уникальную, не восполнимую другим функцию, возникает феномен творения деятельности исходя из социального опыта и способностей ее участников. Такие условия можно создать лишь в диалоговых и полилоговых, а значит, активных формах обучения [3].

Данный подход позволяет рассматривать в единстве учебную, рефлексивную и профессиональную деятельности обучающегося. Именно в единстве и полноте всех видов и форм педагогическая деятельность порождает культуру, выливается в культуру, сама становится культурой и делает человека из биологического существа существом культурным, тем самым определяя и структуру его потребностей, и структуру его способностей [1]–[3]. Деятельностный подход как методологическое основание организации процесса становления проектной культуры у будущего спортивного педагога оказывает влияние на выбор общей стратегии обучения, отбор учебного материала, способов включения студентов в деятельность, характер учебной ситуации и возможные варианты самоопределения участников квазипрофессиональной деятельности.

Вышеописанные подходы конкретизируются рядом адекватных им принципов. Принципы педагогики есть не что иное, как исходные теоретико-методологические представления и практические убеждения, на которых выстраивается практическая деятельность учреждений образования и отдельных педагогов [4]. Следует отметить, что наиболее распространенной в педагогической литературе является трактовка принципа как исходного положения, руководящей идеи, позволяющей учителю знакомить обучаемых с системой знаний, развивать их познавательные интересы и способности, формировать мировоззрение, совершенствовать нравственные качества, интеллектуальные и духовные силы воспитанника [3], [4].

Реализацию культурологического подхода обеспечивают принципы культуросообразности, задачно-проблемной организации игрового обучения, со-бытийности.

Принцип *культуросообразности*, императивно сформулированный еще А. Дистервегом: «Обучай культуросообразно!», означает обучение в контексте культуры, ориентацию профессионального физкультурного образования на характер и ценности проектной культуры, на освоение ее достижений и ее воспроизводство, на принятие социокультурных норм и включение человека в их дальнейшее развитие.

Принцип *задачно-проблемной организации игрового обучения*. Во многих исследованиях, посвященных игровому обучению, отмечается, что при конструировании и проведении учебных игр необходима реализация принципа проблемности [3], [5]. В нашем случае необходимо сочетание (системогенез) основных организационных типов обучения. К ним, по мнению Ю. В. Громько, относятся информационно-задачный (упражненческий), задачно-целевой и проблемно-ситуативный [5]. Поэтому в проектируемом нами учебно-игровом пространстве, направленном на становление проектной культуры у студентов, использовался комплекс разнообразных форм организации учения/обучения. В зависимости от типа учебных игр и этапа их проведения использовалась та или иная форма организации учебно-познавательной деятельности студентов.

Принцип *со-бытийности* предназначается для обоснования преобразующего взаимодействия педагога и студента. Согласно принципу со-бытийности совместная деятельность обуславливает всегда формирование их сознания и вообще всех психических процессов, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием ее адекватного выполнения [6]. Реализуется этот принцип посредством организации коллективной мыследеятельности и вхождения коллектива в проблемную ситуацию, которая должна быть разрешена за счет применения коллективного мыследеятельного поиска. В большей степени это достигается в процессе игромоделирования.

Деятельностный подход конкретизируется следующими принципами, которые выступают как культурные нормы проектируемой деятельности: контекстности, моделирования и имитации сферы профессиональной деятельности, производственно-клубной организации учебного процесса, субъектности, кооперации и мыслекоммуникации, рефлексии, мобильности и транспрофессионализма.

Принцип *контекстности* (А. А. Вербицкий). В соответствии с этим принципом обучение строится с учетом профессиональной деятельности обучающегося, чтобы человек при помощи учебы мог решить свои жизненно важные профессиональные проблемы. Принцип предполагает превращение усваиваемой информации из предмета учебной деятельности студентов в средство осуществления квазипрофессионально-педагогической деятельности [3]. Реализация этого принципа гарантируется тем, что студенты не просто знакомятся с теорией педагогического проектирования, а занимаются разработкой конкретных, реальных проектов в физкультурно-спортивной практике.

Принцип *моделирования и имитации сферы профессиональной деятельности*. Сущность данного принципа состоит в том, что в учебных играх, направленных на формирование проектной культуры, необходимо осуществлять моделирование и имитацию целостной или фрагментарной проектно-педагогической деятельности учителя, тренера, связанной с преобразованием педагогической системы, ее структуры, связей и отношений.

Принцип *производственно-клубной организации учебного процесса*. Организация учебного процесса в вузе жестко регламентирована и выступает как хорошо налаженное производство, особенно в традиционной системе обучения. Однако процессы развития требуют клубных форм организации учения/обучения. В реальности производство и клуб как в пространстве, так и во времени наложены друг на друга, и поэтому «человек» выступает как единство «места» и «индивида», соединяя функции первого и качества второго таким образом, что результирующая никогда, в принципе, не может быть объяснена как их сумма [7], [8]. В проектируемом нами учебно-игровом комплексе задаются как производственные режимы, так и клубные формы организации учения/обучения. Их оптимальное сочетание позволяет успешно решать поставленные перед системой профессионального физкультурного образования задачи.

Принцип *кооперации и мыслекоммуникации*. Сущность данного принципа заключается в том, что поставленная в игре задача/проблема не может быть решена индивидуально (если только не специально проектируются такого типа игры), а требует коллективного взаимодействия, усилий многих людей для успешного осуществления игровой деятельности. Студенты в различных учебных играх объединяются в игровые группы и в процессе коллективной мыследеятельности решают различные учебно-профессиональные задачи и проблемы.

Принцип *рефлексии*. В рефлексии совмещаются функции познания, анализа и оценки. Рефлектирующий студент сравнивает побуждения с целями действия, выясняя при этом, будет ли удовлетворение данных потребностей содействовать достижению поставленной цели. В результате рефлексии будущие спортивные педагоги корректирует свои действия в процессе квазипрофессиональной деятельности. Рефлексия позволяет осуществлять поиск новых вариантов причин происходящего, характер данных причин и разрабатывать стратегии будущих преобразовательных действий в физическом воспитании и спорте [9]. Данный принцип использовался нами в ходе проектирования учебно-игрового комплекса, а самое главное – при ее реализации в учебном процессе, направленном на проектно-педагогическую подготовку физкультурных кадров.

Принцип *субъектности*. Его реализация предполагает осознанное, активное, деятельностное, мыследеятельностное и со-бытийное включение обучающихся в игровое пространство.

Понятие «субъект» характеризует способность личности к самоорганизации и саморегуляции, осуществлению себя как субъекта деятельности, проявлению в ней активности. Это деятель, способный познавать, присваивать и преобразовывать социокультурный и природный мир. Субъект – творец собственной жизнедеятельности и деятельности, способный превращать их в предмет практического преобразования, оценивать способы своей деятельности, контролировать ее ход и результаты, изменять ее приемы. Поэтому в игровом обучении необходимо проектировать учебные ситуации, позволяющие студентам занимать позицию субъекта учебно-познавательной и квазипрофессиональной деятельности. Это позволяет реализовать идеи педагогики сотрудничества, сотворчества, фиксации и развития субъект-субъектных отношений.

Субъектность человека по своему исходному основанию связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Сущностным свойством этого процесса является способность человека управлять своими действиями, реально-практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий [5], [6].

Только на основе субъектности возможно практически реализовать принцип единства деятельности и личности, т. е. быть деятельностной личностью. А это значит быть субъектом в:

- собственной жизнедеятельности и деятельности, т. е. занимать активную, деятельностную гражданскую и профессиональную позиции; быть человеком действующим, познающим, мыслящим, творящим, переживающим, преобразующим действительность и самого себя;
- предметной, образовательной, физкультурно-спортивной и профессионально-педагогической деятельности;
- мыслекоммуникации, общении; самосознании, включая самооценку, открытие своего «Я», саморазвитие и самореализацию.

Студент-субъект может становиться в отношении к учебно-познавательной (квазипрофессиональной) деятельности и делать ее предметом критериального преобразования. Активность субъекта – это интегральное качество личности, позволяющее осуществлять свободное целеполагание в деятельности, обусловленное самоуправляемой мотивацией, умением оперировать способами квазипрофессиональной деятельности и совершать их конструктивную коррекцию в изменяющихся условиях; инициативно и критически относиться к выдвиганию новых задач, рефлексировать и прогнозировать результаты деятельности и отношений, возникающих в ней [3], [5], [6]. По степени проявления активности студентов в игровой деятельности можно судить об активной и пассивной самореализации, критериями которой выступают поведение, деятельность, инициатива, ответственность. Если в структуре активности участников игрового процесса доминирует ответственность (социально-педагогическая, учебная), то это позволяет им заранее предусмотреть все необходимое для достижения цели в игре, предусмотреть планируемые и незапланированные трудности, стремиться к их разрешению.

Саморефлексия как внутренний момент самореализации создает объективную предпосылку становления личности субъектом педагогического процесса, взаимодействия с педагогом. В этой субъектности раскрывается самостоятельность студента в высших параметрах ее деятельностного осуществления.

Практическое, деятельностное бытие человека есть основа его сущности и сама возможность существования его как субъекта. Освоение деятельности, превращение индивида в субъекта деятельности означает овладение им основными структурными компонентами деятельности, ее потребностями и мотивами, целями и условиями их достижения, действиями и операциями [5].

Субъектность и субъективность тесно связаны между собой. Под субъективностью подразумевается способность встать в практическое отношение к своей жизнедеятельности, и она находит свое высшее выражение в рефлексии. Категория субъективности – это та основа, которая позволяет развернуть и панораму, и перспективу наших представлений о человеке, становящемся и определяющемся в мире; о человеке, обретающем образ человеческий во времени не только личной биографии, но и мировой истории, в пространстве не только наличного сознания и наличной цивилизации, но и универсального мира культуры [8]. Очень важно в игровом обучении обеспечить взаимосвязь субъектности и субъективности участников игры посредством организации и управления игровой деятельностью и самоорганизации обучающихся по решению поставленной задачи и/или проблемы.

Принцип *мобильности и транспрофессионализма*. Изменившиеся социально-культурные, экономические и политические условия выдвигают новые цели обучения и воспитания учащейся молодежи. В современном информационном мире наблюдается быстрая смена технологий и профессий, что диктует необходимость готовить не просто профессионалов, а субъектов собственной профессиональной деятельности и жизнедеятельности. Профессиональное физкультурное образование должно быть средством творческого развития личности, должно помочь студентам сориентироваться в условиях рыночной экономики, быть конкурентноспособным и найти свое место в жизни.

К этому надо добавить проблему «социальной мобильности» человека в современном социокультурном мире. В связи с тем, что современная производственная ситуация быстро изменяется, предъявляются определенные требования к специалистам и к их профессиональной мобильности. Данный вид мобильности может осуществляться как в рамках профессии, так и на межпрофессиональном уровне. Поэтому в процессе обучения в вузе необходимо

сформировать такие теоретико-методологические и технологические конструкты, которые позволяли бы будущему специалисту быстро адаптироваться к различным производственным условиям. Значит, студенты уже заранее должны быть максимально подготовлены к возможным сменам профессии; они должны иметь общее научное и гуманитарное образование, которое бы обеспечило им необходимую основу для широкой группы профессий и свело бы процесс переучивания к минимуму. Проектная культура как раз и выступает таким компонентом в системе профессионального физкультурного образования.

Выводы

Таким образом, сущность проектной культуры будущего спортивного педагога заключается в критериальном преобразовательном отношении к физкультурно-спортивной практике, которое выражается в повышении ее эффективности. Методологическими основаниями процесса ее становления у студентов в условиях профессионального физкультурного образования выступают культурологический и деятельностный подходы. Культурологический подход обеспечивает объективную связь студентов с проектной культурой как системой ценностей и реализуется с помощью принципов культуросообразности, задачно-проблемной организации игрового обучения и со-бытийности. Деятельностный подход фиксирует механизм становления проектной культуры у студентов в процессе обучения и конкретизируется принципами, которые выступают как культурные нормы проектируемой деятельности: контекстности, моделирования и имитации сферы профессиональной деятельности, производственно-клубной организации учебного процесса, субъектности, кооперации и мыслекоммуникации, рефлексии, мобильности и транспрофессионализма.

В заключение отметим, что изложенные выше концептуальные основания, по нашему мнению, позволяют спроектировать адекватную игровую технологию, направленную на становление проектной культуры у будущих специалистов сферы физической культуры и спорта.

Литература

1. Крылова, Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М. : Народное образование, 2000. – 272 с.
2. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – 800 с.
3. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высш. шк., 1991. – 257 с.
4. Барабанов, А. Г. Высшее физкультурное образование. Проблемы и решения / А. Г. Барабанов. – М. : ФОН, 1995. – 186 с.
5. Громыко, Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства) / Ю. В. Громыко. – Минск : Технопринт, 2000. – 376 с.
6. Слободчиков, В. И. Со-бытийный компонент. «Психологическое здоровье детей как показатель качества образования» / В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов // Мир технологий. – 2001. – № 3-4. – С. 84-103.
7. Щедровицкий, Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1997. – 656 с.
8. Щедровицкий, П. Г. Очерки по философии образования / П. Г. Щедровицкий. – М. : Педагогический центр «Эксперимент», 1993. – 156 с.
9. Анисимов, О. С. Гегель: Мышление и развитие (путь к культуре мышления) / О. С. Анисимов. – М. : Аго-Вестник, 2000. – 800 с.

Summary

The problem of importance of scientific methods and principals of formation of project culture among specialists of physical culture and sport is considered in this article. The author describes cultural and active methods of formation of project culture. The article deals with the peculiarities of the main prinapals.

Поступила в редакцию 18.03.09.

УДК 378.02

*Л. В. Красовская***РЕФЛЕКСИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ**

В статье рассматривается актуальная проблема профессиональной подготовки специалистов сферы образования, заинтересованных в постоянном саморазвитии, самовоспитании, самосовершенствовании. На основе анализа имеющихся в педагогической теории представлений о рефлексии раскрывается сущность рефлексивной компетенции как ключевой в деятельности учителя трудового обучения.

Введение

Трансформация целей образования и критериев его эффективности, приведение их в соответствие с изменяющимися социальными и личностными потребностями, последними достижениями естественных и гуманитарных наук имеет прямое отношение к трансформации педагогической деятельности и пересмотру требований к профессиональным и личностным качествам педагога. Приоритетное значение приобретают такие задачи профессионального педагогического образования, как формирование умений проектировать и осуществлять педагогическое взаимодействие, регулировать и корректировать его, оценивать и объяснять причину расхождений между целью и результатом, способности ориентироваться в современных научных концепциях, адекватно оценивать свой профессиональный уровень, видеть возможности развития своего личностного потенциала. Реализация этих задач возможна только на основе сформированной рефлексивной компетенции.

Необходимость формирования умений, обеспечивающих рефлексивную компетенцию учителя трудового обучения, обусловлена задачами, которые должны решаться в системе его профессионального образования:

- подготовка профессионально мобильных специалистов, способных работать в изменяющейся образовательной ситуации, в условиях модернизации образования и технологии обучения;
- подготовка специалистов, заинтересованных в постоянном саморазвитии, самовоспитании, самосовершенствовании профессиональной компетентности [1].

Наряду с этим учитель трудового обучения должен владеть рефлексивными умениями в силу специфики своего предмета. Исследования научной школы В. Д. Симоненко выявили, что в процессе технологического образования формируются не только технологически важные свойства личности: мышление, глазомер, пространственное воображение, двигательная сноровка, физическая выносливость, но и широкий спектр личностных качеств: гуманистическая направленность, самостоятельность, ответственность, дисциплинированность, требовательность, добросовестность и др.

Результаты исследования и их обсуждение

В общественном сознании бытует мнение, что трудовое обучение нужно только тому, кто в дальнейшей жизни будет заниматься практическим трудом. Такой вывод подтверждает проведенный нами опрос. В реальной практике роль этого учебного предмета не осознается ни родителями, ни учащимися. Интерес к трудовому обучению угасает по мере взросления учеников. Старшеклассники считают его «скучным», «неинтересным», «ненужным для получения будущей профессии». Основными мотивами поступления в педагогический вуз и выбора специальности «учитель трудового обучения» являются не «желание работать учителем», «любовь к детям», а «возможность с наименьшими затратами получить высшее образование», «близость вуза к дому», «совет родителей» и т. п.

Создается ситуация, когда высокая социальная, государственная, личностная значимость для каждого ученика его реальной подготовки «к самостоятельной трудовой деятельности в условиях динамически развивающихся общества, производства, науки, информационно-электронных и других технологий, рыночных отношений», задекларированная в Концепции учебного предмета «Трудовое обучение» [2], не находит поддержки среди субъектов этого процесса (учеников и родителей), которые не испытывают настоятельной потребности быть его участниками. Наиболее сложно обстоит дело с формированием мотивации и развитием интереса к овладению учебным материалом по трудовому обучению, не реализуется его огромный воспитательный потенциал.

Деятельность учителя трудового обучения имеет определенную специфику, по сравнению с деятельностью любого другого учителя-предметника. Наряду с педагогическими технологиями он должен владеть определенными технологиями из различных отраслей народного хозяйства (технологией обработки различных материалов, технологией приготовления пищи, технологией выращивания растений и т. д.). Таким образом, профессия учителя трудового обучения, как никакая другая педагогическая специальность, имеет интегративный характер, а следовательно, требует определенных интегративных умений.

Кроме этого, в отличие от педагогов других специальностей, учителю трудового обучения предоставляется большая свобода действий, заложенная учебным содержанием предмета (программа включает и инвариантную (обязательную), и вариативную (на выбор) части). Но этот же факт требует от него и большей ответственности. Ему необходимо точно определить, в чем больше нуждаются, чем интересуются учащиеся, какой раздел вариативной части программы соответствует региональным особенностям, имеются ли необходимые средства для его изучения.

Все эти моменты требуют от учителя трудового обучения осознания смысла своей профессии и собственной педагогической деятельности, рефлексивного отношения к ней. Осознанность профессиональной деятельности, ее ценностей, мотивов, содержания, средств достижения цели провоцирует развитие процессов самоопределения, самовыражения, самоизменения. Значимость этих задач убеждает в том, что формирование у будущего учителя трудового обучения умений, обеспечивающих рефлексивную компетенцию, является актуальной задачей профессионального педагогического образования.

Использование компетентностного подхода в качестве методологического основания в ходе анализа психолого-педагогической литературы по проблеме исследования (В. А. Адольф, Е. В. Бондаревская, Т. Браже, В. А. Демин, Э. Ф. Зеер, Н. В. Кузьмина, Н. В. Кухарев, А. К. Маркова, В. А. Сластенин и др.) и современных требований к педагогической деятельности позволило выявить в структуре профессиональной компетентности учителя рефлексивную компетенцию.

В отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе последних лет используются понятия «компетентность» и «компетенция». Обращение к словарным источникам и имеющимся определениям позволило нам развести эти понятия.

Мы разделяем точку зрения исследователей (С. Е. Шишов, Т. Э. Кочарян и др.), которые считают, что знания, умения и опыт определяют компетентность человека, а компетенция обуславливает его способность мобилизовать эти знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации. Исходя из этого можно утверждать что, компетенция представляет собой общую способность специалиста мобилизовать в профессиональной деятельности свои знания, умения, а также обобщенные способы выполнения действий [3].

Кроме этого, словарь русского языка толкует понятие «компетентный» как «обладающий компетенцией». «Компетенция» в данном контексте рассматривается как круг полномочий какого-либо лица или дел, вопросов, подлежащих чьему-либо ведению [4, 85]. Таким образом, мы рассматриваем понятие «компетентность» как более широкое по отношению к «компетенции», иными словами, компетентный специалист может владеть несколькими компетенциями.

Согласно идее компетентностного подхода основным результатом профессиональной подготовки должно стать формирование компетенций. В этой связи на первый план выступает задача определения номенклатуры компетенций специалиста, подлежащих формированию, и их классификация. В мировой практике принята классификация компетенций по следующим видам: ключевые, базовые и функциональные. Функциональные компетенции представляют собой совокупность характеристик конкретной деятельности и отражают набор функций, характерных для данного рабочего места. Базовые компетенции отражают специфику определенной профессиональной деятельности, являются общими для всех педагогов, независимо от их специализации, и отличают все сообщество педагогов от, например, юристов, медиков, инженеров. Функциональные и базовые компетенции, хотя и не называются так напрямую, прописаны в квалификационной характеристике учителя трудового обучения, а их формирование обеспечивается в ходе реализации учебного плана подготовки учителей. Менее разработанным в научных исследованиях является вопрос о ключевых компетенциях. В большинстве публикаций они трактуются как компетенции, общие для всех профессий и специальностей. Ключевыми компетенциями можно назвать такие, которыми, во-первых, должен обладать каждый член общества и которые, во-вторых, можно было бы применять в самых различных ситуациях. Ключевые компетенции являются, таким образом, универсальными и применимыми в разных ситуациях. Они не

зависят от профессии, а обладание ими становится необходимым не только для достойного образовательного уровня, но и для успешного трудоустройства и дальнейшего карьерного роста.

Признаками ключевых компетенций являются следующие:

- интегративность;
- многофункциональность;
- надпредметный и междисциплинарный характер;
- многомерность.

С точки зрения компетентностного подхода, «новая компетентность» (Б. С. Гершунский) позволяет специалисту ориентироваться в круге вопросов, не ограниченных узкой специализацией, что обеспечивает социальную и профессиональную мобильность личности, открытость к изменениям и творческому поиску, способность к самовыражению и самосозиданию, готовность обновлять свои знания. Очевидно, что такую мобильность, креативность, способность к непрерывному самообразованию и самоизменению обеспечивают ключевые компетенции.

Одна из задач нашего исследования – раскрыть сущность рефлексивной компетенции как ключевой в деятельности учителя трудового обучения.

В психолого-педагогической литературе доказывается наличие рефлексии в структуре педагогической деятельности, рассматривается ее роль в становлении и развитии профессиональной компетентности.

Н. В. Кузьмина, анализируя педагогическую деятельность, выделяет среди ее компонентов гностический. Он, по мнению ученого, является определяющим, поскольку направлен на познание объекта своей деятельности, содержания и способов педагогического воздействия, особенностей своей личности и результатов учебно-воспитательного процесса. Овладение данным компонентом, считает Н. В. Кузьмина, определяет уровень педагогического мастерства, о котором можно судить по тому, в какой степени решение практических задач основывается на теоретическом осмыслении учителем своей деятельности [5]. Автор пишет об аналитической деятельности, но указание на такие операции, как познание, осмысление, дает нам основание видеть в гностическом компоненте рефлексивную составляющую.

В более поздних психолого-педагогических исследованиях (О. С. Анисимов, И. И. Казимирская, С. С. Кашлев, Ю. Н. Кулоткин, В. А. Слостенин, Т. С. Сочень, Г. С. Сухобская, И. Г. Татур, Г. П. Щедровицкий и др.) рефлексия рассматривается как самостоятельный компонент профессиональной деятельности учителя.

Многочисленными исследованиями (А. А. Ахаян, В. А. Болотов, О. Е. Лебедев, Л. М. Митина, В. В. Сериков, Т. И. Шамова, М. А. Холодная, А. В. Хуторской и др.) доказано, что именно рефлексия является механизмом саморазвития и средством мобилизации всех личностных ресурсов, позволяющим обобщить имеющиеся у субъекта знания и опыт деятельности при решении профессиональных педагогических задач.

По мнению Т. А. Кольшевой, рефлексия позволяет учителю превратиться из формального исполнителя директивных требований и указаний в специалиста, способного к творческой интерпретации идей, подходов, технологий в сфере своей деятельности [6].

И. А. Стеценко называет рефлексией одним из средств личностного и профессионального развития учителя. Автор пишет, что «осуществление профессиональной деятельности, отвечающей современным требованиям, под силу учителю, которого отличает потребность в постоянном самообразовании и готовность к нему» [7, 15]. «Именно рефлексия как способность индивида занять исследовательскую позицию по отношению к своей деятельности и к себе как к субъекту, позволяет анализировать, осмысливать и оценивать ее эффективность, прогнозировать дальнейшее развитие», – считает О. И. Рубанова [8, 36].

Многочисленными исследованиями доказано, что развитие рефлексии способствует улучшению качества знаний, умений и навыков будущих специалистов, повышению их потребности в самообразовании, самосовершенствовании. Именно рефлексия способствует преодолению разрыва между теоретическим и практическим компонентами профессиональной подготовки учителей.

По мнению исследователей, стремление к рефлексии в процессе обучения – «естественный процесс, который служит залогом успешности. Только постоянно обращаясь к прошлому, организуя взаимосвязи между новым знанием и уже имеющимся, можно сохранить старое, лучше понять и вовремя использовать новое» [9, 15]. Рефлексия соединяет и интегрирует разрозненные предметные знания, превращая их в единое целое, способствует формированию новых принципов действия.

Рефлексивная компетенция позволяет учителю осуществлять адекватный выбор предметных знаний, эффективных форм, методов и средств обучения в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями учащихся. Отсутствие рефлексивного осмысления имеющихся у учителя знаний и умений делает его деятельность не только малоэффективной, но и может привести к педагогическому браку.

Ориентация человека на развитие профессиональной деятельности или ее изменение происходит лишь в результате рефлексивного анализа предыдущего опыта [10]. Прямую зависимость профессионального роста учителя от рефлексии педагогической деятельности выявил американский исследователь Г. Дж. Познер и вывел формулу функциональной зависимости: «Опыт + рефлексия этого опыта = развитие» [11, 30]. С. Ю. Степанов назвал рефлексивную компетентность профессиональным качеством личности, которое позволяет осуществлять рефлексивные процессы, обеспечивающие развитие и саморазвитие, творческий подход к профессиональной деятельности, достижение ее максимальной эффективности и результативности [12]. Исходя из этого, можно говорить о важнейшей роли рефлексивной компетенции в развитии профессиональной деятельности и личности учителя трудового обучения.

В. А. Метаева указывает на акмеологический характер рефлексии, поскольку она обеспечивает достижение высших результатов в личностном и профессиональном развитии. Именно в акмеологии «рефлексивная компетентность» рассматривается как метакомпетентность, способствующая адекватному развитию всех других видов профессиональной компетентности. Исследованиями В. А. Метаевой, проведенными среди педагогов, медицинских работников, общественных и политических деятелей, руководителей, доказано, что рефлексия «является системообразующим элементом в деятельности всех специалистов и служит развитию их профессиональной компетентности» [13, 58–59].

П. Г. Щедровицкий называет рефлексией одним из ключевых моментов профессиональной компетентности [14].

По мнению белорусских исследователей (А. И. Жук и Н. Н. Кошель), профессиональная компетентность является результатом освоения специальной деятельности, методами ее рефлексии и механизмом развития [15, 41]. В таком контексте рефлексия выступает системообразующим фактором профессиональной компетентности.

В диссертации Е. В. Рогулиной показано, что рефлексия оказывает основополагающее влияние на развитие различных видов профессиональной компетентности. Она является механизмом преодоления стереотипов, касающихся средств и методов обучения и воспитания, обеспечивает связь между концептуальным аппаратом профессионала и его личным опытом. В самом деле, без должной рефлексивной проработки профессиональные знания не могут стать непосредственным руководством к действию, а опыт практической деятельности не может быть достаточно эффективным, если он не отрефлексирован [16].

Итак, рефлексивная компетенция позволяет осуществлять педагогическую деятельность на основе осознанного применения специальных психолого-педагогических и методических знаний. Она «обслуживает» всю педагогическую деятельность учителя трудового обучения. При осуществлении коммуникативного взаимодействия учитель стремится адекватно понимать учащихся, регулировать свою и их деятельность. При проектировании учебно-воспитательного процесса он определяет цели обучения и средства их достижения, основываясь на рефлексии собственного опыта, а также на образцах педагогической деятельности, имеющихся в педагогической практике, подвергает их осмыслению, переработке, таким образом, осознанно присваивает или отвергает их. Анализируя процесс педагогического взаимодействия, устанавливает причины успехов и неудач, тем самым накапливая личный опыт профессиональной деятельности. Наконец, оценивая свою деятельность, он осознает себя ее полноправным субъектом. Таким образом, благодаря рефлексивной компетенции, педагогическая деятельность осуществляется с осмыслением цели, мотивов, содержания и средств реализации.

Выводы

Анализ имеющихся психолого-педагогических исследований позволяет сделать вывод о том, что рефлексивная компетенция является ключевой в структуре деятельности учителя трудового обучения, потому что:

- способствует преодолению разрыва между теоретическим и практическим компонентами профессиональной подготовки учителей, соединяет и интегрирует разрозненные предметные знания и профессиональные умения, позволяя учителю использовать свою специальность как средство формирования и развития личности учащегося;

- выступает механизмом преодоления стереотипов педагогической деятельности; позволяет по-новому осмысливать и преодолевать проблемные моменты деятельности и общения, выходить из внутренних и внешних конфликтных состояний и ситуаций, дает возможность обретать новые смыслы и ценности, ставить и решать неординарные практические задачи; обеспечивает развитие и саморазвитие, творческий подход к профессиональной деятельности, достижение ее максимальной эффективности и результативности, таким образом, является средством становления и развития профессиональной компетентности и условием эффективности педагогической деятельности;

- интегрирует и координирует все составляющие профессиональной компетентности учителя трудового обучения и дает ответ на вопрос, какова их ценность для профессионального роста специалиста и развития личности учащегося.

Признание рефлексивной компетенции как ключевой в деятельности учителя трудового обучения дает основание говорить о том, что в условиях современного образования формирование обеспечивающих ее умений является необходимым условием подготовки будущих педагогов данного профиля, готовых к реализации задач, которые ставит перед ними общество, стремящихся к постоянному саморазвитию, самовоспитанию, самосовершенствованию.

Литература

1. Павлов, В. И. Актуальные проблемы подготовки учителя технологии в педвузе / В. И. Павлов // Технологическое образование учащейся молодежи: состояние, проблемы, тенденции : сб. науч. ст. / под ред. В. И. Павлова / Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева – Чебоксары, 2005. – С. 3–10.
2. Концепция учебного предмета «Трудовое обучение» для общеобразовательной школы (проект) // Настаўніцкая газета. – 2004. – 3 февраля. – С. 3.
3. Кочарян, Т. Э. Развитие методической компетентности преподавателя среднего профессионального учебного заведения в условиях последиplomного образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т. Э. Кочарян. – Ставрополь, 2004. – 179 л.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 2 : К–О. – 1986. – 736 с.
5. Кузьмина, Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища / Н. В. Кузьмина. – М. : Высш. шк., 1989. – 166 с.
6. Кольшева, Т. А. Подготовка учителя музыки к профессионально-личностной рефлексии в системе высшего педагогического образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Т. А. Кольшева ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1997. – 51 с.
7. Стеценко, И. А. Развитие педагогической рефлексии в профессиональной подготовке учителя в условиях усвоения опыта педагогической деятельности : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / И. А. Стеценко. – Таганрог, 1998. – 230 л.
8. Рубанова, О. И. Формирование рефлексивных умений будущих учителей при изучении педагогических дисциплин : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О. И. Рубанова. – СПб., 2003. – 159 л.
9. Практическая психология для преподавателей / коллектив авторов, под рук. акад. М. К. Тутушкиной. – М. : ИИД «Филин», 1997. – 328 с.
10. Дьюи, Дж. Психология и педагогика мышления / Дж. Дьюи. – М., 1999. – 192 с.
11. Posner, George J. Field Experience: A Guide to Reflective Teaching / George J. Posner. – Longman, N.-Y. and L., 1985. – С. 30.
12. Степанов, С. Ю. Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества / С. Ю. Степанов, Г. Ф. Похмелькина, Т. Ю. Калюшина // Вопросы психологии. – 1991. – № 5. – С. 5–14.
13. Метаева, В. А. Рефлексия как метакомпетентность / В. А. Метаева // Педагогика. – 2006. – № 3. – С. 57–61.
14. Щедровицкий, П. Г. Проблемы рефлексии в теории деятельности и СМД методологии / П. Г. Щедровицкий // Вопросы методологии. – 1991. – № 2. – С. 47–66.
15. Жук, А. И. Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов : учеб.-метод. пособие / А. И. Жук, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск : Аверсэв, 2004. – 336 с.
16. Рогулина, Е. В. Взаимодействие механизмов стереотипизации и рефлексии как условие развития профессиональной компетенции учителя : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Е. В. Рогулина. – Череповец, 2000. – 218 л.

Summary

The article deals with the problem of professional training of specialists in the sphere of education who are interested in constant self-development, self-education and self-perfection. On the basis of the analysis of the ideas on professional competence which exist in modern pedagogical theory the author discloses the essence of the reflexive competence as the key one in the work of a handicraft teacher.

Поступила в редакцию 21.04.09.

УДК 372.016:821.161.3*11

*Т. М. Пучынская***САМАСТОЙНАЯ ПРАЦА ВУЧНЯЎ НАД ЭПІЧНЫМ ТВОРАМ
ЯК СРОДАК ЯГО ПАГЛЫБЛЕНАГА АСЭНСАВАННЯ**

У артыкуле разглядаецца арганізацыя самастойнай працы школьнікаў пры вывучэнні сучаснай беларускай прозы. Прапанаваныя формы самастойнай навучальнай дзейнасці старшакласнікаў развіваюць уменні працаваць з мастацкім тэкстам, крытычным матэрыялам, рабіць уласныя назіранні і вывады.

Уводзіны

Самастойная праца – неад’емная і надзвычай важная частка працэсу навучання. Яна дазваляе забяспечыць высокі ўзровень пазнавальнай актыўнасці вучняў, развіць іх уменне глыбока аналізаваць твор і выказаць самастойнае меркаванне.

Пытаннем метадыкі арганізацыі самастойнай працы вучняў па літаратуры прысвечаны шэраг даследаванняў: С. А. Акіева, Р. І. Альбеткавай, Р. Ф. Брандэсава, Т. Ф. Курдзюмавай, Б. А. Ланіна, Ю. І. Мізінай, Т. Р. Ніязматавай, Л. А. Сімаковай, Г. Я. Шышмаранковай і інш. [1]–[7]. Тым не менш гэтая праблема ў яе сучасным разуменні ў дачыненні да беларускай літаратуры знаходзіцца ў стадыі распрацоўкі. У нашым даследаванні прапанаваны асобныя моманты метадыкі арганізацыі самастойнай працы старшакласнікаў. У якасці канцэптualaных падыходаў мы абавіраліся на наступныя агульна-дыдактычныя прынцыпы: сістэмнасці навучання, паступовага ускладнення матэрыялу, пераходу да пошукавай дзейнасці, міжпрадметных сувязяў, пераемнасці ад сярэдняй да вышэйшай школы. Асноўная задача – апрабаваць формы самастойнай працы вучняў, якія рацыянальна спалучаліся б з дзейнасцю на ўроках і паглыблялі веды старшакласнікаў аб сучаснай прозе жанру.

Ва ўмовах пашырэння масавай культуры, зніжэння статусу чытання асабліва значным бачыцца далучэнне старшакласнікаў да складаных форм духоўных набыткаў чалавецтва – сучаснай беларускай прозы, прадстаўленай творчасцю В. Быкава. Менавіта яго апавесці, а таксама творы А. Куляшова, Я. Брыля і В. Казько мы выбралі ў якасці літаратурнага матэрыялу для правядзення эксперыментальнага даследавання.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Эфектыўным шляхам арганізацыі самастойнай працы адзінаццацікласнікаў над апавесцямі і раманамі мы лічым больш шырокае прыцягненне лінгвістычнай інфармацыі да вывучэння літаратуры ў школе. «Элементы творчасці ў самастойнай дзейнасці вучняў павінны нарастаць паступова..., але не толькі з класа ў клас, а і ўнутры кожнай тэмы, на кожным уроку. Нельга ігнараваць практыкаванні ўзнаўляльнага характару, але памылкова і абцяжарваць вучняў складанымі творчымі заданнямі без адпаведнага навучання іх спецыяльным уменням» [8, 162]. Каб захаваць прынцып даступнасці, навучальны лінгвістычны матэрыял для засваення старшакласнікамі быў дадзены па ўзроўнях:

1. Слова мастацкае і немастацкае (гутарковае, афіцыйна-дзелавое, навуковае).
- 2–3. Слова ў прозе і слова ў лірыцы: падабенства і адрозненне.
4. Слова ў прозе: схільнасць да лірыкі (лірычная проза), драмы (драматычная проза), уласна празаічны тэкст.

5. Самастойная творчая дзейнасць («спроба пярэ» ў жанры прозы).

Выкананне першых двух заданняў для вучняў эксперыментальных класаў (СШ № 2 г. Клецка) было нескладаным, паколькі звязвалася з паўтарэннем вывучанага раней матэрыялу, але на больш высокім узроўні. Праз параўнанне ўрыўкаў з тэксту – мастацкага (проза В. Быкава) і немастацкага (на выбар вучня гутарковы або навуковы стыль) – вызначалася роля і арганізацыя слоў у розных жанрах.

У ходзе працы вучні павінны былі аргументаваць выкарыстанне слова немастацкага (слова як намінацыйнай адзінкі, якая ўжываецца для перадачы інфармацыі, слова як адназначнага для абазначэння прадметаў, дзеянняў, з’яў) і слова мастацкага (слова як асобнай тэмы, малюнка для перадачы вобраза; шматзначнасці, варыянтнасці разумення слоў; духоўнай інфармацыі) ў тэксце. Праца вучняў набыла больш мэтанакіраваны характар, калі настаўнік паказаў, якія асобныя аперацыі ўключае ў сябе ўменне аналізаваць мастацкае слова:

- «1) уменне бачыць у тэксце выяўленчыя сродкі мовы;
- 2) удумвацца ў пераноснае значэнне слоў;

3) з дапамогай гэтых сродкаў уявіць сабе карціну прыроды, намаляваную аўтарам, знешні вобраз героя, яго стан, настрой і інш.;

4) вызначыць для сябе ацэначны характар эпітэтаў, параўнанняў і інш.;

5) зразумець, на што хацеў звярнуць увагу чытача аўтар; якія яго адносіны да выяўленага ў творы;

6) умець зрабіць з папярэдняга аналізу выснову пра ролю выяўленчых сродкаў у дадзеным кантэксце» [8, 166].

Для актывізацыі дзейнасці вучняў уносіліся элементы інтэлектуальнага спаборніцтва: клас быў падзелены на групы. Сэнс заключаўся ў тым, каб пры адказе група мела за сабой апошні станоўчы адказ, застаючыся лідэрам гульні [9].

Другі крок у паглыбленні матэрыялу – праца са словам у межах твораў праявічых жанраў. У першым выпадку мы скарысталі вербальны шлях выкладання матэрыялу, у другім – выбралі вобразную мадэль ведаў, г. зн. табліцу, выкананую для кожнага школьніка ў камп'ютэрным варыянце з заданнем пацвердзіць альбо абвергнуць тэзісы пра існаванне адрозненняў паміж творами праявічых і лірычных жанраў.

Слова ў прозе

- нерыфмаванасць і, як правіла, нерытмічнасць;
- выражэнне пачуццяў, эмоцый;
- больш дыялагічнае, чым інтымнае;
- больш інтэлектуальнае, чым эстэтычнае;
- разлічана на чытанне «ўголас»;
- больш свабоднае, простае, яснае.

Слова ў лірыцы

- рытмічнасць і, як правіла, рыфмаванасць;
- выражэнне думкі, ідэі;
- больш інтымнае, чым дыялагічнае;
- больш эстэтычнае, чым інтэлектуальнае;
- разлічана на чытанне «сам сабе»;
- павышаная залежнасць слова ад іншых.

3 улікам падрыхтоўкі да алімпіяд, канферэнцый, паступлення па адпаведным профілі ў ВНУ асобным вучням прапаноўвалася падрыхтаваць звязнае паведамленне разгортваннем думкі на канкрэтным літаратурным матэрыяле, які падбіраўся па тэматычным прынцыпе. Напрыклад, «Асаблівасці мастацкага слова ў прозе і лірыцы (на матэрыяле ваенных аповесцей В. Быкава і ваенных вершаў А. Куляшова)»:

1. Што агульнага і адметнага ў патрыятычным і гуманістычным пафасе ваеннай прозы В. Быкава і ваеннай лірыкі А. Куляшова? Адказ абгрунтуйце канкрэтнымі прыкладамі.

2. Параўнайце трагічнае гучанне ваеннай тэматыкі ў творчасці В. Быкава і А. Куляшова.

3. Назавіце адметныя мастацкія сродкі перадачы ідэі гераізму, патрыятызму ў прозе і паэзіі названых аўтараў.

Наступны этап паглыблення ведаў старшакласнікаў – праца над вызначэннем моўнай арганізацыі твораў, што належыць да жанраў прозы. Вядома, што існуюць аповесці, раманы, у якіх эмацыянальнасць тону выцягвае элементы сюжэта і набліжае прозу да лірыкі. Аднак менавіта на фоне гэтых прыкладаў акрэслена вылучаюцца ўзоры сучаснай прозы, у якіх слова ў мастацкіх адносінах з'яўляецца больш нейтральным. Выявіць такія адрозненні – значыць далучыць вучняў да разумення стылю пісьменніка. Дададзены матэрыял адпавядае школьнай праграме за 11 клас: тэорыя літаратуры – паглыбленне паняцця пра выяўленне аўтарскай пазіцыі ў мастацкім творы; мастацкія дэталі, іх ролю ў тэксце [10, 106]. У якасці прыкладу лірычнай прозы мы ўзялі творчасць Я. Брыля (паўтарэнне вывучанага ў 10 класе), а ўласна праявічых якасці тэксту прадэманстравалі на аповесцях В. Быкава (11 клас) [11], [12]. Заўважым, што ў стымуляванні самастойнай працы старшакласнікаў добры эффект мела навучанне «з белымі плямамі». Так, звяртаючыся да апавяданняў Я. Брыля «Галія», «Memento mori», вучням указвалася на лірычную прыроду таленту пісьменніка, эмацыянальна-паэтычны спосаб асэнсавання рэчаіснасці, аднак канкрэтнае праяўленне гэтых асаблівасцей (выяўленне не столькі сюжэта, гісторыі персанажа, колькі іх пачуццёвых адбіткаў, настрою) выносілася на самастойную працу. Вучні запаўнялі «белыя плямы» інфармацыяй, самастойна здабытай у час знаёмства з творчасцю пісьменніка.

Дапамаглі вучням зрабіць вывады наступныя заданні:

1) прасачыце, як у апавяданнях Я. Брыля элементы прозы ўзаемадзейнічаюць з элементамі лірыкі;

2) параўнайце арганізацыю слоў у тэксце (частотнасць апісанняў, ужыванне эпітэтаў, унутраных маналагаў, манеру інтанавання слоў – мяккае, лірычнае ці стрыманае, строгае, нейтральнае і інш.) у прозе В. Быкава і Я. Брыля. Паспрабуйце зрабіць выснову пра жанрава-стыльовае падабенства і адрозненне твораў пісьменнікаў.

Як бачым, адрозненне гэтага задання ад папярэдняга заключаецца ў большай ступені самастойнасці школьнікаў, іх творчага пошуку, калі ад аналізу матэрыялу, прапанаванага

настаўнікам, адзінаццацікласнікі прыходзяць да спроб уласных разважанняў адносна стылёвых асаблівасцей вивучаемых твораў з ацэнкай матэрыял праз прызму родава-жанравых адрозненняў. Назіранні за навучальным працэсам і непасрэдна выкананнем вучнямі заданняў пацвярджаюць, што самастойная праца ў названым напрамку з'яўляецца эфектыўнай, калі ўключае наступныя этапы:

- асэнсаванне школьнікамі пастаўленай задачы;
- вылучэнне ўласных прапаноў, меркаванняў;
- выкананне задання;
- асэнсаванне вынікаў, апісанне высноў.

Эксперымент таксама выявіў, што важнай перадумовай арганізацыі самастойнай працы школьнікаў з'яўляюцца вусныя парады іх настаўніка, тлумачальная праца па азнаямленні з метадыкай пазаўрочных заняткаў.

На заключным этапе арганізацыі самастойнай працы школьнікам прапанавалася напісаць мініяцюру ў прозе. Мэта такіх дзеянняў – наблізіць вучняў да разумення творчага працэсу, які ўключае як пазіцыю чытача, так і аўтара. Патлумачым падрабязней, якое канкрэтнае заданне мы мелі на ўвазе.

Варыянт 1. Паспрабуйце скласці апавяданне-мініяцюру ў жанры лірычнай прозы, афарбоўваючы тэкст у мяккі, эмацыянальны тон. Сюжэту надайце характар лірычнай замалёўкі, захоўваючы разгортванне эпічнага дзеяння. Па культываванні пачуццяў тэксту надайце якасць верша, але нерытмічнага і нерыфмаванага. Эмацыянальныя перажыванні лічыце як сродак набліжэння прозы да паэзіі. У якасці тэмы гутаркі і пачатку дзеяння звярніцеся да наступных радкоў:

Імгненне жыцця

Я ведаю, што лес, як і чалавек, мае добры ці кепскі настрой, свае ціхіх радасці і свае засмучэнні, трывожныя думкі і бяспарны спакой – усё тое, што толькі можа быць ад глыбокай, усепазінальнай мудрасці вечнага жыцця...

Варыянт 2. Складзіце апавяданне-мініяцюру ў «чыстым» жанры прозы, маючы на ўвазе неабходнасць выявіць перш за ўсё інтэлектуальныя перажыванні героя на аснове мастацкіх, эмацыянальных вобразаў. Сюжэту надайце больш стрыманы, паглыблены, канкрэтны эпічны характар. Паспрабуйце пачаць з наступнага:

Імгненне жыцця

Я ведаю, што лес мае свой настрой і гісторыю, мабыць, часам крыху нечаканую. Гісторыю, у якой свая праўда, – наканаваная і разам з тым нейкім чынам заканамерная...

Лічым неабходным адзначыць, што пасля выканання кожнага задання мэтазгодна, каб школьнікі схіляліся да стану рэфлексіі. Так, пасля напісання мініяцюр старшакласнікам былі дадзены наступныя пытанні:

1. Якія ўражанні вы атрымалі ад творчага працэсу?
2. Які з тэкстаў у вас атрымаўся больш удала? Чаму?

Такім чынам вучні набліжаюцца да самааналізу, разумення ўласнай схільнасці да пэўнага складу мыслення: практычнага, вобразнага; вобразна-аналітычнага ці вобразна-пачуццёвага.

Робячы некаторыя падагульненні, адзначым, што распрацаваныя намі шматзруўневыя заданні для самастойнай працы вучняў дапоўнілі ўрочную сістэму вивучэння аповесцей і раманаў аналізам яшчэ адной жанравай характарыстыкі, якая выражаецца ў моўнай арганізацыі тэксту. Заўважым, што названыя віды самастойнай працы дапамаглі наблізіць старшакласнікаў да элементаў даследчай дзейнасці, вырашаючы праблему пераеменнасці ў навучанні паміж сярэдняй і вышэйшай школай, у чым і бачыцца актуальнасць прапанаванай метадыкі. Шматгадовыя назіранні за выкладаннем гуманітарных дысцыплін у ВНУ (УА «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт») паказваюць, што сур'ёзным недахопам з'яўляецца слабое валоданне студэнтамі пачатковых курсаў метадыкай набыцця ведаў з навуковых першакрыніц, матэрыялаў перыядычнага друку. Адна з прычын заключаецца ў тым, што ў школе гэтай метадыцы, па сутнасці, не вучаць. Таму нам уяўляецца неабходным пашырэнне такіх форм працы, якія выпрацоўваюць навыкі ўласнага набыцця ведаў, выкарыстання літаратурных крыніц, асабістага вопыту і назіранняў; пашыраюць круггляд, абуджаюць цікавасць да навукі і творчасці. Зыходзячы з гэтага, мэтазгодна, каб вучні, асабліва старшых класаў, уключаліся ў разнастайныя мерапрыемствы пазаўрочнага характару – алімпіяды, тыдні мовы і літаратуры, літаратурныя вечарыны, спекурсы, школьныя канферэнцыі, семінары, матэрыялы да якіх рыхтуюцца вучнямі пад кіраўніцтвам настаўніка, але самастойна.

Такія меркаванні былі пацверджаны ў ходзе эксперыментальнай праверкі, якая заключалася ў прыцягненні адзінаццацікласнікаў да напісання дакладаў і рэфератаў. У якасці навучальнага

матэрыялу для даклада на школьную канферэнцыю была абрана тэма, звязаная з разглядам жанрава-стылёвых асаблівасцей твораў В. Быкава: паглыбленне ўяўлення аб прынцыпах спалучэння аповесці і рамана. Дадзенае заданне па сутнасці з'яўляецца працягам гутаркі па аповесці «Знак бяды» (11 клас), калі старшакласнікі на ўроку працавалі над жанрава-стылёвымі асаблівасцямі твораў В. Быкава, вывяляючы асаблівасці паэтыкі «лакальнай» аповесці. Далей вучням прапанавалася прааналізаваць пазাপраграмны твор – аповесць «Кар'ер». Заданне мае даследчы і адначасова творчы характар, таму што «...творчымі... можна назваць такія работы, у якіх аналізуюцца творы, якія не разбіраюцца настаўнікам у класе, калі школьнікі зусім самастойна спасцігаюць ідэйна-мастацкую сутнасць твора, даюць уласную ацэнку яго, вызначаюць жанр, параўноўваюць розныя творы» [8, 160].

Пры падрыхтоўцы дакладаў з метадычнага боку апраўдалі сябе карткі-інструкцыі, у якіх вызначана паслядоўнасць выканання вучнем разумовых аперацый, аб'ём працы, асноўныя накірункі ўласнага пошуку. Прыкладзём узор такой карткі: прачытайце аповесць В. Быкава «Кар'ер». Дайце адказ на наступныя пытанні і заданні ў форме звязнага паведамлення на тэму: «Асаблівасці жанравай спецыфікі твораў В. Быкава (на прыкладзе аповесці «Кар'ер»)».

1. Як вы разумееце сутнасць і значэнне паняцця «жанр праявінага твора», «жанравая спецыфіка»?

2. Ці заўсёды лёгка вызначыць жанр, размежаваць апавяданне, аповесць, раман? Чым гэта абумоўлена?

3. Чаму літаратуразнаўцы, разважаючы аб жанравых разнавіднасцях быкаўскай аповесці, даюць творам пісьменніка, па сутнасці, супрацьлеглыя назвы: то аповесць-апавяданне, то аповесць-раман (раманная аповесць).

4. Аўтарскае вызначэнне жанру ўласных твораў і меркаванне даследчыкаў літаратуры на гэты конт не заўсёды супадае. В. Быкаў назваў «Кар'ер» раманам. Прааналізуйце асноўныя тыпалагічныя рысы аповесці і рамана, паспрабуйце зрабіць самастойныя высновы пра жанр названага твора і яго асноўную праблематыку.

Матэрыялы для працы:

1. Тычына, М. Новае жыццё жанру / М. Тычына // Польша. – 1992. – № 2. – С. 226–250.
2. Афанасьёў, В. І. Апостальскі час / В. І. Афанасьёў // Польша. – 1995. – № 2. – С. 200–212.
3. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1984–1987. – Т. 2: Табой – Карціна / І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – 1985. – С. 427–428.

Схема працы па такой картцы наступная: пытанне – аналіз вучнем навуковых і мастацкіх крыніц – адказ. Аднак паслядоўнасць дзеянняў можа быць і іншай: навуковы тэзіс (цытата, выпіска, думка) – ілюстраванне настаўнікам яго на прыкладзе — аналіз вучнямі аналагічных прыкладаў – адказ. Прыкладзём яшчэ адзін прыклад самастойнай даследчай дзейнасці старшакласнікаў на матэрыяле твораў для самастойнага чытання (9 клас, «Хроніка Быхаўца») і пазাপраграмнай літаратуры (11 клас, «Хроніка дзетдомаўскага саду» В. Казько). У якасці навуковай пасыпкі была выбрана думка пра тое, што мастацтва ў сваім развіцці прайшло некалькі этапаў. Першы характарызаваўся тым, што ў творах пераважала форма над зместам, аб'ектыўнае над суб'ектыўным, знешняя фактаграфія над выяўленнем унутранага свету мастака; другі (класічны) – гармоніяй гэтых супрацьлеглых пачаткаў; трэці – дамінаваннем думак, ацэнак аўтара, яго перажыванняў. Дадзенае палажэнне ілюстравалася настаўнікам на прыкладзе жывапісу: старажытныя наскальныя малюнкi як адбітак знешніх асаблівасцей рэчаў, спроба капіравання. Карціны эпохі Адраджэння (Леанарда да Вінчы, Рафаэль, беларускі сармацкі партрэт) як імкненне напоўніць форму зместам, перадаць і знешняе аблічча прадметаў, і іх духоўную сутнасць. Сучасны жывапіс, асабліва нерэалістычны (С. Далі, М. Шагал, М. Селяшчук, апошнія карціны Г. Вашчанкі і інш.) як дамінаванне ідэі, суб'ектыўнага пачатку. Далей вучні па аналогіі прасочвалі развіццё літаратуры з апорай на жанравую спецыфіку (жанр прозы – хроніка), адказваючы на наступныя пытанні па картцы:

1. Звярніцеся да «Хронікі Быхаўца». На што зроблены акцэнт у творы: перадача сюжэта ці думак, ідэі? Ці можна сказаць, што «Хроніка» – гэта «чыстае» летапісанне без элементаў вобразнасці, без унутраных ацэнак аўтарам гістарычных падзей?

2. Што ўяўляюць сабой сучасныя праявіныя творы, у прыватнасці «Хроніка дзетдомаўскага саду» В. Казько? Наколькі ў рамане акрэслены сюжэт (форма)? Для чаго аўтар яе разбурае? Чаму імкнецца да абстрактнасці? Якія духоўныя каштоўнасці сцвярджае?

3. Параўноўваючы абодва творы, паспрабуйце зрабіць высновы пра агульныя тэндэнцыі ў развіцці беларускай літаратуры на прыкладзе хранікальнага жанру прозы.

Адказы вучняў эксперыментальных класаў з аналізам навуковай літаратуры, самастойнымі назіраннямі, спробай канцэптуальных разважанняў і абагульненняў сталі пераканаўчым доказам эфектыўнасці прапанаваных заданняў для самастойнай працы.

Прапанаваная метадыка арганізацыі самастойнай працы старшакласнікаў абмеркавана на пасяджэнні вучэбна-метадычнага аб'яднання настаўнікаў беларускай мовы і літаратуры ЦШ № 2 г. Клецка і рэкамендавана да ўкаранення настаўнікамі школы ў вучэбны працэс.

Вывады

У цэлым апрабацыя прапанаваных відаў і форм самастойнай працы вучняў выявіла наступнае: па-першае, жанр з'яўляецца эфектыўнай дамінантай вывучэння прозы не толькі на ўроках літаратуры, але і ў пазаўрочнай дзейнасці, забяспечваючы цэласнае, сістэмнае, паглыбленае засваенне праграмных твораў.

Па-другое, неабходна больш шырока ўкараняць самастойную працу школьнікаў пры вывучэнні прозы, паколькі, па выніках эксперыменту, менавіта ёй пры чытанні аддае перавагу большасць вучняў, лічыць больш даступнай і цікавай для самастойнага асэнсавання і аналізу. Пры гэтым важна, каб школьнікі маглі самастойна засвойваць і інтэлектуальную прозу.

Па-трэцяе, пашырэнне самастойнай працы набывае асаблівую актуальнасць для выпускнікоў школ, што тлумачыцца неабходнасцю развіцця ў старшакласнікаў такіх якасцей, як умение працаваць з першакрыніцамі, крытычнай літаратурай, перыядычнымі выданнямі; здольнасць рабіць канспектыўныя выпіскі, самастойныя назіранні, супастаўленні, параўнанні, абагульненні, высновы; магчымасць планаваць уласную дзейнасць, рэгламентаваць час, прыкладаць валявыя намаганні для дасягнення пастаўленых мэт, пазбягаць недапрацовак па іншых дысцыплінах. Адзначаныя акалічнасці якраз і дазваляюць рэалізаваць прынцып пераемнасці адукацыі паміж сярэднім і вышэйшым звяном, інтэнсіфікаваць навучальны працэс у цэлым.

Літаратура

1. Проблемы преподавания литературы в средней школе : пособие для учителя / Т. Ф. Курдюмова [и др.] ; под ред. Т. Ф. Курдюмовой. – М. : Просвещение, 1985. – С. 157–171.
2. Курдюмова, Т. Ф. В чем главное направление поиска?: Об активизации самостоятельной работы учащихся на уроках литературы / Т. Ф. Курдюмова // Лит. в shk. – 1987. – № 2. – С. 29–34.
3. Урок литературы : пособие для учителя / сост. Т. С. Зепалова, Н. Я. Мещерякова. – М. : Просвещение, 1983. – С. 108–120.
4. Вучэбная праграма для агульнаадукацыйных школ з беларускай і рускай мовамі навучання. Беларуская літаратура. V–XI класы. – Мінск : НМУ «Нацыянальны інстытут адукацыі», 2008. – 152 с.
5. Локун, В. І. Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы. 1950–1960 гады / В. І. Локун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 109 с.
6. Тычына, М. В. Быкаў і мы / М. В. Тычына // Польшыя. – 1994. – № 6. – С. 207–219.
7. Ланин, Б. А. Самостоятельная работа учащихся по изучению романа Е. Замятина «Мы» : материалы для эксперим. работы / Б. А. Ланин ; Акад. пед. наук СССР, Науч.-исслед. ин-т общ. сред. образования. – М., 1991. – 30 с.
8. Ниязматова, Т. Р. Самостоятельная работа учащихся на уроках литературы : пособие для учителей / Т. Р. Ниязматова. – Ташкент : Узбекистан, 1984. – 62 с.
9. Самостоятельный анализ художественного текста на уроке литературы : метод. рекомендации для учителей сред. shk. / авт.-сост. Р. Ф. Брандесов. – Челябинск : Просвещение, 1988. – 71 с.
10. Симакова, Л. А. Самостоятельная работа учащихся в процессе анализа художественного произведения в 4–7 классах : пособие для учителя / Л. А. Симакова. – Киев : Слово, 1987. – 111 с.
11. Акиев, С. А. Самостоятельная работа учащихся на уроках литературы / С. А. Акиев // Лит. в shk. – 1994. – № 2. – С. 67–70.
12. Шишмаренкова, Г. Я. Комплексное использование дидактических приемов и методов для развития познавательной самостоятельности учащихся: уроки литературы / Г. Я. Шишмаренкова // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 2, Филология. – 1997. – № 2. – С. 112–120.

Summary

The article describes organization of pupils' independent work while studying modern Belarusian prose. The author offers such forms of independent activities that develop pupils' abilities to work with fiction text, critical materials, to make their own observations and conclusions.

Паступіў у рэдакцыю 28.01.09.

УДК 378.02

*С. Н. Шур, Е. С. Астрейко***ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ ВУЗА ГОТОВНОСТИ
К ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЮ**

В статье проанализированы предпосылки проблемы формирования у будущих педагогов готовности к здоровьесбережению в теории и практике профессиональной подготовки; определены основные направления здоровьесберегающей деятельности в вузе; предложены теоретические основания модели формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в образовательном процессе.

Введение

В настоящее время в развитии общества прослеживаются важные процессы, направленные на совершенствование системы профессионального образования. Личностно-ориентированная направленность системы обучения и воспитания позволяет молодежи получить достаточно качественное образование и одновременно предполагает глубокое овладение знаниями и навыками самоуправления и здоровьесбережения.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию отметил: «Серьезное беспокойство вызывает уровень здоровья учащихся, снижающийся за годы их обучения в учреждениях образования. Сегодня в стране нормальное здоровье имеет только каждый десятый школьник, а 30 процентов детей страдают хроническими заболеваниями. Правительству необходимо выработать комплекс конкретных мер, направленных на кардинальное улучшение положения дел в этом направлении» [1].

В силу сложившейся политической и социально-экономической ситуации в республике, изменение мотивации образовательной деятельности у обучающихся проблема сохранения и укрепления здоровья молодого поколения становится актуальной во всех сферах деятельности человека и особо остро – в образовательной области.

Образовательный процесс в вузе характеризуется творческим поиском и внедрением авторских программ и новых педагогических технологий и моделей, стремлением к совершенствованию учебных занятий. Вместе с тем наблюдаются изменения в состоянии здоровья студентов, их информационная перегрузка и неблагоприятное воздействие гиподинамии, отсутствует желание заниматься физическими упражнениями и спортом.

У большинства преподавателей высшей школы нет четких ориентиров и реальных возможностей для полномасштабной воспитательной работы с целью сохранения и укрепления здоровья студентов. Отсутствует универсальная современная педагогическая технология оздоровления студентов, реально охватывающая все аспекты их деятельности и направленная на эффективное решение вопроса изменения образа жизни и формирование потребности в здоровом образе жизни. У некоторых студентов нет мотивации вести здоровый образ жизни. Все это подводит нас к необходимости разработки модели формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в образовательном процессе вуза.

Для решения поставленной проблемы необходимо:

- проанализировать предпосылки исследуемой проблемы в педагогической теории и практике;
- определить основные направления здоровьесберегающей деятельности в университете;
- разработать теоретические основания модели формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в образовательном процессе вуза.

Результаты исследования и их обсуждение

Решение проблемы формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в образовательном процессе вуза требует раскрытия таких понятий, как «здоровье», «здоровьесбережение» и «готовность студентов к здоровьесбережению».

Проанализировав социологическую, философскую, медицинскую и психолого-педагогическую литературу по проблеме здоровья, Я. М. Герчак [2] пришел к выводу, что:

- здоровье – фундамент полноценного существования и жизнедеятельности человека, условие его гармоничного развития как личности;
- здоровье – категория интегральная, включающая все аспекты природы человека (биологические, психологические, социальные, духовные);

– здоровье – категория не только биологическая, но и глубоко социальная и психологическая, регулируемая и управляемая как социальными институтами, так и самой личностью. Поэтому сохранение и укрепление здоровья детей и молодежи является первостепенной и насущной потребностью общества.

Таким образом, *здоровье* выступает важнейшей потребностью человека, определяет его способность к труду и обеспечивает гармоническое развитие личности. Оно является важнейшей предпосылкой к познанию окружающего мира, к самоутверждению и счастью человека.

Согласно утверждению В. О. Бушуевой [3], здоровье – внутрисистемный порядок, позволяющий человеку достигать поставленной цели своей жизни. Этот порядок поддерживается механизмами здоровья, которые по сути своей являются механизмами саморегуляции системы. Степень порядка может быть различной, и это выражается в соответствующих уровнях здоровья. По ее убеждению основная задача для педагогов – формирование и поддержка здоровья обучающихся на «безопасном уровне», на котором за счет активной работы механизмов здоровья болезни либо не возникают, либо, вспыхнув, быстро исчезают.

Отдельные аспекты здоровьесбережения рассматривались еще Я. А. Коменским, Дж. Локком, И. Г. Песталоцци, П. Ф. Лесгафтом и др.

В педагогической науке понятие «здоровьесбережение» стало использоваться с 90-х годов XX в. и отражало специфику отношений к сохранению здоровья учащихся через особенности организации учебно-воспитательного процесса в различные периоды: «беречь здоровье» – «не обременять» – «забота о здоровье» – «укрепление здоровья» – «охрана здоровья» – «валеология» – «здоровьесбережение».

Д. В. Викторов [4] отмечает, что в понятии «здоровьесбережение» учеными выделяются различные аспекты: самоактуализация и самоосуществление (Н. М. Амосов), физическое саморазвитие и самовоспитание (В. С. Быков, П. И. Костенко), интеграция физкультурного образования (В. Г. Шилько), индивидуальность (В. И. Ильинич, С. Б. Лозанский), здоровье и здравостроение (В. А. Вишневский), автономия личности (Г. П. Назарова), субъективные культурные потребности в освоении здорового стиля жизни (В. К. Бальсевич, Ю. М. Николаев).

Здоровьесбережение в педагогическом вузе представляет собой многоплановый процесс, направленный на преобразование интеллектуальной и эмоциональной сфер личности будущего педагога, повышение ценностного отношения к собственному здоровью и здоровью школьников на основе осознания им личной ответственности, на приобретение ими знаний о состоянии, изменении соматического и психического здоровья, о путях и способах их сохранения и укрепления.

Опираясь на определение Я. М. Герчака [2], под *готовностью студентов вуза к здоровьесбережению* мы будем рассматривать сложное интегральное состояние личности, характеризующееся наличием знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления здоровьесберегающей деятельности, способствующее саморазвитию, самообразованию студентов, их адаптации в условиях изменяющейся внешней среды и эффективному овладению профессиональными навыками в условиях целостного образовательного процесса вуза.

Согласно методологическим основам исследования необходимо рассматривать готовность студентов вуза к здоровьесбережению с позиций системного, ценностного и деятельностного подходов. Суть данных подходов заключается в следующем:

- системный подход позволяет рассмотреть готовность студентов как совокупность, комплекс взаимодействующих компонентов, способных обеспечить достижение общей цели;
- ценностный подход позволяет увидеть, что, проходя через сознательную деятельность, – происходит ориентация студента на ценности как значимые объекты;
- деятельностный подход позволяет определить необходимую форму активности, при которой происходит развитие готовности студентов к здоровьесбережению.

Необходимо отметить, что, учитывая и моделируя совокупность всех подходов, внешних и внутренних факторов жизни человека, возможно построить систему управления, обеспечивающую формирование готовности студентов педагогического университета к здоровьесбережению. Воздействуя на механизмы сохранения и укрепления здоровья путем моделирования совокупности внешних и внутренних факторов и индивидуального образа жизни, необходимо моделировать принятие человеком здорового образа жизни.

Как показали исследования [5], влияние факторов, определяющих уровень общественного здоровья, распределяется следующим образом:

- наследственность (биологические факторы) – 20%,
- условия внешней среды (природные и социальные) – 20%,

- деятельность системы здравоохранения – 10%,
- образ жизни человека – 50% (рисунок 1).

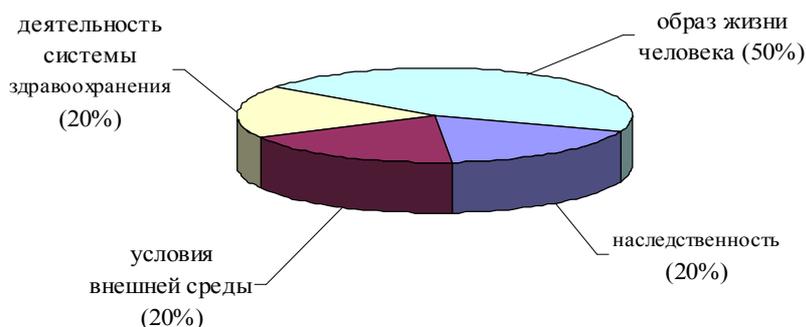

Рисунок 1 – Распределение факторов уровня общественного здоровья по степени значимости

Из соотношения видно, что главным резервом здоровья человека является его образ жизни. Положительно влияя на него, модифицируя образ жизни человека, обучая формам поведения, направленным на сохранение, укрепление здоровья, повышение работоспособности, возможно существенно повысить потенциал здоровья.

Практика также показывает противоречие, заключающееся в нарушении гармонического развития личности, предполагающего, как минимум, «равновесие» трех сторон: интеллектуальной, физической и духовной.

В связи с вышеизложенным, здоровьесберегающую деятельность, включенную в целостный образовательный процесс в вузе, можно представить в виде основных направлений (блоков) (рисунок 2).

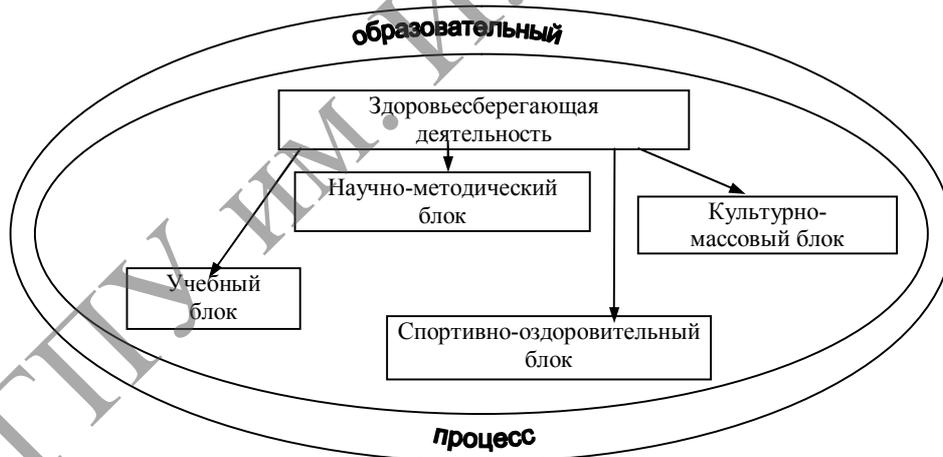

Рисунок 2 – Структура здоровьесберегающей деятельности в условиях вуза

1. Учебный блок:

- формирование ценностных ориентаций, направленных на применение приобретенных знаний и умений на благо общества, на развитие белорусской экономики, совершенствование социокультурной ситуации в Республике Беларусь;
- введение дисциплин и спецкурсов, способствующих воспитанию здорового образа жизни.

2. Научно-методический блок:

- развитие научных исследований в университете, касающихся проблематики здоровья и здоровьесберегающих технологий;

- проведение научных и научно-практических конференций;
- издание методических рекомендаций для студентов и работников вуза.

3. Спортивно-оздоровительный блок:

- проведение спортивных соревнований по различным видам спорта с участием студентов вуза;
- организация мероприятий по оздоровлению студентов университета: лечение и профилактика в санатории-профилактории университета, летние оздоровительные мероприятия.

4. Культурно-массовый блок:

- проведение мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии: интеллектуальные игры, концерты, фестивали, творческие вечера, встречи с интересными людьми и т. д.

На основе анализа педагогических идей, концепций, подходов и теорий, ориентированных на формирование гармоничной личности, духовно и физически развитой, а также существующих педагогических здоровьесберегающих технологий и собственного опыта в системе подготовки педагогических кадров, нами разработана структурно-логическая модель процесса формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в образовательном процессе педагогического вуза (рисунок 3).

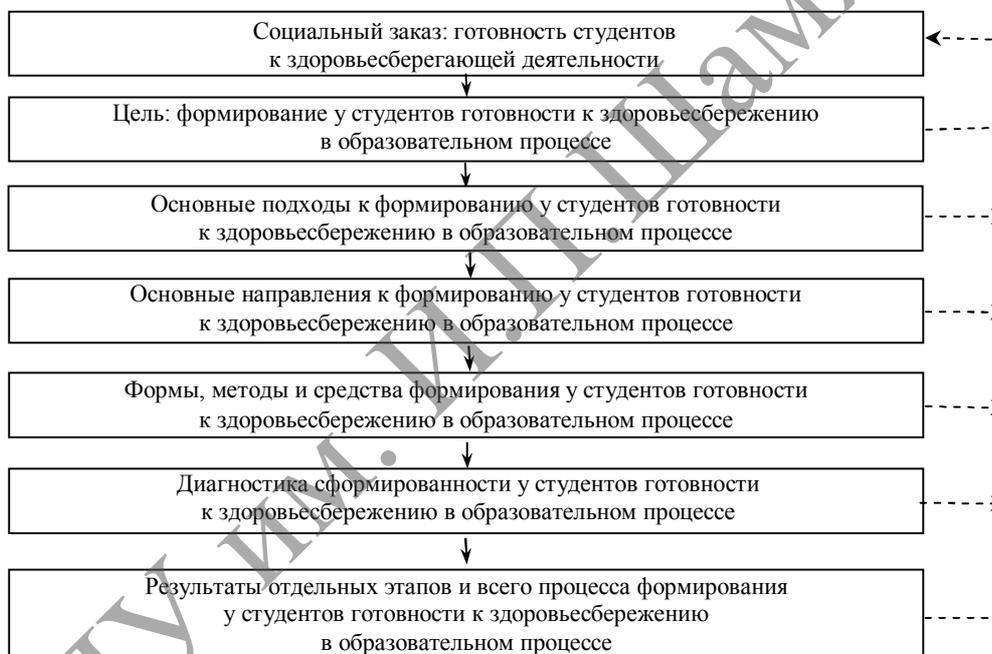

Рисунок 3 – Структурно-логическая модель процесса формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в образовательном процессе в вузе

Содержательный аспект формирования культуры здоровья у студентов предполагает его вхождение в целостный мир культуры, где воедино связаны все ее элементы: литература, история, искусство, музыка, театр, игры, физическая культура и спорт.

Возможными *формами конкретной работы* по формированию готовности к здоровьесбережению у студентов университета могут быть:

- анкетирование и анализ самооценки знаний преподавателей и студентов по вопросам здоровьесбережения;
- выявление мотивации студентов в выборе форм поведения, образа жизни;
- психодиагностика с участием психолога, социального педагога и других специалистов с целью выявления социально-педагогических факторов, вызывающих ухудшение здоровья студентов и преподавателей;
- разработка и внедрение здоровьесберегающих технологий применительно к отдельным занятиям, курсам и всему учебно-воспитательному процессу;

– организация кабинета психофизиологической разгрузки, формирование групп здоровья и др. для включения участников педагогического процесса в систему естественного оздоровления с использованием природных факторов;

– разработка рекомендаций и программ для кураторов академических групп и воспитателей по разным направлениям работы (например: предупреждение переутомления и психосоматической дезадаптации в разных возрастных группах, мероприятия по пропаганде здорового образа жизни и др.).

Ожидаемые конечные результаты:

– создание нормативно-правовой, организационной и научно-методической базы формирования эффективной воспитательной деятельности в университете;

– создание системы мониторинга развития и реализации воспитательного потенциала вуза, разработка эффективных форм, методов и здоровьесберегающих технологий воспитания студентов в современных условиях;

– формирование представлений у студентов о факторах и средствах укрепления здоровья и формирование культуры здоровья;

– разработка и осуществление мер по повышению эффективности использования физической культуры и спорта в укреплении здоровья студентов и ППС, физическом и психологическом развитии личности, в профессиональной подготовке к трудовой деятельности.

Выводы

Анализ социологической, философской, медицинской и психолого-педагогической литературы по проблеме здоровья, на основании которых раскрываются понятия «здоровье», «здоровье-сбережение» и «готовность к здоровьесбережению», позволил создать структурно-логическую модель процесса формирования у студентов готовности к здоровьесбережению в общеобразовательном процессе в вузе, включающая цель, основные подходы и направления (блоки), формы, методы и средства, диагностику, результаты этапов и всего процесса формирования в целом.

Выявлено, что в процессе социальной адаптации как механизма реализации у студентов готовности к здоровьесбережению происходит развитие потребности в здоровом образе жизни, выделение ценности здоровья как личностно значимой.

Проведенное нами теоретико-методологическое исследование формирования у студентов университета готовности к здоровьесбережению не рассматривает всех аспектов поднимаемой проблемы, что предполагает дальнейшее ее экспериментальное изучение и развитие. Требуются исследования, позволяющие подтвердить сделанные в работе выводы и выделить новые аспекты анализа проблемы. Разработанная концепция обобщает накопленный в педагогической теории и практике материал, является своеобразным началом цикла исследований в области здоровьесбережения и механизмов его реализации.

Литература

1. Послание Президента А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.sb.by/post/66925/>. – Дата доступа : 28.09.2008.

2. Герчак, Я. М. Формирование готовности к здоровьесбережению студентов высшего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. / Я. М. Герчак ; Кузбасская гос. пед. акад. – Новокузнецк, 2007. – 22 с.

3. Бушуева, В. О. Формирование здорового образа жизни у старшеклассников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / В. О. Бушуева ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2002. – 21 с.

4. Викторов, Д. В. Развитие мотивации здоровьесбережения у студентов вузов (педагогический аспект) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Д. В. Викторов ; Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2007. – 24 с.

5. Чирков, А. А. Педагогическая валеология – наука о формировании здоровья [Электронный ресурс] / А. А. Чирков. – 2001. – Режим доступа : <http://bank.orenipk.ru/str10.htm>. – Дата доступа : 28.09.2008.

Summary

The author has analyzed main aspects and problems of readiness of students at university to healthsaving in theory and vocational training practice. The basic directions of healthsaving activity at university have been defined. Theoretical bases of the model of formation of students' readiness to healthsaving in educational process of pedagogical high school have been worked out.

Поступила в редакцию 15.05.09.

ФІЛАЛОГІЯ

УДК 821.161.1-09

А. А. Булгакова

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОСА МИР
В ПОЭМЕ С. БОБРОВА «ХЕРСОНИДА, ИЛИ КАРТИНА ЛУЧШАГО ЛЕТНЯГО ДНЯ
В ХЕРСОНИСЕ ТАВРИЧЕСКОМ»**

В статье рассматривается проблема топоса Мир в поэме С. Боброва «Херсонида, или Картина лучшаго летняго дня в Херсонисе Таврическом». Автором выявляются основные субтопосы, составляющие парадигму топоса Мир в поэме («мир – книга», «мир – сад», «мир – море», «мир – храм» и «мир – человек»). Раскрываются семантические особенности данных субтопосов; обозначаются механизмы вербализации топоса в тексте, а также факторы, влияющие на трансформацию топоса Мир в литературе предромантизма.

Введение

В настоящее время изучение «бессознательной поэтики», в том числе и топосов, является одним из актуальных и перспективных направлений литературоведения. Однако вопрос о функционировании некоторых важных для культуры топосов в различных литературных эпохах и стилях представляется нам малоизученным.

Творческое наследие С. С. Боброва (1765–1810), «поэта гениального, но полузабытого» [1, 744], поставленное в один ряд с наследиями М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и других поэтов XVIII в., не получило однозначной оценки. Одни ученые относят его творчество к барокко (позднему, «ренессансному», «просветительскому» или «масонскому») (Л. О. Зайонц, А. П. Люсый, А. А. Морозов, Л. И. Сазонова, С. Ю. Хурумов), другие – к предромантизму (А. Г. Альтшуллер, А. Н. Пашкуров, В. Петров, Л. В. Пумпянский), третьи – к специфическому стилю: масонскому, или «масонизму» (П. Н. Сакулин, А. Сахаров). Анализ топоса Мир в «Херсониде» С. Боброва не только даст возможность показать семантическую и структурную модификацию топоса Мир и выявить ее механизмы, но и подкрепит тезис о принадлежности поэта к предромантизму.

Результаты исследования и их обсуждение

Лиро-эпическая поэма «Херсонида, или Картина лучшаго летняго дня в Херсонисе Таврическом» (далее – «Херсонида») написана в период перехода от классицизма и соответственно эпохи традиционализма к романтизму, культуре, в которой преобладает творческое, индивидуальное начало и которая знаменуется заменой «готового слова» (термин А. В. Михайлова) авторским словом, отражающим непосредственный контакт писателя с действительностью. В данный период преобладают новаторские тенденции, однако в связи с переходным характером эпохи сильным оказывается влияние традиции, «бессознательной поэтики», в том числе и топосов. Кроме того, желание поэта не просто представить модель мироздания на примере Тавриды, но и создать новый миф Крыма, отвечающий политическим и идеологическим запросам правительства, обуславливает обращение поэта к топосу Мир (и составляющим его субтопосам), посредством которого в тексте выражается архетипическая идея мирового единства и целостности.

Как отмечает Т. Е. Абрамзон, особенность литературных мифов заключается в том, что они «онтологичны по природе» и «призваны объяснить окружающую действительность в мифологических антиномиях» [2, 22]. Топос Мир в «Херсониде» С. Боброва организуется онтологическими семантическими оппозициями и отражает идею изоморфности и взаимосвязанности бытия природы и человека, истории и культуры, творчества и познания. Ключом к интерпретации топоса Мир является реализуемая в произведении идея «великой цепи бытия» (А. Поуп), которая восходит к концепции непрерывности творения, разработанной Аристотелем и тесно связанной с учением неоплатоников о полноте вселенной. К миру, отраженному Бобровым в поэме, можно отнести формулу А. Лавджоя, который писал, что у романтиков мир представлен как

«цепь, связывающая необозримое, а вернее, бесконечное число звеньев, расположенных в иерархическом порядке» [3, 62]. Отсюда стремление поэта к энциклопедичности, широте охвата описываемой реальности (зоологические, ботанические, геологические описания в поэме Боброва говорят о популярности во втор. пол. XVIII в. трудов по систематизации элементов природы К. Линнея, Дж. Далтона, Ж. Лаланда и др.). Кроме того, мир и составляющие его элементы рассматриваются поэтом не как статичные образования, а в динамике и развитии. **Принцип непрерывного движения** является основой философской концепции произведения и формой мышления поэта предромантизма, организующей все уровни текста (образный, концептуальный, композиционный) и заставляющей читателя «скользнуть по длинной цепи, / Которая ведет от червя / До пламенного серафима» [4, 211].

Второй аспект концепции «великой цепи бытия», реализованной в поэме, – это **принцип единства**, выступающий одним из основных в поэзии С. Боброва. Мир представлен поэтом в единстве бытия природы (времени суток, времен года), самой вселенной (через диалектическое единство творения – истории – познания), человека (через рождение – жизнь – смерть), а также культуры как формы бытия. Данная идея реализуется с помощью архетипического символа круга, который коррелирует с топосом Мир, что обуславливает специфику композиции поэмы, канву которой образуют зодиакальный круг Вселенной, круг истории, природы и жизни человека. Система образов, в которых реализуется топос Мир в «Херсониде», обусловлена натурфилософскими взглядами поэта, характерными для конца XVIII века.

С. Бобров сакрализует реальное пространство Крыма, кладя его в основу модели мира. Поэт воспроизводит географическое пространство полуострова, представляя его природу как *natura naturans* (творящую силу), накладывая соматический культурный код на пространственный и наделяя природу особенностями человеческой души и тела (что было актуально для мифопоэтического сознания). Поскольку Крым является пространством, обладающим «громадным символическим капиталом» [5, 100], точкой пересечения осей Север – Юг, Запад – Восток, язычество – мусульманство – христианство, реальное пространство топоса в поэме приобретает условный, символический характер. Оно строится по вертикали, что напоминает мифопоэтический способ организации пространства в виде мирового дерева. Соответственно смысло- и сюжетобразующим стержнем поэмы является **духовно-нравственная вертикаль «тело – душа – дух»**, характерная для восприятия мира романтиками (а не барочная «Бог – мир – человек», вторичная по значимости для С. Боброва), – путь «духовного восхождения» лирического героя на Чатыр-Даг по лестнице бытия. Такой сюжет можно квалифицировать как разновидность «внутреннего путешествия», характерного для масонской традиции, к которой принадлежал Бобров. Для масонов «восхождение на высокую гору подобно процессу перерождения сущности человека под благородным влиянием самовоспитания и под мудрым воздействием внешних руководителей, победа одной части души над другой» [6, 77]. Пик же горы является сакральным местом, «престолом Творца», «святым чертогом», «храмом Господа», поэтому путь к вершине мыслится поэтом как процесс обретения истинного знания и нравственности.

Таким образом, и божественный, и земной мир поэт помещает на одном полуострове (снимает барочное противоречие между человеческим и божественным мирами), разделяя их пространственными показателями верха – низа (горы – долины) и описывая с помощью ландшафтных образов, которые для человека XVIII в. несли не только семантику, связанную с «рельефом, почвенным покровом, растительностью и т. п.», но и «некоторое культурное и духовное содержание и значение» [7, 14].

Однако идея раздвоенности мира, характерная для эпохи барокко, не могла полностью исчезнуть из сознания поэта предромантизма. В частности, в поэме представлены ценностные вертикали: иерархия природного бытия (горы – долины – пучины вод), а также человеческой жизни (оппозиции люди – боги, культура – варварство и т. п.). Кроме того, это и противопоставление мира земного, реального, противоречивого миру мечты – ирреальному, вполне соотносимому с божественным (идиллическим миром любви). Однако «двоемирие» Боброва – не просто двухполюсное ценностное поле, разделенное резкой чертой и лишненное нейтральной аксиологической зоны. Для поэта, как представителя новой культуры, существенна обратная связь между человеком и Богом: Бог нисходит с «чертога» на землю, в свою обитель – «сад, Эдем», которым представлен весь полуостров; человек же способен силою своего духа возвыситься до Божества.

Итак, низший уровень топоса *Мир* в «Херсониде» – телесный, или собственно природный. Телесность представлена поэтом через особый антропоморфный пейзаж, в котором акцентировано чувственное начало («чресла облаков», «чело зари», «бедрa гор», «утробы хребтов», «уста скал», «сосок вулкана», «ложесна матери-земли» и др.). Одновременно с описанием внешней оболочки поэт одушевляет природу, придает ей качества и свойства человеческой души («одушевленная природа», «одушевлен камнистый сонм» [4, 70]), что осуществляется с помощью специфических эпитетов (*надменные высоты, дремлющие сосны, пужлива ночь, беременный год* и т. п.), поэтических приемов, которые призваны восстановить утраченное единство человека и природы: олицетворения (*холм гордится, кипарис сетует, вздыхает, слезится* и др.), параллелизма, фигуры оксюморон, воспроизводящей «сближение далековатых идей» [8] на уровне мысли и слова (*Бельбек тихо-шумный, шалфее-лиственный ладонник, милые ужасы природы* и др.), идеи метаморфозы (*вода густеет, превращается в лед, в пар; горы разрушаются, превращаются в камни, воду, равняются с землей; растения и животные преобразуются в горы; земля плавится, расступается, движется, ползет*). При этом часто ландшафтные образы, введенные С. Бобровым, воспринимаются как проекция душевного состояния лирического героя (*осень навеваёт грусть, гроза – страх и воодушевление, утро – пробуждение новых сил*).

Высший уровень нравственной вертикали проявляется в одухотворении природы, которая в поэме многообразна, что является следствием динамичности мира и несет на себе божественную печать: «...здесь дышит всё!» [4, 71]. Чтобы представить макрокосм как живой организм, С. Бобров использует прием метаморфозы (превращение неживого в живое, небытия в бытие – например, смерти в прекрасную мелодию, Ифигении в серну во время принесения ее в жертву, первобытного хаоса в цветущий Крым, и наоборот: света во тьму, жизни в смерть; переход стихий в иное качество, переход одного природного явления в другое; многочисленные «игры природы» и т. п.), при котором явления и предметы превращаются друг в друга, полностью отождествляясь. Он характерен для синкретичного сознания и помогает поэту показать становление полуострова, которое сродни мифологическому возникновению мира.

Топос *Мир*, парадигма которого, как и в литературе барокко, состоит из субтопосов «мир – книга», «мир – море», «мир – сад» и «мир – храм», вербализуется в поэме с помощью данных поэтических средств, характерных именно для предромантической традиции. Субтопосы актуализируют архетипические смыслы, однако наполняются и некоторым новым содержанием вследствие внешних (мировоззрение эпохи, стилевые установки) и внутренних (авторский замысел, когнитивные особенности поэта) факторов, влияющих на модификацию топоса вообще как на семиотическую единицу.

Отталкиваясь от предшествующей культурной традиции, Бобров по-своему развивает мысль о текстовой природе творения. Согласно его концепции, слово Бога, обладающее несомненной творящей силой («Твое вседетельное слово, / Чтоб бытие воздвигнуть ново, / Здесь водрузило с лепотой / Краеугольный камень свой» [4, 289]), воплотилось в тайных знаках, содержащихся в божественных книгах и, соответственно, **в книге природы**. Книга, как нечто тайное, написанное языком символов, сравнивалась с природой и в масонской литературе. Немецкий натурфилософ Я. Бёме, идеи которого оказались близки С. Боброву отмечал, что «начало всех существ есть Слово, как бы дыхание Божье» [9, 157]. Однако, по мнению поэта, коммуникативная связь Бога с миром осуществляется не посредством несовершенного человеческого языка, отражающего субъективные чувства, эмоции, страсти, которые искажают подлинную сущность вещей («Буквы будто бы Аллы, / А мысль, и страсти человека» [4, 238]), а через природу – «общу книгу», «златой натуры свиток»: «Читай природу! Узришь Бога!» [4, 240]. В образе книги-природы, написанной языком знаков-символов, которые воплощаются в конкретных вещах («Где буквы не черты, но вещи, / Где имя вписано Аллы / Красноречивыми вещами» [4, 240]), достигает апогея идея единства мира, вмещающегося на страницах одной «бытийственной книги». По мнению С. Боброва, «книга природы» может быть исследована и раскрыта только в поэзии. Поэтому и модель мира (он для поэта представляет собой «высокоорганизованный поэтический текст» [10, 103]), создаваемая поэтом в «Херсониде», – это прежде всего мир взаимосвязанных природных явлений, описать которые для Боброва – значит «раскрыть всю сродность чрез перо», то есть выявить все связи и отношения, существующие в мире.

Представляя Тавриду в образе **книги** («Твои слои, листам подобно, / Как бы обрезаны рукою, / По направлению берегов / Все сложены, взгромождены / Пред пасмурным лицом Нептуна» [4, 36]), поэт тем самым приравнивает ее к миру и создает «некий малый мир в вселенной» [4, 287]. Значимость для Боброва субтопоса «мир – книга» проявляется в том, что поэт стремится вместить в свое произведение все многообразие мира (в диахронии и синхронии) и одновременно дать читателю ощущение его единства. С одной стороны, «Херсонида» Боброва представляет собой поэтическую «энциклопедию природы» [11, 49], которая состоит из точного, почти научного описания географического строения полуострова, а также его истории, культуры, религии (с латинскими терминами и эквивалентами понятий, называющих природные явления, с авторскими отступлениями-объяснениями). С другой стороны, данная «энциклопедия», поражающая многообразием поэтических картин, «иллюстраций», складывается не из абстрактных образов, а из конкретного описания Крыма, «чертежей Вселенной» [4, 123]: «...как книга с тайными словами, / Где испытатель естества / Очами может то прочесть, / Что служит к разрешенью тайны, / Как сей составлен шар земной» [4, 37], показывает мир не статичным, а в его становлении и развитии. Причем за каждым элементом географического пространства у Боброва скрывается глубокий символический подтекст, связывающий природный мир с человеческим, который подтверждает намерение поэта создать космогонию Вселенной.

Итак, в образе **мира как книги-энциклопедии**, описывающей все многообразие ботанического, зоологического, минерального, географического, ландшафтного и других миров, реализуется стремление поэта построить модель мироздания на основе синтеза реального и символического пространства полуострова.

Наряду с традиционным изображением мира как книги С. Бобров использует архетипический **образ Храма**, имеющий сакральную семантику и потому изначально воспринимаемый культурным сознанием не как культовое сооружение, а как «модель вселенной или человеческой личности» [12, 86]. Масоны, к которым примыкал С. Бобров, говорили о Боге как о великом архитекторе Вселенной; сам же поэт называл зодчим природу, подчеркивая ее творящую силу. В поэме мир природы Крыма – это «собор прелестей», «великого пророка храм», «чертоги мыслей вдохновенных», «Херсонисский храм». Архитектурное пространство Храма в поэме соотносится с географическим пространством полуострова, имеющим различные уровни: «Пламенно-звездный свод небес, / Высоки Тавруса вершины, / Поля цветущи Аравийски / И чисто сердце человека, – / Вот настоящий храм его!» [4, 241]. По мнению поэта, такая структура, охватывающая все элементы мироздания (человека, природу, Бога), идеальна: «Вот Богозданье – высота, / И глубина, и широта, – / Вот мир...» [4, 241]. У основания мира стоит человек, наделенный мыслительными способностями и религиозным чувством, второй уровень Храма представлен огромным пространством Аравийских полей как пространством природы, венчают его вершины Тавруса, уходящие под небеса, – точка соприкосновения человека с Богом. Таким образом, с помощью субтопоса «мир – храм» поэтом утверждается сакральность Тавриды («малый мир в вселенной»), выступающей в поэме в виде Храма, сакрального пространства.

Храм у С. Боброва, как и у его предшественников, является местом соединения несоединимого: плотского и духовного, земного и небесного, человека и Бога. Вечный Храм для поэта – это архетипический образ, отражающий гармонию и взаимосвязь всех элементов мира, основных законов бытия, диалектическое единство жизни и смерти: «Гроб, – жизнь, – перст, – небо – / Вечный храм» [4, 25]. Это место обретения душевного покоя, божественной благодати и любви, постижения истины и красоты. Согласно традиции, восходящей к барокко, Храм – это также «царство мыслей» («Лазурна твердь, – то царство взоров, / А храм пророка – царство мыслей» [4, 26]), ментальное пространство человека, который для Боброва – единство телесной («телесна храмина моя» [4, 246]) и духовной субстанций, «малый мир, но храм великий, / Одушевленная мечеть» [4, 241].

Субтопос «мир – храм» у С. Боброва оказывается связанным с субтопосом «мир – книга». Крым, показанный в поэме как уменьшенная модель мира (и как «книга природы»), по мнению поэта, является идеальным пространством и в плане структуры, и в плане значения (там представлены все уровни природной жизни, соприкасаются различные культуры и религии, находятся в гармонии тело, душа и дух): «Все <...> обряжут здесь / Мир, – благо, – пользу, – жизнь златую, / Художник, – рудослов, – певец, / Мудрец <...> Все здесь найдут изящну область / Для чувств, для сердца, для души» [4, 92].

В структуру топоса Мир входит также субтопос «мир – сад», который функционирует в тексте как архетипический образ Эдема (рая), с одной стороны, идиллического, а с другой – окультуренного пространства. Описание полуострова с помощью этого прасимвола, содержащего противоречие между счастьем и утратой, святостью и грехом, жизнью и смертью, выявляет мифологизированную основу образа Крыма, поэтому данный субтопос имеет также политическую окраску (защитными «стенами» Крыма-Эдема выступают русские, в чьи владения перешел полуостров, а райские мотивы являются «типичным атрибутом имперских утопий» [5, 114]).

Поэт актуализирует семантику сада как идеального места, где господствует умиротворенность и гармония, что выражается им в обозначении Крыма (мира) как «эдемской сей долины», «рая красот», «рая земного», выступающего в «величьи скромном», и в идиллическом описании реального пространства полуострова: «Да; – все поля твои прелестны; / И нивы тучны все окрестны; / Здесь дышат райски землелоги; / В садах щебечут птиц стада; / Ключи несут в струях здоровье; / Все здесь прекрасно; все здесь мило» [4, 98]. С. Бобров переносит рай, выступающий для него «жилищем Бога», на землю Крыма, чем подчеркивает богоизбранность Тавриды. Как знак субтопоса в тексте выступает архетипический мотив «сада (рая) заключенного» (распространенный в западноевропейской литературе), то есть огражденного, безопасного для жизни человека: «Здесь рай цветущий огражденный / С страны единой полукругом / Гребнистой каменной стены, / С другой лазоревою бездной <...> Здесь Рай природою не предан / Строптивости полных бурь, / И своенравию времен. – Бузина, груша, черноклен <...> И прочие кусты с шипами, / Безмолвно окружая рай, / Для путешественников служат / Предместием гостеприимным, / А от пернатых хищных татей / Густой, колючею оградой» [4, 70]. В то же время поскольку смысловое поле субтопоса включает мотив утраты, смерти, то и в поэме Таврида предстает не только местом жизни, гармонии, но и местом потерь («Здесь дышет все; – но что мне в том, / Коль нет сердечной здесь подруги; <...> Без ней не красен самый рай; без ней смеюшься вертограда / Не могут в грудь вдохнуть отрады; Без ней уныл весь райский край» [4, 71]), смерти, хаоса стихий: «Прекрасные древа трещат, / Раина гнется и крушится; / Мятели пышат из-за гор; / Крутятся вихри серебристы, / Бегут по выям древ стенищ, / И мешут с крыльев диким зыбь» [4, 64].

Существенно, что для С. Боброва сад представляет собой единство неба и земли: с одной стороны – «в величьи скромном рай земной» [Бобров, 59], с другой – небесный «млечный вертоград» [4, 194], связанные присутствием в них Бога. По словам Л. О. Зайонц, Бобров в понятии «вертоград – вечный град» синтезирует два поэтических локуса: символический (рай) и небесный (космос) [13, 82]. Семантика вертограда в поэме совмещается с семантикой Млечного пути (как предела, к которому стремится всякая душа), поэтому субтопос «мир – сад» приобретает у поэта еще и значение духовного восхождения, осуществляемого путем приобщения к природе и божественному знанию, разлитому в ней.

Именно поэтому природа, сад (а вместе с ними и весь мир) как источник вдохновения и знания ассоциируются в поэме с образом лица (который для С. Боброва «сад и место учения» [4, 21]) – «Лица многоцветного», как его называет поэт (этот образ вызывает ассоциации с «Вертоградом многоцветным» Симеона Полоцкого – сборником виршей, представляющим собой «христианско-дидактическую», по определению Л. И. Сазоновой, систему, дающую описание мира через толкование Священного Писания). Этим сравнением Бобров подчеркивает, что природа – не только главный «учитель» человека, но что она сама содержит знаки, нуждающиеся в расшифровке, а процесс познания мира сводится к процессу познания человеком природы («Учились и познавям неким, / Но им природу предпочли» [4, 117]) и самого себя.

Субтопос «мир – море» в «Херсониде» не выражен прямо, а содержится в подтексте. Так как для мифопоэтического сознания море – это субстанция, стихия, напрямую связанная с сотворением мира, то Бобров, представляя космогонию мира как происхождение и развитие Крыма, описывает рождение полуострова из воды и камней, обогранных кровью моряков: вода (архетипический образ хаоса) для поэта – стихия, дарующая жизнь и смерть одновременно, а камень поэтам 1780–1790-х гг. представлялся «неким первичным элементом мироздания, обеспечивающим всеобщую связь макрокосма и выявляющим единство всего сущего» [14, 260].

Водная стихия связана с мотивом круга (жизнь – смерть, начало – конец и т. п.): «Играя роль зеркальной границы, водная поверхность образует естественный круг, охватывающий таким образом все водное пространство» [15, 444]. Являясь земным аналогом неба, вода

«повторяет очертания бездны небесной» [14, 145] (недаром у Боброва данные понятия взаимозаменяемы), что акцентирует единство божественного и человеческого, земного и небесного и утверждает упорядоченность мироздания. Кроме того, субтопос «мир – море» символизирует изначальную неустойчивость бытия, перетекание одних его форм в другие, перемены, движение времени («Ах, время в мире скоротечно, / Картины прменяет вечно» [4, 290]), которые Бобров считал залогом развития жизни. Это отражено поэтом в тексте с помощью приема метаморфоз и инверсии.

Итак, природный мир в поэме «Херсонида» описывается через ряд архетипических образов, характерных, в частности, для культуры барокко, однако приобретающих дополнительные оттенки смысла и воплощающихся с помощью иных риторических средств.

Природный мир в поэме неразрывно связан с **человеком** (соответственно, субтопос «мир – человек» связан с субтопосами «мир – сад», «мир – книга» и «мир – храм»), который раскрывает свою сущность в различных ипостасях: в области чувств, творчества, в религии, в способностях к познанию. Поэт представляет человека как уменьшенную модель макрокосма – микрокосм.

Оппозиция «душа – тело» связана с двойственной природой человека, обладающего, с одной стороны, телесной оболочкой, душой, то есть самобытным внутренним миром, чувствами, мыслями, своеобразной границей между природным и божественным в человеке, а с другой стороны, духом – средоточием высших качеств и совести, которые подтверждают существование в его сердце искры Божьей: «Сей человек – небо-рожденный, – / Сия бессмертна самобытность» [4, 176]; «Дух мой, способный черпать небо» [4, 180]. Бобров называет человека субстанцией, первоосновой и утверждает его способность к творению, уподобляя человека Творцу, постоянно совершенствующемуся и делающему мир более совершенным.

Высший уровень духовно-нравственной вертикали «тело – душа – дух», проецируемой на человека, представлен миром истории и культуры (познания), которыми, согласно представлениям романтиков, движет именно человеческий дух, способный к развитию и являющийся рычагом эволюции человечества. Дух приближает человека к Богу и проявляется в способности человека к творению: тот, кто творит, создает мир, чем уподобляется Богу: «Тот, кто возможен все творить, / Распространяет бытие / Свое с другими существами» [4, 176]. С. Бобров оставляет открытым вопрос о том, что обладает большим творческим потенциалом – природа или художник («Кто вас учил так петь приятно? / Не брат ли лунный, – или солнце? – / Природа, – так, – одна природа» [4, 117]; «Слышал я песни, – там искусство, / А здесь природа водит персты» [4, 118]). Так как и в природе, и в художнике есть частица высшего существа, поэт примиряет их друг с другом так же, как он примиряет разум и чувства.

В творчестве, считает поэт, – залог бессмертия, поэтому все произведения искусства вечны, хотя и созданы человеком, да и сам человек благодаря наличию в нем духа преодолевает смерть, которая страшна лишь для телесной его составляющей. С. Бобров говорит о неизбежности смерти тела как природной основы человека, который для поэта «вчерашня дня творенье бедно», «вещественный сын брэнной плоти»: «Конечно, – должно все изтлеть, / Что смертного остаться должно, / что в долг стихии поручили, / И будут требовать назад; – / Изтлеть в гниющей персти тела, / Где дом тебе – земля сырая <...> Где брат твой – неусыпный червь, / Сестра же ночь, глубока ночь» [4, 175]. Но при этом он оптимистически смотрит на возможность мыслящего и творящего человека остаться в веках и перестать «быть ничем»: «Но ты, – ты мыслящий теперь, / Духовный человек, – сын неба <...> Сии останки человека / Суть только дряхла оболочка, / Сей непрестанный переход / От силы к силе и доброте, / От доблести одной к другой, – Сей дальновидный духа путь / Конечно Божеству угоден» [4, 178]. Дух, связывающий человека с Богом, проявляется не только в способности к творчеству, но и в стремлении к совершенствованию: «Но нека нравственная жажда, / Неуголима никогда, / И нечто реющее вперед / И алчущее совершенства, – Дух мой, – способный черпать небо, / С тобой соединиться должен» [4, 180], то есть он также претерпевает метаморфозы, которые возвращают человека, как и весь мир, из небытия к бытию: «Как можно в жизни сей достигнуть / Пределов точных совершенства? / Дух шествует без остановки / До высоты своей природы...» [4, 177].

Выводы

Таким образом, топос Мир в «Херсониде» С. Боброва воплощается в архетипических субтопосах «мир – книга», «мир – сад», «мир – человек», «мир – храм» и «мир – море» (потенциально возможном и выраженном в подтексте). Они связаны между собой ассоциативными отношениями и организованы вокруг «ядерных» образов Бога, природы и человека (характерных для барокко), которые, в свою очередь, имеют разветвленную парадигму значений, а также связаны с аксиологической осью «тело – душа – дух», имеющей непосредственное отношение к мировоззрению романтиков. Топос Мир в поэме не теряет связи с семантикой образов, представляющих его в предшествующие эпохи (в частности, в эпоху барокко). Следовательно, в «Херсониде» он выражает идею единства и гармонии и является объединяющим началом на семантическом уровне поэмы, воплощающей «универсальную поэтико-философскую систему мироздания» [16, 203], где все явления оказываются взаимосвязанными и отраженными друг в друге. Однако в связи с предромантическим мировоззрением и замыслом поэта топос Мир трансформируется и соответственно изменяются способы его воплощения в тексте. Выдвигая на первый план реальный уровень пространственной структуры топоса, поэт актуализирует и концептуальный, создавая образ Тавриды как «малого мира в вселенной» [4, 287].

Литература

1. Лотман, Ю. М. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания») / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2001. – С. 731–747.
2. Абрамзон, Т. Е. Просветительские мифы М. В. Ломоносова : моногр. / Т. Е. Абрамзон. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – 134 с.
3. Лавджой, А. Великая цепь бытия: История идеи / А. Лавджой ; пер. с англ. В. Софронова-Антамони. – М., 2001. – 263 с.
4. Бобров, С. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом / С. Бобров – СПб., 1804. – 295 с.
5. Зорин, А. «Крымский миф» в русской культуре 1780–1790-х годов / А. Зорин // Кормя двуглавого орла... Литературная и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Зорин. – М. : НЛЮ, 2001. – 414 с.
6. Лотман, Ю. М. К семиотической типологии русской культуры XVIII века / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – М., 2002. – С. 74–88.
7. Лавренова, О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII–XX вв. (геокультурный аспект) / О. А. Лавренова. – М. : Ин-т Наследия, 1998. – 128 с.
8. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. : в 10 т. – М. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 7. – С. 89–379.
9. Бёме, Я. Christosophia, или Путь ко Христу / Я. Бёме. – СПб. : А-САД, 1994. – 224 с.
10. Зайонц, Л. О. Natura naturans: к поэтике антропоморфного пейзажа у Семёна Боброва / Л. О. Зайонц // «На меже меж Голосом и Эхом»: сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян / сост. Л. О. Зайонц. – М. : Новое издательство, 2007. – С. 90–109.
11. Коровин, В. Л. Семён Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество / В. Л. Коровин. – М. : Academia, 2004. – 320 с.
12. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 76–90.
13. Зайонц, Л. О. Э. Юнг в поэтическом мире Боброва / Л. О. Зайонц // Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1985. – Вып. 645. – С. 71–85.
14. Зверева, Т. В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века / Т. В. Зверева. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. – 328 с.
15. Тильман, Ю. Д. Пространство в языковой картине мира Ф. И. Тютчева (концепт круг) / Ю. Д. Тильман // Логический анализ языка. Язык пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 440–448.
16. Пашкуров, А. Н. Некоторые грани возвышенного в русской философской оде / А. Н. Пашкуров // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. О. М. Буранок. – СПб.-Самара, 2003. – С. 191–211.

Summary

The article deals with the problem of the topos *World* in the Semen Bobrov's poem «Hersonida». Basic subtoposes that constitute the paradigm of the topos *World* in the poem are revealed («world – book», «world – garden», «world – sea», «world – temple» and «world – man»). Semantic peculiarities of these subtoposes are discovered; the mechanisms of verbalization of the topos *World* in the text are designated and the factors, affect the transformation of the topos *World* in the Preromanticism literature are disclosed.

Поступила в редакцию 28.01.09.

УДК 821.09:355.48:316.6

*И. Г. Карона***ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ
КАК ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ**

В данной статье исследуется один из аспектов художественного осмысления войны. Война рассматривается как пограничная ситуация, экстремальный опыт, который вырывает человека из повседневности и сталкивает с наиболее непостижимыми и непреодолимыми фактами бытия: смертью, одиночеством, ответственностью, отсутствием абсолютного смысла. Материалом для анализа послужили произведения военной прозы, а также интервью, переписка, эссе таких авторов, как В. Быков, С. Алексиевич, И. Дедков, Г. Бакланов, В. Астафьев, К. Воннегут, Э.-М. Ремарк.

Введение

Философско-художественная система экзистенциализма получила свое развитие в первой половине XX века, в эпоху, когда весь мир был охвачен беспрецедентным по жестокости насилием. Первая и вторая мировые войны с массовым уничтожением людей и целых городов, геноцид, гражданские войны, революции, политические репрессии, концентрационные лагеря – мир превратился в кровавое месиво страданий и ужаса. Окончательному краху подверглась безоговорочная вера в Бога. Отказ Ф. Достоевского «от высшей гармонии» ценой «слезинки хотя бы одного только что замученного ребенка» [1] оказывается пророческим для миллионов людей. Одновременно обнажается несостоятельность надежд на силу человеческого разума, на достижения научного прогресса. Лишившись опоры на внешние ориентиры (традиционную христианскую мораль и научную парадигму), человек вынужден был искать опоры внутренней. Этот мировоззренческий переход от внешней к внутренней системе ценностных координат и обусловил развитие экзистенциализма. Экзистенциальное сознание глубоко лично, в его центре – переживания и ценности отдельного человека, внезапно осознавшего трагичность своего положения в мире. Таким образом, во многом явившись продуктом культурно-исторического перелома, экзистенциальный тип художественного сознания развертывается вокруг понятия границы, предела, пограничности.

Результаты исследования и их обсуждение

Пограничные ситуации в экзистенциализме – «это такие ситуации, в которых человек подведен к границе своего существования» [2], в которых он не может далее отказываться замечать трагедию своего истинного положения в мире. По словам Болльнова, пограничные ситуации «убедительным образом делают очевидной глубокую тревожность и незащищенность человеческого бытия» [2]. В пограничной ситуации человеку открывается, что он неминуемо должен умереть, что он несет ответственность за каждый свой выбор (будь то действие или бездействие), что он предоставлен случайности и что жизнь протекает в борьбе и страданиях [2]. Однако опыт пограничной ситуации в экзистенциализме рассматривается как ресурсный и позитивный, поскольку лишь на основе этого опыта человек способен вырваться из плена повседневности, из состояния потерянности и отданности миру. В пограничной ситуации проступает подлинная сущность человека, его глубочайшая ценность: человек внезапно становится самим собой, он творит собственную жизнь, «возвышая себя до состояния экзистенциального существования» [2]. «Мы становимся сами собой тогда, когда с открытым взором вступаем в пограничную ситуацию», – пишет К. Ясперс [2]. По его мнению, «познание пограничных ситуаций и экзистенциальное существование – одно и то же» [2].

Столкновение с перспективой собственной смерти Ясперс называет «решающей пограничной ситуацией» [2]. Оттого война является одной из наиболее острых пограничных ситуаций, в которых может оказаться человек. Нигде смерть так не близка и многолика,

как на войне, ибо именно там человек вынужден встретиться не только с собственной смертью, но и со смертью близких, родных и совсем незнакомых людей. На войне с невиданной ясностью осознается внезапность и неизбежность смерти. И перед этим знанием отступает все неважное, мимолетное, наносное – перед лицом смерти человек наконец оказывается наедине с собой, со своей жизнью, ее смыслом и ценностью. В своем романе голосов «У войны не женское лицо» С. Алексиевич отмечает: «Человек больше всего виден и открывается на войне и еще, может быть, в любви. До самых глубин, до подкожных слоев. Перед лицом смерти все идеи бледнеют, и открывается непостижимая вечность...» [3]. Участвуя в дискуссии журнала «Знамя» о военной прозе, она признается: «Я спросила себя: что больше всего волновало меня, когда я писала о войне? Наверное, смерть, хотелось понять, хотя бы приблизиться. Это таинственное и прекрасное чудовище манит и дразнит нас» [4].

На войне существует и обратная сторона познания смерти, сторона, о которой в советском военном дискурсе (будь то военная проза, поэзия, журналистика или рассказы участников войны) было принято умалчивать, отвлекать от нее внимание яркими красками героизма, мишурой военной романтики. Речь идет об убийстве, о праве лишить жизни другого человека и об ответственности за каждое совершаемое и совершенное убийство. Велико искушение освободиться от бремени такой ответственности, списать все на необходимость защищать родину, приказы командиров, жестокость врага. Только от этого если и становится легче, то лишь временно, до того момента, когда вытесненные боль и тяжесть личных воспоминаний берут верх над навязанной, искусственно сформированной «памятью народной», памятью о «благородстве» и «красоте» народного подвига. Каковы бы ни были мотивы и факторы внешней обусловленности, ответственность за убийство и память о совершенном всегда глубоко личностны, экзистенциальны. В книге «У войны не женское лицо» в комментариях С. Алексиевич находим: «И когда все-таки заговорить о войне, то пройти мыслью как можно глубже в ее тайный смысл, как человек остается один на один с этим безумным чувством, что он может убить другого человека, побыть немного Богом, завладев правом на человеческие сроки» [3]. Там же: «О чем бы женщины ни говорили, у них постоянно присутствует мысль: война – это прежде всего убийство, а потом – тяжелая работа. А потом – и просто обычная жизнь: пели, влюблялись, накручивали бигуди... В центре всегда то, как невыносимо и не хочется умирать. А еще невыносимее и более неохота убивать, потому что женщина дает жизнь. Дарит. Долго носит ее в себе, вынаживает. Я поняла, что женщинам труднее убивать...» [3].

В своих невыдуманных рассказах Григорий Бакланов пишет: «В том нечеловеческом деле, которое называют войной, даже нормальные люди звереют. И не всем, нет, не всем удастся сохранить себя, остаться человеком. Хорошо, если хотя бы потом покаяние очищает душу. Но это – твою душу. А жертвы?» [5].

Этой мысли созвучен роман В. Астафьева «Веселый солдат». Роман начинается словами «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне» [6]. Заканчивается он так «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. В Польше. На картофельном поле...». В процессе развертывания романа из фразы-рефрена исчезают четыре слова: «Немца. Фашиста. На войне» [6]. Эта трансформация фразы отражает важнейшую внутреннюю трансформацию главного героя романа. Сначала, сразу после совершенного убийства, он ничего не чувствует: «Ни зла, ни ненависти, ни презрения, ни жалости во мне не было к поверженному врагу, сколько я ни старался в себе их возбудить. И лишь: “Это я убил его! – остро протыкало усталое, равнодушное, привычное к мертвецам и смертям сознание: – Я убил фашиста. Убил врага. Он уже никого не убьет. Я убил. Я!..” [6]. Осознание содеянного обостряется ночью, когда в безликом, практически неодушевленном «фашисте», «враге» вдруг проступает человек: «Немец, убитый мною, походил на кого-то из моих близких, и я долго не мог вспомнить – на кого, убедил себя в том, что был он обыкновенный и ни видом своим, ни умом, наверное, не выдававшийся и похож на всех обыкновенных людей» [6]. С момента, когда главному герою романа открывается осознание вечного и страшного смысла совершенного убийства, в его душе поселяется и подспудно присутствует неизбывное чувство вины. Астафьевский герой осознает свою вину как грех, за который платит всю жизнь: собственными болезнями, страданиями

близких, смертью детей. Совершенное убийство становится центральным поступком его жизни, той единственной абсолютной точкой отсчета, от которой никуда не деться, не забыть, не изменить. Он не видит и не ищет более причин и объяснений своему поступку, принимает и покоряется вине, а потому и отпадают, становятся лишними слова-обстоятельства, слова-оправдания: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека» [6].

Встреча со смертью открывает человеку путь к познанию своего одиночества, отдельности от других людей. На войне становится явной призрачность и эфемерность связей с другими людьми. Дружба и любовь больше не кажутся такими непреходящими и абсолютными. В любой момент, будь то случай или судьба, можно потерять близкого человека, всех близких на мгновение, надолго, навек. В «Последних свидетелях» Светланы Алексиевич находим одно из воспоминаний: «... Я видела, как поседела моя сестра. У нее длинные-длинные черные волосы, они побелели. За несколько дней... За одну ночь... Состав тронулся. А где Тамара? В вагоне ее нет. Смотрим, а Тамара бежит за вагоном с букетом васильков. Там было большое поле, пшеница выше нашего роста, а в ней васильки. Ее лицо... До сих пор то ее лицо у меня перед глазами. Черные глазенки раскрыты широко, бежит и молчит. Даже “мама” не кричит. Бежит и молчит. Мама обезумела... Она рвется выскочить из поезда на ходу... Я держу Толика, и обе кричим. И здесь появился солдат... Он оттолкнул маму от двери, выпрыгнул, догнал Томку и с размаху швырнул ее в вагон. Утром мы увидели, что она белая...» [7].

Помимо одиночества, порождаемого страхом и болью потерь, война оголяет еще один аспект экзистенциальной изоляции человека – невозможность выразить, поделиться опытом пережитого с другими. Возможно, хоть и очень сложно, попытаться описать, объяснить свой опыт жизни на войне, но невозможно передать его кому-то, разделить его с кем-то, кто сам там не был, кто сам его не пережил.

В предисловии к роману «Бойня номер пять, или крестовый поход детей» Воннегут признается: «Когда я вернулся домой после второй мировой войны, двадцать три года назад, я думал, что мне будет очень легко написать о разрушении Дрездена, потому что надо было только рассказывать все, что я видел. И еще я думал, что выйдет высокохудожественное произведение или, во всяком случае, оно даст мне много денег, потому что тема такая важная. Но я никак не мог придумать нужные слова про Дрезден, во всяком случае, на целую книжку их не хватало. Да слова не приходят и теперь, когда я стал старым пердуном, с привычными воспоминаниями, с привычными сигаретами и взрослыми сыновьями» [8].

В дискуссии журнала «Знамя» о военной прозе Виктор Соснора подчеркивает болезненность и интимность воспоминаний о войне: «Война – слишком интимное переживание для тех, кто воевал. Я, например, прошел с армией Рокоссовского до Франкфурта-на-Майне и закончил войну в 9 лет. С тех пор несколько раз в своей жизни я пытался написать о войне. Но каждый раз, когда я пытался восстановить в душе все тогдашнее, меня охватывал такой ужас... Это невыносимо восстановить и пережить снова и об этом написать» [9].

О непреодолимой пропасти, разделяющей человека, пережившего войну, и тех, кому повезло избежать этого опыта, пишет С. Алексиевич: «Понимаю теперь одиночество человека, вернувшегося оттуда. Как с иной планеты или с того света. У него есть знание, которого у других нет, и добыть его можно только там, вблизи смерти. Когда он пробует что-то передать словами, у него ощущение катастрофы. Человек немеет. Он хочет рассказать, остальные хотели бы понять, но все бессильны» [3].

О той же пропасти письмо И. А. Дедкова А. М. Адамовичу после выхода романа «Каратели»: «Я понимаю читателей, которым просто страшно; им не хочется мучиться снова или заранее. Другие жалобы читателей – это жалобы людей, которые не хотят видеть и слышать. Тут есть что-то жеманное. Они будут жеманничать, пока “запредельное” не переступит порог их дома. Впрочем, оно давно уже подселено к нам, но пока оно не схватит каждого из нас – его “нет”, оно – “за пределами” [10].

Насилие, беды, страдания, с которыми человек сталкивается на войне, порождают вопрос о смысле: есть ли смысл в человеческом существовании, в ценностях, в морали, если они не способны защитить от страданий и в конечном итоге от смерти? Для чего мы живем,

ради чего и/или кого умираем? В отсутствие опоры внешней как обрести опору внутреннюю? Вне зависимости от типа сознания (религиозного или атеистического) эти вопросы очерчивают важную сферу переживаний человека на войне.

Виктор Франкл, переживший опыт концентрационных лагерей, пишет: «Не последний из уроков, которые мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать» [11]. Знание о том, «что твоя жизнь имеет смысл», он называет наиболее «действенной помощью для выживания даже в самых ужасных условиях» [11].

Главных героев романа Э.-М. Ремарка «Искра Жизни» в концлагере поддерживает одна цель – цель-призрак, цель-мечта. Они мечтают когда-нибудь вновь ощутить себя людьми, вернуться в наполненный спокойствием и счастьем мир, в котором возможно любить, надеяться и жить без вошедших в теперешнее их бытие страха, страданий и смерти, мир, в котором «живешь не вопреки чему-то, как в лагере, а просто – живешь» [12]. Как бы им ни было тяжело, невозможно, страшно, эта мечта подспудно присутствует в их сердцах, ее слабое мерцание является единственной во вселенной силой, способной их спасти: «Значит, будем жрать надежду, если нет ничего другого, – сказал 509-й. – Будем жрать все остатки надежды, которые только сможем наскрести» [12]. Для Бухера и Рут воплощением этой мечты становится крестьянский белый домик с садом, что виднеется «на той стороне» [12]. Домик для них является средоточием памяти и надежды, он – доказательство того, что тот мир до сих пор существует и возвращение в него возможно: «Он опять посмотрел на белый домик. Он давно еще загадал, что пока этот домик цел и невредим, все у них будет хорошо. Они с Рут останутся в живых и будут спасены» [12]. Бухеру и Рут действительно удалось спастись, и маленький белый домик – это первое место, куда они идут, освободившись: «Сад стоял в цвету. Но, приблизившись к дому, они увидели, что прямо за ним взорвалась бомба. Она разрушила всю заднюю часть постройки. Целым и невредимым остался лишь фасад. Сохранилась даже резная наружная дверь. Они открыли ее. Но она вела к груде обломков. <...> Они молча смотрели на то, что так долго считали домом. Все это время они верили, что пока он стоит, у них тоже все будет хорошо. Они верили в иллюзию. В руину с уцелевшим фасадом. В этом была и ирония, и какое-то странное утешение. Эта иллюзия помогла им выжить, а остальное не имело значения» [12].

Итак, на войне человек вплотную подведен к той запредельной черте, которая открывает перед ним бездну человеческого существования: близость и неизбежность смерти, бремя ни с кем не делимой ответственности, неизбежность одиночества, фундаментальную потребность обрести смысл в абсурдном мире. Это позволяет сделать вывод о том, что военная проза, независимо от эпохи и национальности, литературного направления и доминирующей идеологии, по сути своей всегда экзистенциальна, ибо обращается к первоосновам экзистенциального опыта, открывающегося человеку в одном из наиболее жестоких воплощений пограничной ситуации – на войне.

Многие авторы напрямую говорят о том, что пишут о войне с целью исследовать базовые человеческие ценности, раскрыть природу человека в экстремальной ситуации.

В 1975 году в беседе с Л. Лазаревым Василь Быков отмечает, что его «интересует в первую очередь не сама война, даже не ее быт и технология боя, хотя все это для искусства тоже важно и интересно, но главным образом нравственный мир человека, возможности его духа» [5]–[13]. Эту же мысль находим в комментариях Василя Владимировича к повести «Сотников»: «Прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» [5]–[13]. В 1985 году, отвечая на вопрос Алексея Адамовича «А что бы тебе еще хотелось сказать, что пока не удалось или не успел? Сказать следующими произведениями?», Быков снова подчеркивает свою творческую позицию: «Хотелось бы на материале войны показать отношения, скажем... Долг, жизнь, смерть. Ну и, конечно, не только взаимоотношения людей, а, может быть, на каком-то более абстрактном материале показать могучий взлет человеческого духа» [14].

В письме В. Курбатову Виктор Астафьев так комментирует работу над романом «Прокляты и убиты»: «Я усложнил себе задачу тем, что не просто решил написать войну, но и поразмышлять о таких расхожих вопросах, как что такое жизнь и смерть и человечество между ними» [15]. Интересны мысли Виктора Петровича о «правдивости» военной прозы, высказанные им в статье «Нет, алмазы на дороге не валяются»: «Но попробуйте мысленно вынуть даже из иных лучших книг о войне батальные сцены, и что от них останется? Как будто война – это только бои, бои, бои и ничего больше. Но в таком случае после последнего выстрела все встало бы на свои привычные места и след войны не был бы тем неизгладимым следом, который остался в нашей душе и как-то, да это и неизбежно, не отражался на психике и жизни наших детей и всего нашего общества» [16].

Схожую мысль выражает Курт Воннегут устами героя романа «Мать Тьма»: «Мировые войны меняют людей, иначе для чего же они?» [17].

В одном из интервью С. Алексиевич отмечает: «Книга “У войны не женское лицо” и о войне, и не о войне – а о человеке. О человеческом мире. <...> И совсем это ... не старая тема, а главная – по Достоевскому. Что же такое человек? И столько человека в человеке? И как этого человека в человеке защитить?» [18]. Ту же мысль находим непосредственно в книге: «Что я хочу услышать через десятки лет? Как это было под Москвой или под Сталинградом, описание военных операций, забытые названия взятых высот и высоток? Мне нужны рассказы о движении участков и фронтов, об отступлении и наступлении, о количестве подорванных эшелонов и партизанских рейдах, – обо всем том, о чем уже написаны тысячи томов? Нет, я ищу другое. Я собираю то, что назвала бы знанием духа. Иду по следам душевной жизни, веду запись души. Путь души для меня важнее самого события, не так важно или не столь важно, не на первом месте, «как это было», а волнует и пугает другое – что там с человеком происходило? Что он там увидел и понял? О жизни и смерти вообще? О самом себе, наконец? Пишу историю чувств... Историю души... Не историю войны или государства и не житейские герои, а историю маленького человека, выброшенного из просто жизни в эпическую глубину громадного события. В большую Историю» [3].

В дискуссии о судьбе военной прозы, организованной журналом «Знамя», Александр Кабаков очень точно комментирует опыт осмысления Великой Отечественной войны советской литературой: «Люди на той войне большею частью не отделяли себя от происходившего, и потому она стала не только экзистенциальным, но и, решусь сказать, духовно-религиозным опытом и для простых участников, и для писателей, взявших ее темой или хотя бы фоном своих сочинений» [9].

В завершение важно отметить, что война – это, безусловно, явление настолько многоуровневое и многособытийное, что его невозможно полностью постичь, исследовать, объяснить. В данной статье мы предприняли попытку исследовать один из ее аспектов – мы рассматривали войну как пограничную ситуацию, экстремальный опыт, который вырывает человека из повседневности и сталкивает с наиболее непостижимыми и непреодолимыми фактами бытия. Но даже исследуя один этот аспект опыта войны, необходимо учитывать его многоуровневость – ведь война является пограничной ситуацией, которая радикальнейшим образом меняет жизнь не только отдельного человека, но и целого народа, поколения, мира. Возможно, именно это имел в виду Виктор Астафьев, когда писал: «Мне кажется, что мы еще только подходим к настоящему и глубокому осмыслению такого грандиозного события, потрясшего мир, каким была Великая Отечественная война, и для многих из нас тема ее была и останется навсегда современной. <...> Я считаю, что самая правдивая книга о войне еще только пишется...» [16].

Выводы

Важным аспектом осмысления войны в литературе является аспект пограничности. Война выступает в качестве решающей пограничной ситуации, экстремального опыта, который вырывает человека из повседневности и сталкивает с наиболее непостижимыми и непреодолимыми фактами бытия: смертью, одиночеством, ответственностью, отсутствием абсолютного смысла. Это позволяет сделать вывод о том, что военная литература, независимо от эпохи и национальности, литературного направления и доминирующей идеологии, всегда обращена к первоосновам экзистенциального опыта, которые находят свое воплощение в экзистенциальных мотивах.

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский : в 4 ч. – Режим доступа : http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0110.shtml. – Дата доступа : 03.03.2009. – Ч. 2.
2. Болльнов, О. Ф. Философия экзистенциализма [Электронный ресурс] / О. Ф. Болльнов. – Режим доступа : http://www.krotov.info/libr_min/b/bahtin/bollno.html. – Дата доступа : 20.01.2009.
3. Алексиевич, С. У войны не женское лицо [Электронный ресурс] / С. Алексиевич. – 2005. – Режим доступа : <http://www.alexievich.info/booksRu.html#1>. – Дата доступа : 16.02.2009.
4. Алексиевич, С. Человек больше войны [Электронный ресурс] / С. Алексиевич // Знамя. – 2000. – № 6. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/6/forum1.html>. – Дата доступа : 03.03.2009.
5. Бакланов, Г. Пока мы были молодыми / Г. Бакланов // Входите узкими вратами [Электронный ресурс] / Г. Бакланов. – 1995. – Режим доступа : http://www.belousenko.com/books/Baklanov/baklanov_vhodite_uzkimi_vratami.htm. – Дата доступа : 07.02.2009.
6. Астафьев, В. Веселый солдат [Электронный ресурс] / В. Астафьев. – 1998. – Режим доступа : <http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/soldat.txt>. – Дата доступа : 07.02.2009.
7. Алексиевич, С. Последние свидетели [Электронный ресурс] / С. Алексиевич. – 2004. – Режим доступа : <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/swideteli.txt>. – Дата доступа : 03.03.2009.
8. Воннегут, К. Бойня номер пять, или крестовый поход детей [Электронный ресурс] / К. Воннегут. – 1989. – Режим доступа : <http://militera.lib.ru/prose/foreign/vonnegut/01.html>. – Дата доступа : 18.01.2009.
9. Литература и война / В. Березин [и др.] // Знамя [Электронный ресурс]. – 2000. – № 5. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>. – Дата доступа : 03.03.2009.
10. Из переписки Игоря Дедкова с Василем Быковым и Алесем Адамовичем / публ. и прим. Т. Ф. Дедковой // Знамя [Электронный ресурс]. – 2006. – № 1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ded9.html>. – Дата доступа : 07.03.2009.
11. Смысл жизни // Цитаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cpsy.ru/cit1.htm>. – Дата доступа : 20.02.2009.
12. Ремарк, Э.-М. Искра Жизни [Электронный ресурс] / Э.-М. Ремарк. – 1952. – Режим доступа : <http://lib.ru/INPROZ/REMARK/iskra.txt>. – Дата доступа : 05.03.2009.
13. Быков, В. Публицистика / В. Быков // Собр. соч. : в 4 т. [Электронный ресурс]. – М., 1986. – Т. 4. – Режим доступа : <http://wap.lib.beeline.ru/lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt?k=500>. – Дата доступа : 01.03.2009.
14. Быков, В. Мир спасется подвигом духа. Беседа о войне и современности / В. Быков, А. Адамович // Вопросы литературы [Электронный ресурс]. – 2007. – № 5. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/5/ad11.html>. – Дата доступа : 07.03.2009.
15. Астафьев, В. Без выходных. Из писем Валентину Курбатову / В. Астафьев // Дружба Народов [Электронный ресурс]. – 2002. – № 8. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2002/8/astaf.html>. – Дата доступа : 13.11.2008.
16. Астафьев, В. Нет, алмазы на дороге не валяются / В. Астафьев // Урал [Электронный ресурс]. – 2004. – № 5. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/ast4.html>. – Дата доступа : 10.12.2008.
17. Воннегут, К. Мать тьма [Электронный ресурс] / К. Воннегут. – 1991. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/INOFANT/WONNEGUT/mother.txt>. – Дата доступа : 05.03.2009.
18. Алексиевич, С. Интервью для проекта «НаСтоящая Литература: Женский Род» [Электронный ресурс] / С. Алексиевич. – Режим доступа : <http://www.litwomen.ru/autogr45.html>. – Дата доступа : 03.02.2009.

Summary

The article analyses one aspect of literary reflection of war. War is seen as a borderline situation, an extreme experience which pulls an individual out of the ordinary and confronts him/her with incomprehensible unsurmountable givens of human existence: death, isolation, responsibility, lack of absolute meaning. The analysis is based on war novels, interviews, letters and essays of such authors as: V. Bykov, S. Aleskievich, I. Dedkov, G. Baklanov, V. Astafjev, K. Vonnegut, E.-M. Remarque.

Поступила в редакцию 13.03.09.

УДК 18 + 172

Я. І. Клімуць, М. Р. Часнакоў**АДУХАТВАРЭННЕ ГЕНІЯ**

У артыкуле прааналізавана роля прыродных і сацыяльных сіл у працэсе станаўлення музычнай геніяльнасці асобы. Абапіраючыся на шматвяковы вопыт народа, які пражывае ў аднанні з прыродай, набываючы вопыт сацыяльнай барацьбы за належнае месца ў грамадскіх адносінах, таленавітыя людзі атрымліваюць і натхненне, якое дазваляе тварыць народную музыку і нацыянальную паэзію.

Уводзіны

Паэма Я. Коласа «Сымон-музыка» – глыбокае філасофскае даследаванне працэсу чалавечнага тварэння свету мастацтва [1, 291–468]. Сам ход і сэнс развіцця сюжэта вызначае сутнасць вырашэння пытання пра крыніцы творчых сіл, што істотна змяняюць духоўны свет чалавека. Паводле сведчання М. І. Мушынскага, паэма – споведзь паэта пра своеасаблівы душэўны настрой, які сагравае і ажыўляе тварэнне мастака [2, 166]. Усё гэта дае падставы разглядаць паэму як узор сцвярджэння аўтарам ідэі паэтычнай духоўнасці і высокага грамадзянскага гуманізму.

Стварэнне ўзораў прыгожага пісьменства ёсць мастацтва генія, адзначаў І. Кант. «Геній – гэта талент вынаходніцтва таго, чаму нельга вучыць або навучыцца, – пісаў філосаф. – Нельга навучыцца таму, як напісаць выдатны верш, таму што ён сам сабою павінен вынікаць з прыроды аўтара. ... Геній таму зьяе, ... як зіхаўлівая іскра, якую шчаслівая мінута натхнення выбірае з прадуктыўнага ўяўлення» [3, 570–571]. Філософаў, тэрэтыкаў літаратуры здаўна цікавіла, што абуджае нястомныя фантазіі, чым выклікаецца натхненне, адкуль мастак чэрпае творчыя сілы, якія сацыяльныя ўмовы найбольш садзейнічаюць адухатварэнню генія? [4, 96–105], [5, 6], [8, 162–163, 175]. Думаецца, што гэтыя праблемы будуць актуальнымі і для наступных пакаленняў мысліцеляў.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Паэма Коласа распавядае пра абуджэнне і станаўленне дабрадзейнага генія ў душы таленавітага музыкі з народа. Паводле паэта, у духоўным свеце музыкі пануе геній, які здольны тварыць цуды. Толькі ў душы музыкі-вешчуна можа зацэпліцца ўпэўненасць, што Музыка – «звонкая струна» – «яе душў пацалуе, // Ускатурхае да дна // І разгоніць ноч зацмнення, // Знойдзе ў сэрцы тую ніць, // Што паможа памутненне адагнаць ці праясніць» [1, 457]. Сваёй філасофскай паэмай, справядліва падкрэслівае І. Я. Навуменка, аўтар даследуе сувязь чалавека і прыроды, вытокі дасканаласці і майстэрства мастака, выяўляе самае галоўнае і дарагое ў жыцці народа [7, 36]. Сымон у паэме даўстае як сама Музыка, народжаная натуральным жыццём народа. Сам Якуб Колас усведамляў, што яго паэтычны талент – дар прыроды. Талент, лічыць У. М. Конан, дазваляе свосасабліва бачыць прыгажосць сусвету. Сваё бачанне прыгажосці роднага краю паэт даносіць да народа ў форме песняў, музыкі [9, 64–66]. Вартаснай жа светапогляднай заслугай Якуба Коласа з'явілася, на наш погляд, сцвярджэнне, што менавіта аднасць творцы з духоўнымі сіламі народа ёсць найважнейшая ўмова, дзякуючы якой таленавітыя індывідуумы дасягаюць сваіх творчых вяршынь. Паэма «Сымон-музыка» ўяўляецца нам тым творам, які сведчыць, што нават пры неспрыяльных нацыянальных і сацыяльных умовах можа адбывацца фарміраванне і росквіт мастацкага генія. Толькі для гэтага патрэбны веліч духу і мэтанакіраванасць.

Паказальны ў гэтых адносінах твор Ф. М. Дастаеўскага «Неточка Незванова» [10, 142–267]. Дастаеўскі распавядае пра музыку Ягора Яфімава. Гэта – таленавіты скрыпач. Памешчык, у дамашнім аркестры якога іграў Ягор, даведваецца пра гэтую «навіну» ад французскага скрыпача-гастралёра. Француз называе Яфімава найлепшым расійскім скрыпачом [10, 145]. Паслухаўшы ў выкананні музыкі скрыпічныя варыяцыі на рускія песні, памешчык пераконваецца ў яго таленавітасці [11, 38–41]. Узрушэнне мецэната было такім вялікім, што ён плакаў наўзрыд. Як родны бацька, ён дае Ягору грошы і раіць ехаць у Пецярбург вучыцца, каб стаць сапраўдным артыстам [10, 147–148].

Яфімаў жа ў паўсядзённым жыцці і ў сферы мастацтва зарэкамендаваў сябе не лепшым чынам. Ён кінуўся ў п'янства. А ў сталіцы наогул павёў нікчэмнае жыццё. Раней яго духоўныя сілы падтрымлівала само жаданне трапіць у сталіцу, зараз гэты ўнутраны покліч страціў сваю значнасць. Энтузіязм яго згас. Застаўся адчай пры думцы аб гібелі таленту. Ім усё часцей авалодвала апатыя. Музыка на працягу тыдняў не браў скрыпку ў рукі, быццам не жадаючы іграць перад людзьмі, якія няздольныя ацаніць яго талент [10, 149–151]. Навязалася ідэя, што ён найпершы скрыпач, прынамсі, у Пецярбурзе. Але яго праследуе лёс. Яму здаецца, што ён пакрыўджаны людзьмі, яго не зразумелі, таму ён невядомы. Такі стан падыгрываў яго самалюбству. Уголас і цішком ён сучаў сябе гэтым [10, 157]. Такое чаднае жыццё павінна было закончыцца адпаведным чынам [10, 158]. Скрыпач даўно ўжо не артыст. Аднак пакуль скрыпка была з ім, у Ягора была, няхай сабе і аддаленая, надзея, што гэта не так. Няшчаснаму ўяўлялася, што раптам, нейкім чудам ён стане найзнакамітым чалавекам. Ён прагнуў славы. А калі гэтае пачуццё, адзначае Дастаеўскі, становіцца адзіным рухавіком артыста, то, значыць, ён страціў галоўны творчы інстынкт – любоў да мастацтва [10, 175].

Музычны геній Яфімава, не атрымліваючы падтрымкі, падсілкавання для свайго адухаўлення, імкліва гінуў. Толькі аднойчы хваравіты геній прабудзіўся, калі Ягор раптам усвядоміў і жажнаўся, што ў майстэрстве іншага скрыпача-віртуоза ўвасобіўся той шчаслівы дар, які ён паўсядзённа адчуваў у сабе. Толькі ён – рускі музыка – не даў магчымасці развіцця і выказацца свайму асабістаму генію. А іншы артыст ярка і ў поўную сілу дэманструе магчымасці свайго таленту [10, 181–183]. Музычны геній рускага артыста больш не мог маўчаць. Геній Яфімава незалежна рашыў увасобіцца ў гукі музыкі. Але, як сцвярджалі сведкі, гэта была не музыка... Гэта былі не гукі скрыпкі... Быццам чыйсьці жажнавы голас загрымеў. Чуліся ў тым голасе стогны, энк чалавечы, плач; поўны адчай выліваўся ў тых гуках... Калі ж загрымеў фінальны акорд, то быццам у ім спалучылася ўсё, што з'яўляецца жажнавым у плачы, у муках і жыццёвай безнадзейнасці... [10, 164], [11, 46–49]. Так геній, дабрачынны дух, развітаўся са сваім няўдалым і эгаістычным гаспадаром... Багацце душы выявілася як стогны паміраючай асобы [10, 188]. Узросшая на недастойнай глебе меркантильнай цывілізацыі, прыватная асоба Яфімава знішчыла свайго добрага генія, які накіроўваў яе праз музычнае мастацтва на шлях служэння людзям.

Не такі душэўны настрой у героя паэмы Коласа. Музычны геній скрыпача Сымона квітнее на ўдзячнай глебе маральнага ўкладу і мастацкіх ідэалаў, адшліфаваных высакароднымі справамі працоўнага люду. Высакароднымі справамі ўсіх і кожнага ствараюцца духоўныя каштоўнасці, якія акумуляуюцца ў народнай культуры як усеагульнае багацце. Ужо ва ўводзінах Колас адзначае міфалагічна-прытчавы і містыка-паэтычны характар духоўнага багацця беларускага народа. Багацці гэтыя «ад роднае зямлі, ад гоману бароў, ад казак вечароў, ад песень дудароў» і «школаху начэй». Багацці гэтыя «ад тысячы ніцей, з якіх аснована і выткана жыццё і злучана быццё і небыццё» [1, 291]. Духоўны свет свайго паэтычнага героя Колас напаўняе асаблівымі багаццямі, у асяродку якіх выпяляе дабрачынны геній. Успрыняцце гэтых багаццяў робіць чалавека носьбітам і адэптам беларускай культуры і, адначасова, адметнай канкрэтна-гістарычнай асобай. Так адбываецца эгаістычнае адухаўленне кожнага. Адухатварэнне душы кожнага асобнага «Я» вызначаецца яго добрымі справамі.

Сымон, вясковы хлопчык, добра ведаў, што людзей «спрадвеку беднасць лютая гняце», чалавеку «цяжка жыць у цемнаце, у знявазе чорнай, здзеку, дзе адбітак свой з-за хлеба накладае талака...». Але іншы выток асабістых перакананняў і пачуццяў таленавітага музыкі, у душы якога адбываецца адухатварэнне генія. Паэма выяўляе асаблівасці яго духоўнага свету. І. Я. Навуменка адзначае такія пункты апоры, дзякуючы якім паэт раскрывае духоўна-культурную і асобную музычную геніяльнасць Сымона. Гэта, перш за ўсё: а) прыродны дар; б) выключнае ўспрыняцце Прыроды як праявы чагосьці «вечнага» і ўспрыняцце сацыяльна-гістарычных праяў заўсёды як нечага «канкрэтнага»; в) абвостранае пачуццё кахання, выяўленае настолькі ярка, што інакш асвятляецца для асобы ўвесь сусвет [6, 160]. З гэтым неабходна пагадзіцца.

Адухатварэнне генія, на нашу думку, пачынаецца, як толькі аб'ектыўна з'яўляюцца ўмовы жыцця, якія дазваляюць асобным індывідам жыць іншым, не вясковым бытам. Іншыя ўмовы бытавання нараджаюць новую індывідуальную свядомасць, новае духоўнае жыццё народа. Якраз таму, справядліва адзначае В. А. Каваленка, беларуская літаратура пачатку

XX стагоддзя паказала магчымасці духоўнага развіцця селяніна [12, 197]. У паэме Коласа ярка выяўлены і паэтычна асэнсаваны гістарычны працэс, пры якім здзяйсняюць сцвярдженне творчая магутнасць і мастацкія сілы таленавітага індывіда, які становіцца ўладаром (дэміургам) у сваім духоўным свеце [12, 212]. Не жывуць, а пакутуюць сяляне, прыгнечаныя жорсткай барацьбой за існаванне. Герой жа паэмы Коласа выкарыстоўвае новыя магчымасці быцця, заснаваныя на развіцці сваіх унікальных здольнасцей музыкі. Індывід-музыка стварае свой асаблівы мастацкі свет і жыве ў ім. Найболей жа важна тое, што ў паэме Коласа свой асаблівы мастацкі свет музыка робіць даступным для іншых. Пры гэтым паэт здолеў захаваць і апаэтызаваць «жывую старыну» – светаадчуванне, калі людзям уласціва было бачыць ва ўсіх з’явах прыроды характэрнае і, адпаведна, адухаўляльны пачатак [7, 23]. Сымон – ужо не селянін ні па быту, ні па духу. І жыць ён хоча не так..., а праўдзіва, ён хоча жыць так, як павінен жыць чалавек, – жыць жыватворна, як жыве Прырода. Як вясной абуджаецца прырода, так і вясны прагне душа Сымона.

Паводле свайго душэўнага настрою Сымон супраць усялякіх прымхаў, калі з дапамогай іх праз махлярства прыкрываецца зло і несправядлівасць. Яго добры геній мужнее ў барацьбе са злом, падманам, забабонамі. Талент, сцвярджае Колас, ёсць перш за ўсё сродак барацьбы. Наяўнасць жа мастацкага таленту – умова непрыняцця панавання паўсядзённых прымхаў. Прыгажосць і Краса, Узвышанае і Ўзнёслае і ёсць Дабро. Так адчувае і перажывае сваё быццё, свой мастацкі свет Сымон. І ў гэтым – сіла яго душы, яго генія. Ён закаханы, зачараваны прыгажосцю Ганны, гаворыць ёй: «Бо ты добрая, з душой // Ты ўся свецішся добром» [1, 348]. У атаясамліванні Прыгожага і Добрага – выток сілаў для таленавітых і шчаслівых людзей. Спалучаючы Дабро і Прыгажосць, яны становяцца шчаслівымі і напаўняюцца натхненнем для творчасці: «І ў Сымонкі гожа ў сэрцы // Песня пелася сама» [1, 346]. Самім сваім існаваннем таленавітыя людзі сцвярджаюць, што чалавек можа быць шчаслівы, нягледзячы ні на якія цяжкасці жыцця. Дабрадзейны геній арыентуе душэўныя сілы Сымона на пошукі сапраўднага чалавечага шчасця. «Чуў хлапчына, што спадала // З шыі цяжкае яро // Адзіноты, долі горкай, – // Свет хацелася абняць // І людзям бліскачай зоркай // У іх цемрадзі заззяць // І сказаць ім, як шчасліва // Можна жыць і на зямлі... » [1, 341].

У паэме, адзначае Л. Я. Гаранін, зафіксавана спалучэнне рамантычнага і рэалістычнага метадаў, з пераважнай схільнасцю да вобразаў рэалістычнага плану [13, 152]. На нашу думку, менавіта дзякуючы гэтаму Колас выяўляе спецыфічныя ўмовы, пад уплывам якіх адбываецца адухаўленне задаткаў геніяльнасці ў індывідуальнасці мастака-музыкі. Перш за ўсё, гэта – адкрытасць прыроднаму свету. Музыка ў палоне свету натуральнай Музыкі, Музыкі прыроды. Не нейкія дзіцячыя летуценні і неакрэсленыя мары трымаюць у палоне душу Сымона. Музыка павінен навучыцца слухаць прыроду ва ўсёй яе шматлікай разнастайнасці. І Сымон «ловіць сэрцам спеў прыгожы, як жытцо загаманіць... ». Колас раскрывае значнасць сугучнасці стану прыроды і чалавечай душы «Свет забыў цяпер Сымонка, // Скрыпцы душу ўсю аддаў, // І пайшла-пайшла гамонка – // Лес смяяўся і рыдаў. // А скрыпіца галасіла // Смутнай восені дажджом, // Адчувалася ў ёй сіла, // Што лілася ручаём... » [1, 335]. Калі прырода (матэрыя) можа быць усім, можа быць у самых розных станах, то і чалавечая душа можа выяўляць усё, на ўсё адгукацца, здольна адчуць гарманічную сугучнасць з усім. «Граў Сымонка і часамі // Смык ад скрыпкі аднімаў // І кудысь углыб вачамі // Пільна-пільна пазіраў, // Потым зноў ён ачынаўся; // Сэрца білася ў грудзях, // І агеньчык запаліўся // Ў яго кругленькіх вачах. // Зноў над скрыпкаю жалобна // Смык хадзіў, бы штось ранаў, // І слязамі дробна-дробна // Лес, дубраву напаўняў» [1, 335–336].

Задача велізарнай складанасці паўстала перад паэтычным талентам Коласа. Як перадаць праз паэтычнае слова гучанне музыкі, якая напаўняе душу Сымона, струменіць з нячутнай чытачу скрыпкі? І Колас здзяйсняе сапраўдны паэтычны подзвіг. Праз паэтычнае слова ён як бы стварае адпаведную праграму для ўспрыняцця самой музыкі. Музыка гэта перадаецца праз вобразнае выяўленне прыроды, калі музыкай Сымон імкнецца перадаць усе гукі, чутныя толькі яму. Асабліва паэтычна гэта перададзена ў сцэне ігры Сымона пасля першай уражлівай сустрэчы з Ганнай. «І панёсся стройнай мовай», – метафарычна заўважае паэт, – «чуткіх струн удалы звон» – гукі скрыпкі Сымона. Вось таму ўсяму свету, паднябесным вышыням «і казалі струны тыя, струны чуткія жывыя: // Як прыгожа-павабны вы, зоры! // Нібы высыпаў іней агністы, // Нібы пацерак шнур прамяністы // Асвятляе глыбіны-прасторы. // Ці не вам часць хвалу даюць горы // І бясконцыя моры // Даляў сонна-імглістых? // Ці не вам гэтых хмарак зарніцы // Песень

блескаў звываюць вяночкі?... // Выплываюць з усходу чаўночкі, // Слугі сонца і яснай дзянніцы, // Каб дзяньку адчыніць акяніцы, – // Адсланяе граніцы // Гэта песня паўночна. // Быць хацеў бы я сонцавай коскай: // Зазірнуў бы я ў надзор'е; // Я гаманіў бы з чыстаю роскай, // Я б каціўся з хмарчынай слёзкай, // Я б крынічкай бег з сузгор'я // І праз гэты цёк бы двор я. // Зоркі ў небе – неба вочкі, // Месячык-вартаўнічок, // Хмаркі-ветравы сарочкі, // Неба шыр-пастаўнічок, // Дзе ночыма снуе красёнцы, // Дзе чаўночак ладзіць сонца, // Каб усплыў на іх дзянёк. // Яе зарніцы – пыл агнёвы // З панадземнага гарна; // Громы – водгулле размовы // Бліскавіц і перуна; // Знічка – зорчак кананне, // А вясёлка – выплыванне // Златадзённага чаўна... » [1, 357].

Паэма сцвярджае, што здольнасць музыкаў адчуваць лучнасць са станам прыроды ёсць аснова таго, каб натуральна загучалі «мастацкія» струны ў чалавечай душы [14, 315, 329–335]. У гэтым, відаць, сутнасць таленавітасці кожнага чалавека. Гэта ж і аснова таго, каб голас новага, асаблівага гучання душы творцы пераліваўся праз яго мастацтва ў чалавечыя душы. Адсюль жа чэрпаюць сілы мастакі, якія знаходзяць у сваёй душы гарманічную сугучнасць з духоўнасцю народа, з яго духоўнай культурай.

Натуральная еднасць з Прыродай – першааснова духоўнай культуры народа. Прырода ва ўсёй яе мнагалікасці і ёсць аснова народнасці таленту. Увасабляючыся ў культурныя мастацкія каштоўнасці, талент надае апошнім сілу прыроднай натуральнасці і чалавечую прыродную пачуццёвасць. Гэтыя сілы жыцця абуджаюць у душах людзей вобразы Прыгожага, Добрага, Праўды, Ісціны... І пры гэтым неістотна, ведаюць людзі нотную граматы або не [16, 126].

Талент толькі адлюстроўвае ўжо існуючыя рэальна ў чалавечым бытаванні сілы. Адораны паэт на аснове іх ажыўлення стварае ўражлівыя вобразы, пры дапамозе якіх ён робіць жывыя сілы прыроды (і натуральныя прыродныя сілы ў саміх людзях) чутнымі, бачнымі, успрымальнымі чалавечай пачуццёвасцю, сэрцам і розумам. Талент канцэнтруе ў мастацкіх творах уласцівыя ўсяму народу ўяўленні пра грамадскую неабходнасць Узвышанага, Велічнага, Прыгожага, Дабрадзейнага... Талент вылучае натуральную неабходнасць пачуццёва ўзвышанага і маральна Добрага праз мастацкія вобразы. Гэта і прадэманстраваў Колас, напоўніўшы музыкай большасць старонак паэмы. Сілай паэтычнага таленту ён вымушае чытачоў праз «бачанне» вобразаў прыроды «чуць» гукі-напевы ўяўляемай скрыпкі. Так уздзейнічае на людзей адухатвораны геній. Паэтычныя метафары (а «ігра» Сымона на скрыпцы – адзіная разгорнутая метафара) дазваляюць праз пачуццёвасць розуму «бачыць» жыццесцвярджальныя ісціны.

Талент абуджае жаданне ўстанавіць новыя, яшчэ невядомыя сувязі. Сымон у Коласа хоча іншай, сацыяльна значнай музыкі. Ён хоча, каб *яго музыка* будзіла людзей ад векавой дрымоты.

Аднак усхваляванасць светам, дапытлівасць і «любабуднасць» – усё ж такі толькі зародкі таленавітасці чалавека. Зароджаны ў чалавеку геній шукае абсягі прымянення сілы, якая не дае спакою свядомасці (душы). Талент паступова нікне, калі не служыць людзям. Толькі раскрываючы супярэчнасці быцця (жыцця), талент вылучае з сябе новыя жыццёвыя сілы. Таленавітаму чалавеку заўсёды патрэбен выключны від дзейнасці, у якой яго геній праявіць сябе для іншых. Так і герой паэмы: «Пайшоў Сымон сваёй пуцінай, // Бо ён прыроджаны пясняр, // Панёс ён людзям песень дар – // Агонь душы і сэрца жар, // Панёс пяснярскай каляінай» [1, 486]. В. П. Жураўлёў справядліва сцвярджае, што аўтар паэмы заклапочаны тым, каб паказаць, што талент – творчая воля чалавека, праходзячы ў сваім развіцці розныя стадыі, выяўляе неабходнасць ідэі гуманізму, прасякнутага спагаднасцю і агульначалавечай маральнасцю [17, 121].

Адухатварэнне генія Сымона дасягае такой мастацкай і творчай сілы, што музыка адважваецца выпрабаваць свой талент на сацыяльную сталасць. Гэта было самае складанае выпрабаванне музычнага таленту. Яно сцвердзіла здольнасць музыкі абараняць права сацыяльных патрабаванняў прыгнечаных, уголас заявіць пра неабходнасць сацыяльнай справядлівасці і нацыянальнай свабоды. Не хоча ўзмужнелы мастацкі геній прыслугоўваць панам. Сымон ужо не проста музыка. Ён прадстаўнік народа. Яго музыка – голас народа. Яго песні пра долю людзей, якіх трымаюць у цемры. Яго народны талент – вынік пошуку праўды жыцця. Ніхто не можа «вольнай думцы даць парады». «Думка ходзіць, дзе захоча: // Ад зямлі да зор і сонца // Няма думкам забаронцы. // Думка праўду кажа ў вочы // І вялікім і малому... » [1, 450].

Самае складанае выпрабаванне вытрымана. Песня-стогн праспявана. Цяпер хутка запануе новая песня – песня волі. Гэта прадказальныя, папераджальныя песні. «А хто зло-няпраўду сее, // Той зжынае ліха», – спявае ў сваіх песнях Сымон. Новыя песні патрабуюць волі – свабоды для ўсіх. Даспелы, умацаваны, узмужнелы геній прасякнуты свабодалюбівымі думкамі і пачуццямі: «Але праўду не загубіш, ёсць праўда на свеце, ёсць сілы жывыя!». Творчы геній будзе шукаць ісціны жыцця і, знайшоўшы іх, гаварыць людзям праўду, здольную тварыць цуды. Цяпер гэта – крэда жыцця Сымона. Яго адухатвораны геній робіць з музыкі-скрыпача народнага артыста.

Вывады

Сваёй паэмай Колас даказаў не толькі сваю паэтычную геніяльнасць, але і мастацкую таленавітасць усяго беларускага народа. Духоўныя пошукі геніяльнага паэта, яго мастацка-філасофскія думкі дазволілі пранікнуць у глыбіні светатворчасці чалавека. Нацыянальны паэт абгрунтоўваў жыццёвасць аптымістычных поглядаў на гісторыю.

Літаратура

1. Колас, Я. Сымон-музыка / Я. Колас // Збор твораў : у 12 т. / рэд. кал.: В. Барысенка [і інш.]. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1962. – Т. 6 : Новая зямля. – Сымон-музыка / рэд. Ю. Пшыркоў. – С. 291–486.
2. Мушынскі, М. Якуб Колас: летапіс жыцця і творчасці / М. Мушынскі. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 543 с.
3. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Соч. : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса [и др.]. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 349–587.
4. Платон. Апология Сократа / Платон // Сочинения : в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 81–112.
5. Мушинский, М. М. Народные истоки таланта / М. М. Мушинский // Красные розы. Избранное / М. Горецкий. – Минск : Маст. літ., 1976. – С. 3–8.
6. Навуменка, І. Я. Якуб Колас: духоўны воблік героя / І. Я. Навуменка. – 2-е выд., дап. і перапрац. – Мінск : Выд-ва ВДУ, 1981. – 240 с.
7. Науменко, И. Я. Из глубины народной жизни / И. Я. Науменко // Стихотворения и поэмы / Я. Колас. – Л. О. : Советский писатель, 1978. – С. 5–36.
8. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг ; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова ; пер. П. С. Попова. – М. : Мысль, 1966. – 486 с.
9. Конан, У. М. Развіццё эстэтычнай думкі ў Беларусі (1917–1934 гг.) / У. М. Конан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – 189 с.
10. Достоевский, Ф. М. Неточка Незванова / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 30 т. / ред. кол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1972. – Т. 2 : Повести и рассказы. 1848–1859 / ред. А. С. Долина, Е. И. Кийко ; примеч. Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной. – С. 142–267.
11. Гозенпуд, А. А. Достоевский и музыка / А. А. Гозенпуд. – Л. : Музыка, 1971. – 175 с.
12. Каваленка, В. А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 320 с.
13. Гаранин, Л. Я. Философские искания в белорусской литературе / Л. Я. Гаранин. – Минск : Наука и техника, 1984. – 222 с.
14. Лосев, А. Ф. Основной вопрос философии музыки / А. Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – С. 315–335.
15. Горецкий, М. Страшная песня / М. Горецкий // Красные розы. Избранное / М. Горецкий. – Минск : Маст. літ., 1976. – С. 181–185.
16. Жураўлёў, В. П. На шляху духоўнага самасцвярджэння / В. П. Жураўлёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 160 с.
17. Жураўлёў, В. П. Актуальнасць традыцый: Якуб Колас у пісьменніцкім асяродку / В. П. Жураўлёў. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 184 с.

Summary

The article analyses the role of natural and social forces in the making of musical genius personality. Being guided by many-centured national experience of the social fight for the deserving place in public relations, talented people find inspiration which allows to create folk music and national poetry.

Паступіў у рэдакцыю 16.12.08.

УДК 81'1

Т. В. Лебедевская

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ СОДЕРЖАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА (на материале «Повестей Белкина» А. С. Пушкина)

Материалом исследования послужили тексты повестей А. С. Пушкина «Выстрел» и «Станционный смотритель», входящие в цикл «Повести Белкина». Было рассмотрено речевое поведение языковых личностей рассказчиков и главных героев и определена специфика их художественных образов. Результаты исследования показали, что характеристика языковой личности позволяет раскрыть содержание художественного образа, осмыслить место персонажа в системе других художественных образов. Анализ художественных текстов через призму психоглоссы помогает выявить отраженные в языке черты национального характера и воссоздать фрагменты языковой картины мира.

Введение

Литературно-критический анализ языка героя прозаического произведения призван выявить дополнительные смыслы, заложенные автором в содержание художественного образа. В свою очередь, реконструкция языковой личности персонажа позволяет дать характеристику художественному образу как индивиду. Данные, полученные в результате анализа речевой деятельности языковой личности, помогают диагностировать отраженные в языке человека ценности и идеалы, а также специфические черты характера и духовного облика. В языке, как и в любом человеке, находят воплощение материальное и духовное начала. Язык отсылает нас к личности, «он выбалтывает тайны человека и обнаруживает его нравственные изъяны» [1, 12].

По словам Ю. Н. Караулова, художественный образ только тогда с наибольшей силой воздействует на читателя, когда он воспринимается как факт. «Духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и в конкретно избираемых путях их достижения, и составляют зерно содержания художественного образа» [2, 223]. Ю. М. Лотман отмечает, что «читатель склонен смотреть на художественный текст как на обычное речевое сообщение, извлекая из каждого речевого эпизода отдельную информацию и сводя композиционное построение к временной последовательности отдельных событий» [3, 269]. Воспринимающий художественное произведение в первую очередь обращает внимание на то, как персонаж говорит и как он себя ведет во время диалога, его интересует созданный автором образ человека.

А. С. Пушкин стоит у истоков создания образа человека в языке. На страницах его прозаических произведений изображены персонажи, раскрывающие специфику миропонимания и мироощущения русского человека. «Образ человека является важнейшим фрагментом языковой картины мира. Называя человека, мы указываем на специфические особенности, выделяющие его как личность...» [4, 14]. Человек изображен и в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. Именно традиции, заложенные Пушкиным, определяют последующие тенденции изображения человека в творчестве Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Цель данной статьи – показать возможность перехода от характеристики языковой личности персонажа «к раскрытию и пониманию всего многослойного художественного образа, в основе которого лежит духовный мир этой личности» [5, 71].

Для решения поставленной цели обратимся к рассмотрению языковых личностей рассказчиков и главных героев в повестях «Выстрел» и «Станционный смотритель». Данные повести В. В. Виноградов объединяет в один блок, так как в них, в отличие от всех остальных повестей, образующих цикл, наиболее обнажен образ рассказчика. Кроме того, рассказчики являются героями событий, лежащих в основе повествования, от их лица ведется рассказ.

Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, в литературоведении существуют многочисленные попытки интерпретации «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. Особый интерес представляет исследование стиля Пушкина, выполненное В. В. Виноградовым. Порядок расположения повестей ученый объясняет не образами рассказчиков, а тематикой и жанрами самих произведений, входящих в цикл. Романтические повести «Выстрел» и «Метель» начинают цикл, далее идут повести, в заглавиях которых лежит принадлежность профессиональная («Гробовщик»), должностная («Станционный смотритель»), сословная («Барышня-крестьянка»). Все перечисленные повести выдвигают в центр образ главного героя или героини повести. Особенностью повестей является преломление языковой личности рассказчика и автора в языковых личностях персонажей.

В произведении каждое слово, произнесенное героями, рассказчиками и автором, несет смысловую и информационную нагрузку. Пушкин в своих повестях стремится перейти от прямой речи «Я» к эпосу третьих лиц. Появление в произведении образов издателя и рассказчиков значительно усложняют его замысел и идейное содержание. Зачем Пушкину понадобилось передоверять свое повествование? Белкин, на наш взгляд, становится связующим звеном между образами рассказчиков, реалистически отражающими действительность, и образом издателя, накладывающим литературность на все изложенные истории. В повестях «Выстрел» и «Станционный смотритель» рассказчики выступают непосредственными участниками тех событий, свидетелями которых были, они являются движущей силой повествования. Белкин же обнаруживает себя в выборе рассказчиков, в данной им оценочной характеристике, но самое главное – в стремлении смешать их стиль повествования со стилем повествования самого автора [6, 640]. Следовательно, в повестях тесно переплетаются все образы, в отношениях автор-издатель-рассказчик-персонаж обнаруживаются тесные связи.

В повести «Выстрел» на первый план выходят три типичных характера военной среды – подполковник И. Л. П. в образе рассказчика, противоречивый Сильвио и счастливек граф. «Выстрел», по словам В. В. Виноградова, «резко выделяется из ряда других повестей однородностью трех манер рассказа, которые слиты в композиции этой повести» [6, 616]. Если говорить о социально-стилистической принадлежности речей рассказчика, графа и Сильвио, то они однородны, хоть и имеют индивидуальные отличия в собственном языке.

Заметим, что речь персонажей, представленная в диалогах, выполняет изобразительную функцию, указывает на свойственные языковой личности черты характера, социальный статус. «Чем объективнее персонаж, тем резче выступает его речевая физиономия» [7, 243]. Говоря о языковой личности рассказчика в повести «Выстрел», важно отметить тот факт, что данная повесть была рассказана подполковником И. Л. П. Следовательно, перед нами сразу же вырисовывается образ военного человека. Рассказчик – призма, сквозь которую показаны все события, он связующее звено между двумя частями произведения – вставными новеллами, повествующими о судьбах Сильвио и графа.

Рассказчик И. Л. П. в повести «Выстрел» – реалист, трезво смотрящий на вещи окружающей действительности. Отсюда достаточно рассудительный тон его повествования с реалистическими зарисовками военного быта. В образе рассказчика угадывается образ самого И. П. Белкина, который также служил в армии, вышел в отставку «по домашним обстоятельствам», а после жил в «бедной деревеньке». Рассказчик отказывается от карамзинского стиля повествования и приближает свой стиль к свойственной Белкину манере отражения действительности. Однако черты сентиментализма сохраняются на морфологическом уровне в виде книжных устаревших местоимений, глаголов и предлогов: **с сим словом, почел себя жестоко обиженным, таковые подозрения, таковые вопросы, друг противу другу, не усумнился.** Использование в речи архаизмов создает контраст между сентиментальным стилем повествования Карамзина и реалистическим стилем повествования Белкина, но на стиле повествования рассказчика лежит отпечаток военной среды. Таким образом, языковая личность рассказчика сливается с языковой личностью Белкина в повести.

В синтаксической психоглоссе рассказчика заметно влияние французско-европейской стихии, преодолеваемое реализмом повествования и национальным колоритом. Приведем примеры: *Хозяин был чрезвычайно в духе...* [8, 51]; *...и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами* [8, 52]. Кроме того, в синтаксисе подполковника И. Л. П. встречаются «изысканные» фразы типа: **на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства; блюд, изготовленных отставным солдатом.** В своих описаниях рассказчик прибегает к использованию сравнительных конструкций для более яркого изображения предметов и характеров. Например, *Стены его комнаты были все источены пулями, все в скажинах, как соты пчелиные* [8, 49], *При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке* [8, 54], *...Я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра* [8, 55]. С целью выразительности повествования, его насыщенности рассказчик использует метафоры: *...пробки лопались поминутно, стаканы пенились и шипели беспрестанно...* [8, 51], инверсионный порядок слов: *канцелярия представляла картину самую оживленную* [8, 52], каламбур: *Принялся я было за неподслащенную наливку но от нее болела у меня голова; да признаюсь, **побоялся я сделаться пьяницею с горя, то есть самым горьким пьяницею**, чему примеров множество видел я в нашем уезде* [8, 54]. Вышеприведенные черты книжности основного стиля повествования помогают полнее передать языковую атмосферу того времени.

Цель речи подполковника И. Л. П. – показать как можно многограннее личность Сильвио, его привычки, окружение. История, о которой ведет речь рассказчик, повествует о судьбе главного героя. Речевое поведение рассказчика направлено главным образом на характеристику личности Сильвио. Фраза *«Он любил меня; по крайней мере со мной одним оставлял свое резкое злоречие и говорил о разных предметах с простодушием и необыкновенной приятностию»* [8, 50] выявляет фонетико-интонационную психоглоссу главного героя. Перед читателем возникает образ довольно противоречивый: резкое злоречие Сильвио сочетается с простодушием и приятностию. Сильвио злобен, язвительен на людях, но добр, простодушен в диалоге с рассказчиком. Дальнейшие характеристики, которыми автор наделяет Сильвио, покажут двуликость персонажа. Загадка Сильвио – в его внутренней противоречивости, в «намеченной в нем диалектике личной страсти» [9, 36].

Образ рассказчика помогает оттенить образ Сильвио. Главный герой романтичен, как и герои Марлинского, однако реалистический стиль показа событий делает его намного жизненнее, сложнее. Перед читателем проходит целый ряд характеристик Сильвио, выявляющих его непростой характер. Мы узнаем, что *«какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя»*. Жил Сильвио *«и бедно, и расточительно»*, *«ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка»*. Он охотно давал читать книги, *«никогда не требуя их назад; зато никогда не возвращал хозяину книгу»*. Сильвио высокомерен и уверен в себе, он *«никогда не спорил и не объяснялся»*. Речь героя точная и четкая, как и подобает военному. Как видим, характеристика героя невозможна без противительных союзов, что подчеркивает сложность и противоречивость образа. «Образ Сильвио – даже в таком противоречивом, разностороннем освещении и в таком реалистическом воспроизведении – кажется рассказчику «литературным» вследствие его бытовой исключительности и вследствие далекости его от характера самого рассказчика» [6, 646]. Сам Сильвио отождествляет себя не с романтическими героями, а со «славным Бурцевым», героем Дениса Давыдова.

Автор неоднократно указывает на демоничность натуры Сильвио: *Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола* [8, 51], *При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке* [8, 54], *Ты, граф, дьявольски счастлив», – сказал он с усмешкою, которой никогда не забуду* [8, 57], *Сильвио встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами сказал...* [8, 49], *Пробегая письмо, глаза его сверкали* [8, 51]. Выделенные характеристики фонетико-интонационной психоглоссы направлены на выявление скрытых мотивов поведения героя. Автор дважды отмечает сверкающие глаза Сильвио, которые символизируют озлобленность персонажа.

Описание судьбы Сильвио разбито на две главы, действие которых разнесено на пять лет друг от друга. Причем в первой части Сильвио рассказывает о графе, а во второй граф повествует о Сильвио. «Оба рассказывают в колорите другого» [10, 87]. Пушкин передает функции рассказчика то Сильвио, то графу, чтобы реалистичнее показать эти образы, чтобы оттенить их.

В лексической психоглоссе Сильвио, кроме военной лексики (**так точно**), отмечены слова и выражения, типичные для романтической повести. Для героя концептуально значимыми становятся слова **месть и выстрел**. Жизнь героя становится бессмысленной без осуществления его мечты – отомстить своему врагу.

Синтаксическая психоглосса выявляет присущий герою тип прозы. Так, Сильвио говорит «чеканными» фразами, в его синтаксическом строе преобладает бессоюзие с интонацией перечисления: «*Господа, – сказал им Сильвио, – обстоятельства требуют немедленного моего отсутствия; еду сегодня в ночь; надеюсь, что вы не откажетесь отобедать у меня в последний раз...*» [8, 51]; «*Он всегда шутит, графиня, – отвечал ей Сильвио, – однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить...*» [8, 58]. Анализ данных высказываний выявляет колкость, язвительность и едкость языка героя. Ассоциативность предложений маркируется точкой с запятой и интонацией перечисления.

Отношение подполковника И. Л. П. к главному герою Сильвио меняется на протяжении всей повести. Исчезает восхищение незаурядностью Сильвио. Читателя поражает неожиданная холодность и сухость тона рассказчика, когда он узнает о новой, гораздо более важной истории своего товарища по армии: «*Граф замолчал. Таким образом узнал я [И. Л. П.] конец повести, коей начало некогда так поразило меня. С героем оной уже я не встречался. Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Империанты, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами*» [8, 58].

Сюжет повести «Станционный смотритель» также изложен от лица рассказчика – титулярного советника А. Г. Н. Сословная, профессиональная принадлежность накладывает отпечаток и на его языковую личность. Перед нами возникает образ мелкого чиновника, который много повидал и полон сострадания к маленькому человеку. Он сам себя характеризует: «*Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде*» [8, 76]. Эта фраза является аллюзией на известный карамзинский образ чувствительного путешественника. Рассказчик предстает в образе почитателя Дмитриева и Карамзина. Постоянными эпитетами **бедная, бедный** он стилизует под сострадательный сентиментализм свой «любопытный запас путевых наблюдений».

Игра слов в предложении «*В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?*» [8, 76] помогает рассказчику иронически изложить свои мысли и взгляды. Перед нами реалист, трезво оценивающий все происходящее вокруг и стремящийся придерживаться реальных фактов. «Но общий склад речи титулярного советника, его культурный уровень далек от склада речи и от облика станционного смотрителя, он близок к стилю Белкина» [6, 640]. Таким образом, опять происходит смешение языковой личности рассказчика с языковой личностью Белкина.

Пушкин передает функции рассказчика станционному смотрителю, когда наступает момент основных сюжетных событий. Сказ станционного смотрителя растворяется в «были» титулярного советника, а литературность этой «были» придает образ Белкина. «И, наконец, белкинская повесть проходит через руки издателя» [6, 640–641]. Рассказ станционного смотрителя сливается с повествованием титулярного советника, на что указывает замена личного местоимения я на существительное *смотритель*. Таким образом, каждый из вышеприведенных образов накладывает стилистический отпечаток на речь другого.

Если в «Выстреле» изображена сильная личность, то в «Станционном смотрителе», наоборот, показан внутренний мир маленького человека. Фонетико-интонационная психоглосса помогает показать особенности языковой личности Самсона Вырина. О своей дочке смотритель говорит **«с видом довольного самолюбия»**. Герой любит свою дочь, она его единственная радость, без нее он не мыслит своей жизни. Дом у героя ассоциируется с дочкой.

Обратимся к диалогу рассказчика со зрителем: *«Здорова ли твоя Дуня?» – продолжал я. Старик нахмурился. «А бог ее знает», – отвечал он. «Так, видно, она замужем?» – сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную* [8, 78]. Зрителю больно рассказывать о своей заблудшей дочери, поэтому во время разговора он нахмурился, не расслышал вопроса, стал шепотом читать, а все для того, чтобы отогнать плохие воспоминания. Узнав о побеге дочери, **«смотритель пошел домой ни жив, ни мертв»**. Очень точно подобранный фразеологизм в передаче чувства неожиданности, опустошенности.

Читатель неоднократно видит, как старик плачет. В разговоре с Минским *«сердце старика закипело», «слезы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнес только...»* [8, 81], *«слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования!»* [8, 81]. Дрожащий голос, слезы от нанесенной обиды являются показателями душевной боли героя.

«Авось, – думал смотритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою» [8, 81]. И опять перед нами русское «авось», говорящее о фатальном детерминизме русского человека, уповающего на волю Божью и на судьбу. Смотритель озвучивает перед рассказчиком свою внутреннюю речь: *Жива ли, нет ли, бог ее ведает* [8, 83], *Об ней нет ни слуху ни духу* [8, 83], *Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадет, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы* [8, 81].

Герой очень часто прибегает к выражениям, проповедующим народную мудрость и психологию: **об ней нет ни слуху ни духу; что с возу упало, то пропало**. Его фраза *«Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать»* [8, 79] сродни таким клишированным выражениям, как Бог дал, Бог взял; Чему быть, того не миновать; От судьбы не уйдешь; Ничего не поделаешь; Такова судьба [11].

Лексическая психоглосса Самсона Вырина представлена просторечными словами и выражениями «с не-дворянской социальной окраской» [6], например: *господа проезжие нарочно останавливаются, будто бы победать аль отужинать; бывало, барин... при ней утихает и милостиво со мною разговаривает; что прибрать, что приготовить, за всем успевала* [8, 78]. Данная характеристика указывает на социальную маркированность речи зрителя.

Воспоминания о Дуне по своей стилистике, по порядку слов в предложении напоминают народный плач-причитание: *А я-то, старый дурак, не наляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не леял моего дитяти; уж ей ли не было житье?* [8, 79]. Речь зрителя, как и речь Сильвио в «Выстреле», растворяется в повествовании рассказчика.

Выводы

Подводя итог, отметим, что реконструкция образа человека по данным языка [12, 37] помогает выявить отраженные в языке черты национального характера и воссоздать фрагменты языковой картины мира. Характеристика языковой личности персонажа позволяет перейти к идейному содержанию художественного образа. В описании языковых личностей персонажей в повестях «Выстрел» и «Станционный смотритель» особое значение получает чужое слово, в котором растворяется речь художественных образов. Рассказчики стремятся дать объективную оценку героям повести и всему происходящему. Социальный статус и цель самого повествования определяют их психоглоссы. Речь главных героев раскрывает их жизненные идеалы, растворяясь в «были» рассказчиков. Станционный смотритель олицетворяет народную мудрость, что все в воли Божьей. Перед читателем встает образ маленького человека, лишённого простого человеческого счастья. Сильвио, наоборот, сильная личность, но в то же время очень

противоречивая, характеристика фонетико-интонационной психоглоссы данного героя указывает на демоничность его натуры. «Пушкин нам загадывает этого человека» [13, 123]. Кроме того, в рассмотренных повестях отмечается переплетение всей системы образов, что проявляется в смешении языковых личностей.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д. Арутюнова // *Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой.* – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–19.
2. Караулов, Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности / Ю. Караулов // *Литература. Язык. Культура.* – М. : Наука, 1986. – С. 222–234.
3. Лотман, Ю. М. Текст и внетекстовые художественные структуры / Ю. М. Лотман // *Легенды Невского проспекта / М. И. Веллер.* – СПб. : Лань, 1994. – С. 269.
4. Катермина, В. В. Представление национально-культурной специфики образа человека в системе номинаций XIX века (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В. В. Катермина ; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2004. – 39 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
6. Виноградов, В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1999. – 704 с.
7. Клокова, А. Г. Дискурс языковой личности персонажа художественного текста как материал для построения ее речевого портрета / А. Г. Клокова // *Язык и дискурс в статике и динамике : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 нояб. 2008 г. / Минский гос. лингвистический ун-т ; редкол.: З. А. Харитончик [и др.].* – Минск, 2008. – С. 244–245.
8. Пушкин, А. С. Повести Белкина / А. С. Пушкин // *Сочинения : в 3 т.* – Минск, 1987. – Т. 3 : Проза. – С. 44–100.
9. Гиппиус, В. В. От Пушкина до Блока / В. В. Гиппиус. – М.-Л. : Наука, 1966. – 347 с.
10. Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы / С. Г. Бочаров. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 632 с.
11. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. и с послесловием Ю. С. Степанова. – М. : Индрик, 2005. – 1049 с.
12. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // *Вопросы языкознания.* – 1995. – № 1. – С. 37–67.
13. Берковский, Н. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) / Н. Берковский // *О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы : сб. ст. / Гос. изд-во худ. лит.* – М.-Л., 1960. – С. 94–207.

Summary

Pushkin's tales «Shot» and «Station supervisor» which are part of the cycle «Belkin's tales» were used as a material of the research. The speech behavior of linguistic personalities of storytellers and main characters was examined and the specificity of their images was defined. The results of the research showed that the description of linguistic personality permits to disclose the content of artistic image, interpret the place of the personage in the system of all the rest of artistic images. The analysis of works of art in the light of psychoglosses helps to reveal the traits of national temper which are reflected in the language and to recreate the fragments of linguistic picture of the world.

Поступила в редакцию 12.01.09.

О. А. Лиденкова

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА ГРАНИЦЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ БАЛЛАДЕ

В статье исследуются мотив границы и способы его символического выражения в жанре литературной баллады, а также рассматриваются варианты реализации данного мотива в форме границы между человеком и обществом, человеком и семьей. Материалом для анализа послужили тексты баллад Я. Купалы, Я. Барцевского, А. К. Толстого, К. К. Павловой, В. А. Жуковского, В. Я. Брюсова, У. Вордсворта, У. Блейка.

Введение

В художественном пространстве баллады можно отметить частое появление мотива границы. Это обусловлено характерной реалистичной трактовкой для жанра окружающей действительности в том плане, что часто изображаемый через художественные образы мир оказывается несовершенным. Причиной трагедии в тексте нередко является несоответствие между неким идеальным состоянием, к которому стремится человек, которое он ожидает, и тем, что происходит в конкретной частной ситуации. Тем самым баллада констатирует, что жизнь, как правило, несправедлива. Мотив границы появляется при подобном столкновении ожидания и действительности как художественное осмысление существующих преград и ограничений, связывающих человека в этом мире и являющихся для него источником страданий, как бы очерчивая сферу нарушения нормы и в то же время выражая стремление преодолеть эти ограничения и достичь правильного, должного состояния.

Результаты исследования и их обсуждение

К одному из вариантов реализации данного мотива в художественном пространстве баллады можно отнести введение образа границы «человек – общество».

Как правило, этот мотив выражает идею отчуждения, одиночества, отсутствия взаимопонимания между человеком и окружающими его людьми.

Он развивается, в первую очередь, в балладах, описывающих межличностные, внутрисемейные конфликты, наиболее характерные для жанра. Примером может служить «Три побоища» А. К. Толстого, где автор обращается к теме усобиц и внутрисемейной вражды как к чему-то противоестественному, признаку слабости человеческой природы, которая мешает объединиться даже перед лицом общего врага:

А братья княжие друг друга корят,
И жадные вороны с кровель глядят,
Усобицу близкую чую... [1, 395]

В другой балладе того же автора «Гакон Слепой» создается образ слепого воина, который в пылу битвы нападает на своих же соотечественников, посланных ему в помощь, не в состоянии отличить, где враги, а где друзья:

Лежат перемешаны прав и неправ,
И смотрит с печалию князь Ярослав
На злую товарищей долю.

Среди белорусских поэтов мотив разобщения близких людей чаще других в свои баллады вводит Я. Купала, развивая тему преступления внутри семьи: «Страшны вiр», «Забытая карчма» и др. Во втором примере, где по сюжету происходит убийство отца сыном, автор опускает все детали, пояснения, причины подобного поступка, которые сделали бы всю историю более понятной, человеческой. Таким образом, внимание читателя сосредоточивается только на действии, само преступление остается немотивированным и внезапным:

Звон чарак... Смех, крыкі, кляцьба.
 Не сцяміш, дзе свой, дзе чужы...
 Гахх!.. цвякнуў тапор...
 Міг, знямела гульба...
 Ляжыць труп, як крыж на мяжы... [2, 89].

В результате атмосфера произведения становится еще более напряженной, жуткой, происшедшее воспринимается как искажение самой природы человеческих отношений, аномалия, когда граница отчужденности пролегает между самыми родными людьми.

Подобный конфликт и способ его раскрытия, в частности, отсутствие деталей характерны для данного жанра. Такой конфликт встречается еще в наиболее древнем зафиксированном слое английских традиционных баллад, таких, как «Lord Rendal», «Edward». Отличительной особенностью белорусских текстов не только Я. Купалы, но и других поэтов в данном случае является то, что память о трагедии не стирается, но остается на земле как напоминание, эхо события, а возможно, и как констатация того факта, что подобные тенденции саморазрушения не остались в прошлом. Если учесть, что семья обычно отражает состояние общества, сюжет баллады говорит о том, что на момент создания баллады тема сохраняет свою актуальность и остроту:

І толькі ў поўнач адзін раз ў год
 Карчма ажывае на міг...
 ...
 І ў саму гульню, наганяючы жах,
 З'яўляюцца госці туды:
 Стары – з тапаром у кастанявых грудзях,
 На шыі з пятлёй – малады.

Как уже говорилось, описание внутрисемейных конфликтов находится в русле жанровой сюжетности. Но в отношении литературной баллады можно отметить следующую особенность. В народных текстах конфликт чаще всего ограничивается межличностным противостоянием. Даже войны, межнациональные столкновения, как правило, показаны через противоборство главных героев. В английских и шотландских балладах это могут быть лидеры кланов Перси и Дуглас («The Battle of Otterburn», «The Hunting of the Cheviot»). В русских и белорусских балладах о набегах татар конфликт раскрывается через диалог татарина и девушки-полонянки. Если повествуется о несправедливом и жестоком правителе, то плох именно тот правитель, о котором идет речь.

Таким образом, в традиционной балладе нет обобщений, которые появляются в литературных образцах жанра, когда автор выносит суждение о людях или явлении в целом, а граница отчужденности проводится по принципу «герой» – «общество».

В народных текстах, например, распространен сюжет о зависти одной сестры другой («The Twa Sisters», «Cruel Sister», «Au château de Chantell»). В литературной балладе У. Блейка «Mary» героиня сталкивается с завистью всего общества, люди получают обобщающую характеристику «this envious gaze» [3]. Вина Мэри в том, что она красивее и лучше окружающих ее людей. В результате следуют необоснованные обвинения героини в гордости и распущенности, причем выражают их опять же не конкретные персонажи, в тексте употребляется неопределенное местоимение «some»:

Some said she was proud,
 Some called her a whore...

Вчерашние друзья становятся врагами, и Мэри остается одна:

And Mary arose among friends to be free,
 But no friend from henceforward thou, Mary, shalt see.

Способа изменить сложившееся отношение к героине нет. Чтобы она ни пыталась сделать (прятать свою красоту, просто одеваться), отныне между героиней и остальным обществом пролегает невидимая, но непреодолимая граница:

I will humble my beauty, I will not dress fine,
 I will keep from the ball, and my eyes shall not shine;

 She went out in the morning attired plain and neat;
 «Proud Mary's gone mad», said the child in the street.

Причину происходящего автор видит в ущербности и лицемерии всего общества. Авторская ирония проявляется в упоминании того, что человек призван быть кротким, как голубь, и смиренным, как агнец: «To be weak as a lamb and smooth as a dove». Но при этом поэт добавляет, что еще одна истинная добродетель – не быть лучше других: «And not to raise envy, is called Christian love». Таким образом, общество оказывается смиренным, только если это смирение не сталкивается с испытанием, а терпимым лишь к своим собственным недостаткам. Вызвать зависть «кротких» и «слабых» душ опасно, так как твои заслуги окажутся твоей виной.

If you raise envy, your merit's to blame
For planting such spite in the weak and the tame.

Подобный мотив изоляции, оставленности развивается в балладах «The Complaint of a forsaken Indian Woman», «The Last of the Flock», «The Female Vagrant» У. Вордсворта из сборника «Lyrical Ballads».

В первом примере «The Complaint of a forsaken Indian Woman» сюжет строится на обычае некоторых североамериканских индейцев оставлять на дороге тех, кто слишком слаб, чтобы продолжать путь. Данный текст построен как обращение такой покинутой своими соплеменниками женщины, которая жалуется на то, что ее разлучили с ребенком, все близкие и друзья ушли и ушли слишком поспешно: «Too soon, my friends, you went away», ей тяжело умирать в одиночестве: «For ever left alone am I» [4].

В двух других балладах автор делает акцент на равнодушии, близком к жестокости. Но на этот раз это вовсе не далекие племена, чье равнодушие можно объяснить их дикостью и суровыми условиями жизни. Это гораздо более обыденное и потому более страшное равнодушие простых людей, особенно тех, чья обязанность помогать просящим и от кого человек в обычных обстоятельствах больше всего ожидает помощи. В балладе «The Last of the Flock» герой, пытающийся прокормить семью, обращается в местный приход:

My pride was tamed, and in our grief,
I of the parish ask'd relief.

Однако ему указывают, что он недостаточно беден, чтобы рассчитывать на помощь:

They said I was a wealthy man;
My sheep upon the mountain fed,
And it was fit that thence I took
Whereof to buy us bread:
«Do this; how can we give to you,»
They cried, «What to the poor is due?»

В балладе «The Female Vagrant» происходит то же противопоставление призвания и поведения, когда действия человека лишь формально соответствуют его профессиональным обязанностям. Подобной ситуации посвящен небольшой эпизод, где героиня попадает в больницу. Рассказывая о своем пребывании там, она помнит лишь жалобы соседей и безразличные взгляды медсестер:

Of looks where common kindness had no part.
Of service done with careless cruelty.

Сама ситуация описывается вскользь, мимоходом. Однако это скорее свидетельствует не о ее маловажности, а о том, что подобное стало слишком привычным явлением. Сюжет баллады развивается как цепь воспоминаний героини о своей жизни и состоит из таких небольших, нанизанных друг на друга зарисовок современного поэту общества, через которые автор раскрывает и исследует характер взаимоотношений людей.

Повторяющаяся идея не только этой баллады – разочарование в том, что цивилизованность или культура сближают людей и делают их лучше. Наоборот, часто они лишают их простоты и способности к взаимопониманию и сочувствию. В последнем примере героиня впервые за многие недели странствий находит приветливый прием простых людей у костра, которые сами не имеют пристанища:

My heart is touched to think that men like these,
The rude earth's tenants, were my first relief:
How kindly did they paint their vagrant ease!

При всей присутствующей идеализации простой, безыскусной сельской жизни она не рассматривается как способ решения проблемы. Проведя некоторое время с приютившими ее странниками, героиня покидает и их. Таким образом, вопросы и проблемы, поднимаемые авторами, остаются без определенного ответа, являясь лишь констатацией существующей ситуации.

В приведенных выше примерах непонимание между людьми и их разобщенность присутствовали лишь на уровне идеи как граница психологическая. Однако иногда этот мотив воплощается в конкретных образах стены или тюрьмы.

В «Узнике» В. А. Жуковского создается образ двух влюбленных, которые заключены в тюрьму и чьи стремления к свободе и друг к другу замкнуты в тесном пространстве камеры:

Но он в неволе, как она;
Меж ними хладная стена [1, 326].

Пространственно стена нависает над узником, давит на него: «Смотрю в высокое окно темницы». Идея освобождения, которую передает образ окна, манит героя:

На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

Однако окно слишком высоко, это соотношение создает ощущение непреодолимого препятствия, безысходности. Герой даже не может знать, что происходит за стеной, он может лишь прислушиваться и догадываться. Но как только исчезает одна преграда и узника выпускают на волю, возникает еще одна: на этот раз герои разделены смертью, поэтому и свобода теряет смысл: «Хладно принял он привет свободы».

Возможно, внутреннее противоречие и дискомфорт, вызванные разобщенностью и одиночеством, выразились в негативном отношении некоторых авторов баллад к любым формам ограничения свободы. В сборнике «Лирические баллады» появляется два произведения: «The Dungeon» и «The Convict», основная идея которых – описание бессмысленности заключения как средства исправления. В качестве места действия в обоих случаях выбирается подземная тюрьма – «dungeon» [4]. Поэт старается представить и передать состояние заключенного. Сам факт, что подобное место создано, чтобы содержать там человека, кажется автору невероятным и несовместимым с его представлениями о приемлемом отношении к людям: «And this place our forefathers made for man!».

Автор ставит вопрос: «Is this the only cure?». Неужели подобное решение – это все, на что способна наша мудрость и любовь друг к другу?

This is the process of our love and wisdom
To each poor brother who offends against us –
Most innocent, perhaps – and what if guilty?

Решение, которое представляется более верным, – вернуть заключенного к людям и красоте природы:

My care, if the arm of the mighty were mine,
«Would plant thee where yet thou might'st blossom again».

Такая точка зрения может показаться слишком идеалистичной, но причиной ее является все тот же страх одиночества, которое «нельзя вынести»: «And friendless solitude can no more endure».

В белорусских балладах подобная проблематика звучит не так ярко, в основном как вспомогательная деталь, средство для акцентирования другой идеи. Например, у Яна Барщевского появляется образ озера-узника, к которому давно забыли дорогу рыбаки и которое все обходят стороной: «Возера-взяня схавала цямніца» («Зарослае возера») [5].

Еще один вариант реализации мотива границы – ситуация, когда человек сам, добровольно, сначала в своем сознании, затем в реальности изолирует себя от окружающих. Причиной этого может быть внутренняя борьба между двумя началами личности, как это показано в судьбе монаха-отшельника из «Баллады» К. К. Павловой:

Как два тигра в клетке тесной,
Мы вдвоем заключены [1, 355].

Кроме того, сам человек часто создает непреодолимую границу между собой и миром через эгоизм и гордость, которые ведут к одиночеству. В этом случае герой оказывается замкнутым в тесных рамках своего индивидуализма, окружающий мир кажется чужим

и враждебным. Несмотря на то что герой сам выбирает этот путь, он неудовлетворен им, но не понимает или не хочет понять причины создавшегося положения, как это происходит в балладе У. Ворсворта «Lines left upon a seat in a yew-tree». Уязвленная гордость и обида заставляют героя избегать людей, находить болезненную радость в страдании от одиночества. Он строит подобие жилища – стены из камней, которыми словно отгораживает себя от других людей: «piled these stones» [4].

Несколько другой аспект похожей ситуации представлен в балладе В. Я. Брюсова «Путник», которая разворачивается как попытка диалога между людьми, изначально имеющими очень мало общего: царевной и бедным путником. Дочь царя, выйдя из своего дворца, видит странника у границы степи, где оканчивается сад:

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска [1, 450].

В тексте подчеркивается различие героев по социальному положению: царевна окружена невольниками, покорными рабами, он же один, измучен долгой дорогой и зноем. Они жители разных миров, осознание чего усиливается неоднократным появлением образа пространственной преграды между героями – это «цепи и столбы», указывающие, где оканчивается мир свободы и начинается мир рабства и страданий:

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи.

Однако для царевны, тем не менее, желание помочь на мгновение оказывается сильнее условностей, она видит в нем просто человека, брата:

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!».

Она готова оказать ему самый достойный, с ее точки зрения, прием:

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя.

Однако порыв навстречу не находит ответа, более того, ответ путника воспринимается героиней как насмешка:

И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.

Его слова похожи на вызов: «Сойди за цепи, И кубок мне сама подай!». С точки зрения царевны подобный шаг неприемлем: «Она растерянно и гневно бросает кубок на песок».

Герои баллады, таким образом, имеют слишком разные представления о приемлемом поведении в данной ситуации. Можно понять мотивы гордого ответа путника, и есть справедливость в гневе царевны. Однако никто из них не способен уступить, перешагнуть границы своего мира и своих представлений. Царевна готова принять путника к себе, но не готова сойти к нему. Такое же отношение мы встречаем и со стороны героя. То есть граница, их разделяющая, образ которой лейтмотивом проходит через всю балладу, так и не была преодолена, «цепи и столбы» оказались не просто условностью, но символом гораздо более глубокой и серьезной преграды, которая существует в сознании людей. Образ царевны – пример идеалистического отношения к жизни, ее попытка сближения выглядит детской. Не случайно в описании героини и ее окружения много слов, которые обычно относят к ребенку: «царевна смотрит в детской дрожи», вокруг нее «лепечет рай», она «прекрасна и безгрешна». Образ же путника – отражение реальной жизни, в его поведении и словах заметна ирония над наивными словами героини. Та же ирония звучит в заключительных строках баллады:

И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

В большинстве баллад с подобной тематикой индивидуализму и эгоистичной сосредоточенности на себе противопоставляется любовь как выход, средство избавления от одиночества. Например, мысль «True knowledge leads to love» – итог размышлений У. Вордсворта в балладе «Lines left upon a seat in a yew-tree» [4]. Его герой не смог понять этого положения и принять его, поэтому в тексте назван «потерянным человеком» – «lost man», так как его жизнь не принесла плодов, результата ни ему, ни другим.

В «Предании о луне» В. Я. Брюсова тема объединения различных миров – Солнца и Луны – показана именно через силу любви и привязанности, через стремление друг к другу и связь двух цветков. Их зов неожиданно оказывается сильнее даже неизменных законов природы: «Да! кто-то звал!», и цветы отвечают на зов друг друга, «нарушив тяжесть тел»:

И две мечты свой путь нашли:

Сплелся со стеблем стебель! [1, 449]

Причем подобная победа даруется не тем, кто изначально казался сильнее. Наоборот, автор называет свой цветок «смешным», его стремления кажутся неуместными на фоне войны и борьбы за выживание племен «таинственных растений»: «И шла меж царствами война», «И ночью пред лицом небес шумели все про славу». Однако причина войн, слава, победители и проигравшие на этих войнах – все, что казалось таким значимым, забылось:

А братья жили шумом гроз –

Забытых, бесполезных.

Но жив тот свет, что раз возник

В мирах соединенных.

Цветы также истлели в веках, но сила их мечты и взаимного стремления жива до сих пор. То есть именно любовь становится вечной и созидательной силой, которая неподвластна времени и смерти.

Выводы

Таким образом, если сравнить все рассмотренные баллады, где звучит тема границы между людьми, то можно заметить, что они сходным образом трактуют причины, последствия и возможные меры преодоления подобной ситуации. Однако если в английских балладах этот мотив появляется уже в самом начале XIX века, где приобретает острую социальную окраску, то время написания русских и белорусских баллад с подобной тематикой сдвигается ближе к концу XIX – началу XX века. Причем в них по-прежнему наблюдается тенденция показывать проблемы общества скорее через взаимоотношения отдельных личностей, чем через создание обобщенных образов или типов героев.

Литература

1. Воздушный корабль: Литературные баллады / сост. А. Г. Мурик, А. В. Парина. – М.: Правда, 1986. – 480 с.
2. Беларуская балада: Анталогія / уклад. Я. Саламевіч. – Мінск: Маст. літ., 1978. – 512 с.
3. William Blake. Mary / Blake William // Archiv Sterneck.net [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access : <http://www.sterneck.net/literatur/blake-mary/index.php>. – Date of access : 20.02.2009.
4. Lyrical Ballads, with a Few Other Poems [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access : <http://www.online-literature.com/wordsworth/lyrical-ballads-1798>. – Date of access : 20.02.2009.
5. Баршчэўскі, Ян. Зарослае возера [Электронны рэсурс] / Ян Баршчэўскі. – 2009. – Рэжым доступа : <http://knihi.com/barsceuski/voziera.html>. – Дата доступа : 02.02.09.

Summary

In this article the motive of the border and means of its symbolic expression in the genre of literary ballad are analysed and the variations of this motive in the form of a border between man and society, man and his family are described. The analysis is based on the texts of literary ballads by J. Kupala, J. Barszczewski, A. K. Tolstoy, K. K. Pavlova, V. A. Zhukovsky, V. J. Brusov, W. Wordsworth, W. Blake.

Поступила в редакцию 13.03.09.

УДК 811.161.3'373

М. В. Мацюшэнка

УТВАРЭННЕ І СЕМАНТЫКА АД'ЕКТЫЎНЫХ НАВАТВОРАЎ У МОВЕ БЕЛАРУСКАЙ ПУБЛІЦЫСТЫКІ XXI ст.

Артыкул прысвечаны аналізу структуры і семантыкі ад'ектыўных наватвораў у мове сучаснай беларускай публіцыстыкі. Крыніцай для збору фактычнага матэрыялу паслужылі перыядычныя выданні Беларусі пачатку XXI ст. Вылучаюцца прадуктыўныя спосабы ўтварэння прыметнікаў, падаецца іх тлумачэнне. Выдзяляюцца лексічныя пласты, якія найбольш актыўна абагачаюцца за кошт наватвораў: музычная, спартыўная, медыцынская, эканамічная і бытавая сферы.

Уводзіны

Апошнім часам сістэма словаўтварэння беларускай мовы вызначаецца актывізацыяй словаўтваральных працэсаў, якія знаходзяць адлюстраванне ў мове сучаснай публіцыстыкі. У выніку гэтых працэсаў лексіка ўзбагачаецца неалагізмамі, у тым ліку ад'ектыўнымі.

Даследаванне новых слоў беларускай мовы ў структурна-семантычным аспекце заўсёды прыцягвала ўвагу навукоўцаў. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд вывучалі А. Баханькоў, Л. Гадуйка, В. Гнеўка, Л. Шакун і інш. У той час беларуская мова актыўна ўзбагачаецца савецызмамі, якія запазычваюцца з рускай мовы [1, 268]. Прадуктыўным спосабам утварэння ад'ектыўных неалагізмаў была суфіксацыя. І. Казейка адзначае, што ў 60–80-х гадах пры ўтварэнні прыметнікаў часцей ужываліся суфіксы *-аст-*, *-іст-*, *-ыст-* і інш., якія абагачалі лексіку навукова-тэхнічнай і грамадска-палітычнай сферы [2, 11]. У беларускай мове XX ст. для ўтварэння ад'ектываў, як сведчыць М. Прыгодзіч, шырока выкарыстоўвалася складанне раўнапраўных асноў простых прыметнікаў. Найчасцей кампазіты ўзнікаюць у мове мастацкай літаратуры і вызначаюцца эmfатычным значэннем [3, 47].

У постсавецкі перыяд беларуская мова актыўна ўзбагачаецца новымі ад'ектывамі. Найбольш прадуктыўнымі спосабамі ўтварэння прыметнікаў у канцы мінулага стагоддзя, паводле слоў В. Уласевіч, з'яўляюцца суфіксацыя і прэфіксацыя [4, 5–9]. Павялічваецца словаўтваральная актыўнасць запазычанняў з заходнееўрапейскіх моў, што садзейнічае замацаванню іншамоўных слоў у лексічнай сістэме беларускай мовы [4, 16].

На мяжы XX–XXI стагоддзяў асновы іншамоўных адзінак шырока ўжываюцца ў якасці матывальных баз пры ўтварэнні суфіксальных прыметнікаў, аб чым сведчаць даследаванні Н. Даўгулевіч і Л. Кавалёвай [5], [6].

Нягледзячы на праведзеныя лінгвістычныя даследаванні, ад'ектыўныя наватворы пачатку XXI ст. яшчэ не былі аб'ектам навуковага аналізу. Таму мэтай нашага артыкула з'яўляецца структурна-семантычны аналіз ад'ектыўных наватвораў у мове сучаснай беларускай публіцыстыкі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Пры ўтварэнні прыметнікаў у мове беларускай публіцыстыкі XXI ст. прадуктыўнасцю вызначаюцца суфіксальны, прыставачны, прыставачна-суфіксальны спосабы словаўтварэння.

Суфіксальным спосабам утвараюцца прыметнікі пры дапамозе суфіксаў *-н-*, *-ск-*, *-ав-*, *-аўск-* (*-еўск-*), *-ыўн-*. Утваральнымі часта выступаюць асновы запазычаных назоўнікаў, у тым ліку ўласных. Утвораныя прыметнікі адносяцца да лексікі:

а) спартыўнай сферы: **пейнтбольны** 'які адносіцца да пейнтбола' ← *пейнтбол* + *-н(ы)*: *Удзельнікамі пейнтбольнай гульні могуць стаць усе жадаючыя...* («Звязда». – 2005. – 22 ліп. – С. 4); **страйкбольны** 'які адносіцца да страйкбола' ← *страйкбол* + *-н(ы)*: *...чалавек недасведчаны, апынуўшыся выпадкова ў страйкбольнай зоне, можа лёгка наверыць у пачатак трэцяй сусветнай* («Звязда». – 2005. – 09 верас. – С. 5); **трыяльны** 'які адносіцца да трыяла' ← *трыял* + *-н(ы)*: *Некаторыя трыяльныя рамы наогул не дазваляюць устанавіць сядло* («Звязда». – 2005. – 12 жн. – С. 4); **байкерскі** 'які мае адносіны да байкераў' ← *байкер* + *-ск(і)*: *Найбольш цікавым будзе традыцыйны байкерскі конкурс на лепшае майстэрства кіравання матацыклам* («Звязда». – 2004. – 30 чэрв. – С. 4); **бэхемаўскі** 'які ўласцівы Бэхему' ← *Бэхем* (вядомы футбаліст) + *-аўск(і)*: *Узялі сабе за звычку нашы вялікія зоркі вяселлі на бэхемаўскаму прыняццю* («Звязда». –

2004. – 26 чэрв. – С. 3); **кіберспартыўны** ‘які адносіцца да кіберспорта’ ← *кіберспорт* + *-ўн(ы)*: *...нашы геймеры будуць удзельнічаць у самым прэстыжным у свеце кіберспартыўным чэмпіянаце...* («Звязда». – 2005. – 22 ліп. – С. 4);

б) сферы інфармацыйных тэхналогій: **банерны** ‘які адносіцца да банера’ ← *банер* + *-н(ы)*: *...аперацыйная сістэма мадыфікуецца такім чынам, што карыстальнік... не зможа загрузаць даныя з банерных сетак* («Звязда». – 2004. – 31 студз. – С. 3); **онлайнавы** ‘які знаходзіцца ў рэжыме непасрэднай сувязі з сістэмай камп’ютэра’ ← *онлайн* + *-ав(ы)*: *Уважліва чытайце онлайнавыя аб’явы* («Купі лепшае! Тавары, паслугі, цэны». – 2007. – 10 студз. – С. 1);

в) эканамічнай сферы: **рыэлтарскі** ‘які мае дачыненне да аперацый па продажу нерухомасці’ ← *рыэлтар* + *-ск(і)*: *Пры гэтым, як вынікае з даных апытання, якасцю паслуг рыэлтарскіх арганізацый былі цалкам задаволены 49,3 працэнта кліентаў...* («Звязда». – 2002. – 14 лют. – С. 2); **кансалцінгавы** ‘які адносіцца да кансультавання ў спецыялістаў’ ← *кансалцінг* + *-ав(ы)*: *...мы зараз працуем з некаторымі замежнымі кансалцінгавымі агенцтвамі...* («Звязда». – 2002. – 19 сак. – С. 1);

г) музычнай сферы: **драйвавы** ‘энергічны’ ← *драйв* + *-ав(ы)*: *Рокавыя выканаўцы – гэта цудоўныя павеў, музыка такая драйвавая* («Звязда». – 2008. – 19 лют. – С. 1); **піраўскі** ‘які мае адносіны да піару’ ← *піар* + *-аўск(і)*: *...«піраўскую» кампазіцыю Анжэліка Азурбаі выканае ў хуткім часе пасля заканчэння «Еўрабачання-2005»* («Звязда». – 2005. – 15 крас. – С. 4); **ды-джэйскі** ‘які належыць дыджэю’ ← *дыджэй* + *-ск(і)*: *Перад вачамі ў вас – ды-джэйскі пульт...* («Звязда». – 2005. – 15 ліп. – С. 4); **харлеўскі** ‘які ўласцівы музычнаму гурту Харлі’ ← *Харлі* + *-еўск(і)*: *...харлеўскі гумар такі ж фірмовы і якасны, як і іх музыка* («Звязда». – 2005. – 9 верас. – С. 4);

д) прамысловай сферы: **сантаўскі** ‘які належыць прадпрыемству Санта-Брэмар’ ← *Сант(а)* + *-аўск(і)*: *...у вёсцы Лядзец Столінскага раёна... прадавалі толькі «сантаўскае» марожанае, бо іншага там не было* («Звязда». – 2004. – 26 лют. – С. 2); суфіксальны прыметнік **макдональдскі** ‘які адносіцца да сеткі кафэ хуткага харчавання Макдональдс; тут: які ўключае ежу, прыгатаваную ў Макдональдсе’ ўтварыўся шляхам далучэння суфікса *-ск-* да асновы ўласнага субстантыва *Макдональдс*, дзе адбылося накладанне каранёвага і суфіксальнага *с*: *...гледачы звычайна прывязджаюць ужо з «макдональдскімі» пакецікамі* («Культура». – 2004. – № 38–39. – 18–24 верас. – С. 5).

Сярод суфіксальных прыметнікаў-наватвораў вылучаюцца адзінкі з аднолькавым значэннем, якія маюць адну матывавальную аснову, але розныя словаўтваральныя суфіксы: **інтэрнэтны** / **інтэрнэтаўскі** ‘які адносіцца да інтэрнэта, належыць яму’ ← *інтэрнэт* + *-н(ы)* / *інтэрнэт* + *-аўск(і)*: *Я не інтэрнэтная істота* («Звязда». – 2004. – 19 чэрв. – С. 6); *...кошт «фірмовых» апаратаў усё роўна большы за інтэрнэтаўскі* («Звязда». – 2005. – 17 верас. – С. 15).

Меншую па колькасці групу складаюць наватворы, якія паходзяць ад асноў агульнаўжывальных назоўнікаў і адносяцца да лексікі медыцыны і інфармацыйных тэхналогій: **антыгрыпінавы** ‘здольны процідейнічаць развіццю грыпу’ ← *антыгрыпін* + *-ав(ы)*: *Але ж засцерагчыся ад каварнага віруса можна... пры дапамозе «антыгрыпінавых» прышчэпак* («Звязда». – 2001. – 20 ліст. – С. 6); **суперкамп’ютэрны** ‘які мае адносіны да суперкамп’ютэра’ ← *суперкамп’ютэр* + *-н(ы)*: *Даючы назву суперкамп’ютэрнай праграме Саюзнай дзяржавы, яе распрацоўчыкі і не падазравалі, які дваіны сэнс яна ў далейшым набудзе* («Звязда». – 2003. – 31 снеж.); **фартунны** ‘удачлівы, шчаслівы’ ← *фартун(а)* + *-н(ы)*: *...Такі, здавалася б, паспяховы, «фартунны» чалавек, улюбёнец лёсу...* («Звязда». – 2004. – 16 крас. – С. 7).

У словатворчы працэс уключаюцца і складаныя назоўнікі. Ад іх асноў утвараюцца прыметнікі, якія абазначаюць паняцці музычнай і грамадска-палітычнай сферы: **бэк-вакальны** ‘які мае адносіны да бэк-вакалу’ ← *бэк-вакал* + *-н(ы)*: *Ён (Пётр Елфімаў) ...сціпла падпеў хлопцам усе бэк-вакальныя партыі* («Звязда». – 2005. – 09 снеж. – С. 4); **электрашокавы** ‘нечаканы, моцны’ ← *электрашок* + *-ав(ы)*: *Асноўная ж мэта нечаканай адстаўкі Міхаіла Касьянава... зрабіць «электрашокавае» ўздзеянне на грамадскую думку* («Звязда». – 2004. – 26 лют. – С. 1).

У лексіцы сучаснай публіцыстыкі шырока ўжываюцца прэфіксальныя ад’ектыўныя наватворы, якія абагачаюць медыцынскую, эканамічную і агульнаўжывальную лексіку. Прадуктыўнымі выступаюць прыстаўкі:

1) **анты-**, якая надае прыметніку супрацьлеглую або супрацьпастаўленую прымету, названую ўтваральным словам: **антыгерпесны** ‘які прызначаны для лячэння і прафілактыкі герпеса’: *Беларускі антыгерпесны прэпарат атрымаў у Маскве «золата»* («Звязда». – 2005. – 23 лют. – С. 3); **антыдэмпінгавы** ‘накіраваны на барацьбу супраць дэмпінгу’: *Гэтымі днямі Дзяржаўнае бюро па абароне ўнутранага рынку пачало антыдэмпінгавую праверку літоўскага малака, якое прадаецца на тэрыторыі Латвіі* («Звязда». – 2002. – 20 крас. – С. 7); **антырэкламны**

‘накіраваны на барацьбу супраць рэкламы’: ...цярпенне ўладальніка аўто лопнула і ён наладзіў **антырэкламную** акцыю («Звязда». – 2004. – 25 верас. – С. 5); **антыстрэсавы** ‘які папярэджае стрэс’: **Антыстрэсавы** бальзам («Звязда». – 2004. – 10 ліп. – С. 3);

2) **псеўда-**, якая ўказвае на ілжывасць, несапраўднасць прыметы, што названа ўтваральным словам: **псеўдапаношаны** ‘быццам паношаны’: **Псеўдапаношаныя** рэчы ствараюць ілюзію эксклюзіўнасці і добра дапасуюцца да мужчыны, які жадае вылучыцца з натоўпу («Звязда». – 2004. – 30 крас. – С. 8); **псеўдаразумны** ‘на самай справе неразумны’: «Рацыяналізацыя» – гэта **псеўдаразумнае** тлумачэнне сваіх учынкаў і жаданняў («Звязда». – 2004. – 20 сак. – С. 3); **псеўдарэлігійны** ‘які падобны на рэлігійны’: Цяпер у Ігара ўсё нармальна, ён больш не хоча купіцца ў любові да ўсяго і ўсіх. Раней хацеў. «Раней» – гэта тады, калі ён быў адэптам адной з сучасных **псеўдарэлігійных** плыняў («Звязда». – 2004. – 14 лют. – С. 6) і інш.;

3) **супер-**, якая сведчыць аб высокай ступені праяўлення прыкметы: **супермагутны** ‘празмерна магутны’: Калі ў інструкцыі напісана 3000 Вт, не варта купляцца на рэкламцы трук **супермагутнага** прыбора («Звязда». – 2004. – 01 кастр. – С. 8); **суперпавышаны** ‘павышаны на вялікі ўзровень’: – 3 чаго б вы пачалі адраджаць наш футбол? – ...з **суперпавышанай** увагі да дзіцяча-юнацкага футбола («Звязда». – 2002. – 20 сак. – С. 1); **суперпрафесіянальны** ‘прафесіянальны ў вышэй меры’: ...туфлі на абцасах, **суперпрафесіянальныя** прычоска і макіяж наўрад ці дазваляць зачараваць навакольных... («Звязда». – 2004. – 09 крас. – С. 4); **суперпрэстыжны** ‘вельмі прэстыжны’, **суперскладаны** ‘найбольш складаны’: ...медыцынскія ВНУ ва ўсе часы лічыліся **суперпрэстыжнымі**, і паступіць у іх было **суперскладанай** задачай («Звязда». – 2004. – 18 чэрв. – С. 3).

Радзей фіксуюцца новыя прыметнікі з прэфіксамі *да-*, *звыш-*, *гіпер-*, *контр-*, *пост-*: **давіртуальны** ‘які адбываўся да паяўлення віртуальнай рэальнасці’: ...у той «**давіртуальны**» час і была закладзена база беларускага сектара Інтэрнэта... («Звязда». – 2004. – 03 снеж. – С. 11); **звышашчадны** ‘вельмі ашчадны’ ...на працягу першых трох-чатырох тысяч кіламетраў аўтамабіль павінен эксплуатавацца ў «**звышашчадным**» рэжыме («Звязда». – 2004. – 13 сак. – С. 5); **гіперскладаны** ‘вельмі складаны’: Мне вельмі спадабаліся заданні часткі В: з аднаго боку, яны былі цікавыя, а з другога – іх нельга назваць **гіперскладанымі** («Звязда». – 2004. – 04 чэрв. – С. 3); **контрпрадукцыйны** ‘накіраваны супраць прадукцыі’: Ізаляцыя **контрпрадукцыйная** і, як паказала практыка, не выгадная нікому («Звязда». – 2001. – 20 ліст. – С. 1); **постдрукавальны** ‘які датычыцца часу пасля друку’: ...далейшым накірункам працы выдавецтва стане забеспячэнне **постдрукавальнага** працэсу («Звязда». – 2004. – 24 чэрв. – С. 3) і інш.

Адзінкавыя ад’ектыўныя неалагізмы ўтвараюцца прыставачна-суфіксальнымі спосабам: **беспарольны** ‘даступны без паролю (ў дачыненні да Інтэрнэта)’ ← *бес-* + *пароль* + *-н(ы)*: ...магчымасць **беспарольнага** доступу ў сетку Інтэрнет маюць 90 працэнтаў абанентаў Беларусі... («Звязда». – 2002. – 2 сак.).

Складанне з’яўляецца адным з прадукцыйных спосабаў утварэння прыметнікаў медыцынскай, эканамічнай, прамысловай і бытавой сфер. Ад’ектывы-неалагізмы ўяўляюць сабой кампазіты з надпарадкавальнымі адносінамі асноў, дзе першая аснова канкрэтызуе змест апорнага кампанента.

У якасці апорных кампанентаў часцей выступаюць дзеепрыметнікі і прыметнікі. Першым кампанентам іх з’яўляюцца:

а) асновы запазычаных назоўнікаў: **інтэрнэт-залежны** ‘які залежыць ад інтэрнэта’: Паводле слоў ваенных, **інтэрнэт-залежных** маладых людзей адпраўляюць дадому на тры гады – для лячэння («Звязда». – 2004. – 05 жн. – С. 1);

б) звязаныя кампаненты: **геапатагенны** ‘які змяняе магнітнае поле Зямлі’: ...**геапатагенныя** зоны ўтвараюцца ў межах геалагічных разломаў («Звязда». – 2004. – 29 чэрв. – С. 4); **тэлемерыцыйскі** ‘які накіраваны на абследаванне стану здароўя і яго ўмацаванне пры дапамозе апаратаў электра- і радыёсувязі’: Аб тым, якія перспектывы адкрываюць перад медыкамі сучасныя інфармацыйныя і **тэлемерыцыйскія** тэхналогіі, можна меркаваць па тэматыцы дакладаў: **тэлемерыцыйская**, **тэлемерыцыйская** анкалогія... («Звязда». – 2005. – 09 ліст. – С. 4);

в) скарачаныя асновы назоўнікаў: **біфіданасычаны** ‘які насычаны біфідабактэрыямі’: ...мы можам падтрымаць кішэчнік... Гэтану паспрыяюць **біфіданасычаныя** прадукты... («Звязда». – 2004. – 12 лют. – С. 4).

Фіксуюцца таксама ад’ектыўныя складана-суфіксальныя наватворы, у якіх апорным кампанентам з’яўляецца аснова дзяслова або назоўніка. Першым кампанентам такіх кампазітаў з’яўляюцца:

а) асновы назоўнікаў: **імпартазамышчальны** ‘які замяшчае *імпорт*’ ← *імпорт* + *-а-* + *замышча(ць)* + *-льн(ы)*: ...*прававы рэжым... распаўсюджваецца... на рэалізацыю імпартазамышчальнай прадукцыі...* («Звязда». – 2002. – 02 лют. – С. 1); **файлаабменны** ‘які прызначаны для абмену *файлаў*’ ← *файл* + *-а-* + *абмен* + *-н(ы)*: ...*калі ў файлаабменных сістэмах выкарыстоўваецца складаная сістэма шыфравання, ПЗ ад Palisade можа ...адключыць праграмы ад глабальнай сеткі* («Звязда». – 2004. – 30 крас. – С. 6);

б) асновы прыметнікаў: **фабрычназорны** ‘які мае адносіны да *фабрычных зорак* (маецца на ўвазе рэаліці-шоу «Фабрыка зорак»)’ ← *фабрычн(ы)* + *-а-* + *зор(ка)* + *-н(ы)*: *Вакал сцявачкі (А. Агурбаш) ставіць яшчэ адзін «фабрычназорны» выкладчык Уладзімір Карабка...* («Звязда». – 2005. – 15 крас. – С. 4); **натуральнамалочны** ‘які зроблены з *натуральнага малака*’ ← *натуральн(ы)* + *-а-* + *малак(о)* + *-н(ы)*: *Спажыванне натуральнамалочнай прадукцыі і масла ўзрастае на 0,8 працэнта і 1,2 працэнта адпаведна* («Звязда». – 2003. – 24 снеж. – С. 1);

в) скарачаныя асновы: **біфідазмяшчальны** ‘які змяшчае *біфідабактэры*’ ← *біфіда(бактэры)* + *змяшча(ць)* + *-льн(ы)*: *Аднавіць біфідафлору магчыма, ужываючы біфідазмяшчальныя прадукты* («Звязда». – 2004. – 08 мая. – С. 3);

г) звязаныя асновы: **кардыяабаронны** ‘які прызначаны для прафілактыкі *кардыялагічных захворванняў*’ ← *кардыя* + *абарон(а)* + *-н(ы)*: *Выяўлены кардыяабаронны элемент у бураках можа стаць простым і натуральным спосабам змяніэння ўзроўню сардэчных захворванняў...* («Звязда». – 2008. – 16 лют. – С. 5).

Зафіксаваны адзінкавыя прыметнікі, утвораныя шляхам зрашчэння, дзе ў якасці апорнага кампанента выступае прыметнік, а першы кампанент з’яўляецца прыслоўем: **высокапатагенны** ‘вельмі патагенны’: ...*у няці раёнах спецыялістамі быў выяўлены высокапатагенны вірус птушынага грыпу...* («Звязда». – 2007. – 20 лют. – С. 1).

Вывады

Такім чынам, мова сучаснай беларускай публіцыстыкі ўзбагачаецца ад’ектыўнымі неалагізмамі розных сфер ужывання, г. зн. музычнай, спартыўнай, медыцынскай, эканамічнай і агульнай тэматыкі.

Найбольш прадуктыўнымі выступаюць суфіксальны, прыставачны і складаны спосабы словаўтварэння. Часцей за ўсё наватворы паводле паходжання з’яўляюцца адсубстантыўнымі. Матывавальнымі асновамі афіксальных прыметнікаў звычайна выступаюць запазычаныя лексічныя адзінкі: адны з іх зафіксаваны ў слоўніках беларускай мовы, іншыя ўяўляюць сабой неалагізмы-запазычанні. Гэта сведчыць аб аб’ектыўным характары працэса запазычвання і аб засваенні іншамоўных адзінак у мове-рэцыпіенце. Новыя складаныя і складана-афіксальныя ад’ектывы ўтвараюцца на базе лексічных сродкаў беларускай мовы і іншамоўных адзінак.

Літаратура

1. Шакун, Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак-таў вун / Л. М. Шакун. – 2-е выд., перапрац. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 319 с.
2. Козейко, И. П. Словообразовательные неологизмы в современном белорусском языке (на материале 60–80-х годов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / И. П. Козейко ; Ин-т мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР. – Мінск, 1989. – 17 с.
3. Прыгодзіч, М. Р. Словакладанне ў беларускай мове / М. Р. Прыгодзіч. – Мінск : БДУ, 2000. – 227 с.
4. Уласевіч, В. І. Лексічныя працэсы ў беларускай мове 90-х гадоў XX ст. : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.02 / В. І. Уласевіч. – Мінск, 2002. – 107 с.
5. Даўгулевіч, Н. М. Фанетычная адаптацыя запазычанняў з англійскай мовы ў сучаснай беларускай мове : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Н. М. Даўгулевіч ; Ин-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2003. – 20 с.
6. Кавалёва, Л. Я. Англіцызмы ў тэрміналогіі сучаснай беларускай літаратурнай мовы : манарг. / Л. Я. Кавалёва ; навук. рэд. праф. П. У. Сцяцко. – Гродна : ГрДУ, 2007. – 186 с.

Summary

The article deals with structural and semantic analysis of new adjectives in the language of social and political journalism in XXI century. Modern Belarusian periodicals have been used to gather research materials. In the article the author gives the meaning of new adjectives and defines productive ways of word-building. It has been found out that there are several lexical fields enriched by new-built adjectives. They are musical, sport, medical, economic and everyday life’s spheres.

Паступіў у рэдакцыю 02.02.09.

УДК 811.161

В. С. Сидорец

**К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ**

Рассматриваются ключевые понятия функциональной грамматики: лингвистическая функция, функционализм, понятийная категория (понятийное поле) – функционально-семантическая категория (функционально-семантическое поле). Предлагается закрепить термин **понятийная категория – понятийное поле, функционально-семантическая категория – функционально-семантическое поле** за объектами, отличающимися объемом и характером составляющих. Обращается внимание на некоторые специфические черты понятийной и функционально-семантической категорий процессуальности.

Введение

То, что функционально-семантическое направление в языкознании обусловило появление и последующее применение в соответствующих исследованиях методов ономазиологии, когнитивистики, зародившейся в прикладной лингвистике, номинативной деривации и др., выдвигает, естественно, вопрос о самом понятии *функция языковой единицы*, поскольку функциональная грамматика ориентируется «на изучение и описание функций и закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания» [1, 15], а также предполагает возможность «синтеза двух направлений анализа – от форм к значению (от средств к функциям) и от значения к форме (от функций к средствам)» [1, 15]. Само понятие *функция* связано в нашем сознании с определенным рода динамизмом, обусловленным первичным значением латинского существительного *functio* (исполнение, свершение), производного от причастия *functus*, которое входит в систему форм глагола *fungor, functus sum, fungi* – осуществлять, выполнять, исполнять [2, 341].

Результаты исследования и их обсуждение

Сейчас сложно установить, кто из ученых впервые обратил внимание на понятие *функция* в лингвистическом аспекте. Попытки разобраться в этой проблеме предпринимались неоднократно. К числу последних можно отнести изложение истории вопроса, которому посвящена значительная часть первой главы монографии З. И. Резановой, отметившей, что в лингвистических исследованиях термин *функция* «синонимичен базовому термину системно-структурной модели описания языка – термину *отношение*» [3, 3]. У датских структуралистов эти термины используются как дубликаты. Однако, подчеркивает Резанова, «понятие *функция* гипонимично понятию *отношение*. Функция – это внешнесистемное отношение единиц: в пределах языкового уровня единицы связываются парадигматическими и синтагматическими отношениями, во внешней среде, которой является более высокий уровень иерархически организованной языковой системы, отношения элементов определяются как функция» [3, 3].

Резанова делает особый акцент на функционализме как одной «из методологических установок современной научной парадигмы» [3, 19] и критически оценивает известные положения Ю. С. Степанова о трех языковых функциях – номинации, предикации и локации [4, 122–142], Е. С. Кубряковой о трех установочно-познавательных принципах в процессе лингвистического познания – экспансионизме, антропоцентризме, экспланаторности [5, 5–13]. Она приводит также высказывания глоссемантиков, представителей Пражского лингвистического кружка и др., о понятиях *функция, функционализм*, стремится определить специфику, систему, иерархию и назначение различных языковых функций.

Содержательное и подробное освещение истории данного вопроса позволило автору монографии сделать заслуживающий внимания вывод о том, «что истолкование функций любого элемента системы возможно лишь в связи с осуществлением внешнего языкового отношения – коммуникативной функции» [3, 21], «что любая языковая функция реализуется как совокупность ее текстовых воплощений» [3, 35] и др. Пожалуй, наиболее убедительны в изложении З. И. Резановой те положения о лингвистической функции и функционализме, которые опираются на высказывания В. Г. Гака, Е. А. Земской, Л. Н. Мурзина и особенно А. В. Бондарко, который еще в начале 80-х достаточно четко обосновал следующее положение: «...функция языковой единицы

тракується нами, з одної сторони, як здатність до виконання певного призначення (в частині, як «звернутий» потенціал функціонування, обумовлюючий межі і правила самого процесу функціонування даної одиниці), а з іншої – як результат функціонування – реалізована, досягнута мета» [1, 20].

Вельми логічним представляється акцентування уваги А. В. Бондарко на взаємодії «грамматических категорій як систем з оточуючою середою» [1, 24], яке є суттєвим компонентом в сфері функціонування мовних одиниць. Виходячи з загальної теорії, що випливає з системних досліджень різних об'єктів дійсності, А. В. Бондарко відзначає, що «система як множина елементів з відносинами і зв'язками між ними, що утворюють певну цілісність, протистоїть середі, в якій вона функціонує, з якою вона проявляє і створює всі свої властивості» [1, 24]. Якщо мати на увазі систему мови, то «середою по відношенню до цієї або іншої мовної одиниці, категорії або групування як початкової системи – це множина мовних (а також немовних) елементів, що беруть участь по відношенню до початкової системи в її функціонуванні, в якій ця система виконує свою функцію» [1, 25]. В зв'язку з цим середою ділять на два типи – парадигматический і синтагматический. Перший тип – це взаємодія певної мовної одиниці, категорії, групування в парадигматическій системі мови, другий тип – це взаємодія їх в мові (контексті, мовній ситуації) [1, 25].

Звичайно, функціонування мовних одиниць відбувається в мікросереді (висловлюванні) і макросереді (цілісному контексті). Само функціонування – це «актуалізація і взаємодія в мові одиниць, класів і категорій даної мовної системи. Живий процес функціонування здійснюється в мові, однак *правила і типи функціонування мовних одиниць відносяться до системи і норми мови (історически і соціально обумовленої), до мовної структури, представляючи собою його активний динамічний компонент*» (курсив автора. – В. С.) [1, 23].

Крім власне мовної середою взаємодії елементів, слід враховувати і їх взаємодію «з середою „зовнішньою“ – соціолінгвістическою і психолінгвістическою» [1, 25]. Відповідно, «грамматическі одиниці, класи і категорії як системи повинні вивчатися разом з тією середою, в якій вони перебувають і з якою вони взаємодіють» [1, 26]. Все це в сукупності «представляє собою найважливіший інтегративний фактор формування функціонально-семантичних полів» [1, 26].

Цілісним завданням є вивчення поставленої проблеми з точки зору ментальної лінгвістики і особливо тієї частини, яка є об'єктом дослідження і має когнітивну функцію мови – «її роль в забезпеченні мисльового процесу» [6, 8], «мисльової діяльності» [7, 21], в здійсненні людиною концептуалізації і категоризації світу [8, 226]. В результаті мовної когніції об'єктивно-суб'єктивного світу в свідомості людини з урахуванням її інтелектуальних здатностей, її життєвого досвіду закріплюються різні за обсягом і складністю ментальні структури, до яких належать понятійні категорії (понятійні поля).

Кожна понятійна категорія – це ментально відображена сукупність невербальних фактів, об'єднаних загальним смисловим стержнем – понятійним інваріантом. В мові така категорія виражена, як відзначав І. І. Мещанинов, системою лексических, морфологіческих і синтаксических значень [9, 15]. В конкретній мові понятійні категорії «реалізуються в формі функціонально-семантичних категорій, або полів» [10, 77]. Опис системи таких полів, як відзначає А. В. Бондарко, представляє сутність певного напрямку в науці про мову – функціональної граматики [11, 32]. При цьому функціональна граматика ніяким чином не претендує на об'єкти дослідження традиційної граматики – граматическі категорії, які є історически виробленими мовними формулами, в яких понятійні категорії отримали стандартне вираження.

Не кожна понятійна категорія може знайти завершене, граматическе оформлення. Так, понятійна категорія певності-непевності в сфері імен іменних слів має граматическі стандарти в ряду мов – певний і непевний артикли, але не має їх в східнослов'янських мовах. У східних слов'ян граматически представлена понятійна категорія межності дії, але її немає на граматическому рівні в германських мовах. Звичайно, відсутність спеціалізованих граматических засобів для вираження цієї або іншої понятійної категорії компенсується застосуванням різнорівневих неспеціалізованих засобів, що є важливим об'єктом функціональної граматики,

которая не порывает с системно-структурным аспектом грамматического строя языка, а разрабатывает его в особом направлении – не по отдельным уровням и аспектам, а на базе описания структуры семантико-функциональных единств, охватывающих взаимодействующие элементы разных уровней системы языка [11, 16]. Обращаясь к истокам функциональной грамматики в России, А. В. Бондарко акцентирует внимание на том, что функционально-грамматические приемы описания языковых фактов имеют в отечественном языкознании значительную традицию. В книге «Грамматическое значение и смысл» он апеллирует к трудам А. А. Потемни, И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, выделяя в них то, что относится к сфере функционально-грамматических исследований [12]. Подчеркивая «полевой» характер построения функциональной грамматики, А. В. Бондарко дает описание и общую характеристику системы функционально-семантических полей [11, 40–47].

Определяя функционально-семантическое поле как «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [11, 40], А. В. Бондарко выделяет группировку полей с акциональным (предикативным) ядром (в нашей терминологии такая группировка называется *функционально-семантической категорией процессуальности*), группировку полей с предметным (субъектно-объектным) ядром, группировку полей с качественно-количественным (преимущественно атрибутивным) ядром, группировку полей с обстоятельственным ядром [11, 42].

А. В. Бондарко указывает на «различия между полями в зависимости от степени их грамматической центрированности, от морфологического, синтаксического, лексико-грамматического или смешанного характера центра поля, от моноцентричности / полицентричности и других структурных признаков» [11, 44]. К числу моноцентрических относятся поля, которые формируются на базе грамматических категорий. Так, в основе моноцентрического поля темпоральности лежит грамматическая категория времени, поля залоговости – грамматическая категория залога и т. д. Поле количества является полицентрическим, поскольку «опирается не только на грамматическую категорию числа, но и на грамматический класс числительных, количественно-именные сочетания и т. д.» [11, 43]. Такими же будут поля качественности, посессивности и др.

Исследование различных полей, «опирающихся на грамматические единицы и категории, включает анализ функционирования грамматических форм и категорий. В центре внимания при таком анализе оказывается соотношение грамматической единицы и *контекста*» (курсив наш. – В. С.) [11, 45].

Грамматические средства (единицы и конструкции) в органичном взаимодействии с лексикой, словообразованием (шире – с номинативной деривацией) реализуют в тексте множество смыслов. При этом, как подчеркивает А. В. Бондарко, «в основу описания ФСП в направлении от семантики к формальным средствам ее выражения кладутся ... не все вообще, не любые смыслы, которые можно извлечь из высказываний в данном языке, а лишь категориальные смыслы, т. е. те, которые находят воплощение в значениях грамматических форм и категорий, в служебных (т. е. грамматических) словах, в специальных типах синтаксических конструкций или в значениях лексико-грамматических разрядов» [11, 52].

Категориальные смыслы, составляющие функционально-семантические поля, естественным образом связаны с номинативной деривацией, порождающей для реализации этих смыслов различные по степени сложности номинации на основе ономаσιологической формулы, включающей понятие ономаσιологического базиса и понятие ономаσιологического признака, или, выражаясь словами В. М. Никитевича, формулы номемы (СС + КС) [13, 32]. Появляющиеся номинации включаются в номинативные структуры (номинативные ряды, типовые деривационные группы, деривационно расширенные словообразовательные гнезда и др.), которые составляют номинативные классы, т. е. группировки различных по характеру и объему структуры номинаций, возглавляемых частями речи. В этом отношении имеется много общего в понятиях *функционально-семантическое поле* и *номинативный класс*: группировка полей с предметным (субъектно-объектным) ядром и номинативный класс субстантива, группировка полей с акциональным (предикативным) ядром и номинативный класс, возглавляемый глаголом, и др.

Комплексные структуры типа *номинативный ряд* – своеобразные участки группировки полей или номинативных классов. Исследование этих комплексных структур – важная часть изучения как номинативных классов и функционально-семантических группировок полей вообще, так и отдельного поля в частности.

В связи с тем что в сфере функциональной грамматики используются термины *понятийная (семантическая) категория, понятийное поле, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле*, считаем целесообразным внести некоторые уточнения в употребление этих терминов. За совокупностью разноструктурных языковых элементов, ядром которых является лексико-грамматическая категория (часть речи), закрепить название *функционально-семантическая категория*, а то, что ее породило, – *понятийная категория*. Данные категории имеют фундаментальный характер. За теми же структурами, через которые они реализуются, закрепить названия *функционально-семантическое поле* и *понятийное поле*.

Не отрицая в принципе полевой подход в сфере функциональной грамматики, В. С. Храковский подчеркивает, что «исходными рабочими понятиями функциональной грамматики должны быть понятие минимального семантического признака (кратность, цикличность и т. п.) и понятие семантической зоны данного семантического признака [14, 76]. Только при достаточно основательном изучении как семантики, так и средств выражения этих признаков, «можно и нужно ставить вопрос об объединении семантических признаков в функционально-семантическом поле. Пока же проблема формирования функционально-семантического поля ясна не во всех деталях» [14, 76].

Полагаем, что в настоящее время функционально-грамматические изыскания вполне могут вестись как с позиций функционально-семантического поля, так и с учетом минимального семантического признака в зависимости от характера изучаемого объекта. Анализируя определенный языковой факт с точки зрения минимального семантического признака, мы пытаемся установить его «внутреннюю форму», его изолированный семантический микромир. Если же нам нужно выяснить лексико-грамматическую природу этого факта, его функционально-речевые свойства, статус в языке, совершенно необходим выход на семантическую зону данного семантического признака (в нашем случае – зона типовой деривационной группы, зона расширенного словообразовательного гнезда и др.), на понятие функционально-семантического поля (функционально-семантической категории).

Хотя функционально-семантическая категория есть порождение понятийной категории, она в известной степени автономна по отношению к понятийной категории, развивается по своим законам в плане выражения и содержания. Функционально-семантические категории, как известно, различны по объему. Более емкие, фундаментальные категории могут состоять из менее емких – подкатегорий (или полей). Естественно, первые представляют расширенную совокупность однородных значений, вторые – суженную. Следовательно, существует иерархия категорий.

Одной из ведущих фундаментальных категорий является функционально-семантическая категория процессуальности, система разноуровневых элементов которой (глаголов, вербоидов, глагольных словосочетаний) объединяется понятийным инвариантом, выражающим действие в широком, абстрактно-грамматическом смысле слова. Этот инвариант – результат преломления сложившегося в сознании человека инварианта процесса (состояния), объединяющего, в свою очередь, те невербальные факты отраженной действительности, которые представляют понятийную категорию процессуальности.

В определенном, чисто теоретическом смысле закономерен вопрос: где завершается понятийная категория процессуальности и начинается сфера действия категории функционально-семантической. Завершение первой и переход ко второй происходит тогда, когда осуществляется отбор и наименование процессуальных фактов, что является объектом ономазиологии, которая в значительной степени определяет сущность функционально-семантических исследований, так как «изучение тех или иных языковых явлений в ономазиологическом плане означает, что в центре внимания находится вопрос о том, как связаны эти явления с обозначением окружающей действительности, с выбором и созданием названий для отдельных ее фрагментов. Ономазиологический подход означает также изучение номинативных функций самих анализируемых единиц, т. е. их непосредственной роли в процессах номинации» [15, 5]. Ономазиологический аспект позволяет заметить, в чем проявляется автономия, относительная самостоятельность понятийной и функционально-семантической категорий. Кстати, «одним

из существенных проявлений относительной самостоятельности языкового и мыслительного содержания является возможность реализации одного и того же мыслительного содержания в разных высказываниях, отличающихся друг от друга с точки зрения языкового содержания» [11, 66], поэтому естественно, что «мыслительное содержание в своих фундаментальных категориях ... универсально, тогда как языковое содержание наряду с универсальными элементами (которые, так или иначе, отражают мыслительную основу языкового содержания) заключают в себе существенные неуниверсальные элементы» [11, 69].

Выводы

Итак, понятия *лингвистическая функция, функционализм, понятийная категория (поле) + функционально-семантическая категория (поле)* актуальны, фундаментальны в современной лингвистической науке, поскольку отражают сущностный реальный факт – язык в динамике. В своей основе эти понятия не имеют принципиальных различий в многочисленных работах по функциональной лингвистике, а фактически взаимодополняют друг друга. Так, например, понятие *группировка полей с акциональным (предкативным) ядром* [ГПАЯ] у А. В. Бондарко весьма близко к понятию *номинативный класс глагола* [НКГ] у В. М. Никитевича и А. В. Никитевича, а также к нашему понятию (В. С.) – *функционально-семантическая категория процессуальности* [ФСКП]. Некоторые различия могут иметь место в структурировании сегментов данного или других лингвистических объектов, в отмеченном случае ГПАЯ (НКГ, ФСКП). Однако наличие таких различий способствует более аргументированному и глубокому познанию сущности самого объекта.

Литература

1. Бондарко, А. В. К теории функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 16–29.
2. Латинско-русский словарь / авт.-сост. И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1986. – 840 с.
3. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. – 219 с.
4. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
5. Кубрякова, Е. С. Парадигма падежного значения в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 5–13
6. Слюсарева, Н. А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии / Н. А. Слюсарева // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 56–65.
7. Селиванова, Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
8. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.
9. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов // Труды Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1. – С. 3–15.
10. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : МГУ, 2000. – 504 с.
11. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.
12. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 175 с.
13. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 157 с.
14. Храковский, В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики / В. С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики. – М. : Наука, 1985. – С. 65–77
15. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.

Summary

The key notions of the functional grammar are considered: the linguistic function, functionalism, conceptual category (conceptual field) – functional-semantic category (functional-semantic field). It is proposed to allot the terms *conceptual category – conceptual field, functional-semantic category – functional-semantic field* to the objects, which differ from each other on their scope and character of the components.

Attention is given to some specific features of the conceptual and functional-semantic categories processuality.

Поступила в редакцию 02.03.09.

УДК 811.161.3 = 111

*А. Дз. Цеплякова***АНГЛАМОЎНЫЯ ЗАПАЗЫЧАННІ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ
У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ
(колькасны склад і крыніцы паходжання)**

У артыкуле вызначаюцца колькасны склад і крыніцы паходжання англамоўных запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове. Крыніцы паходжання крылатых слоў размяжоўваюцца на адзінкавыя (першасныя і другасныя) і комплексныя. Першасныя – гэта ўласна англійскія крыніцы. Другасныя крыніцы садзейнічалі ўзнікненню крылатасці тых ці іншых выказаў з уласна англійскіх і іншых першакрыніц. Комплексныя (дзе і больш) крыніцы прадстаўлены трыма дыяхранічнымі мадэлямі: «уласна англійскія + уласна англійскія», «няўласна англійскія + уласна англійскія», «няўласна англійскія + няўласна англійскія + уласна англійскія».

Уводзіны

У сучаснай беларускай літаратурнай мове ўжываецца вялікая колькасць крылатых слоў, якія паходзяць як з уласна беларускіх [1], так і з іншамоўных крыніц [2], [3]. Пэўная колькасць іншамоўных запазычанняў крылатых слоў у беларускай мове трапіла ў яе з англійскай мовы. Англамоўныя запазычанні крылатых слоў у беларускай мове спецыяльна не вывучаліся, акрамя спробы іх лексікаграфічнай рэпрэзентацыі ў тлумачальным слоўніку «Крылатыя выразы ў беларускай мове» (2004) пад рэдакцыяй Я. Я. Іванова [2].

Мэтай гэтага артыкула з'яўляецца ўдакладненне колькаснага складу англамоўных запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове, вызначэнне іх моўнага генезісу і дыферэнцыяцыя паводле крыніц іх паходжання.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

1. Колькасны склад англамоўных запазычанняў крылатых слоў. Агульная колькасць англамоўных запазычанняў крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове складае больш за 100 адзінак. Яны паходзяць як з уласна англійскіх, так і з іншых крыніц.

Крылатых слоў з уласна англійскіх крыніц налічваецца 95 адзінак. З іх у тлумачальным слоўніку «Крылатыя выразы ў беларускай мове» (2004) пад рэдакцыяй Я. Я. Іванова зафіксавана 36 адзінак, а ў «Этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў» (2004) І. Я. Лепшава – 2 адзінкі. У выніку праведзенага аналізу тэкстаў розных функцыянальных стыляў мы вылучылі шляхам фронтальнай выбаркі яшчэ 57 адзінак, шырокае ўжыванне якіх у сучаснай беларускай літаратурнай мове пацвярджаецца шматлікімі прыкладамі.

Крылатых слоў, якія трапілі, на наш погляд, у беларускую мову праз англійскую, налічваецца 7 адзінак, з іх 6 зафіксавана ў слоўніку крылатых выказаў пад рэдакцыяй Я. Я. Іванова [2] і яшчэ 1 вызначана паводле праведзенага намі аналізу тэкстаў рознай функцыянальна-стылістычнай прыналежнасці.

2. Крыніцы паходжання англамоўных запазычанняў крылатых слоў складаюць надзвычай гетэрагенную сукупнасць і таму патрабуюць класіфікацыі. Іх можна размежаваць, у першую чаргу, на адзінкавыя і комплексныя.

2.1. Адзінкавыя крыніцы дыферэнцыруюцца на першасныя (арыгінальныя) і другасныя (неарыгінальныя).

2.1.1. Першасныя крыніцы паходжання маюць толькі англамоўныя запазычанні крылатых слоў з уласна англійскіх крыніц. Да гэтых крыніц адносяцца літаратурныя тэксты, фальклорныя творы, тэксты масавай камунікацыі, назвы твораў мастацтва, выказванні знакамітых асоб – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў, філосафаў, вучоных, пісьменнікаў, ананімныя літаратурныя (навуковыя, публіцыстычныя і інш.) тэксты, мянушкі вядомых асоб і літаратурных герояў.

2.1.1.1. Літаратурныя крыніцы размяжоўваюцца на творы мастацкай літаратуры, эпісталажныя тэксты, публіцыстычныя творы, філасофскія творы, навуковыя і навукова-папулярныя творы і інш.

1. Мастацкія творы розных відаў і жанраў як крыніцы крылатых слоў падзяляюцца, у сваю чаргу, на празаічныя, паэтычныя і драматычныя:

а) праязічныя:

– раман, напр.: *мая другая (ленішая) палавіна* < *my better half* (Ф. Сідней, «Arcadia», 1590); *Шлюбны вершанца на нябёсах* < *Marriages are made in heaven* (Дж. Лілі, «Euphues and his England», 1580) і інш.;

– аповесць, напр.: *хлопчык для біцця* < *whipping-boy* (М. Твэн, «The Prince and the Pauper», 1882) і інш.;

– літаратурная казка, напр.: *закон джунгляў* < *the jungle law* або *the law of the jungle* (Дж. Р. Кіплінг, «The Second Jungle Book», 1895) і інш.;

б) паэтычныя:

– паэма, напр.: *каханне з першага погляду* < *love at first sight* (К. Марла, «Hero and Leander», 1598); *салодкая помста* < *Sweet is revenge, especially to women* (Дж. Байран, «Don Juan», 1818–1823); *Усё стала яшчэ больш заблытаным* < *Confusion worse confounded* (Дж. Мільтан, «The Paradise Lost», 1667) і інш.;

– верш, напр.: *сто тысяч чаму* < *seven million Whys* (выраз з верша Дж. Р. Кіплінга «Six Honest Serving Men» з казкі «The Elephant's Child» з кнігі «Just So Stories», 1902) і інш.;

в) драматычныя:

– трагедыя, напр.: *Быць або (ці) не быць* < *вось у чым пытанне* > < *To be or not to be: that is the question* (У. Шэкспір, «Hamlet», 1601); < *Каня! Каня!* > *Паўцарства за каня!* < *A horse! a horse! my kingdom for a horse!* (У. Шэкспір, «King Richard III», 1593); *Ці малілася ты на ноч, Дзэдэмона?* < *Have you pray'd tonight, Desdemona?* (У. Шэкспір, «Othello», 1604) і інш.;

– драма¹, напр.: *усё або нічога* < *all or nothing* (Г. Ібсен, «Brand», 1866) і інш.

2. **Эпістальныя тэксты**, напр.: *Чуткі < пра маю смерць > перабольшаныя* < *The report of my death was an exaggeration* (выслоўе М. Твэна з тэлеграмы агенцтву «Associated Press» у адказ на інфармацыю пра нібыта яго пахаванне, якая з'явілася ў перыядычным друку ў ЗША, калі пісьменнік падарожнічаў па Еўропе ў 1896 г.) і інш.

3. **Публіцыстычныя творы**, напр.: *дыпламатыя даляра* < *dollar diplomacy* (выраз Ф. Нокса, дзяржаўнага сакратара ЗША ў 1909–1913 гг., які ён ужыў у артыкуле, надрукаваным у часопісе «Harper's Weekly» 23 красавіка 1910 г.); *жоўтая прэса* < *yellow press* (выраз амерыканскага журналіста Э. Уордмэна, рэдактара часопіса «New York Press», які ў 1896 г. так назваў у сваім часопісе газеты «The World» і «New York Journal» з прычыны гучнай, скандальнай спрэчкі паміж імі за права першынства на выяву дзіцяці ў жоўтай кашульцы, што выкарыстоўвалася абодвума выданнямі ў фрывольных малюнках з гумарыстычнымі тэкстамі); *усемагутны даляр* < *the almighty dollar* (выраз з нарыса В. Ірвінга «The Creole Village», 1837) і інш.

4. **Філасофскія творы**, напр.: *дзяржаўная машына* < *the machinery of government* (Т. Гобс, «Leviathan», 1651); *патоўк свядомасці* < *stream of consciousness* (У. Джэймс, «The Principles of Psychology», 1890) і інш.

5. **Навуковыя і навукова-папулярныя творы**, напр.: *натуральны адбор* < *natural selection* (Ч. Р. Дарвін, «The Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life», 1859) і інш.

2.1.1.2. **Фальклорныя творы** (гістарычныя анекдоты і інш.), напр.: *трымаць порах сухім* < *keep one's powder dry* (выраз з гістарычнага анекдота XVII ст. пра кіраўніка англійскай буржуазнай рэвалюцыі О. Кромвеля, які нібыта сказаў сваім войскам 3 верасня 1650 г. перад фарсіраваннем ракі напярэдадні бітвы з шатландскімі раялістамі пры Данбары: «Put your trust in God, but mind to keep your powder dry!») і інш.

2.1.1.3. Тэксты масавай камунікацыі:

– мова рэкламы, напр.: *Брыльянты – < гэта > вечная каштоўнасць* < *A Diamond Is Forever* (рэкламны слоган паўднёваафрыканскай кампаніі «De Beers» – буйнейшага вытворцы брыльянтаў у свеце, упершыню з'явіўся ў ЗША ў 1939 г.); *Палепшыце Вашу жыццё!* < *Let's make things better!* (рэкламны слоган фірмы «Philips» у 1990-я гг.) і інш.;

– мова міжнароднай камунікацыі ў надзвычайных сітуацыях, напр.: *Ратуйце нашы душы!* < *Save our souls!* або *Save our ship!* (выслоўе – адвольная расшыфроўка шырока вядомага афіцыйнага міжнароднага сігналу бедства SOS, які дзейнічаў з 1908 па 1999 гг.) і інш.

2.1.1.4. **Назвы твораў мастацтва** (назвы літаратурных тэкстаў, твораў музычнага і выяўленчага мастацтва, кінафільмаў і г. д.), якія сталі крылатымі, размяжоўваюцца на наступныя.

¹ Драма тут разумеецца як адзін з асноўных жанраў (відаў) драмы як літаратурнага роду разам з камедыяй і трагедыяй [4, 102].

1. **Назвы літаратурных тэкстаў**, напр.: *апошні з магікан* < «*The Last of the Mohicans*» (назва рамана Дж. Ф. Купера, 1826); *кошка, якая гуляла сама па сабе* < «*The Cat That Walked himself*» (назва казкі Дж. Р. Кіплінга, 1902); *Многа (шмат) шуму з нічога* < «*Much Ado about Nothing*» (назва камедыі У. Шэкспіра, 1599); *свята, якое заўсёды з табой* < «*A Moveable Feast*» (назва кнігі ўспамінаў Э. Хемінгуэя, 1960); *страчаны рай* < «*The Paradise Lost*» (назва паэмы Дж. Мільтана, 1667); *Хто ёсць хто* < «*Who is who*» (назва штогадовага біяграфічнага даведніка, які выдаецца ў Вялікабрытаніі, ЗША і некаторых іншых краінах) і інш.

2. **Назвы твораў музычнага мастацтва**, напр.: *Дайце міру шанец* < «*Give Peace a Chance*» (назва і рэфрэн вядомай песні англійскага спевака Дж. Ленана, 1969, створанай у знак пратэсту супраць вайны паміж ЗША і В'етнамам у 1957–1975 гг.) і інш.

3. **Назвы кіна-, тэле- і мультфільмаў**, напр.: *агі вялікага горада* < «*City Lights*» (назва нямога мастацкага фільма амерыканскага рэжысёра, акцёра і сцэнарыста Ч. Чапліна, 1931); *Гэты шалёны, шалёны, шалёны, шалёны свет* < «*It's a Mad, Mad, Mad, Mad World*» (назва мастацкага фільма амерыканскага рэжысёра С. Крамера, 1963); *зорныя войны* < «*Star Wars*» (назва мастацкага фільма амерыканскага рэжысёра Дж. Лукаса, 1977); *на ўсе часы* < «*A Man for all Seasons*» (выраз з назвы мастацкага фільма аўстрыйскага рэжысёра Ф. Зінемана, 1966) і інш.

2.1.1.5. Выказванні знакамітых асоб – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў, філосафаў, вучоных, пісьменнікаў.

1. **Дзяржаўных і палітычных дзеячаў**, напр.: *палітыка вялікай дубічкі* < *big stick policy* або *the policy of big stick* (выраз з прамовы Т. Рузвельта, прэзідэнта ЗША ў 1901–1909 гг., на кірмашы ў штаце Мінесота 2 верасня 1901 г.); *рукі прэч* < *hands off* (выраз з прамовы англійскага палітычнага дзеяча У. Гладстана ў парламенце ў 1878 г., які ўжыў яго як палітычны лозунг супраць захопніцкай палітыкі Аўстрыі, якая акупавала Боснію і Герцагавіну); *Час працуе на нас* або *Час на нашым баку* < *Time is on our side* (выслоўе з прамовы англійскага палітычнага дзеяча У. Гладстана ў парламенце ў 1866 г.) і інш.

2. **Грамадскіх дзеячаў**, напр.: *джэнтэльменская дамова* < *gentleman's agreement* (выраз амерыканскага фінансіста Дж. П. Моргана, які так называў дамовы, што заключаліся ў яго на абедрах у 1886 г.) і інш.

3. **Філосафаў**, напр.: *Прышла развязка* < *Relief has come* (выслоўе англійскага філосафа Р. Оўэна, якое ён сказаў за некалькі хвілін перад сваёй смерцю 17 лістапада 1858 г.); *скачок у невядомасць* < *leap in the dark* (выраз англійскага філосафа Т. Гобса, які ён сказаў у апошнюю хвіліну перад сваёй смерцю 4 снежня 1679 г.) і інш.

2.1.1.6. Ананімныя літаратурныя (навуковыя, публіцыстычныя і інш.) тэксты, напр.: *уцечка мазгоў* < *brain drain* (выраз з англійскай перыёдыкі пачатку 1960-х гг.; калі пачалася масавая эміграцыя вучоных, інжынераў і іншых высокакваліфікаваных спецыялістаў з Вялікабрытаніі і іншых краін Заходняй Еўропы ў ЗША, што характарызавалася ў англійскай газеце «*Evening Standard*» 7 студзеня 1963 г. як «уцечка мазгоў праз Атлантыку»); *палітыка адчыненых дзвярэй* < *open-door policy* або *the policy of the open door* (выраз, які шырока выкарыстоўваўся ў англійскай прэсе ў 1898 г.) і інш.

2.1.1.7. Мянускі вядомых асоб і літаратурных герояў, напр.: *жалезная ледзі* < *Iron Lady* (жартаўлівая мянушка М. Тэтчэр, прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі ў 1979–1990 гг.) і інш.

2.1.2. Другасныя крыніцы паходжання крылатых слоў не з'яўляюцца арыгінальнымі. Крылатыя словы з другасных крыніц былі запазычаны, у сваю чаргу, з іншых літаратурных, фальклорных і г. д. тэкстаў (першакрыніц). Дзякуючы аўтарытэту аўтараў другасных крыніц і/або вядомасці іх твораў такія выразы сталі шырокавядомымі і набылі «крылатасць». Пры гэтым звесткі аб першакрыніцы з'яўляюцца неактуальнымі (або ўвогуле невядомымі) для носьбітаў мовы (першая крыніца аказваецца забытай або нападзубытай, паколькі выраз стаў вядомым дзякуючы свайму другаснаму выкарыстанню).

У якасці другасных крыніц паходжання могуць выступаць усе вызначаныя вышэй крыніцы (гл. 2.1.1.).

Першакрыніцы тых выказаў, якія сталі крылатымі дзякуючы ўжыванню ў другасных крыніцах, могуць быць як уласна англійскія, так і няўласна англійскія.

2.1.2.1. Уласна англійскія першакрыніцы можна размежаваць на літаратурныя творы, тэксты музычных твораў, фальклорныя творы, тэксты масавай камунікацыі, выказванні знакамітых асоб і інш.

1. **Літаратурныя творы**, напр.: *Лёд крануўся* < *The ice has been broken* (Г. Сунберн «*A Brief Treatise of Testaments and Last Wills*», 1590; выраз стаў крылатым пасля таго,

як быў ужыты ў п'есе У. Шэкспіра «The Taming of the Shrew», 1594); *мазгавы цэнтр* (*трэст*) < *brain(s) trust* (выраз амерыканскага журналіста А. Уайта, які ён ужыў у артыкуле «The Brain Trust» у газеце «The Saturday Evening Post» 21 сакавіка 1903 г.; стаў шырока вядомым пасля таго, як яго ўжыў амерыканскі журналіст Дж. М. Кіран у газеце «The New York Times» у дачыненні да дараднікаў Ф. Рузвельта, прэзідэнта ЗША ў 1933–1945 гг., у яго выбарчай кампаніі ў 1932 г.); *Па кім звоніць звон* < *And, therefore, never send to know for whom the bell tolls; it tolls for thee* (Дж. Дон, «Hymn to God, My God, in My Sickness», 1623; выраз стаў крылатым пасля выдання аднайменнага рамана Э. Хемінгуэя, 1940, у назве якога адлюстраваны хрысціянскі звычай гукамі званоў абвяшчаць аб няшчасці); *Праўду*, < *толькі праўду* > *і нічога, акрамя праўды!* < *The truth, the whole truth and nothing but the truth!* (Дж. Лілі, «Euphues and his England», 1580; выслоўе набыло шырокую вядомасць пасля таго, як стала афіцыйнай фармулёўкай прысягі ў англійскім судзе) і інш.

2. **Тэксты музычных твораў**, напр.: *уся каралеўская раць* < *all the king's men* (выраз з англійскай народнай дзіцячай песенькі пра Шалтая-Балтая; стаў крылатым пасля выхаду ў свет аднайменнага рамана Р. П. Уорэна, 1946) і інш.

3. **Фальклорныя творы** (легенды, паданні і інш.), напр.: *круглы стол* < *the round table* (выраз з кельцкіх народных легенд пра караля брытаў Артура, V–VI стст.; стаў шырока вядомым пасля выдання рамана Т. Мэлары «The Death of Arthur», 1469) і інш.

4. **Тэксты масавай камунікацыі**, напр.: *Мой дом – мая крэпасць* < *My house is my castle* (выслоўе – афіцыйная юрыдычная фармулёўка ў англійскім судзе; стала крылатым пасля выхаду ў свет трактата англійскага юрыста Э. Кока «The Third Part of the Institutes of the Laws of England», 1628) і інш.

5. **Выказванні знакамітых асоб** – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў, філосафаў, вучоных, пісьменнікаў, напр.: *хлусня, гноснае хлусня* < *Lies, damned lies, and statistics* (выраз англійскага дзяржаўнага дзеяча Б. Дызрэлі, прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі ў 1868 і 1874–1880 гг.; набыў крылатасць пасля таго, як быў ужыты ў аўтабіяграфіі М. Твэна «Chapters from My Autobiographie», 1907) і інш.

2.1.2.2. **Няўласна англійскія першакрыніцы** – гэта тэксты вуснай гутарковай мовы, літаратурныя творы, выказванні знакамітых асоб і інш.

1. **Тэксты вуснай гутарковай мовы**, напр.: *прамыванне (прамыўка) мазгоў* < *brain-washing* (выраз паходзіць ад кітайскага выразу *hsi nao* 'мыць розум'; стаў шырока вядомым пасля апублікавання артыкула амерыканскага журналіста Э. Хантэра «Brain-Washing' Tactics Force Chinese into Ranks of Communist Party» ў газеце «The Miami News» 24 верасня 1950 г. і выдання яго кнігі «Brain-washing in Red China: the Calculated Destruction of the Men's Minds», 1951) і інш.

2. **Літаратурныя творы**, напр.: *Факты – рэч упартая (упартая рэч)* < *Facts are stubborn things* (выслоўе паходзіць з рамана А. Р. Лесажа, «Histoire de Gil Blas de Santillane», 1715–1735; стала крылатым пасля выдання яго англійскага перакладу, зробленага англійскім пісьменнікам Т. Смолетам, – «The Adventures of Gil Blas of Santillane», 1749) і інш.

3. **Выказванні знакамітых асоб** – гістарычных (дзяржаўных, палітычных, грамадскіх) дзеячаў, філосафаў, вучоных, пісьменнікаў, напр.: *пятая калона* < «*Fifth Column*» (выраз з прамовы па радыё іспанскага генерала Э. Мола, які камандаваў франкісцкімі войскамі ў гады грамадзянскай вайны ў Іспаніі ў 1936–1939 гг., у час яго наступлення на Мадрыд летам 1936 г.; паўтораны іспанскім палітычным дзеячам Д. Ібаруры ў артыкуле «La Defensa de Madrid – la Defensa de España», надрукаваным у газеце «Mundo Obrero» 3 кастрычніка 1936 г.; стаў шырока вядомым пасля выхаду ў свет аднайменнай п'есы Э. Хемінгуэя, 1938) і інш.

2.2. **Комплексныя крыніцы** паходжання крылатых слоў, запазычаных з англійскай у беларускую мову, прадстаўлены сукупнасцю некалькіх крыніц, кожная з якіх з'яўляецца актуальнай для носьбітаў мовы. Можна вылучыць наступныя дыяхранічныя мадэлі комплексных крыніц.

2.2.1. **Уласна англійскія крыніцы + уласна англійскія крыніцы**, напр.: *імперыя зла* < англ. *Evil Empire* (выраз з кінафільма амерыканскага рэжысёра Дж. Лукаса «Star Wars», 1977; выраз Р. Рэйгана, прэзідэнта ЗША ў 1981–1989, з прамовы на канферэнцыі Нацыянальнай асацыяцыі евангелістаў у Арланда (Фларыда, ЗША) 8 сакавіка 1983 г.); *хросны бацька* < «*The Godfather*» (назва рамана М. П'юзэ, 1969; назва кінафільма ў трох частках амерыканскага рэжысёра Ф. Копалы, 1972–1990) і інш.

2.2.2. **Няўласна англійскія крыніцы + уласна англійскія крыніцы**, напр.: *бегчы, як пацукі* з < *тонучага* > *карабля* < *Rats desert for sake, leave a sinking ship* (выраз са старажытнага марскога павер'я, паводле якога пацукі, нібыта прадчуваючы караблекрушэнне, імкнуцца пакінуць карабель; У. Шэкспір, «The Tempest», 1611: «...the very rats instinctively have quit it») і інш.

2.2.3. Няўласна англійскія крыніцы + няўласна англійскія крыніцы + уласна англійскія крыніцы, напр.: *жалежная заслона* < *the iron curtain* (выраз французскага прэм'ер-міністра Ж. Клемансо з прамовы ў Палаце дэпутатаў Францыі 23 снежня 1919 г.; выраз нямецка-фашысцкага палітычнага і дзяржаўнага дзеяча Й. Гебельса, які ён ужыў у артыкуле «Das Jahr 2000», надрукаваным у часопісе «Das Reich» 23 лютага 1945 г.; выраз англійскага прэм'ер-міністра У. Чэрчыля з прамовы ў Вестмінстэрскім каледжы ў Фултане, ЗША, 5 сакавіка 1946 г., а таксама з яго тэлеграм ад 12 мая і 4 чэрвеня 1945 г. прэзідэнту ЗША Г. Трумэну; першапачаткова паходзіць з англійскага народнага выразу, які ўжываўся для абазначэння псіхалагічных пачуццяў адзіноты, замкнутасці і ўзнікненне метафарычнага сэнсу якога звязана з выкарыстаннем у заходнееўрапейскіх тэатрах канца XVIII ст. жалезных заслон у супрацьпажарных мэтах) і інш.

Вывады

З агульнай колькасці англамоўных запазычанняў крылатых слоў (больш за 100 адзінак) у сучаснай беларускай літаратурнай мове з уласна англійскіх крыніц паходзіць каля 93% (95 адзінак), а з іншых крыніц – каля 7% (7 адзінак).

Крыніцы паходжання крылатых слоў размяжоўваюцца на адзінкавыя і комплексныя. Адзінкавыя крыніцы дыферэнцыруюцца на першасныя (арыгінальныя) і другасныя (неарыгінальныя).

Першасныя крыніцы паходжання маюць толькі англамоўныя запазычанні крылатых слоў з уласна англійскіх крыніц (літаратурных і фальклорных твораў, тэкстаў масавай камунікацыі, назваў твораў мастацтва, выказванняў знакамітых асоб, ананімных літаратурных тэкстаў, мянушак вядомых асоб і літаратурных герояў). Літаратурныя крыніцы размяжоўваюцца на творы мастацкай літаратуры (празаічныя – раман, аповесць, літаратурная казка; паэтычныя – паэма, верш; драматычныя – трагедыя, драма), эпістэлярныя, публіцыстычныя, філасофскія, навуковыя і навукова-папулярныя творы.

Другасныя крыніцы паходжання крылатых слоў не з'яўляюцца арыгінальнымі. Першакрыніцы тых выказаў, якія сталі крылатымі дзякуючы ўжыванню ў другасных крыніцах, могуць быць як уласна англійскія (літаратурныя творы, тэксты музычных твораў, фальклорныя творы, тэксты масавай камунікацыі і выказванні знакамітых асоб), так і няўласна англійскія (тэксты вуснай гутарковай мовы, літаратурныя творы і выказванні знакамітых асоб).

Комплексныя крыніцы паходжання крылатых слоў прадстаўлены трыма дыяхранічнымі мадэлямі: «уласна англійскія + уласна англійскія», «няўласна англійскія + уласна англійскія», «няўласна англійскія + няўласна англійскія + уласна англійскія».

Прапанаваная класіфікацыя крыніц паходжання англамоўных запазычанняў крылатых слоў з'яўляецца адкрытай і можа ўдакладняцца і дапаўняцца.

Літаратура

1. Янкоўскі, Ф. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1960. – 135 с.
2. Крылатыя выразы ў беларускай мове : у 2 ч. / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – Ч. 1 : 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – 136 с.
3. Крылатыя выразы ў беларускай мове : у 2 ч. / пад рэд. С. Ф. Івановай. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – Ч. 2 : 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. : тлумачальны слоўнік. – 208 с.
4. Родина, Т. М. Драма / Т. М. Родина // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 100–102.

Summary

The article reveals the amount and sources of winged words borrowed from English into the modern Belorussian literary language. The etymological sources of the winged words are subdivided into simple (primary and secondary) and complex. Primary sources are the English sources exclusively. Secondary sources contributed to the spread of winged words from English and other sources. Complex (two or more) sources are represented by three diachronic patterns: «English + English», «Non-English + English», «Non-English + Non-English + English».

Паступіў у рэдакцыю 10.03.09.

УДК 811.161.3'373

*І. М. Яраш***УЛАСНА НАМІНАТЫЎНАЯ ФУНКЦЫЯ ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІХ НЕАЛАГІЗМАЎ
У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ**

У артыкуле разглядаюцца індывідуальна-аўтарскія неалагізмы, утвораныя з мэтай рэалізацыі ў сучасных паэтычных творах уласна намінатыўнай функцыі – назвы новай або перайменавання старой рэаліі. Праведзены аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў вылучыць паводле намінацыі чатыры групы індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў: а) абазначэнне новай рэаліі, якая не мае яшчэ намінацыі ў мове; б) перайменаванне старой рэаліі (індывідуальна-аўтарскі неалагізм выступае як сінонім узуальнага слова); в) аднаслоўнае найменаванне рэаліі, якая да гэтага часу абазначалася апісальнымі канструкцыямі; г) назва выдуманай рэаліі, якой на самой справе не існуе.

Уводзіны

Неалагізмы сталі аб'ектам пільнай увагі лінгвістаў прыкладна з 60-х гадоў ХХ стагоддзя. Традыцыйна пры іх даследаванні выкарыстоўваецца сістэмна-структурны падыход. Так, пытанні паходжання, утварэння і семантыкі новых слоў разглядаюцца ў працах А. Земскай, А. Лыкава, Р. Намітокавай, І. Улуканава, Г. Басавай, М. Прыгодзіча, А. Солахава, М. Шабовіча і інш. Актуальным застаецца пытанне аб функцыянальным прызначэнні неалагізмаў. У многіх даследаваннях у залежнасці ад мэты ўтварэння неалагізмы падзяляюцца на намінатыўныя і экспрэсіўныя. Першыя выконваюць у мове намінатыўную функцыю, г. зн. называюць новую рэалію, другія даюць вобразную характарыстыку прадметам, якія ўжо маюць назву. Некаторыя даследчыкі лічаць, што індывідуальна-аўтарскія новаўтварэнні пазбаўлены намінатыўнай функцыі (М. Фаміна) або гэта функцыя аслаблена. Так, А. Лыкаў сцвярджае, што галоўнай для узуальных слоў з'яўляецца намінатыўная функцыя, а для аказіянальных – экспрэсіўная, таму лексічны аказіяналізм не столькі намінатыўны, колькі экспрэсіўны [1, 27]. Гэтай пазіцыі прытрымліваецца і Р. Намітокава, якая лічыць, што патрэбна адмовіцца ад тэрмінаў «намінатыўны» і «экспрэсіўны» пры выяўленні канкрэтных функцый аўтарскіх неалагізмаў у мастацкім тэксце [2, 30].

У гэтым пытанні найбольш слушную думку, на наш погляд, выказвае А. Земская: неалагізмы, у тым ліку індывідуальна-аўтарскія, могуць выконваць і намінатыўную, і экспрэсіўную функцыі [3, 203]. Намінатыўная функцыя вылучаецца і сучаснымі даследчыкамі функцыянальнага аспекта індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў. Так, Н. Міронава, даследчык творчасці паэтаў-мадэрністаў, экспрэсіўнасць прызнае галоўнай прыметай аказіянальнага слова і разам з тым вылучае асобна намінатыўную функцыю як абазначэнне рэаліі або паняцця, выражэнне якіх у мове магчыма толькі ў выглядзе апісальных канструкцый [4, 13]. В. Бышук пры даследаванні функцый аўтарскіх дэрыватаў С. Кржыжаноўскага таксама звяртае ўвагу на намінатыўную функцыю новаўтварэнняў і выдзяляе тры групы абазначэнняў: назвы новых рэалій, сінонімы узуальных слоў, найменні выдуманых асоб, прадметаў, з'яў [5, 16]. У класіфікацыі А. Грышчавай намінатыўная і экспрэсіўная функцыя з'яўляюцца падтыпамі прагматычнай функцыі аказіянальных слоў. Пры гэтым даследчык асобна вылучае ўласна намінатыўную падфункцыю намінатыўнай функцыі [6, 10].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

На нашу думку, індывідуальна-аўтарскія неалагізмы – маўленчыя наваторы, якія адзначаюцца толькі ў пісьмовым тэксце, не фіксуюцца ў слоўніках нацыянальнай мовы, існуюць толькі ў тэксце і валодаюць прыметай незвычайнасці [2, 22], – не пазбаўлены намінатыўнай функцыі. У мове сучасных паэтычных твораў нярэдка сустракаюцца словы, утвораныя з мэтай назвы новай рэаліі, а не з мэтай узмацнення экспрэсіўнасці выказвання.

Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы, якія выконваюць намінатыўную функцыю, могуць абазначаць:

1) новыя рэаліі, якія не маюць яшчэ намінацыі ў мове: **аграпаўтарэнне** ‘паўтарэнне ведаў па апрацоўцы сельгасгаспадарчых культур’, **альтэрнатывісты** ‘тыя, хто шукаюць альтэрнатывы ў якіх-н. пытаннях’, **баба-самасёлка** ‘жанчына, якая самавольна дзе-небудзь пасялілася’, **негерой** ‘звычайны чалавек, які нічым не вылучаецца’, **палітаматар** ‘палітык, дзейнасць якога не перавышае аматарскага ўзроўню’, **рэхапрастора** ‘прастора, напоўненая рэхам’, **самапаўтор** ‘паўтарэнне самога сябе’, **урэчаісніць** ‘зрабіць рэчаісным, рэальным’, **хмараход** ‘рух хмар у небе’: *Андрэю друг – вучоны, Дырэктар запаведніка быў рады Параду даць, як трэба дбаць пра грады, Каб цэзій не падняў раслін карэнне, Ляжаў глыбока. Аграпаўтарэнне Назаўтра сын уніківа праводзіў... (М. Мятліцкі); Так, можа, калі-небудзь Зветраным ранкам У «рэтра» загоняць І Багдановіча з Танкам? А там, глядзіш, днём Ці, магчыма, і нанач Зняславяць і Белаавежу, І Нарач... Шумяць, не сціхаюць Пад рокі і твісты На роднай зямельцы Альтэрнатывісты (У. Карызна); Бліжэй да ложка мкнецца кіцель шэры: – Арсен, глядзі ты, баба-самасёлка! (Аўдоля) – Да ўжэ ж, глядзіце... з этага пасёлка! Я тут жыла, ад’ехалася ў гэці (М. Мятліцкі); Жыццё – адзіны валадар І радасці, і слёз, і мрояў. Геройскі ўчынак негероя – Не прапусціць чарговы ўдар (Т. Бондар); Вакола – рыцары насілля. Пераліцоўшчыкі вакол. Ці Беларусь – то, Ці Расія – Палітаматараў футбол (Г. Пашкоў); А рэха нямякое – знікае прастора... Зліваецца з рэхам: рэха – ў прасторы, прастора – у рэху... Рэхапрастора (В. Рагаўцоў); Зноў фарбы ночы нехта сцёр, І праяўляюцца абрысы, Бо кожны дзень – самапаўтор, Дзе ўсё імкнецца паўтарыцца (Н. Гальпяровіч); І Богу буду слаць маленні, Каб яркі імпульс стаўся вечным, І ўрэчаісніў наша сненне – Сагрэцца полымем сардэчным (Т. Барысюк); Ноч надзьмулася: Сухой наглыталася спёкі. А на небе – нямы хмараход (Ю. Новік),*

2) рэаліі, што маюць намінацыі ў мове, да якіх індывідуальна-аўтарскія неалагізмы выступаюць сінонімамі: **вершатворца** ‘паэт’: *Любы ў вачах сваіх уласных – Постаць! Дык не скажу, Што слухаць вас не варта – І вершатворцу юнага, І барда (М. Кусянкоў); дужасіл* ‘асілак, волат’: *Вось узложжа ягонае – Саламонава: Шэсцьдзесят дужасілаў наўкол, Самых дужых Израелевых – Аж ад іх угінаецца дол (Р. Барадулін); Жыццядар, Шчодрадаўца* ‘Бог’: *Хлеб наш надзённы пашлі, Жыццядар, сёння нам; Веру ў адзінага Бога Айца, Усёўладара, Шчодрадаўцу* добра, *Тварца ненасытнай зямлі І неба спадчыннага (Р. Барадулін); кавярніца* прапануецца аўтарам замест ‘барменша’, ‘афіцыянтка’: *Знікаю з павольнымі промнямі Туды, дзе аблокі цалуюцца, Дзе ты на знаёмай нам вуліцы чакаеш пагляду пшчотнага. Адключыш на вечар свой сотаваы. Цябе не пазнае кавярніца. Нам нашыя вобразы з’являцца (З. Арцюх); мільгавіца* ‘маланка’: *Спалошных крыл мільгавіца У стоенай вусцішы нетры (М. Мятліцкі); нікацінства* ‘курэнне’: *Можа, прыгадаць дзяцінства, Скажам, перайсці на мох. Ды такое нікацінства Можа вас завесці ў морг (К. Камейша); планецяне* ‘зямляне’: *– Што новага ў свеце? – І мы – планецяне! Хто з нас не «ваюе», з бутэлькі не цягне? Рабі справядліва! – душа не прыстане... (С. Панізнік); пусталобы* ‘дурань, пустагаловы’: *Меціць Бог пусталобых Да сівой галавы. Лі кагор у вантробы, І – ні шум баравы (В. Гардзей); радзімалюб* ‘патрыёт’: *Сум Сон-траву на чужыне скуб. Бязлітасны кон Нагрувашчваў хмары. А ён, зацяты радзімалюб, Спячаўся ўзвесці Госпаду храмы (Р. Барадулін); хлебасей* ‘хлебароб’: *Наднямонне годна стрэла сына, Бо не пан ён – Бачна па руках. Рукі чорныя, Нібыта ў хлебасея (Я. Хвалей); цыцэронія* ‘красамоўства’: *І ваша [аратараў] цыцэронія, Як залаты запас, Як нашых дзён іронія, Праславіць вас і час (Р. Тармола-Мірскі);*

3) рэаліі, якія ў мове абазначаюцца апісальнымі канструкцыямі. Намінатыўная функцыя гэтых індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў спалучаецца з кампрэсіўнай: **аднаклапатліўцы** – ‘людзі, якія маюць аднолькавыя клопаты’, **анкетчык** – ‘чалавек, які займаецца распрацоўкай анкет’, **арыштанцтва** – ‘час знаходжання пад арыштам’, **бескароўе** – ‘адсутнасць кароў’, **блуканец** – ‘той, хто блукае, ходзіць у пошуках чаго-н.’, **бязгрыб’е** – ‘адсутнасць грыбоў’, **бязмоўе** – ‘адсутнасць мовы’, **бурытыніца** – ‘выглядаць як бурштын’, **вывівастасць** – ‘здольнасць рабіць звілістыя рухі’, **высцяжыны** – ‘след ад руху змея’, **гулажнік** – ‘чалавек, які адбываў тэрмін пакарання ў ГУЛАГу’, **дыманосны** – ‘які нясе дым’, **запарожцаўласнік** ‘уласнік «Запарожца»’, **запісоўка** – ‘запісная кніжка’, **змяшар** ‘зямны шар’, **інфарктнік-нябога** – ‘чалавек, які атрымаў

інфаркт'; **пляжніца** – 'жанчына, якая бавіць час на пляжы'; **юбілеіць** 'адзначаць юбілеі'; **яблыкапад** – 'апад яблыкаў': *Чаго мне быць валачомнай даткловіцай Каля статкаў аднаклапатліўцаў тваіх?* (Р. Барадулін); *Хаця калі грунтоўна пакумекаць, Дык варт сказаць анкетчыку таму ж, Быў за мяжой і я у сэнсе нейкім, Быў за мяжой і я, Чаму ж, чаму ж...* (К. Камейша); *Маладыя гады... Залатыя гады... Але час не святы. Арыштанцтва, суды. І ты вораг народа, і гэты народ прад табою цяпер, як з калючкамі дрот* (В. Шніп); *– А мы, Аўдоля, Богам беражоны, От тутака сядзім, на ўскраі зоны. З'ядае радыяцыя здароўе. На вуліцы глушэча, бескароўе* (М. Мятліцкі); *Сум – нацыяналіст. Душа – касмапалітка. Радзіма – незачыненая хата. Шпачыны шчыры свет І туманкова світка Блуканцу нагадаецца зацята* (Р. Барадулін); *Быццам **бязгрыб'е** ў лесе, Па вераснёўскай сушы, без вечарынак і песень Вёска маўклівацю глушыць* (В. Зуёнак); *Міленіум, мяжа тысячагоддзяў, – Свет верыць чужым і наіўным снам... А нам яно ні кропелькі не шкодзіць – Усё, што мелі, застаецца нам: А праваслаўе, з'едзенае моллю, І нацачыстак хіжасе нутро, І мовы інішоўнае **бязмоўе** – Як антыбеларускае таўро...* (В. Зуёнак); *Вышынёю арол жыве, **Вывіастасцю** – змей пачатку* (Р. Барадулін); *Хоць спадзе з абрысаў імгла, Ды спасцігнуць ніхто не ўмее І на небе дарогі арла, На скале – **высцяжыны** змея* (Р. Барадулін); *У ГУЛАГУ на іх (бандзюг) ураджайна. А бандзюга ж – гулажніку друг* (П. Пруднікаў); *Выдых адзін – з мільярдаў губ, З соплаў ракет, З выхланных труб, З дыманосных усіх каміноў* (М. Мятліцкі); *Што вожыкаўская класіка, Калі ён сатыры леў?! Выкрываў **запарожцаўласнікаў**, Пакуль персанальнай не меў!..* (А. Лойка); *Ён ніхаў у **запісоўку** Нейкі мой пушчанскі жарт. Млела божая кароўка На лязе яго нажа* (К. Камейша); *Цяпер душа не варта ні граша, Хаця яна – то воблачка над садам, То неабдымная, нібы **зямшар*** (Р. Тармола-Мірскі); *У галалёд гляджу, як на катку Ляціць машына хуткай дапамогі. Магчыма, да **інфарктніка**-нябогі: Вісіць яшчэ ў яго на валаску апошняе зязюльчына «ку-ку»* (М. Маляўка); *Ці настаўніца, ці мантажніца – На спусцелым няўтульным пляжы Загарае адзіная **пляжніца**, Покуль прыцем нячутна ляжа. Падступае вада да берага І на міг замірае быццам, І навокал ніводнага смелага, Каб да **пляжніцы** хваляй прыбіцца* (М. Шабоўіч); *Помню, йшоў юбілей. Мы цяпер **юбілеім** зачаста...* (У. Верамейчык); *Апад ужо усчаўся жалудовы, Ужо сціхаў паўсюль **яблыкапад*** (К. Камейша);

4) выдуманая рэаліі, у тым ліку:

а) міфічных істот: **зарапас** 'той, хто пасе зоры', **касмаед** 'паядальнік касмічных аб'ектаў', **німфы-лясоўны** 'німфы, якія ўвасабляюць лес', **цыклонацыклопы** 'цыклопы, якія параджаюць цыклоны': *Што будзе на зямлі? Не будзе нас! Адступіўся ў павечнае «былое». Наш грозны век – пахмуры **зарапас** – Знямае пад касмічнаю імглою* (М. Мятліцкі); *У смутку я, У смутку ўся Еўропа, Па ўсёй зямлі Жалобы чорны след: Цыклоп, Як тую бэру, Сонца злопаў... Хіба ж не дашагуб, Не **касмаед**?.. А над зямлёй – Залеўныя цыклоны Цыклопам ва ўнісон гудуць, гнятуць. О хіжыя цыклоны і цыклопы, Калі ж вас антыродзічы змятуць?..* (М. Чарняўскі, **Цыклонацыклопы**); *Ты жывеш у суседнім Сусвеце, Дзе русалкі, дзе **німфы-лясоўны*** (М. Шабоўіч);

б) выдуманая хваробы: **вінакардыя** 'пастаянная цяга да віна', **хімадышка** 'адышка, выкліканая хімікатамі': *У забягайлаўцы зімой Максім сханіў **вінакардыю**. І з той пары згубіў спакой, І ходзіць быццам сам не свой, І ад хваробы злосна вые* (У. Верамейчык); *І помню – рукою замнога бяром, І свет – **хімадышкаю** хворы* (М. Мятліцкі);

в) фантастычныя прадметы: **болеадвод** 'прылада, якая служыць для аховы ад болю', **болесховішча** 'месца, дзе захоўваецца боль', **дзівалёт** 'казачны касмічны карабель', **квадракола** 'прадмет, які спалучае ўласцівасці квадрата і кола', **святлалёт** 'казачны касмічны карабель для палёту да святла (зорак)': *Ён сапраўды быў яснага неба, Гэта ж бывае не кожны год... Громаадводаў болей не трэба! Людзі, прыдумайце **болеадвод*** (Р. Тармола-Мірскі); *І лежбішча тут і ратовішча. Дык беражы нас Бог. А дзе ж ты маё **болесховішча**? А крыху глыбей, чым мой боль* (К. Камейша); *О, каб меўся **дзівалёт** У дзядка, што стрэціў, Паляцелі б у палёт Без аглядкі дзеці* (У. Паўлаў); *Страпянуўся **святлалёт**, Нібы бант у косах, І праз воблакаў сумёт Паляцеў у космас* (У. Паўлаў); *Як спалучыць з квадратам круг, Каб везла **квадракола** Зямной фурманкі вечны дух І мой дагмат вясёлы?..* (В. Зуёнак).

Вывады

Як паказвае фактычны матэрыял з мовы сучасных беларускіх паэтычных твораў, індывідуальна-аўтарскія неалагізмы не пазбаўлены ўласна намінатыўнай функцыі. Паэты нярэдка ўтвараюць новыя словы для назвы новай рэаліі або для перайменавання старой. Аналіз індывідуальна-аўтарскіх словаўтварэнняў дазваляе вылучыць паводле намінацыі чатыры групы індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў:

а) назвы новых рэалій, якія не маюць яшчэ намінацыі ў мове (*баба-самасёлка, палітаматар*);

б) намінацыі выдуманай асобы, прадмета, з'явы, якіх на самой справе не існуе (*дужасіт, кавярніца, нікацінства*);

в) абазначэнне рэаліі, асобы, прадмета, якія да гэтага часу абазначаліся ў мове апісальнымі канструкцыямі (*арыштаніцтва, бязгрыб'е, вывівастасць*);

г) перайменаванне рэаліі, якая мае намінацыю ў мове (калі аказіянальнае слова становіцца сінонімам узуальнага (*болеадвод, касмаед, квадракола*)).

Адзначым, што ўласна намінатыўная функцыя не з'яўляецца галоўнай і спалучаецца, як правіла, з іншымі функцыямі.

Літаратура

1. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. – 119 с.
2. Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1986. – 156 с.
3. Земская, Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
4. Миронова, Н. А. Словотворчество в произведениях поэтов-модернистов 80–90-х гг. XX в. : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Миронова ; Орловский гос. ун-т. – Орел, 2002. – 21 с.
5. Бышук, О. П. Типы и функции новообразований в творчестве С. Кржижановского : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / О. П. Бышук ; Ярославский гос. ун-т. – Ярославль, 2008. – 22 с.
6. Грищева, Е. С. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в рамках теории элокутивного поля : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Грищева ; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 19 с.

Summary

The article examines individual author's neologisms which realize proper nominative function in the texts of modern belarussian poetry. They call a) new reality, b) invented person, subject, phenomenon, c) reality which hadn't one-word denomination, d) and they are synonyms of usual word.

Паступіў у рэдакцыю 19.02.09.

ПЕРСАНАЛІІ

*К Юбилею**Егоров Николай Николаевич*

Николай Николаевич Егоров прошел большой трудовой путь от рядового учителя сельской школы до заведующего кафедрой информатики и МПИ. Всю свою жизнь, все душевные и творческие силы он посвящает благородному делу – обучению и воспитанию подрастающего поколения, подготовке высококвалифицированных кадров.

Николай Николаевич Егоров родился 19 июня 1959 года в Семипалатинской области Аягузском районе ст. Актагай.

После окончания школы в 1976 году поступил на первый курс физико-математического факультета Мозырского государственного пединститута им. Н. К. Крупской, который окончил с отличием в 1981 году и был направлен в распоряжение Пинского РОО.

В 1982 году перераспределен Министерством просвещения БССР на должность ассистента кафедры общей физики и методики преподавания физики Мозырского государственного пединститута.

В 1987 г. закончил аспирантуру при Гомельском государственном университете.

С 1989 – старший преподаватель кафедры общей физики.

В 1992 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по специальности 01-04-05 «Оптика». Тема диссертации «Селективные свойства объемных голографических решеток в гиротропных средах» (науч. рук. – проф. В. В. Шепелевич, проф. Б. В. Бокуть).

Автор более 60 научных, научно-методических, методических публикаций. Под руководством доктора физико-математических наук профессора В. В. Шепелевича неоднократно принимал участие в выполнении государственных и международных программ научных исследований.

С мая 1993 года – начальник научно-исследовательского сектора института.

С 1994 года – доцент кафедры общей физики и методики преподавания физики.

С 2000 по 2001 год проректор по научной работе.

С 26 октября 2001 года – Н. Н. Егоров является заведующим кафедрой информатики и МПИ.

Под руководством Н. Н. Егорова проведена значительная работа по совершенствованию учебного процесса, обновлению методического обеспечения, улучшению материально-технического обеспечения кафедры.

Искренне благодарим Николая Николаевича Егорова не только за грамотное и мудрое руководство кафедрой, но и за тот молодецкий задор, искрометный юмор, неиссякаемый запас оптимизма, которыми Николай Николаевич щедро одаривает всех окружающих. От всей души желаем Николаю Николаевичу здоровья, счастья, творческих успехов!

*Преподаватели кафедры информатики и МПИ
физико-математического факультета*

*К Юбилею**Кулак Владимир Мартынович*

12 июня 2009 года исполнилось 80 лет Кулаку Владимиру Мартыновичу – кандидату филологических наук, доценту кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина». Это человек непростой, но интересной судьбы. Родился на Полесье, в Петриковском районе. Его трудовая деятельность началась в тяжелые послевоенные годы. 16-летний юноша пришел на работу в судостройремонтные мастерские. Но не оставляла его мечта стать учителем. Еще до поступления в педагогический институт Владимир Мартынович работал учителем в Шестовичской 7-летней школе. По окончании Минского государственного педагогического института иностранных языков в 1959 году он продолжил педагогическую деятельность на своей родине, в Петриковском районе. Пройдя путь от учителя до директора сельской школы, В. М. Кулак зарекомендовал себя хорошим педагогом. Стремление совершенствовать свои знания привели его в 1966 году в Мозырский педагогический институт им. Н. К. Крупской.

14 лет работы старшим преподавателем кафедры иностранных языков стали фундаментом его научного роста. Изучение истоков трагедии Второй мировой войны, тяготы и лишения военного времени, его личные переживания легли в основу будущего научного исследования. Защита диссертации о деятельности и творчестве немецкого писателя-антифашиста Франца Фюмана с успехом прошла в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова, и 1 декабря 1977 года Владимиру Мартыновичу была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

География его преподавательской деятельности обширна. В период с 1980 по 1988 Владимир Мартынович работал старшим преподавателем в Криворожском госпедуниверситете, заведующим кафедрой иностранных языков в сельскохозяйственном институте им. П. Я. Погребняка в Белой Церкви.

В 1988 году судьба вновь привела В. М. Кулака в Мозырский педагогический институт, где он до сегодняшнего дня передает свои знания и опыт молодому поколению. Доцент В. М. Кулак является не только автором научных работ в области филологии и немецкой литературы, но, в первую очередь, он – пример высокого профессионализма для всех преподавателей кафедры иностранных языков. Причиной тому стало чувство педагогического такта, корректность, высокая требовательность к себе.

Свой юбилей Владимир Мартынович встречает с оптимизмом, в хорошем расположении духа и с творческими планами на будущее. Желаем Вам, уважаемый коллега, здоровья, счастья, претворения в жизнь всего задуманного!

*А. В. Повх,
заведующий кафедрой иностранных языков*

К 60-летию со дня рождения Л. А. Лисовского

Географ, педагог Леонид Альбинович Лисовский родился 15.07.1949 года в д. Грушевка Наровлянского района Гомельской области. Воспитанник Наровлянской школы-интерната, после окончания Наровлянского СПТУ (1966 г.) работал трактористом, комбайнером, водителем в колхозе. В 1968–1970 гг. проходил военную службу в Чехословакии, ГДР, Польше. После службы в рядах Советской армии работал учителем в школах Наровлянского района.

В 1976 году заочно с отличием окончил географический факультет Могилевского пединститута. Работал учителем географии в школах г. Наровли, методистом, инспектором Наровлянского района, находился на партийной работе в Наровлянском РК КПБ.

С 1983 года – ассистент. Исполнял обязанности заместителя декана по научной работе педагогического факультета. Заведовал кафедрой методики начального обучения (2002 г.) МГПУ им. И. П. Шамякина.

Первую научную работу выполнил под руководством белорусского географа и краеведа Петра Алексеевича Ляского.

В 1992 году окончил аспирантуру Российской академии образования (г. Москва) по специальности «Методика преподавания географии и природоведения». Кандидат педагогических наук с 1993 года, ученое звание доцента присвоено в 1995 году. В 2003 году заочно окончил докторантуру Национального института образования республики Беларусь (Минск).

В настоящее время преподает следующие дисциплины: землеведение, краеведение, радиационная безопасность и др. Исследует проблемы краеведения, радиационного загрязнения Полесского региона. Участник ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС.

Л. А. Лисовский имеет более 160 научных и научно-методических работ, является автором 3 монографий, программ по землеведению и краеведению для вузов Беларуси, учебных пособий, научных статей для книг серии «Память» (географическая характеристика Наровлянского, Ельского, Лельчицкого, Будо-Кошелевского, Чечерского, Светлогорского и др. районов Гомельской области).

За годы работы в университете Л. А. Лисовским изданы и внедрены в учебный процесс пособия «Землеведение и краеведение» в 2-х частях (2004), «Защита населения в чрезвычайных ситуациях. Радиационная безопасность», «Вучэбна-палявая практыка па землязнаўству і краязнаўству» (1999), «Природа родного края» (1997) и др.

Как руководитель научно-исследовательской лаборатории «Региональные эколого-географические проблемы Белорусского Полесья» в составе НИИ региональных проблем реабилитации и народной культуры Л. А. Лисовский проводит большую организационную и научную работу по разработке экологических проблем Мозырского Полесья.

Активный участник международных научных и научно-практических конференций. Выступает с докладами в университетах Брянска (Россия), Харькова (Украина), Кракова (Польша), Вильнюса (Литва) и др., является одним из организаторов проведения Международно-практической конференции «Белорусская начальная школа: проблемы и перспективы развития».

Л. А. Лисовский – действительный член географического общества (с 1976 г.), член Ученого Совета Белорусского географического общества, председатель Мозырского отделения этого общества. Участник и делегат VII–IX съездов Географического общества СССР (Фрунзе, Киев, Казань), всех съездов Белорусского Географического общества. Исследовал Тянь-Шань, Грязевые вулканы Краснодарского края, Мозырское Полесье. Награжден Географическим обществом медалями имени Н. Н. Пржевальского, Е. Н. Павловского, дипломами и грамотами.

Л. А. Лисовский ведет большую научно-методическую работу: является членом редколлегии научно-методического журнала «География: проблемы преподавания», членом Межвузовского научно-координационного совета по водным ресурсам (МГУ им. М. В. Ломоносова), членом жюри Республиканских олимпиад по географии.

Не останавливаясь на достигнутом, Л. А. Лисовский внедряет инновационные технологии обучения, достижения отечественной и зарубежной педагогической науки в учебный процесс университета. Пользуется заслуженным авторитетом среди преподавателей и студентов.

Поздравляем Леонида Альбиновича Лисовского с юбилеем, желаем крепкого здоровья, личного счастья и творческих успехов в сфере образования и науки!

*Б. А. Крук,
декан факультета дошкольного и начального образования
Р. О. Кирбай,
заместитель декана по учебной работе
факультета дошкольного и начального образования*

МДПУ ИМ. И. П. ШАМЯКІНА

БІБЛІЯГРАФІЯ

М. А. Дыгун, Л. Л. Старикова, Е. П. Дыгун, Л. В. Цалко
Практикум по психологии развития : для студентов пед. специальностей вузов

Практикум по психологии развития : для студентов пед. специальностей вузов / авт.-сост.: М. А. Дыгун [и др.] ; под общ. ред. М. А. Дыгуна. – Минск : Экоперспектива, 2008. – 152 с.

ISBN 978-985-469-255-5.

В пособии представлен материал, который можно использовать при организации и проведении практических и семинарских занятий по психологии развития посредством выполнения студентами различных учебных заданий: ответов на вопросы, анализа научных текстов, моделирования и психологического обоснования решений педагогических ситуаций, изучения психологических методов и методик, интерпретации цитат и афоризмов, выполнения заданий по контролю знаний, рефлексии.

Практикум входит в состав учебно-методического комплекса по психологии развития.

Адресуется студентам вузов, обучающимся по педагогическим специальностям, преподавателям психологии, всем, кто изучает основы общей психологии.

УДК 159.922.6(076.5)(075.8)

ББК 88.3я73

М. А. Дыгун, Л. Л. Старикова, Е. П. Дыгун, Л. В. Цалко
Рабочая тетрадь для практических занятий по психологии развития : для студентов пед. специальностей вузов

Рабочая тетрадь для практических занятий по психологии развития : для студентов пед. специальностей вузов / авт.-сост.: М. А. Дыгун [и др.] ; под общ. ред. М. А. Дыгуна. – Минск : Экоперспектива, 2008. – 132 с.

ISBN 978-985-469-254-8.

Пособие предлагается использовать вместе с «Практикумом по психологии развития для студентов педагогических специальностей вузов». Оно поможет оптимизировать работу студентов на практических занятиях по психологии развития и повысить ее эффективность. Содержит информацию о целях и задачах каждого занятия, списки рекомендуемой литературы, раздаточный материал, бланковые формы.

Адресуется студентам вузов, обучающимся по педагогическим специальностям.

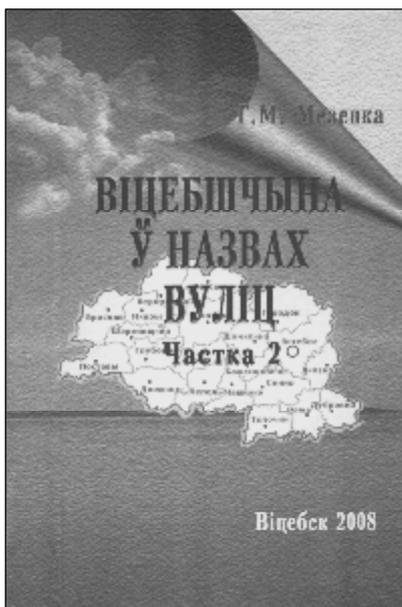
УДК 159.922.6(078)(075.8)

ББК 88.5я73

РЭЦЭНЗІЯ

Грунтоўнае даследаванне урбананіміі Беларусі

Мезенка, Г. М. *Віцебшчына ў назвах вуліц : манагр. : у 2 ч. / Г. М. Мезенка. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2008. – Ч. 1. – 363 с. ; Ч. 2. – 254 с.*

Гісторыю беларускіх паселішчаў – гарадоў, вёсак, мястэчак – нельга глыбока і ўсебакова даследаваць без авалодання самай неабходнай інфармацыяй пра урбананімію – назвы ўнутрыгарадскіх і ўнутрысельскіх аб'ектаў. Дастаткова адзначыць, што урбананімія, як і іншыя разнавіднасці анамастычных адзінак, з'яўляючыся свайго роду помнікамі духоўнай культуры народа, уваходзяць у «трывалую і аб'ектыўную сістэму гісторыка-культурных і прасторава-часавых вех жыцця паселішчаў» (М. Гарбанеўскі). А таму ў канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. у беларускай анамастыцы вельмі выразна выдзеліўся асобны напрамак – *урбананімія* – сукупнасць уласных імёнаў унутрыгарадскіх тапаграфічных аб'ектаў, існаванне якога пераканальна ўсебакова абгрунтавала прафесар А. Супяранская ў сваёй класічнай працы «Общая теория имени собственного» (М., 1973). Даняы гэтай навукі, як пераканальна паказана ў даследаваннях *М. Зелянкова, У. Ніканава, І. Чарной, А. Данілавай, Г. Бандарук, В. Жучкевіча, А. Рогалева, З. Краўчанкі, М. Гарбанеўскага, Н. Падольскай, А. Шырокава* і інш., набываюць асаблівую значнасць: самыя розныя звесткі з урбананіміі даюць магчымасць атрымаць найбольш поўнае ўяўленне не толькі пра значныя аб'екты ў мінулым унутры паселішчаў, пра іх рэльеф і тапаграфію, але таксама і пра гаспадарчае, гандлёвае, сацыяльнае жыццё, асаблівасці мясцовага кіравання і інш. Значным дасягненнем усходнеславянскай анамастыкі ў гэтым напрамку з'явіліся манаграфіі і шматлікія артыкулы прафесара Г. Мезенкі, з імем якой фактычна звязана станаўленне і ўсебаковае комплекснае апісанне урбананіміі Беларусі. Зробленае гэтай даследчыцай за апошнія дзесяцігоддзі ў беларускай анамастыцы, гаворачы словамі Янкі Брыля, «не сорамна пакласці ад імя Беларусі на міжнародны стол». У канцы 2008 года прафесар Г. Мезенка апублікавала чарговую грунтоўную манаграфію ў дзвюх частках «Віцебшчына ў назвах вуліц» агульным аб'ёмам 617 стар., у якой упершыню ў гісторыі беларускага мовазнаўства комплексна даследаваны ўнутрыгарадскія і ўнутрысельскія назвы аб'ектаў Віцебшчыны, раскрыта паходжанне і ўтварэнне шматлікіх урбананімаў і віконімаў, іх матывацыі, растлумачаны прычыны перайменавання гарадскіх і сельскіх вуліц, плошчаў і інш., якія мелі месца на працягу апошніх двух стагоддзяў. У манаграфіі засведчаны назвы ўсіх паселішчаў вобласці, дзе функцыянуе ці функцыянаваў той ці іншы урбананім, віконім, прыводзіцца поўны рэгістр гэтых адзінак з Віцебскай вобласці, што ўжываліся ў розныя часы. У гэтай сувязі варта адзначыць, што калектывам, якім яна кіруе, падрыхтавана і апублікавана яшчэ адна комплексная манаграфія, прысвечаная даследаванню анамастычных адзінак гэтага рэгіёна «Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць» (Віцебск, 2006, 238 стар.), у якой таксама ўсебакова даследуецца сучасны стан і гістарычнае фарміраванне розных формул іменавання жыхароў Віцебшчыны ў XVI–XXI стст.: праведзена апісанне мужчынскіх і жаночых уласных імёнаў, імёнаў-мянушак у розныя перыяды, размежаваны іх структура, семантычныя і лінгвагеаграфічныя асаблівасці і аспекты. Такое комплекснае апісанне анамастыкону канкрэтнага рэгіёна Рэспублікі Беларусь з'яўляецца арыгінальным, наватарскім і, безумоўна, заслугоўвае ўхвалы і падтрымкі, асабліва ўлічваючы найноўшыя сучасныя метады даследавання анімчнага матэрыялу, што выкарыстаны і рэалізаваны ў манаграфіях Г. Мезенкі і ў працах яе паслядоўнікаў. Вывучэнне урбананімаў Віцебшчыны з'яўляецца цікавым і запатрабаваным па некалькіх прычынах: гэты рэгіён паўночнага ўсходу Беларусі мяжуе з Літвой, Латвіяй і Расіяй, на працягу некалькіх стагоддзяў там адбываліся актыўныя славяна-балцкія міжмоўныя працэсы, якія адлюстраваліся і ва урбананіміі. Унікальная гэтая тэрыторыя і ў сэнсе гісторыка-культурнай спадчыны: на Віцебшчыне нарадзіліся такія вядомыя асобы, як *Е. Полацкая,*

Ф. Скарына, С. Полацкі, А. Сапуноў, М. Бахцін, М. Шагал, А. Багатыроў, В. Быкаў, П. Маішэраў, М. Лынькоў, Р. Барадулін, далёка за межамі Віцебшчыны і Беларусі вядомы *Спаса-Ефрасінеўская царква ў Полацку, Полацкі гісторыка-археалагічны запаведнік, сядзіба І. Рэпіна* ва ўрочышчы *Здраўнёва*. У гады войнаў, а іх на тэрыторыі Віцебшчыны было, мабыць, больш, чым у іншых краях, гэты рэгіён Беларусі, як сведчаць самыя розныя крыніцы, падвяргаўся самым вялікім апусташэнням. Як пісаў *Я. Рапановіч*, аўтар «Слоўніка назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці» (Мн., 1977), у гады Вялікай Айчыннай вайны там былі вынішчаны цэлыя раёны: у сакавіку 1943 г. на тэрыторыі былога Асвейскага раёна, які пасля вайны не быў адноўлены, карнікі сцерлі з зямлі 158 паселішчаў, 3450 жылых будынкаў, поўнасцю спалілі раённы цэнтр Асвея, мястэчка Кахановічы. І такіх прыкладаў даволі многа. На Віцебшчыне, як і ў іншых рэгіёнах Беларусі, паселішчаў становіцца ўсё меней. Віцебшчына – гэта унікальны ў гісторыі Беларусі край класічнай партызанскай барацьбы, дастаткова назваць імёны *М. Шмырова, У. Лабанка, П. Маішэрава*, вядомыя ўсяму свету. Страта паселішчаў, іх назваў – гэта і вынікі калектывізацыі, урбанізацыі і інш. За 46 гадоў (1930–1976 гг.), напрыклад, у Ноўкінскім сельсавеце Віцебскага раёна, як піша *Я. Рапановіч*, не стала 93, а ў Шумілінскім раёне – 503 паселішчаў. Гэта, мабыць, асноўныя прычыны змяншэння колькасці айконімаў, урбанонімаў, віконімаў, самых розных мікратапонімаў. Сабраць, сістэматызаваць, растлумачыць іх паходжанне, словаўтварэнне, прасачыць шляхі іх замен у шматлікіх выпадках, даць навуковае абгрунтаванне заменам і з’яўленню новых анамастычных адзінак – гэта, відаць, асноўная задача даследчыкаў сучаснай урбаніміі і віканіміі. Рэалізацыя пастаўленай мэты, як сведчаць структура і змест манаграфіі, вырашалася наступнымі задачамі, якія, на нашу думку, паспяхова рэалізаваны. Даследчыца з самых розных крыніц сабрала урбананімную і віканімную лексіку 21-га раёна Віцебшчыны; разгледзела фарміраванне назваў зон анімчнай прасторы, выявіла матывацыю урбанонімаў і віконімаў розных тыпаў, раскрыла паходжанне назваў унутрыградскіх і ўнутрысельскіх аб’ектаў, вызначыла прычыны іх перайменаванняў, якія адбываліся ў другой палавіне ХХ – пачатку ХХІ ст., зафіксавала страчаныя назвы ўнутрыградскіх аб’ектаў, па магчымасці прывяла найбольш поўныя зводы ўнутрыградскіх назваў мінулых часоў.

Манаграфія *Г. Мезенкі «Віцебшчына ў назвах вуліц»* у дзвюх частках наватарская ў многіх адносінах. Нават пералік тэм і параграфіў сведчыць, што даследчыца ў многім ідзе сваім самастойна абраным шляхам, па цаліку, распрацоўвае тыя аспекты беларускага анамастыкону, якія да гэтага часу былі белаі плямай анамастычнага палетка. Напрыклад, «Унутрыградскія – унутрысельскія назвы: падабенствы і адрозненні», «Унутрыградскія – унутрысельскія назвы і кангнітыўны ўзровень моўнай асобы», «Страчаныя назвы ўнутрыградскіх аб’ектаў. Былыя перайменаванні», «Урбанонімы і віконімы – асобныя разрады тапонімаў», «Асноўныя тэндэнцыі ў развіцці урбананіміі і віканіміі на мяжы стагоддзяў» і інш.

Да ўсяго сказанага вышэй варта дадаць, што арыгінальнасць і актуальнасць гэтай працы памацняецца тым, што падобныя даследаванні да апошняга часу характарызаваліся нізкай ступенню распрацаванасці праблем урбананімікі, невысокім выкарыстаннем гэтых адзінак пры вывучэнні гісторыі Беларусі і гісторыі беларускай мовы, адсутнасцю дасканалых узораў і поўных зводаў назваў ўнутрыградскіх і асабліва ўнутрысельскіх аб’ектаў.

Варта адзначыць, што *Г. Мезенка* ўпершыню ў беларускім мовазнаўстве ў гэтай манаграфіі ў асобную развіднасць урбанонімаў выдзеліла і пераканальна абгрунтавала неабходнасць аналізу ўнутрысельскіх лінейных назваў – *віконімаў*, якія да апошняга часу не былі аб’ектам даследавання. У славянскай анамастыцы пакуль адсутнічаюць работы, у якіх разглядалася б рэпрэзентацыя кангнітыўнага ўзроўню моўнай асобы скрозь прызму віканіміі – сукупнасці назваў унутрысельскіх аб’ектаў. Гэты пласт анамастычных адзінак, як пераканальна паказала даследчыца, складае асобны фрагмент агульнай моўнай карціны свету. Такія онімы адлюстроўваюць самабытныя рысы ментальнасці сельскага жыхара, стэрэатыпы ўспрыняцця і асэнсавання ім рэчаіснасці. У манаграфіі адзначана, якія адметнасці мае віканімія, у параўнанні з падобнымі ўнутрыградскімі лінейнымі і нелінейнымі анамастычнымі адзінкамі: у адрозненне ад урбананіміі, асноўным паказчыкам прэцэдэнтнасці імені для сельскага жыхара становіцца сувязь носьбіта імені з канкрэтным населеным пунктам. Складальнікамі прэцэдэнтнага віканімікону, як і урбананімікону, як устаноўлена ў працы, выступаюць чатыры кампаненты: беларускі (69,3%), былы савецкі (18,1%), рускі (11,1%), заходнееўрапейскі (1,5%). Нельга не звярнуць увагу на тое, што, у адрозненне ад беларускай урбананіміі, дзе лідзіруе рускі тэкст культуры (66%), у вікананіміі прыкметна пераважае беларускі кампанент.

Ва урбананіміі савецкага перыяду замацаваліся шматлікія антрапонімы – прозвішчы выдатных асветнікаў, паэтаў, вучоных, мастакоў, архітэктараў, артыстаў, як сведчыць праведзены

аналіз такіх імёнаў, якія найбольш ярка прадстаўляюць сусветную культуру, усяго ва ўрбананіміі Беларусі ў 90-х гадах XX ст. выкарыстоўвалася каля 1500 антрапонімаў: гэтая група назваў, даследаваная Г. Мезенка, у абласных цэнтрах прадстаўлена 154 імёнамі: 70 імёнамі пісьменнікаў; 47 – вучоных; 14 – кампазітараў; 13 – мастакоў; 7 – артыстаў. Нацыянальны кампанент у гэтай групе нешматлікі, «ва ўрбананіміконе большасці беларускіх гарадоў многа падобнага, праўда, у Мінску знайшла сваё адлюстраванне “сталічная” спецыфіка – урбананімныя комплексы больш дэталізаваныя, шырэй прадстаўлены нацыянальны кампанент».

У гэтай сувязі нельга пагадзіцца з даследчыцай, якая, правёўшы глыбокі аналіз выяўленага матэрыялу, адзначае, што ў гарадах «складальнікамі прэцэдэнтнага антрапанімікону выступаюць 4 кампаненты: рускі (66%), беларускі (20%), заходнеўрапейскі (9%), былы савецкі (5%). Нельга таксама не звярнуць увагі на тое, як сцвярджае Г. Мезенка, што ўсё ж “рускі тэкст” культуры пераважае, што гаворыць пра унікальнасць беларускай духоўнасці» (с. 25). Тое, што традыцыйна беларускі кампанент складае толькі 20% у агульным антрапаніміконе, а рускі 66% і былы савецкі 5%, хутчэй за ўсё сведчыць не пра «унікальнасць беларускай духоўнасці», а вельмі пераканальна дэманструе масавую дэнацыяналізацыю і русіфікацыю айканіміі і ўрбананіміі, якая афіцыйнымі органамі самымі рознымі сродкамі і спосабамі праводзілася ў былым СССР у 30–80-я гады XX ст. не толькі ў БССР, а і ў іншых рэгіёнах. Напрыклад, штотыднёвік «Аргументы і факты» (1989, №3) адзначае, што з 648 вуліц Мінска 333 (больш за палову) паўтараюць назвы маскоўскіх. Яшчэ адзін прыклад падобнага падыходу да беларускіх анамастычных адзінак прыводзяць у «Народнай газеце» (1994, 1 снежня) С. Крапівін і М. Сафонаў: «Калі ў 1918 г. марксіст-рамантык Канегісер пальнуў у марксіста-палача Урыцкага, то з гэтага выпадку перайменавалі сяло ў Гомельскім павеце. Але тое, што адбылося пасля стрэлу бальшавіка Нікалаева ў бальшавіка Кірава, канчаткова перайшло межы разумнага. У кожным больш значным паселішчы, дзе колькасць вуліц перавышала тры, адна з іх абавязкова атрымала імя Кірава.

Вось які пералік назваў гарадоў і раёнаў падзелены ў даведніку “СССР. Административно-территориальное деление”: Кіраў (2 гарады), Кіраваград (2), затым Кіравабад, Кіравакан і дзесяткі Кіраўскаў, Кіраўскіх – усяго 74 назвы. Сёл, вуліц – тых без ліку...

Працоўныя вёсак Мінскай вобласці, лічы, па сённяшні дзень аб’яднаны ў 11 калгасаў імя Кірава. Усіх мемарыяльных кіраўскіх назваў на беларускай зямлі не злічыць. А калгасаў імя Янкі Купалы на Міншчыне два...»

На гэтым фоне не ўспрымаецца як канцэптualaнае наступнае выказванне: «Уласцівы ўрбананіміі і віканіміі спосаб канцэптualaізацыі свету часткова універсальны, часткова нацыянальна-спецыфічны» (с. 24). Відаць, гэтае абагульненне з’яўляецца абгрунтаваным, але, як мы мяркуем, толькі не ў дачыненні да сучаснай беларускай ўрбананіміі і нават віканіміі, паколькі нацыянальна-спецыфічнай нават часткова яна не ўспрымаецца, пра што сведчаць не толькі факты, якія мы называлі, але і наступныя, пра якія будзе весціся палеміка.

Думаецца, што таксама непераканальным з’яўляецца і крытэрыі, абраны аўтарам, што факт, які рэзка адрознівае віканімію ад ўрбананіміі Беларусі, – «поўная абыякавасць сельскіх жыхароў да заходнеўрапейскай культуры» (с. 28). У якасці пацвярджэння такога аргумента адзначаецца, што ў беларускай віканіміі ёсць толькі адна вуліца, названая ў гонар Тамаша Зана – польскамоўнага паэта-рамантыка, удзельніка вызваленчага руху, дарэчы, ураджэнца вёскі Мясота сучаснага Маладзечанскага раёна. Упамінанне Тамаша Зана ў гэтым кантэксце не зусім правамернае, бо гэта быў апалячаны беларус, які пісаў па-польску, але яго творчасць, як і творчасць яго сябра Адама Міцкевіча, грунтавалася на беларускіх рэаліях і беларускім фальклору. Кастусь Цвірка пра Тамаша Зана пісаў наступнае: ён паходзіў з тыповай беларускай шляхты. Сапраўднае яго прозвішча Зань. Так гучала і прозвішча Тамаша, але ў час вучобы ў Віленскім універсітэце яго чамусьці «пацвярдзела». Дзед Тамаша Зана – таксама Тамаш – быў бурмістрам у Радашковічах. Продкі Зана па мацярынскай лініі жылі ва Уздзе. Былі яны уніятамі. А гэта адзначае, што ўсе яны ў мінулым – праваслаўныя [гл.: Цвірка Кастусь. Дарогамі Тамаша Зана // Полымя. – 1992. – № 5. – С. 163]. Не лічаць жа ў наш час, напрыклад, Святлану Алексіевіч рускай пісьменніцай, хоць большасць яе твораў напісана на рускай мове.

Фактычна любы сельскі жыхар верагодней за ўсё пры выбары крытэрыяў для называння ўнутрысельскіх аб’ектаў, відаць, арыентуецца не на заходнеўрапейскую і не на ўсходнеўрапейскую, азіяцкую ці іншую культуру, а спыніцца на той назве, якая створана калектыўным розумам і вопытам жыхароў вёскі або суседніх паселішчаў. Іншая справа, што сельскім і гарадскім жыхарам рабіліся «прапановы зверху», а таму як вынік дыктату ў беларускай віканіміі і ўрбананіміі, як пацвярджэнне да сказанага, засведчана 132 вуліцы ў гонар А. Пушкіна, 130 – у гонар М. Горкага, 68 – у гонар І. Мічуріна, 64 – у гонар М. Астроўскага і г. д. Для параўнання з беларускімі імёнамі,

засведчанымі ва ўрбананіміі, адзначым, што «структура функцыянальнага поля беларускай культуры такая»: вуліц у гонар *Я. Коласа* – 114, *Я. Купалы* – 111, *М. Багдановіча* – 14, *П. Броўкі* – 7, *І. Мележа* – 5. Спашлемся і на факты, засведчаныя ў мастацкай і навуковай літаратуры: «На Беларусі ёсць многа вуліц *К. Варашылава*, *А. Неўскага*, *М. Калініна* і г. д., а вось вуліца *Ваішчылы* ўсяго адна. Мала ў нас найменняў, звязаных з імёнамі дзеячаў старажытнай беларускай культуры, навукі, асветы: *Ф. Скарыны*, *К. Тураўскага*, *С. Полацкага*, *К. Каліноўскага*, *Ф. Багушэвіча*, *І. Дамейкі*, *Э. Пякарскага*, *М. Доўнар-Запольскага*, *В. Дуніна-Марцінкевіча* і многіх іншых. Патрыятычнае выхаванне на нацыянальных каштоўнасцях і традыцыях беларускага народа ў 30–70-я гады ў нас было зведзена да нуля, што яскрава адбілася на фактах тапанімікі. Пра гэта, напрыклад, вельмі пераканальна пісаў К. Тарасаў у нарысе “Заезная карчма”: “Вуліцы Грунвальдскай у нас няма нават у тых гарадах, якія пасылалі сваіх сыноў на бітву з тэўтонцамі. Не існуе і вуліцы *Льшчынскага*. Хіба ж мысліцель не заслужыў? А хто бачыў на дамах шылдачкі з імёнамі *Афанасія Філіповіча*, *Усяслава Чарадзея*, *Давыда Гарадзенскага*, князя *Альгерда*, *Канстанціна Астрожскага*, *Андрэя Полацкага*? Імя *Глінкі* ўшанавана ў назвах вуліц дзевяці беларускіх гарадоў, а вось *Манюшка* забыты нават у Мінску, дзе ён нарадзіўся і ствараў музыку, дзе, дарэчы, жылі ўсе пакаленні ягоных продкаў. І ўжо зусім не паддаецца разуменню, чаму імя генералісімуса, графа *Рымніцкага*, князя *Італійскага* *А. Суворова* нададзена вуліцам у 35 беларускіх гарадах і 24 мястэчках, 23 калгасах, а імя беларускага і ўсходнеславянскага першадрукара, вучонага, мысліцеля, гуманіста – толькі сямі вуліцам і аніводнаму калгасу. Між тым *Скарына* праславіў Беларусь, а *Сувораў* хадзіў па ёй з войскам, пагашаючы народныя паўстанні. Безумоўна, ён геніяльны палкаводзец, але нельга асэнсавачь такое нізкае схіленне галавы перад ваенным талентам аднаго з душыцеляў *Пугачоўскага* паўстання і ўсвядоміць, што дазваляе аддаваць забыццю ці цьмяна асвятляць выдатных дзеячаў уласнай гісторыі. Спіс такіх, мякка кажучы, недарэчнасцей можа заняць шмат старонак» (гл.: Тарасаў К. Памяць пра легенды. – Мн., 1990. – С. 191). Думаецца, што даследчыцы больш акрэслена як галоўнаму спецыялісту ў галіне беларускай ўрбананіміі, патрэбна было выявіць сваю пазіцыю да так званых «мемарыяльных» ўрбанонімаў, якія раней не з’яўляліся часткай рускай і беларускай тапаніміі, а, наадварот, для нашай культуры яны экстрасістэмныя і былі да 1917 г. адзінкавымі. Вядома, што “мемарыяльныя” ўрбанонімы (назвы вуліц), як і айконімы (назвы паселішчаў), што зацвярджаюцца афіцыйна на дзяржаўным узроўні Указами для ўшанавання і праслаўлення пэўных асоб, не з’яўляліся тыповай асаблівасцю ранейшай тапанімічнай сістэмы. Такія адзінкі былі рэдкім выключэннем сярод айконімаў і ўрбанонімаў ва ўсёй царскай Расіі. Вядомы даследчык ўрбананіміі Масквы і іншых рэгіёнаў Расіі М. Гарбаневскі сярод «мемарыяльных» да падзей 1917 г. называе толькі адзінкавыя айконімы пераважна ў гонар царскай дынастыі: *Екацярынбург*, *Екацярынадар*, *Паўлаўск*, *Нікалаеўск*, *Александропаль* і некаторыя іншыя, сярод ўрбанонімаў – метафарычныя тапанімічныя ўтварэнні, што ўзніклі ў выніку сімвалічнай трансанімізацыі: вул. *Екацярынінская*, вул. *Скобелеўская*, вул. *Нікалаеўская* і інш.

Такім чынам, вельмі тыповай, масавай і характэрнай прыкметай савецкай пары стала «звышпрадуктыўнасць трансанімізацыйнай метафары (перш за ўсё адантрапанімнай – В. Ш.) шляхам стварэння дзесяткаў тысяч мемарыяльных тапонімаў, назваў-прысвячэнняў, назваў-сімвалаў, а таксама спецыфічных спалучэнняў – пэўнага роду метафар і метаніміі (айконімы тыпу *Вароўскі*, *Дзяржынскі*, *Леніна*, *Мендзялеева*, *Нагіnsk*, *Сечанавы* і г. д.)». «Айконімы, ўрбанонімы і іншыя наватворы, што з’явіліся на карце тагачаснага СССР, а гэта дзесяткі тысяч “мемарыяльных” адзінак, якія ў сукупнасці ўдзяляюць вялізныя віртуальныя камуністычныя могілкі – ад вуліц *Карла Лібкнехта* і *Клары Цэткін* да завулкаў тыпу *Паўліка Марозавы* і тэрарыста *Сцяпана Халтурына*. Гэта і іншыя культурныя мадэлі, якія былі ўласцівы іменна савецкаму перыяду, былі даведзены да поўнага абсурду» [1].

У цэлым, як мы ўжо адзначалі, манаграфія Г. Мезенкі «Віцебшчына ў назвах вуліц» – у многіх адносінах арыгінальная і патрэбная ў беларускай анамалогіі праца, якая адкрывае перспектыву і дае магчымасць даследчыкам глыбока і ўсебакова вывучаць унутрыгарадскія і ўнутрысельскія аб’екты і іх назвы. На жаль, выдадзена яна абмежаваным тыражом (усяго 100 асобнікаў), што адразу робіць яе бібліяграфічнай рэдкасцю.

Выкарыстаная літаратура

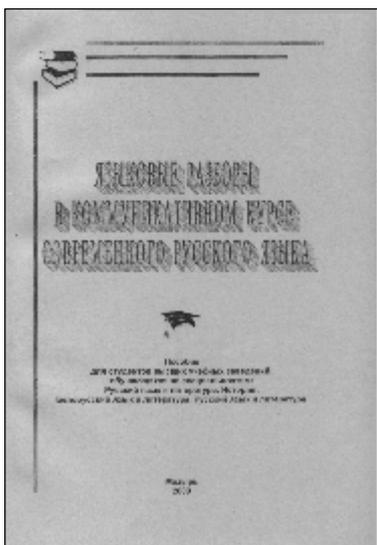
1. Горбаневский, М. В. О феномене мемориальной топонимии в России XX – XX веков / М. В. Горбаневский // Имя. Социум. Культура : материалы Байкальской Международной ономастической конф. (4–6 сент. 2008 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госун-та, 2008. – С. 4.

Рэцэнзент:

*В. В. Шур, доктар філалагічных навук,
прафесар, загадчык кафедры беларускага мовазнаўства
УА МДПУ імя І. П. Шамякіна*

Рецензия

на пособие «Языковые разборы в коммуникативном курсе современного русского языка» для студентов высших учебных заведений (авт.-сост.: Л. Н. Боженко, С. Б. Кураш, Т. Н. Липская, О. И. Ревуцкий, В. Ф. Русецкий ; под ред. Л. Н. Боженко. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – 154 с.)

Компетентностный подход, реализованный в образовательных стандартах высшего образования, предполагает формирование у выпускников вузов академических, профессиональных, социально-личностных компетенций. Требования стандарта предусматривают, что после изучения учебной дисциплины «Современный русский язык» выпускник должен уметь пользоваться лингвистической терминологией; дифференцировать основные языковые единицы; характеризовать языковые единицы с точки зрения их семантики, структуры и функции; производить фонетический анализ слова; классифицировать языковые единицы с точки зрения происхождения, активного/пассивного запаса, сферы употребления и стилиевой дифференциации; устанавливать тип фразеологизма с точки зрения семантической слитности компонентов; производить морфемный и словообразовательный анализ слов; производить морфологический анализ полнозначных и неполнозначных частей речи; производить анализ синтаксических единиц (словосочетания, простого и сложного предложений).

На решение этих задач и направлено рецензируемое пособие. Оно посвящено языковым разборам – актуальной проблеме изучения современного русского языка, не разработанной в методике преподавания высшей школы применительно к новым

языковым условиям изучения вузовской дисциплины. Реализация в нем коммуниктивно-деятельностного подхода с текстоцентризмом в качестве ведущего принципа всецело отвечает современным задачам подготовки специалистов-филологов.

Идея осуществить преемственность коммуниктивно-деятельностного и текстоцентрического подходов к изучению русского языка в школе и вузе, не ограничиваться при языковом разборе рамками структурно-семантической концепции, ориентировать студентов на создание текста научного стиля как результата языкового разбора представляется исключительно плодотворной, эффективной и чрезвычайно актуальной.

Пособие включает в себя разбор текста как высшей речевой и языковой коммуникативной единицы и смежные с ним стилистический, пунктуационный и синтаксический разборы различных типов высказываний как единиц текста. Следуя логике образования синтаксических единиц, список разборов завершает синтаксический разбор словосочетания как единицы докоммуникативного уровня.

Особо следует отметить четкую композицию пособия, стройное и логичное структурирование учебного материала.

Описание разбора каждой синтаксической единицы (от текста до словосочетания) сопровождается лингвометодическим комментарием, в котором рассматриваются наиболее сложные и спорные вопросы анализа и предлагаются пути их конкретного решения, списком ключевых слов, необходимых для построения собственного высказывания, схемой разбора и образцами анализа. Такая структура подачи материала позволит студентам систематизировать полученные в соответствующих разделах учебного курса «Современный русский язык» и в смежных лингвистических дисциплинах знания, акцентировать внимание на проблемных моментах, организовать внеаудиторную самостоятельную работу, развивать собственную профессиональную речь.

В пособие включен список цитированной и рекомендованной литературы по синтаксису, стилистике и пунктуации современного русского языка.

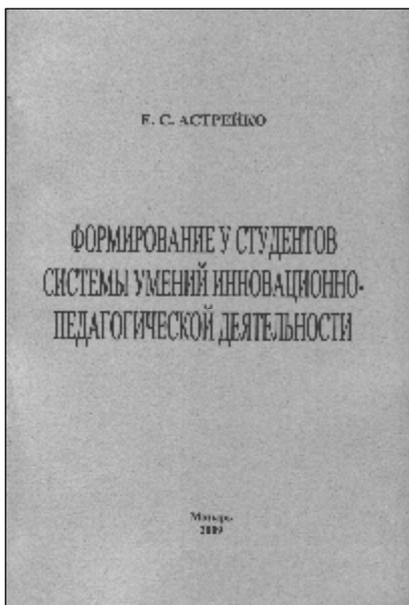
Пособие, адресованное студентам филологического факультета, может быть использовано студентами других факультетов и специальностей, изучающими русский язык как учебную дисциплину, а также преподавателями высшей школы при изучении теории текста, синтаксиса, пунктуации и стилистики современного русского языка и методики его преподавания и учителями общеобразовательных школ.

Рецензент

*Е. Е. Долбик, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка БГУ,*

заместитель главного редактора журнала «Русский язык и литература»

Рецензия на монографию Е. С. Астрейко
«Формирование у студентов системы умений инновационно-педагогической деятельности»
(Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009. – 267 с.)

Актуальность темы исследования, представленного в монографии Е. С. Астрейко, связана с социальным заказом общества на формирование творческой личности, владеющей не только определенными знаниями и умениями, но и способной ориентироваться в постоянно изменяющемся потоке информации, принимать ответственные решения в ситуации выбора, осуществлять педагогический поиск, создавать и реализовывать дидактические нововведения. Для подготовки таких специалистов необходимо формировать у них систему инновационных умений.

Несмотря на выполненные ранее исследования, посвященные проблеме формирования гностических, информационных, исследовательских, творческих и проектировочных умений у будущих педагогов, проблема формирования системы умений инновационно-педагогической деятельности у студентов не являлась предметом специального исследования.

Научная новизна и значимость полученных результатов заключается в определении дидактической сущности инновационных умений педагога; в разработке системы инновационных умений будущих педагогов, концептуальных оснований процесса формирования данных умений, поэтапной методики, изоморфно отражающей инновационный цикл; в создании комплекса специальных дидактических средств, обеспечивающего формирование системы

инновационных умений у будущих педагогов, а также в дополнении экспертной системы «Иноватор» новыми данными о развитии инновационной системы в сфере обучения учащихся физике и математике.

Под инновационными умениями автор понимает владение субъектом способами инновационно-педагогической деятельности, которые характеризуются осознанностью, обобщенностью, иерархичностью, возможностью их творческого переноса в процессе решения инновационных проблем в сфере обучения.

Вместе с тем очень ценным с научно-методической точки зрения является выделение инновационных умений на макро- и микроуровнях. На макроуровне выделены умения познавательной, преобразовательной, управленческой, оценочной сфер инновационной деятельности, а также метаинновационное умение осуществления целостной инновационной деятельности; на микроуровне – поисковое, аналитическое, модельное, конструктивное, программное, экспериментальное, рефлексивное, информационное умения.

В качестве источников разработки концептуальных оснований процесса формирования системы инновационных умений у будущих педагогов методически грамотно использованы ассоциативно-рефлекторная концепция, теории учебной деятельности, поэтапного формирования умственных действий, проблемного и эвристического обучения, а также культурно-праксиологическая концепция специальной инновационной подготовки специалистов гуманитарной сферы.

Определённые Е. С. Астрейко концептуальные основания позволили разработать методику формирования системы инновационных умений у будущих педагогов, генетическим ядром которой явилась стратегия решения инновационных проблем. На основании инновационной стратегии разработана общая эвристика. Отдельное указание общей эвристики явилось основой для создания частных и конкретных эвристик, которые ориентированы на формулирование инновационной проблемы, выдвижение инновационного предложения, составление плана решения инновационной проблемы и т. д.

В результате педагогического эксперимента автор монографии выявил положительное влияние разработанной методики на уровень сформированности системы инновационных умений у будущих педагогов; определил, что разработанная методика формирования системы инновационных умений у будущих педагогов обеспечивает перевод студентов на более высокие уровни (базовый, нормативный, генеративный), т. е. позволяет управлять данным процессом; успешнее формируются программное, экспериментальное и рефлексивное умения инновационной деятельности.

Материалы монографии представляют несомненный интерес для работников сферы профессионально-педагогического образования.

Рецензент

*И. И. Цыркун, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики УО «БГПУ им. Максима Танка»*

ХРОНІКА

В университете открыт Центр русистики

Мозырский педагогический университет стал четвертым белорусским вузом, где при поддержке Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь был создан научно-методический Центр русистики.

В его торжественном открытии, состоявшемся 22 апреля 2009 года, приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Беларусь А. А. Суриков, советник Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь А. С. Ломакин, Председатель Гомельского областного совета депутатов В. С. Селицкий, Председатель Мозырского районного исполнительного комитета А. В. Лис, заместитель генерального директора ЧУП «Запад-Транснефтепродукт» А. И. Лужков, ректор университета профессор В. В. Валетов.

Деятельность Центра направлена на повышение качества научного, образовательного и воспитательного процессов, связанных с преподаванием и исследованием русской филологии в университете.

Центр работает в творческом контакте с государственными и общественными организациями, деятельность которых направлена на сохранение и приумножение традиций изучения русского языка, литературы и культуры, на поддержание и расширение социально-экономических, научно-образовательных и культурных связей между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

Основными целями и задачами Центра русистики являются:

– объединение творческих сил профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, студентов, работников общеобразовательных учебных заведений с целью совершенствования преподавания русского языка и литературы, проведения научных исследований по русской филологии, поиска наиболее эффективных форм, методов и технологий обучения русской словесности;

– организация и проведение конференций, семинаров, «круглых столов», мастер-классов (в том числе совместных с образовательными и научными организациями Российской Федерации) по актуальным проблемам преподавания русской словесности;

– разработка оригинальных вузовских и школьных программ, методик, новых эффективных педагогических технологий обучения русской словесности в условиях близкородственного двуязычия, а также русскому языку как иностранному, их экспериментальное апробирование и внедрение;

– создание методических пособий, материалов, сборников научных статей и рекомендаций в помощь учителям-русистам;

– оказание методической и консультативной помощи школам и районным органам образования, творческим группам и отдельным учителям-словесникам;

– расширение контактов с учеными и педагогами Российской Федерации;

– организация стажировок аспирантов и преподавателей-русистов в ведущих научно-учебных центрах Российской Федерации, проведение студенческого и магистрантского обмена;

– создание, изучение, обобщение и распространение передового педагогического опыта русистики в образовательных учреждениях Беларуси и других стран, включение его в содержание программ подготовки будущих учителей;

– стимулирование творческой инновационной деятельности учителей-практиков, преподавателей вузов, научных сотрудников, работающих в области русской филологии;

– организация деятельности кружков, творческих коллективов, проблемных групп по актуальным направлениям филологической русистики;

– содействие привлечению иностранных граждан для обучения русскому языку, расширению их контингента.

Все это дает основание надеяться на выведение преподавания русского языка и литературы на качественно более высокий уровень, отвечающий современным требованиям, предъявляемым к образовательному процессу в высшей школе. Не вызывает сомнений и то, что белорусско-российский вектор в международной образовательной и учебно-воспитательной деятельности Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, безусловно, правильно выбранный приоритет, способствующий дальнейшему совершенствованию инфраструктуры университета, его вхождению в единое образовательное пространство, участию в реализации основных направлений государственной политики в области образования, науки и культуры.

*С. Б. Кураш,
заведующий кафедрой русского языка,
научный руководитель Центра русистики*

«От идеи – к инновации»

Под таким названием 23 апреля в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина прошла уже ставшая традиционной XVI студенческая конференция

Важнейшим направлением государственной молодежной политики является развитие различных форм научно-исследовательской деятельности студентов, формирование инновационной активности одаренных студентов, оказание помощи одаренной молодежи в творческом росте и «карьерном продвижении».

Республиканская студенческая научно-практическая конференция, проводимая в Мозыре, является значимым событием как для студентов УО МГПУ им. И. П. Шамякина, активно участвующих в научно-исследовательской работе, так и для студентов других высших учебных заведений Республики Беларусь. Это мероприятие позволяет поддерживать высокий уровень молодежных научных работ, информировать общественность о научных достижениях молодых исследователей и является своеобразным «трамплином» в будущей научно-исследовательской деятельности молодежи.

Более 600 студентов и магистрантов приняли участие в работе конференции. Наряду со студентами УО МГПУ имени И. П. Шамякина с докладами выступили представители ведущих вузов Республики Беларусь: БГУ, БНТУ, УО «БГПУ им. М. Танка», УО «МГУ им. А. А. Кулешова», УО «БарГУ», УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», УО «ВГУ им. П. М. Машерова», УО «ГГУ им. Ф. Скорины», УО «ГГТУ им. П. О. Сухого» и др.

Программа конференции была интересной и насыщенной. С приветственным словом к участникам обратился ректор университета, доктор биологических наук, профессор В. В. Валетов.

Выступающие рассказали о формах и методах инновационной организации научной деятельности одаренных студентов, о формировании творческого и интеллектуального потенциала молодежи. Почетными грамотами были награждены победители республиканского конкурса научных работ студентов вузов Республики Беларусь.

Отмечался общий высокий научный уровень докладов, грамотная постановка исследовательских проблем, значительная самостоятельность поисковой и творческой деятельности. Состоялись научные дискуссии, в ходе которых участники конференции смогли обменяться своими мнениями. Лучшие научные доклады были отмечены дипломами конференции.

Экскурсия по городу с посещением Мозырского замка и Свято-Михайловского собора позволила участникам конференции оценить красоту весеннего города, увидеть живописную природу Мозырщины.

Текст. Язык. Человек
(V Международная конференция)

21–22 мая состоялась работа международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», которая стала для университета традиционной и была проведена уже в пятый раз. По ее итогам можно констатировать, что научный текстологический форум в Мозыре прочно обозначил свои позиции в кругу значимых научных встреч, проводимых в нашей стране: он привлек внимание многочисленных исследователей, многие из которых стали постоянными участниками конференции по проблемам текста в Мозыре.

На участие в конференции оргкомитетом принято свыше **300 заявок** от представителей вузов и научных учреждений **13 государств мира**. **Республику Беларусь** представили на конференции ученые из Минска, Гомеля, Могилева, Бреста, Гродно, Витебска, Баранович, Бобруйска, Горок, Мозыря. **Российская Федерация** на этот раз была представлена докладчиками из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Брянска, Смоленска, Томска, Белгорода, Оренбурга, Казани, Стерлитамака, Твери, Ставрополя, Первоуральска, Самары, Коломны, Мичуринска, Липецка, Сыктывкара, Орла, Тольятти, Кузнецка. **Украину** представляли ученые из Киева, Нежина, Одессы, Сум, Луганска, Луцка, Горловки. Были также приняты доклады исследователей из **Германии** (Берлин, Гейдельберг), **Болгарии** (Шумен), **Польши** (Седльце), **Китая** (Пекин), **США** (Нью-Йорк), **Литвы** (Вильнюс), **Азербайджана** (Баку), **Армении** (Ереван), **Казахстана** (Алматы), **Узбекистана** (Андижан).

В число участников конференции вошли более **30 докторов наук**, профессоров, а также кандидаты наук, доценты, аспиранты, магистранты, студенты, учителя-практики, представители журналистики и издательского дела. Особо отметим тех гостей конференции, которые остаются верными ей уже в пятый раз: это к. ф. н. **В. К. Щербин** (г. Минск) и к. ф. н. **С. М. Антонова** (г. Гродно).

Не в первый раз в конференции приняли участие к. п. н. **Я. К. Алхасов** (г. Баку), д. ф. н. **А. М. Амагов** (г. Белгород), д. ф. н. **А. Н. Андреев** (г. Минск), д. ф. н. **Л. В. Бублейник** (г. Луцк), д. ф. н. **В. И. Коваль** (г. Гомель), д. ф. н. **О. А. Лещинская** (г. Гомель), д. ф. н. **В. И. Макаров** (г. Брянск), д. ф. н. **В. А. Маслова** (г. Витебск), д. ф. н. **А. В. Никитевич** (г. Гродно), д. ф. н. **В. И. Сенкевич** (г. Брест), д. ф. н. **А. А. Станкевич** (г. Гомель), д. ф. н. **В. Д. Стариченок** (г. Минск) и другие известные ученые с докладами, раскрывающими различные грани такого сложного и неоднозначного феномена, как ТЕКСТ.

Конференция проводилась под эгидой созданного в сентябре 2008 года **Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка и литературы** (БООПРЯЛ), призванного выполнять координирующую роль в осуществлении образовательной, научной и воспитательной деятельности посредством и в отношении русского слова в Республике Беларусь.

Участники конференции ставили своей целью обсудить проблему координации научных исследований в области текста, коммуникативной лингвистики и лингвопрагматики, культуры речи, риторики, методики преподавания языков и литератур. Особое внимание на конференции было уделено вопросам функционирования и преподавания русского языка в Республике Беларусь, России, а также в других странах СНГ и мира.

В рамках работы конференции состоялось пленарное заседание, на котором выступили с докладами доктор филологических наук, профессор **А. М. Амагов** (Белгород, Россия) – «Язык как динамическая система: хаос, бифуркации и самоорганизация», **В. И. Сенкевич** (Седльце, Польша) – «Текст как продукт речевого предприятия», **В. А. Лукин** (Орел, Россия) – «Проблема определения не-текста», **А. Н. Андреев** (Минск, Беларусь) – «Психологизм в литературе:

несколько принципиальных штрихов», В. А. Маслова (Витебск, Беларусь) – «Статус лингвокультурологии и лингвокультурологический анализ поэзии», В. И. Макаров (Брянск, Россия) – «А. А. Шахматов и белорусская филология»; заседания круглых столов с участием ведущих исследователей и педагогов Белоруссии, России, Украины, Польши, Казахстана; секционные заседания по широкому кругу текстологических проблем в аспекте лингвистики, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин в вузе и школе.

Участникам конференции была предложена культурная программа, включившая обзорную экскурсию по городу и посещение горно-лыжного спортивно-оздоровительного комплекса «Мозырь».

По итогам работы конференции издан сборник научных трудов «Текст. Язык. Человек» (в 2 частях). Оргкомитет конференции рассчитывает на то, что ее итогом может стать выработка общей программы научной и педагогической деятельности, направленной на совершенствование речевой культуры общества, на разработку конкретных рекомендаций по оздоровлению речевой ситуации.

*С. Б. Кураш,
председатель оргкомитета,
заведующий кафедрой русского языка*

АЎТАРЫ НУМАРА

- Булко Николай Иванович кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий лабораторией проблем почвоведения и реабилитации антропогенно нарушенных лесных земель ГНУ «Институт леса» НАН Беларуси
- Шабалева Марина Александровна кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории проблем почвоведения и реабилитации антропогенно нарушенных лесных земель ГНУ «Институт леса» НАН Беларуси
- Козлов Николай Константинович научный сотрудник лаборатории проблем почвоведения и реабилитации антропогенно нарушенных лесных земель ГНУ «Институт леса» НАН Беларуси
- Голубев Александр Петрович доктор биологических наук, профессор кафедры биологии человека и экологии УО «МГЭУ им. А. Д. Сахарова»
- Сикорский Валерий Геннадиевич заведующий кафедрой биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
- Калинин Виктор Николаевич научный сотрудник лаборатории радиохимии и спектроскопии Полесского государственного радиационно-экологического заповедника
- Раздорских Андрей Владимирович научный сотрудник отдела радиационно-экологического мониторинга Полесского государственного радиационно-экологического заповедника
- Мотузко Николай Степанович кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой нормальной и патологической физиологии УО «ВГАВМ»
- Маковский Евгений Геннадьевич ассистент кафедры нормальной и патологической физиологии УО «ВГАВМ»
- Воробьев Александр Александрович кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой восточнославянской и российской истории УО «МГУ им. А. А. Кулешова»
- Головач Елена Ивановна аспирант кафедры истории и культуры Беларуси УО «МГУ им. А. А. Кулешова». Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, ректор УО «МГУ им. А. А. Кулешова» К. М. Бондаренко
- Корзун Михаил Семёнович доктор исторических наук, профессор, преподаватель кафедры истории Древнего мира и Средних веков БГУ
- Сычѳв Михаил Викторович студент V курса исторического факультета БГУ (специализирующийся на кафедре истории Древнего мира и Средних веков). Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, преподаватель кафедры истории Древнего мира и Средних веков БГУ
- Литвинов Павел Александрович ассистент кафедры управления туризмом УО «БГЭУ»

Мигун Дмитрий Адамович	кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси ГУО «РИВШ»
Савченко Наталья Михайловна	преподаватель кафедры английского, общего и славянского языкознания УО «МогГУ им. А. А. Кулешова»
Смирнова Елена Дмитриевна	кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков БГУ
Болбас Валерий Сергеевич	кандидат педагогических наук, доцент, первый проректор УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Горовой Вячеслав Александрович	преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Гуцко Ирина Николаевна	старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Дыгун Михаил Александрович	кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Цалко Людмила Васильевна	ассистент кафедры психологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Зборовская Татьяна Юрьевна	ассистент кафедры педагогики начального обучения УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Качалко Александр Валентинович	аспирант кафедры общей и детской психологии УО «БГПУ им. Максима Танка». Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор УО «БГПУ им. Максима Танка» Л. А. Кандыбович
Кошман Михаил Григорьевич	кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры ТимФК УО «ГГУ им. Франциска Скорины»
Красовская Лада Владимировна	ассистент кафедры технологии и декоративно-прикладного искусства УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Пучынская Тацияна Міхайлаўна	кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры філалогіі і методыкі выкладання УА «БарДУ»
Щур Сергей Николаевич	кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и социальным вопросам УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Астрейко Елена Сергеевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей физики и методики преподавания физики УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Булгакова Анна Александровна	аспирант кафедры русской и зарубежной литературы УО «ГрГУ им. Янки Купалы». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор УО «ГрГУ им. Янки Купалы» Т. Е. Автухович
Каропа Ирина Геннадьевна	аспирант кафедры белорусской литературы УО «ГГУ им. Франциска Скорины». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусской литературы УО «ГГУ им. Франциска Скорины» И. Ф. Штейнер

Климуть Ярослав Иванович	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского, общего и славянского языкознания УО «МГУ им. А. А. Кулешова»
Чесноков Николай Григорьевич	кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии УО «МГУ им. А. А. Кулешова»
Лебедевская Татьяна Васильевна	аспирант кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций УО «БГПУ им. Максима Танка». Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций УО «БГПУ им. Максима Танка» Ю. А. Гурская
Лиденкова Ольга Александровна	аспирант кафедры белорусской литературы УО «ГГУ им. Франциска Скорины». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусской литературы УО «ГГУ им. Франциска Скорины» И. Ф. Штейнер
Мацюшэнка Марына Вячаславаўна	аспірант кафедры беларускай мовы УА МДПУ імя І. П. Шамякіна. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры філалогіі і метадыкі выкладання УА «БарДУ» А. В. Солахаў
Сидорец Виталий Степанович	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Цеплякова Альбіна Дзмітрыеўна	аспірантка кафедры беларускай мовы УА «МДУ імя А. А. Куляшова». Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства УА «МагДУ імя А. А. Куляшова» Я. Я. Іваноў
Яраш Ірына Міхайлаўна	аспірант кафедры беларускай мовы УА МДПУ імя І. П. Шамякіна. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры філалогіі і метадыкі выкладання УА «БарДУ» А. В. Солахаў

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: 247760 Гомельская обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе Word 97, 2000, 2003 for Windows); шрифт Times New Roman, 14 pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов).

4. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов печатается название статьи, которое должно быть кратким, определять область проведенного исследования, отражать его цель и соответствовать содержанию.

5. Ниже через один интервал печатается аннотация (до 10 строк) на русском (белорусском) языке, которая должна ясно излагать содержание статьи; далее через 1 интервал после абзачного отступа печатается текст статьи, имеющий следующую структуру: *введение; результаты исследования и их обсуждение*, включающие при необходимости графики и другой иллюстративный материал; четко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются жирным шрифтом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.

8. К статье прилагаются:

а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, для аспирантов – сведения о научном руководителе);

б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения образования (выписка из протокола заседания);

в) заверенная печатью рецензия специалиста в данной области, имеющего ученую степень;

г) резюме на английском языке;

д) перечень принятых в статье обозначений и сокращений;

е) электронный вариант статьи на дискете 3,5" (CD-RW, DVD и т. д.).

9. Список цитированных источников представляется по правилам оформления библиографического списка диссертаций.

Например:

1. Котаў, А. І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А. І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 168 с.

2. Шакун, Н. С. Кірыла-Мяфодзіеўская традыцыя на Тураўшчыне (да праблемы лакальных тыпаў старажытна-славянскай мовы) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.03 / Н. С. Шакун ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2005. – 16 с.

3. Бандаровіч, В. У. Дзеясловы і іх дэрываты ў старабеларускай музычнай лексіцы / В. У. Бандаровіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2004. – № 2. – С. 49–54.

4. Козулько, Г. Беловежская пуца должна стать мировым наследием / Г. Козулько // Беловежская пуца – XXI век [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://bp21.org.by/ru/art/a041031.html>. – Дата доступа : 02.02.2006.

5. Инвентарное описание Несвижского замка князя Л. Радзивилла // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 694. – Оп. 1. – Д. 109 : в 2 ч. – Ч. 1. – 12 л.

Список располагается в конце текста под заголовком «Литература».

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки после порядкового номера ссылки, через запятую, без употребления *с.* или *стр.*, цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведенной цитаты (например: [3, 14], [5, 10–11]).

Подробнее о требованиях к оформлению научной статьи см.: ИНСТРУКЦИЯ по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. УТВ. Постановление президиума государственного Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь 24.12.1997 № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 № 2).

11. Одним из основных условий опубликования работы является *независимая* экспертиза поступающих рукописей, которую проводит редакционная коллегия издания. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то при повторном рассмотрении редколлегией датой поступления считается день поступления в редакцию исправленного варианта.

Редакция также оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, подготовленные ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Редколлегия

E-mail: vesnik_mgpu@mail.ru

Тел.: 8(02351) 2-46-29